

СТРАНА БЕСПРЕДЕЛЬНОЙ СКОРБИ

(Камчатка на рубеже веков)

Написано в 1996—1997 гг., в канун празднования трёхсотлетия присоединения Камчатки к России. Извлекая из-под сукна и со всем уважением предлагаю вниманию читателя, подвергнув небольшим правкам, не изменяя сути, не изменяя тому ощущению рубежа веков, которое и побудило меня всё это написать пятнадцать лет назад.

От автора

*На Камчатке можно прожить семь лет,
что ни сделаешь, а семь де лет прожить,
кому Бог велит.*

Камчатская поговорка XVIII в.

Ровно сто лет назад, в 1897 г., как и сейчас, Камчатка находилась в центре всеобщего внимания по случаю двухсотлетнего юбилея своего присоединения к Российской Империи. Жители принимали поздравления властей. Приамурский генерал-губернатор С. М. Духовской, оставив временно прочие дела, прибыл в Петропавловск и чествовал тех, кто помнил ещё события 1854 г. Учёные корпели над составлением естественно-исторических описаний полуострова, а в далеких российских столицах торгово-промышленные и финансовые круги спешили утвердить «кстати разработанный» устав «Камчатского торгово-промышленного общества».

Но уже в 1907 г., то есть спустя всего десять лет, российское правительство, проигравшее русско-японскую войну 1904—1905 гг., подписало с Японией рыболовную конвенцию, означавшую на деле согласие на экономическое закабаление японцами камчатского населения. Того самого населения, что в годы войны успешно противостояло японскому вторжению и проявило при этом столько неподдельного патриотизма, столько мужества, что его с лихвой хватило бы на всю действующую армию, воюй та на родной, российской, а не на китайской земле.

Как же случилось, что камчадалы, отстоявшие в трудную годину свою землю от посягательств японцев, были отданы собственным правительством в кабалу «победителям»? Ответ на этот вопрос

сокрыт не так глубоко, как кажется на первый взгляд. Всё проще чем кажется, если смотреть на камчатскую историю трезво, не заикливаясь на ура-патриотических настроениях, которые охватывают наш край в периоды разного рода юбилеев.

Начиная с XVIII в., российское правительство относилось к Камчатке как к источнику пополнения казны. Поначалу это был исключительно ясак, которым обложили туземное население. Затем, помимо ясака, в казну потекли меха, поступавшие от русских промышленников с Командорских, Алеутских и Курильских островов в виде так называемой «десятинной пошлины». А что же получала Камчатка взамен, кроме начальников-самодуров и паразитов в подавляющем своем большинстве, кроме «де факто» статуса зоны, где можно грабить безнаказанно и ясачное население, и российских верноподданных? Да практически ничего, что не вызывалось бы с интересами имперской казны.

Да, правительство посылало в наши края ряд важных экспедиций, финансировавшихся за казённый счёт: Беринга, Гвоздёва — Фёдорова, Беринга — Чирикова, Креницина — Левашова, Биллингса — Сарычева и некоторые другие. И да, эти экспедиции привели к ряду важных, часто великих, географических открытий, потому мы и чтим память тех, кто в них участвовал. Но нет, это не было направленным развитием камчатской экономики. Все эти экспедиции использовали Камчатку лишь как базу, как трамплин для достижения новых заокеанских территорий и обнажали суть российских имперских устремлений.

Принцип «не останавливаться на достигнутом», которому осознанно, нет ли, была подчинена вся российская колониальная политика, применительно к Камчатке работал в полной мере. На Камчатке не остановились, её переступили и двинулись дальше. Сейчас нет нужды выяснять «плохо» это было или «хорошо». Так было. Иное было время, иные люди, иные нравы. Иными были ценностные ориентации россиян XVIII в.

«И наша достигнет в Америку держава», — мечтал тогда великий учёный, мыслитель и поэт М. В. Ломоносов, и держава достигнула...

В XIX в., после перемещения центра зверопромышленной деятельности в американские владения Российско-американской компании (РАК), о Камчатке, об укоренившемся здесь русском населении, равно как и об аборигенах, успевших сполна вкушать «прелести» цивилизации, правительство предпочитало не вспоминать. А если и вспоминало, то в минуты опасности и очень ненадолго.

Ничему не научили политиков и камчатские события Крымской войны. В 1854 г. Петропавловский порт, этот очень лакомый кусочек Российской Империи, соблазнявший английских и французских союзников Турции, оказался неприятелю не по зубам исключительно благодаря мужеству его защитников — военных моряков, добровольцев и казаков. Тогда героев не обошли наградами, но сам порт был фактически брошен на произвол судьбы («эвакуирован») уже в 1855 г. И это притом, что Авачинская губа не перестала быть лучшей в мире, а пушнина в крае ещё имелась в немалом количестве.

После «эвакуации» Петропавловского порта и образования в 1856 г. Приморской области с центром в Николаевске, Камчатский полуостров в качестве одного из округов, названного Петропавловским, вошел в её состав. С этого времени и вплоть до начала двадцатого столетия Камчатка неуклонно, год за годом, превращалась в «забытую окраину России». Здесь десятилетиями не показывалось высокое начальство, не развивалась промышленность, не работал на развитие края торговый капитал, а капитал банковский вообще отсутствовал как таковой.

Более того, не укреплялась обороноспособность. Из официального отчёта петропавловского окружного начальника Н. И. Волкова за 1873 г.: «Число войск. В округе находится казаков двадцать два. Безсрочноотпускных один. Отставных чинов тридцать пять. Солдатских и казачьих жён и дочерей сто тридцать девять. Солдатских и казачьих сыновей и кантонистов шестьдесят два. Всего двести пятьдесят девять. В городе Петропавловске регулярных войск — (прочерк, нет. — А. Г.). Иррегулярных казаков тридцать шесть. Безсрочноотпускных четырнадцать. Отставных нижних чинов девятнадцать. Солдатских, казачьих жен и дочерей пятьдесят восемь. Солдатских, казачьих сыновей и кантонистов тридцать три. Итого сто шестьдесят, а всего в городе и округе четыреста девятнадцать». В сводке о численности населения по сословиям Н. И. Волков упомянул также и «регулярных войск матросов» восемь человек, но всякому читателю ясно, что войск на Камчатке в последней четверти девятнадцатого столетия фактически не было.

В таких вот условиях, в забвении, стирались и без того прозрачные сословные и этнические границы между камчадалами (обрусевшими ещё в XVIII — начале XIX вв. ительменами) и русскими старожилами Камчатки.

Конечно, нет ничего противоестественного в том, что аборигены края приобщались к индустриальной культуре, а пришлое

русское население приспосабливалось к местным условиям и перенимало отдельные черты традиционного камчадалского быта. Но ведь речь-то идёт уже о XIX, а не о XVIII в.! В это время российское общество интенсивно развивалось, население же Камчатки находилось в почти полной от него изоляции.

«Одичание» русских старожилов Камчатки дошло до того, что когда в 1865 г. на полуостров прибыл американский телеграфист Джордж Кенан, в русском (!) крестьянском селении Мильково местные жители приняли его за *Государя Императора* потому только, что Кенан носил форменный мундир и представлялся *оператором* телеграфной компании.

Численность населения по причине высокой смертности росла крайне медленно. По данным уже упоминавшегося исправника Н. И. Волкова, в 1873 г. на территории вверенного ему округа (включая Петропавловск) проживало всего 6 125 человек. Из них самым многочисленным сословием были так называемые «сибирские инородцы» — камчадалы, коряки, ламуты (эвены) — 4 002 человек. За инородцами следовали «государственные крестьяне всех наименований» — 1 028, лица военных сословий (о них говорилось выше), лица гражданских сословий (потомственные горожане — шесть, купцы с семьями — двадцать восемь, мещане податные — двести девятнадцать), белое духовенство — сто восемьдесят один, потомственные и личные дворяне — пять и восемь соответственно, лица «прочих» сословий — двадцать четыре человека.

Практически неизменной оставалась эта картина в течение последующих трёх десятилетий, до поры, когда на Камчатке стали появляться новые переселенцы из материковой России. Тогда, в 1909 г., правительство, всерьёз озабоченное усилением иностранного влияния, главным образом японского, пошло, наконец, на образование Камчатской области в составе Приамурского генерал-губернаторства, и во вновь образованную Камчатскую область вошли прежние уезды Приморской области: Петропавловский, Охотский, Гижигинский, Анадырский и Командорских островов. Впрочем, эта мера могла поспособствовать лишь упрощению административно-бюрократических сношений, ведь она была предпринята уже после подписания русско-японской рыболовной конвенции 1907 г., в преддверии Первой мировой войны и последовавших за ней переворотов 1917 г. Камчатка вместе со всей Россией уже стояла на краю пропасти и неотвратимо в неё сползала.

Продажа владений РАК Северо-Американским Соединенным Штатам в 1867 г. и передача Курильских островов Японии в 1875 г.

превратили Камчатку в пограничную территорию, поставили её население в весьма щекотливое положение. Ведь новые государственные границы САСШ и Японии оказались очень близки к нашему полуострову, абсолютно беспомощному в военном отношении. Притом, что в наших территориальных водах, а ещё в большей степени в японских водах у Курильских островов образовался и почти беспрепятственно орудовал целый флот английских, американских и прочих браконьеров, грабивший природные ресурсы пока ещё мирно соседствовавших (несмотря на инцидент начала XIX в.) Японии и России. Пиратский флот хозяйничал, не взирая на государственную принадлежность обворовываемых территорий.

Поскольку в 1870—1880-х гг. главным объектом браконьерского промысла был курильский калан, то браконьеры, «исключительные космополиты» по меткому определению американского историка Д. Стефана, в это время были головной болью, главным образом, для японского правительства. Хотя, безусловно, они немало досаждали и россиянам.

Но скоро, в 1890-х гг., положение изменилось. Охота на каланов, по свидетельству капитана Г. Д. Сноу, занятие весьма опасное, к этому времени утратила смысл. При ведении промысла по методу так называемого «фатального треугольника» гибли нередко и сами промышленники. Ещё больше погибало этих рискованных парней в морской пучине.

Немного цифр. Из пятидесяти двух пиратских судов, промышлявших зверя в 1875—1895 гг., тринадцать пропали без вести, семнадцать потерпели кораблекрушения с человеческими жертвами, пять были захвачены русскими. Четырнадцать пиратским судам довелось покинуть тихо-мирно «свои» промысловые районы, и только три продолжали проявлять бессмысленную настойчивость, пиратствуя на Курилах по-прежнему. Бессмысленную, потому что к 1897 г., по данным того же Сноу, на всех Курильских островах оставалось не более семидесяти-восьмидесяти каланов.

И вот, подобно тому, как в 1860—1870-х гг. браконьеры сократили добычу китов и переключились на каланов, так в 1890-х гг. они прекратили промысел каланов на курильских лежбищах и сосредоточились на котиковом и моржовом промыслах преимущественно в наших водах. В это же время и ограбленная «пиратами-космополитами» Япония обратила внимание на закрома своего северного соседа.

Казалось бы, пока на Курилах не перевелся калан, и пока корабли японского императорского флота охотились за браконьерами в своей двенадцатимильной зоне, у российского правительства было время подумать и позаботиться об охране своих границ. Но, увы, этого не случилось. На рубеже девятнадцатого и двадцатого столетий Камчатка оказалась в водовороте событий, которые мало, кого интересуют, мало, кем изучаются. И оттого почти неосвещенных в краеведческой литературе. О литературе же для широкой читательской аудитории вообще говорить не приходится.

Предлагаемая работа восполняет это пробел отчасти, а может и вовсе не восполняет. В основе повествования, так мне хочется её называть, лежат архивные документы, реже — печатные труды.

Подчеркну ещё раз, работа не задумывалась как научная. Это всего лишь документальное повествование, отражающее личное и, очень возможно, весьма субъективное мнение автора относительно всего происходившего на Камчатке на рубеже веков. Надеюсь, всё же она составит интерес для камчатских читателей.

Не знавшие денег

*Насколько Камчатка первобытная страна!
У жителей её до сих пор в употреблении
кремь и огниво!*

Из дневника В. К. Арсеньева, 1918 г.

О том, как выглядели камчатские селения и что представляли собой их обитатели в конце XIX в., написано достаточно много. Дело в том, что в связи с двухсотлетием присоединения Камчатки к России в 1890-х гг. здесь побывало немало исследователей. Труды доктора Н. В. Слюнина, В. П. Маргаритова, окружного врача В. Н. Тюшова, А. П. Сильницкого и сейчас, спустя десятилетия, вполне доступны всем желающим с ними ознакомиться. А потому, во избежание неуместных повторов, я опишу в этой главе лишь те стороны камчатской жизни, которые знакомы пока лишь достаточно узкому кругу специалистов в области дальневосточной истории, ограничившись периодом до начала двадцатого столетия, когда спящая и позабытая всеми Камчатка была вновь взбудоражена военными залпами. Залпами русско-японской войны.

Одной из главнейших причин отставания Камчатки от темпов развития «материковой» России было почти полное отсутствие транспортного сообщения. После ликвидации РАК все заботы по

доставке грузов, почты и пассажиров тяжким бременем свалились на Сибирскую военную флотилию, суда которой были для этого мало приспособлены, да и вообще не для того предназначались. Будучи обузой для военных, грузоперевозка быстро сделалась мероприятием нерегулярным и даже случайным.

В 1875 г. при Морском министерстве была создана комиссия во главе с главным командиром портов Восточного океана контр-адмиралом А. Е. Кроуном, которая подготовила «Проект условий обязательных для будущих предпринимателей пароходного сообщения между портами Восточного океана, Китая и Японии». Этот проект предусматривал учреждение частного пароходного сообщения «для перевозки почты, казённых грузов, воинских чинов, арестантов и переселенцев, а также пассажиров и товаров» по нескольким линиям, которые весьма подробно рассматриваются южно-сахалинским историком М. С. Высоковым в одной из его работ.

Камчатка находилась на «Северной линии», которая обслуживалась бы по данному проекту один раз в год. Предполагаемый маршрут: Владивосток — Корсаковский пост — Петропавловск — Командорские острова — Петропавловск — Тигиль — Гижига — Охотск — Аян — Удское — Тарайка — Корсаковский пост — Владивосток. Суммарно 5 085 морских миль.

Северная линия, в отличие от прочих, могла быть отделена от остальных при заключении контракта с предпринимателем, которому предлагалось от правительства по 4 руб. 70 коп. за каждую пройденную его судном милю.

Первый контракт на обслуживание Северной линии был заключён в 1876 г. с петропавловским купцом первой гильдии А. Ф. Филиппеусом, который принял на себя обязательство работать по данному контракту десять лет под годовую субсидию в 30 000 руб. С 1876 г. пароход А. Ф. Филиппеуса «Камчатка» обслуживал полуостров одним рейсом в год. Но по истечении десятилетнего срока купец счёл размеры прежних субсидий недостаточными и принялся добиваться их увеличения до 50 000 руб.

Закончилось дело тем, что ему вообще было отказано в продлении контракта, а Северная линия была передана с 1886 г. Добровольному флоту (Доброфлоту) всего под 15 000 (по другим подсчётам под 17 600) руб. правительственных субсидий.

Доброфлот, имевший картельное соглашение с пароходным трестом «Российского общества пароходства и торговли (РОПиТ)», стал обеспечивать пароходом «Владивосток» ежегодно по два рейса на Камчатку. Один прямой: Владивосток — Петропавловск —

Владивосток, с заходом в Корсаковский пост, а второй круговой: Владивосток — Корсаковский пост — Петропавловск — Нижне-Камчатск — Петропавловск — Тигиль — Гижига — Охотск — Удское — Аян — Тарайка — Корсаковский пост — Владивосток.

После русско-японской войны Доброфлот производил и другие рейсы, причем двумя пароходами одновременно, но это было уже иное время.

Пользуясь монопольным правом транспортировки грузов, Доброфлот устанавливал высокие тарифы. В разные периоды его деятельности доставка товаров на Камчатку обходились купечеству (по подсчётам магаданского историка А. Н. Исакова) от трёх до трёхсот семидесяти пяти процентов их стоимости. Но купечество шло на эти издержки. У него не было выбора. Да и платило за всё в конечном итоге не само купечество, а камчатское население. Причём преимущественно — пушниной.

«Торговля в Петропавловске и Петропавловском округе, за неимением в обращении у населения денег, исключительно меновая» (А. П. Сильницкий, 1896 г.).

«Все доставляемые для инородцев товары оплачиваются исключительно пушниной, весь край не знает и не имеет в руках денежной единицы, таковую для него заменяет шкурка ходячего зверя. Потому весь счёт в Охотском округе переводится на белку, а в Петропавловском — на лисицу; Гижигинский округ служит переходной ступенью, и счёт здесь ведётся то пыжиками, то лисицами, то белкой» (Н. В. Слюнин, конец 1890-х гг.).

Скупочная цена пушнины была много ниже реальной, и потому меновая торговля процветала. В 1890-х гг. она была сосредоточена преимущественно в руках «Русского товарищества китовых промыслов (РТКП)», образованного в 1891 г. предпринимателями Прозоровым, Лепешкиным, Савичем и Гринвальдом. На западном побережье Камчатки конкуренцию этому товариществу создавало «Приамурское товарищество», компаньонами которого были купцы Басов, Шустов, Коковин, развившие деятельность и в Охотском округе.

С учреждением «Камчатского торгово-промышленного общества (КТПО)», устав которого был утверждён в 1897 г., в него вошло и РТКП, а «Приамурское товарищество» в 1898 г. было ликвидировано. КТПО не ограничивалось торговой деятельностью, но имело серьёзные виды и на рыбные промыслы. В начале XX в. оно уже имело рыбоконсервный и туковый заводы в Авачинской губе, а в сфере камчатской торговли лидировало по отношению

к таким солидным фирмам как, например, владивостокский торговый дом «Чурин и К^о».

Сказанное вовсе не означает, что с наметившимся развитием торгово-промышленной деятельности российских предпринимателей стал возрастать уровень жизни камчатского населения. Население, как аборигенное, так и русское старожильческое, продолжало быть выменем, к коему присосались и доморощенные дельцы, и дельцы заморские, жившие и легальной торговлей, и контрабандой. Особенно явно мерзость сложившихся отношений проявилась в годы русско-японской войны 1904—1905 гг., хронологические рамки которой, как будет показано далее, для Камчатки весьма условны.

Громкая песня Гундзи

*В маленькой лодчонке мы переедем на Камчатку,
там под тенью чёрной берёзы мы настругаем себе
мясо лосося и будем пить варварское вино, мы будем
бить в музыкальные инструменты и будем петь
громкие песни...*

Из довоенной японской прессы

Уже за несколько лет до начала активных боевых действий в «Желтороссии» и на Камчатке японские «браконьеры-хищники», как их тогда именовали, появились на морских побережьях нашего полуострова. Как и во времена двухсотлетней давности, на рубеже XIX и XX вв. «маленькие дети страны Восходящего Солнца» считали россиян «ако эдзо» («рыжими варварами»), не обременяли себя соблюдением правил рыболовства, игнорировали принципы равноправного сотрудничества.

Сейчас, на исходе века двадцатого, непросто осознать, насколько поправление добрососедских отношений было болезненно ощущимо для наших земляков, русских и камчадалов. Проникнуться ощущениями того времени можно, лишь вспомнив, что владения Японской империи начинались тогда сразу за мысом Лопатка. Что же до подданных японского императора, то они, наверное, расценивали свои действия как естественные, не противоречащие собственным морально-этическим нормам, формировавшимся многие десятилетия.

Действительно, японское правительство так долго оставляло без внимания сам факт существования Курильских островов и других

земель к северу от острова Хоккайдо, что после 1798 г., когда Хонда Тосиаки получил приказ сёгуната «занять Камчатку», в Японии воспряло духом множество патриотов-фанатиков, провозгласивших начало эры северных экспансий. Это не измышления, порождённые нашими историками, но факт, признаваемый учёными третьих стран, в частности, выше упоминавшимся Д. Стефаном, авторитетным исследователем русско-японских отношений.

Видными фигурами из числа этих патриотов стали Хабуцу Масаясу, Токугава Нариаки и Окамото Кансукэ, резонно полагавшие, что в интересах национальной безопасности следовало сначала заняться колонизацией островов и только затем переходить к новым обширным завоеваниям. В 1875 г., когда (на основании второй статьи Санкт-Петербургского трактата) Курильские острова от Алаида (на севере) до Урупа (на юге), принадлежавшие прежде России, отошли к Японии в обмен на её отказ от притязаний на южную часть острова Сахалин, у японцев появилась реальная возможность проявить себя в деле освоения «северных территорий». Однако на «раскачку» им потребовалось ещё несколько лет.

У нас на Камчатке, и от сахалинцев, нередко можно слышать истории про японскую застройку Курильских островов, о таинственных подземельях и прочих чудесах. При этом как-то само собой упускается очевидное — эти сооружения, как правило военно-оборонительные, появились относительно недавно, в годы Второй мировой войны, начиная с летне-осеннего сезона 1940 г. В девятнадцатом же веке, о котором здесь идёт речь, японские власти не проявляли особой деловой активности, и это, конечно, сказывалось на настроениях японских патриотов.

В середине 1880-х гг. секретарь кабинета министров Канэко Кэнтаро (1853—1942), выпускник Гарвардского университета и один из создателей японской конституции 1889 г., предпринял поездку на Курильские острова и пришёл к выводу, что они являются важным стратегическим объектом, ключом к камчатским берегам. И в то же время он был серьёзно озабочен тем, что на японской (с 1875 г.) территории хозяйничали английские и американские браконьеры, а российские военные корабли свободно крейсировали в районе архипелага, занимаясь топографией островов и гидрографическими исследованиями.

Канэко представил в Токио проект усиления северных границ Японской Империи, который среди прочего предполагал заселение Южных Курил «тодэнхэями» (этакими крестьянами-солдатами, отдалённо напоминающими наших казаков). Кроме того, он

предлагал создать постоянно действующую Курильскую эскадру на базе императорского флота. Проект Канэко не побудил японское правительство к немедленному реагированию, но и не был оставлен вообще без внимания. В 1891 г. японский император повелел своему камергеру Катаока Тосикадзу изучить ещё раз ситуацию на месте, что тот и исполнил.

Изучая потенциал каждого острова Курильской гряды, Катаока Тосикадзу к 4 июля 1892 г. достиг острова Шумшу в районе мыса Кокутан («верхняя оконечность государства») и имел возможность обозреть Южную Камчатку невооружённым глазом. Вернувшись в Японию, в октябре 1892 г., Катаока представил императору доклад, сходный с проектом Канэко шестилетней давности. Но, в отличие от предшественника, Катаока рекомендовал приступить к улучшению средств сообщения, к строительству портов и маяков, к организации метеопостов и к заселению островов Уруп, Симушир, Парамушир, Шумшу «тонкахэями» (рыбаками-матросами). Однако вновь ничего не было предпринято.

Инициатива заселения северных островов снова перешла в негосударственные патриотически настроенные круги. Упомянувшийся выше Окамото Кансукэ (1839—1904) — директор школы на острове Сикоку и отец-основатель общества «Тисима Гикай» («Курильское общество»), предпринял попытку колонизации острова Итуруп. И хотя попытка эта завершилась полным провалом, поскольку ветхое судёнышко колонистов потерпело крушение, поступок патриотов получил широкую огласку и имел широкий общественный резонанс, так как событие это было романтизировано журналистами, наблюдавшими фиаско с борта военного корабля.

Вот здесь-то и возникает одна из самых интересных фигур нашего повествования. Это последователь Окамото Кансукэ — старший лейтенант военно-морского резерва Японии Гундзи Сагэтада (1860—1924), человек весьма и весьма неординарный, чья личность известна камчатскому читателю главным образом с отрицательной стороны.

Наиболее типичная характеристика Гундзи: *«...лейтенант японского императорского флота Гундзи Наритада, шпион и авантюрист, жестокий палач миролюбивых айнских племён — жителей Курильской гряды. Наритада удалось проникнуть на Камчатку, стать русским подданным и устроиться приказчиком “Камчатского торгово-промышленного общества”. Шпион тщательно изучал Камчатку, особенно её западное побережье — район предполагавшейся высадки японских десантных шхун...*

осенью 1903 г. Гундзи был вызван в Токио для выработки детального плана захвата Камчатки...» (К. В. Мечтанова, 1961 г.).

Последнее утверждение о шпионаже и разрабатывавшихся заранее планах захвата Камчатки, увы, не аргументировано документами, оно обосновано лишь фактом, что осенью 1903 г. в Токио одновременно с Гундзи находились и некоторые российские подданные, проявившие себя позднее, говоря деликатно, не самым достойным образом. А именно — барон Н. А. Брюгген (председатель вышеназванного КТПО и «по совместительству» русский консул в Сан-Франциско), а также Н. А. Гребницкий (окружной начальник Командорских островов), давно имевший самое непосредственное отношение к торгово-промышленным структурам.

По этой «шпионской» версии, заговорщики, собравшиеся «под предлогом посещения рыбопромышленной выставки», устроили «постыдный торг» при участии известного финансиста А. А. Прозорова. Этот торг, как утверждается, закончился тем, что с «ведома министра внутренних дел России Плеве Камчатка была попросту продана» Японии, а «дальневосточные агенты Гребницкий и Брюгген гарантировали японскому двору бескровный, мирный переход Камчатки в лоно императорской Японии».

Разделяя неприязнь к вышеперечисленным господам, замечу, никого не интересует тот факт, что и Брюгген, и Гребницкий, и уж тем более Прозоров, имевший непосредственное отношение не только к Санкт-Петербургской фондовой бирже, но и к КТПО (а до того — к РТКП) могли действительно делать «свой маленький бизнес» на Токийской выставке 1903 г. Авторы высказали вполне правдоподобную «шпионскую» версию, увы, ничем её не подкрепив. Мне же, как лицу, не имеющему возможности сверить эти «факты» с данными имперских спецслужб, остаётся лишь предоставить читателю возможность самому соотнести их с последующими событиями 1904—1905 гг. Несколько забегая вперёд, хотелось бы подчеркнуть главное — едва ли справедливо подходить с одним аршином к оценке деятельности господ бизнесменов Брюнгена, Гребницкого и патриота Японии Гундзи.

Мы ещё вернемся к вопросу о подрывной деятельности лейтенанта Гундзи, здесь же, вслед за Д. Стефаном, хочется оспорить «неоспоримый факт», что Гундзи был «палачом миролюбивых айнских племен». Известно, что айны были выселены японскими властями с островов Шумшу и Парамушир на остров Шикотан в период с 30 июня по 6 июля 1884 г., Гундзи же начал «курильскую эпопею» спустя почти десятилетие. А своё селение на Шум-

шу он назвал Катаока — в честь императорского камердинера, добывавшегося, среди прочего, возвращения шикотанских айнов в их родные места.

Что искал на дальнем севере «каратель» Гундзи Сагэтада, он же брат известного японского писателя Кода Рохан (1867—1947), отважный офицер, неисправимый романтик, авантюрист? Мне представляется вполне вероятным, что не богатства он искал и не сомнительного счастья от общения с продажными отбросами и паразитами нашего Отечества. Но, как многие, этот тридцатилетний образованный японец мечтал о том, как будет сидеть под тенью чёрной берёзы и петь свою громкую песню.

«Идиотская затея» Гундзи Сагэтада

Будучи патриотом Японии и верным последователем Окамото Кансукэ, Гундзи оставил военную службу и в 1892 г. создал «Тисима Хоко Гикай» («Общество освоения Курильских островов»), в которое вовлекал бывших моряков. Им предстояло стать «тонкахэями». Исключение Гундзи сделал лишь для своего друга Сирасэ Нобу, не моряка, а лейтенанта армейского резерва, прославившегося позднее в качестве руководителя Первой японской антарктической экспедиции.

Подчеркну ещё раз, Гундзи, который обвиняется нашими историками в милитаризации острова Шумшу, выбирал *между морями и армейцами*, а не *между гражданскими и военными*.

И не потому, что создавал «плацдарм», а потому, что не было иного выбора. В те годы всякий здоровый японец считался, прежде всего, воином. Тот, кто не попадал на флот, шёл территориальную в армию (была создана для защиты империи на время отсутствия армии постоянной) или в народное ополчение (в него входили все способные носить оружие мужчины в возрасте от семнадцати до сорока лет). Считайте сами. Возраст армейского призывника был двадцать лет. Срок службы — двенадцать лет и четыре месяца (три года действительной службы в войсках, плюс четыре года и четыре месяца в запасе да пять лет в резерве). Так что речи о гражданских колонистах вообще быть не могло. Откажись Гундзи от военных, гражданская колония могла бы комплектоваться лишь из убогих калек и глубоких старцев.

«Флотским» же Гундзи отдавал предпочтение потому, что личный состав японского императорского флота состоял из прирождённых моряков, не только хорошо обученных обращению со стрелковым

оружием (что, к слову, отличало их от моряков многих других стран), но и привыкших к суровым климатическим условиям, что выгодно отличало их от основной массы теплолюбивых японцев.

Финансовую помощь вновь созданному обществу, весьма незначительную, оказали император и некоторые чиновники. Императорский флот от какого-либо финансирования программы «Тиси-ма Хоко Гикай» воздержался.

Тем не менее, 20 марта 1893 г. Гундзи и шестьдесят колонистов на пяти небольших судах под восторженные крики почитателей покинули Токио и отправились навстречу своей судьбе. Целью их путешествия были северные острова Курильской гряды. Современник Гундзи — английский капитан Генри Джеймс Сноу, именуемый иногда «морским Тамерланом» за свою браконьерскую удаль, назвал отчаянное предприятие колонистов *идиотской затеей* и оказался прав, хотя и отчасти.

С самого начала колонистов преследовали неудачи. Ещё у острова Хонсю два суденышка из пяти пропали без вести, а остальные, изрядно пострадавшие от морской стихии, были отбуксированы на Хоккайдо канонерской лодкой, заплатив за услуги которой у Гундзи даже не было денег. В конечном итоге лишь девять человек добрались до острова Шиашкотан. А до Шумшу — семеро. В их числе Гундзи и его друг Сирасэ Нобу.

Интересно, что среди этих «шпионов» был и бродячий *православный* священник Вада Хэйхати. Он уединился на острове Пармушир, где изучал природу, писал стихи и мечтал о возвращении айнов на их родные острова. Записки о. Вада были найдены летом 1894 г. вместе с его непогребённым телом.

Гундзи и нескольким его спутникам, поселившимся на Шумшу, повезло больше. С трудом, но они всё-таки пережили зиму 1893/94 гг. А в июле 1894 г., когда на Шумшу зашла японская канонерка, и колонистам было предложено прекратить их миссию, Гундзи ответил категорическим отказом.

И всё же на некоторое время он покинул своих товарищей. К этому его призывал долг офицера. Оставив за старшего Сирасэ, Гундзи принял участие в японо-китайской войне 1894—1895 гг. А в 1896 г. он вернулся на Шумшу с новым отрядом колонистов в шестьдесят человек. Сложно сказать, планировалась ли в тот момент нападение на Камчатку, но известно, что среди вновь прибывших были члены семьи Гундзи, а основными занятиями новых переселенцев были огородничество и рыболовство. Японцы построили на Шумшу деревянные дома с необходимыми служеб-

ными постройками. А после урегулирования с русским властями вопроса о рыболовном участке в районе реки Озерной активизировали свою рыбопромышленную деятельность.

К 1901 г. «идиотская затея» Гундзи Сагэтада уже не выглядела таковой. На острове работал рыбоконсервный завод, на который ежегодно привлекалось до двух с половиной тысяч сезонных рабочих.

Было бы ошибкой полагать, что обитатели посёлка Катаока были настолько же честны по отношению к русским соседям, насколько трудолюбивы, настойчивы в деле освоения своих пограничных земель. Отнюдь. Уже в конце XIX в. за ними числилось несколько тайных набегов на южные берега Камчатки. Но не менее ошибочно, на мой взгляд, распространенное мнение, будто эти браконьерские вылазки осуществлялись только в разведывательных целях и знаменовали военные японские приготовления против России. Выражаясь обычным языком, это было браконьерство, грабёж природных богатств Камчатки при попустительстве центральных российских властей.

Дальневосточные и камчатские власти, население края противостояли японцам по мере сил. В последний предвоенный 1903-й год русская канонерская лодка «Манджур» задержала в наших водах двенадцать японских браконьерских шхун. Напряжённость нарастала...

Необъявленная война

Ночью 27 января 1904 г. флот японского императора совершил вероломное (без предупреждения) нападение на русскую Тихоокеанскую эскадру. Через двое суток в Якутск и далее по северным уездам стало передаваться секретное официальное извещение о начавшейся войне:

«Якутск. Почтою [в] Охотск. Уездному начальнику. Секретно. Немедленно перешлите копии настоящей телеграммы Петропавловскому, Гижигинскому, Анадырскому уездным начальникам. Ввиду объявленной между Россией и Японией войны следует установить строгий секретный надзор за проживающими в крае японцами... поставить их в условия, чтобы не могли вредить населению. Во всем остальном японцы должны находиться под защитой и покровительством законов Российской Империи... а перед навигацией отослать японцев от Петропавловска вглубь страны. Под[писал] Колюбакин. 30 января 1904 г. № 274».

На Камчатке известие о начавшейся войне русские власти получили в ночь с 21 на 22 апреля 1904 г., то есть спустя почти три месяца. Ещё месяцем позже, по некоторым данным, узнали эту новость и японцы на острове Шумшу. Весьма вероятно, узнали от россиян, занятых поспешными военными приготовлениями и взбодраженных слухами, исходившими от барона Брюнгена.

Этот «потомок благородных ливонских рыцарей» повсеместно распространялся о наших первых военных неудачах в «Желтороссии» и, спекулируя фактами, пытался спекулировать на камчатском рынке. Так, например, скупочную цену мехов он занижал в два с половиной раза от обычной, а продажную цену муки намеревался поднять вдвое. Кстати, в годы войны Брюнген продолжал представлять интересы КТПО, в качестве приказчика коего прежде фигурировал Гундзи.

«Деятельность» барона была подвергнута очень резкой и обличительной критике со стороны начальника Петропавловского уезда Антона Петровича Сильницкого.

С «Резюме» А. П. Сильницкого по поводу Брюнгена 6 мая 1904 г. согласились в письменном виде многие петропавловские горожане. Не грех вспомнить здесь их имена:

— благочинный камчатских и гижигинских церквей, священник Николай Комаров;

— штабс-капитан запаса Векентьев;

— дворянин, прапорщик запаса Цезарь Жабо;

— коллежский асессор Лев Лукич Роберт;

— петропавловский купец второй гильдии П. К. Косыгин;

— петропавловский городской староста П. Корякин;

— смотритель Петропавловского маяка, коллежский регистратор П. Косячков;

— рядовой горожанин Г. Т. Подпругин;

— крестьянин А. Т. Зубко.

Последний, крестьянин Зубко, выразил своё согласие с Сильницким трогательно просто: «С большим чувством глубоко тронут резюме его высокoblагородия... и вполне согласен».

Несогласных с гневной критикой Сильницкого оказалось лишь двое — сам барон Брюнген, читавший «Резюме» «с глубоким прискорбием», и ещё один «камчатский ливонец» — дворянин К. Фон-Гридельман Клойман, пожелавший изложить особое мнение.

Был и третий — гражданин САСШ А. П. Кантор, который заявил: «Не верю, чтобы барон И. Э. Брюнген употребил сей трудный момент для Камчатки для наживы». Но его чувства, надо полагать,

были весьма субъективны, так как именно он в документах 1910-х гг. фигурирует уже как «доверенный» пресловутого КТПО.

Заговорив о «деятельности» Брюггена в начале войны, хотелось бы вновь обратиться к противоречивой персоне Гундзи. Работал ли он на японскую разведку, и, если работал, то в каком качестве?

Комбриг Рабоче-Крестьянской Красной Армии Н. А. Левицкий в пособии, адресованном командному и начальствующему составу, в 1938 г. отмечал, что деятельность японской тайной разведки в России, действительно, началась задолго до русско-японской войны, а многие резиденты были, так или иначе, связаны с торговлей. Таково было положение в Манчжурии и в Уссурийском крае, где японцы маскировались под местных азиатов, преимущественно — под китайцев. Что же до районов европейской России и Сибири, то там, по данным Левицкого, *«работали не столько сами японцы, сколько засылаемые туда иностранцы европейских национальностей»*.

Эта тактика позволила спецслужбам Японии сохранить свою разведывательную сеть в материковой России после начала боевых действий и была весьма предусмотрительной. Ведь уже в конце января 1904 г. все лица японской национальности в России были взяты под наблюдение, что демонстрирует и приведённая выше телеграмма № 274.

Понятно, что лейтенант Гундзи, легально бывавший на Камчатке в довоенный период (после возвращения из Китая) *имел возможность* оказывать японской разведке определенные услуги по сбору сведений для аналитики, и даже по вербовке агентов из лиц, подобных барону Брюггену. Но, утверждать, что он делал это, «маскируясь под местного азиата» или подобным образом, нет оснований. Историкам камчатских событий русско-японской войны следовало бы почаще обрушивать свой праведный гнев не на «пригретого на груди подлого шпиона Гундзи», а на тех прохиндеев и шкурников, которые способствовали его неизбежному вторжению на Камчатку. На бездарных и ленивых столичных царедворцев, по вине которых в наших незащитных серверных окраинах всем заправляли брюггены и им подобные господа.

События развивались быстро. Как только А. П. Сильницкий получил известие о начавшейся войне, он предпринял самые энергичные меры по обороне вверенного ему Петропавловского уезда.

На заседании, «посвящённом» барону-провокатору фон Брюггену, Антон Петрович заверил собравшихся горожан в своей решимости сопротивляться агрессору до конца:

«Я, русский чиновник и бывший офицер несокрушимой армии, громившей... и ливонских рыцарей, служащий в наиотдалённом крае, не имеющем... ни войска, ни корабля, объявляю курляндскому барону Брюггену, что Россия теряла корабли, теряла части войск, но никогда и ни при каких обстоятельствах русский многочисленный народ... не терял непоколебимой веры в... Великого Белого Царя... Ни уроки истории, ни непреложные выводы статистики не позволяют мне, потомку запорожских казаков... согласиться с гибелью Отечества даже на случай гибели всего флота Русского, а не только Тихоокеанской эскадры».

22 апреля 1904 г., то есть сразу же по получении тревожных известий, был созван сход горожан и жителей окрестных местечек, началась запись добровольцев, которые усилили ряды камчатских казаков и образовали народное ополчение — Петропавловскую дружину во главе с прапорщиком запаса Цезарем Жабо. Командиром третьего взвода этой дружины бы назначен находившийся на отдыхе в Мильково Максим Иванович Сотников — надзиратель за рыбными промыслами, а в недалёком прошлом — унтер-офицер Восточно-Сибирского линейного батальона, имевший опыт подготовки бойцов.

Сначала петропавловская дружина была немногочисленна, шестьдесят семь человек, но всех этих людей объединяла большая общая задача — не допустить врага на Русскую землю. На одеждах дружинников были нашиты ополченские кресты с буквами «К.О.» — «Камчатское ополчение». Известен рисунок этого креста, сделанный штабс-капитаном Векентьевым, которого А. П. Сильницкий назначил начальником «всех воинских сил» Камчатки.

Срочно прибывший из Мильковского селения М. И. Сотников пробыл в должности комвзвода ровно столько времени, сколько ему потребовалось на сборы в дорогу в обратном направлении. Он был послан на западное побережье Камчатки для формирования новых дружин. Дальнейшие события показали, что этот человек, как, впрочем, и Векентьев, и Жабо, оказался на своём месте, именно там, где он был нужен более всего.

Все дружины Камчатского ополчения формировались из камчадалов и русских казаков, то есть также, как и в 1854 г. С той лишь разницей, что в 1854 г. они могли рассчитывать на «джентльменство» противника и мощную поддержку сибирских рекрутов, военных моряков, на орудия петропавловских батарей, а теперь, спустя полвека, камчатские ополченцы оставались один на один с врагом, о коварстве и силе которого могли судить лишь по слухам.

Сейчас я должен сделать небольшой экскурс в историю казачества. Да, камчатское ополчение состояло преимущественно из камчадалов, но боевым ядром дружин были казаки. И это есть веское основание для того, чтобы сообщить здесь хотя бы краткие сведения о камчатском казачестве.

Положением о преобразовании в Камчатке воинской и гражданской части, высочайше утверждённым 9 апреля 1812 г., были предусмотрены две *особые казачьи команды* — конная для Камчатки и пешая для Гижиги. Штат Камчатской казачьей команды включал: одного сотника, пять урядников и пятьдесят казаков, с окладами соответственно 100, 60 и 45 руб. В Гижигинской команде надлежало иметь более крупные силы: два сотника, три урядника и сто казаков с теми же окладами.

В начале XX в. властям казалось, что гораздо важнее иметь военные формирования в районах расселения «немирных» чукчей и коряков, чем в «благополучном» Камчатском крае. И потому вся Гижигинская команда должна была всегда находиться в готовности в полном составе. Главным образом — в весеннее время, когда купеческие караваны съезжались на урочище между реками Пенжина и Кузмина «для мены с чукчами», ведь при караванах предписывалось высылать казачий отряд в шестьдесят человек. Камчатские же казаки могли быть рассредоточены по полуострову по усмотрению местного начальства.

Поскольку Камчатская казачья команда создавалась как конная, Положение от 9 апреля 1812 г. предусматривало снабжение казаков лошадьми из имеющегося казённого скота. Фуражом (исключительно сеном) казённые лошади снабжались только в зимнее время, летом же они находились на подножном корму. Впрочем, казаки в зимнее время использовали не лошадей, а собачьи упряжки, как единственно возможный транспорт для передвижения по камчатским снегам.

Служба казаков, как гижигинских, так и камчатских, ограничивалась Положением 1812 г. не сроками, а «способностью к несению оной» и состояла: в содержании караулов при казённых местах, «в разных по казённым надобностям, также с постами и эстафетами», в охране купеческих караванов, в прочих поручениях «по обстоятельствам».

Кроме положенного по штату жалования каждому казаку было определено «производить от казны половинный солдатский паёк, то есть тридцать шесть с половиною фунтов муки в месяц». Что до «одеяния», то его полагалось иметь собственное.

По уставу от 22 июля 1822 г. срок службы камчатских казаков также не был определён, а в уставе было сказано, что казаки состоят на службе «по примеру прочих иррегулярных войск до того времени, пока продолжать оную в силах».

24 января 1828 г. положением Сибирского Комитета казакам Камчатской команды было прибавлено жалованье: сотнику — 100, урядникам — по 60, а казакам — по 30 руб. каждому.

В 1854 г. все находившиеся в Петропавловске казаки Камчатской команды сражались с английскими и французскими захватчиками. В опубликованных документах, связанных с Петропавловской обороной, главная роль в разгроме неприятеля по справедливости отведена военным морякам, сибирским рекрутам и камчадалам-волонтёрам. Но не факт ли, что в боях 1854 г. участвовали четыре казачьих пятидесятника, урядник, шестнадцать находившихся на службе и семь отставных казаков? Из них четверо были ранены, один контужен, два убиты. Документы о казаках, участниках обороны 1854 г., за подписью поручика М. Д. Губарева сохранились в подлинниках, но «почему-то» не вошли в существующие издания.

В конце 1854 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв принял решение о переводе петропавловского гарнизона к устью Амура. Секретный приказ об этом доставил на Камчатку 3 марта 1855 г. его личный адъютант есаул Н. А. Мартынов. Покидая полуостров, контр-адмирал В. С. Завойко обратился к жителям Камчатки со словами: «Англичан и французов бояться вам нечего, *в Петропавловске остаются казаки и волонтёры из камчадал*, которые далеко внутрь Камчатки неприятеля не допустят». О том же, что именно на казаков и волонтёров возлагал все надежды В. С. Завойко, свидетельствуют многие пункты его инструкции есаулу Н. А. Мартынову, оставленному весной 1855 г. командиром Петропавловского порта:

«1-е. Теперь же забрать от поручика Губарева необходимые сведения о казаках и войти ко мне с представлением о надлежащем и полном их вооружении...

4-е. На устье реки Большой содержать караулы из камчадал и казаков для доставления... немедленно известия о судах...

7-е. Прежде, нежели неприятель войдёт в Авачинскую бухту... в безопасных местах в кустах около города поставить камчадал, вооружённых винтовками, и лучших стрелков из казаков...

10-е. За раскомандированием людей на различные посты, казаки и волонтёры преимущественно должны быть расположены

в Старом остроге (ныне город Елизово. — А. Г.), на Хуторе (ныне посёлок Авача. — А. Г.) и Коряках (ныне посёлок Центральные Коряки. — А. Г.)...

11-е. Казаков, в особенности гижигинских, учить фрунтовой службе и поставлять на военную ногу».

Из артиллерии было разрешено оставить лишь одно лёгкое полевое орудие со снарядами, зато по хозяйственной части — работ не впрокорот. «Казаки и волонтеры, — инструктировал Завойко Мартынова, — по вывезении всего из порта [должны] засеять вне порта огороды сколь возможно в больших размерах и потом заниматься рыбною ловлею и заготовлять рыбу на зиму для себя и юколу для ездовых собак».

В мае-июне 1855 г., когда английские и французские корабли вновь появились в Авачинской губе, и вплоть до ухода неприятельской эскадры, судя по рапорту Мартынова, «все воинские команды находились в селе Аваче». Неприятель, заставший Петропавловский порт пустым и обезлюдившим, завершил начатое русскими уничтожение батарей, сжёг здание аптеки и пороховой погреб, китоловное судно «Аян». Казаки же, как видно из упомянутого рапорта, врагу не препятствовали. И в ту же весну 1855 г. посадили на авачинском Хуторе огород для нижних чинов, приступили к строительству на реке Аваче рыбного запора, а кроме того — к постройке «юрт в виде казарм для себя и семейств».

Победители были брошены властями на произвол судьбы и потому, вероятно, вели себя «осмотрительно». Впрочем, это — моё личное мнение.

Прошли годы, поутихли страсти и шумиха вокруг событий минувшей войны, о Камчатке вновь перестали вспоминать.

В 1867 г. была продана Аляска, а уже на следующий год военный губернатор Приморской области обратился к генерал-губернатору Восточной Сибири с предложениями по преобразованию казачьих команд в северных округах. Причем не в смысле укрепления сильно придвинувшихся к Камчатке границ, а, напротив, в смысле их оголения. Он писал:

«Так как казачьи команды в некоторых пунктах северных округов, Удском, Охотске, Гижиге, Нижне-Камчатске и Тигиле при нынешнем положении Приамурского края утратили то значение, которое имелось в виду при учреждении этих команд, поэтому я признаю полезным упразднить их вовсе, предоставив казакам, ежели они пожелают, перечислиться в Якутский городской полк или Амурское казачье войско; те же из них, которые не пожелают

этого, предоставить право записаться в мещане или крестьяне в местах своего водворения или в других местностях Приморской области, по их выбору».

В Петропавловске военный губернатор счёл необходимым оставить тридцать человек из строевых казаков при одном пятидесятнике и двух урядниках *«для исполнения полицейских обязанностей... для прекращения драк и пьянства сходящих на берег команд с коммерческих и в особенности китобойных судов»*. От хозяйственных обязанностей, как то разгрузка казённых судов, строительство казённых зданий и т. д. казаков предлагалось освободить, а работы эти впредь производить «с вольного найма». Охранение так называемых запасных магазинов, находившееся прежде в ведении вахтеров казачьих команд, на основании ст. 615 т. XIII Устава народного продовольствия перекладывалось на мирские общества. Те же мирские общества впредь должны были выделять рассыльных за плату из сумм, ассигнуемых на содержание полиции.

В 1873 г. в Петропавловске округе имелась казачья команда в пятьдесят восемь человек, из которых тридцать шесть находились в городе, а двадцать два — в других местностях округа. Хотя казаки принадлежали к составу полиции и находились в гражданском управлении, они по-прежнему оставались главной военной силой Камчатки.

Передача Японии Курильских островов в 1875 г. не повлекла за собой необходимых мер по укреплению обороноспособности полуострова — новые воинские формирования не создавались, а казачья команда не усиливалась. В 1897 г. Камчатская казачья команда состояла из пятидесяти пяти человек, *включая служивших в Анадырском округе и на Командорских островах*. А именно: в Петропавловске — один пятидесятник, один урядник и восемнадцать казаков; в местности Тигиль — один пятидесятник и тринадцать казаков; в Усть-Камчатском посту — один пятидесятник и девять казаков; на Командорах — один пятидесятник и один казак; в Ново-Мариинском посту при устье Анадыря — девять казаков.

Существует посемейный список Камчатской казачьей команды, составленный 7 мая 1897 г. пятидесятником Ф. Д. Савинским. Из этого чрезвычайно ценного для истории казачества документа следует, что в 1896/97 гг. на Камчатке (включая Командоры и Ново-Мариинск) проживало 664 лица казачьего сословия всех возрастов, 339 мужчин и 325 женщин. Жили казаки (муж-

ского и женского полов соответственно): в Петропавловске — 46 и 58, в Сероглазке — 34 и 37, в Халактырке — 10 и 10, в Аваче — по одному, в Николаевском — 5 и 3, в Ключевском (Паратунка. — А. Г.) — по одному, в Корякском — 9 и 7, в Милюковском — один казак, в Усть-Камчатском — 53 и 59, в местности Тигиль — 135 и 124, в Хайрюзовском — 1 и 2, в Большерецком — 16 и 10, в Апатчинском — 5 и 3, в Облуковинском — по одному, в Колпаковском — 5 и 6, в Морошечном — 4 и 1, на Командорах — 4 и 2, в Ново-Мариинске — 9 и 2.

Жили, конечно, в названных выше и в других населённых пунктах не только сословные казаки, но и потомки старинных казачьих родов, в значительной степени «окамчадалившиеся» и уже приписанные к другим сословиям — к крестьянам, мещанам, иногда и к сибирским инородцам «камчадалам».

Из этих людей, русских казаков и камчадалов, в 1904 г., как и в 1854-м, формировалось народное Камчатское ополчение.

Дружины были созданы повсеместно. По разным данным, Камчатское ополчение, состоявшее из дружин Петропавловской (Цезарь Жабо), Усть-Камчатской, Тигильской (Павел Юшин), Ичинской и Облуковинской (Михаил Корякин), Большерецкой и так называемой «конной», обеспечивавшей «полетучку» (донской казак Нагорный), насчитывало от пятисот до восьмисот человек.

Летом 1904 г., как и в довоенную пору, японцы устремились в приустьевые районы камчатских рек. Однако на этот раз организованное и вооружённое русское население встретило их не как «обычных» браконьеров, а в соответствии с нормами военного времени. Уже во второй половине мая 1904 г. в районах рек Большая, Кихчик, Колпакова и Облуковина дружинники захватили и сожгли пять японских шхун, убили пятьдесят три японца, некоторых пленили.

Вскоре после майских событий состоялось *первое в истории японское вооружённое вторжение на русскую землю* — Гундзи с отрядом в сто пятьдесят человек с карабинами и двумя орудиями, на четырёх шхунах, высадился в устье реки Озерной и занял расположенное севернее селение Явино.

В литературе нет единого мнения, когда же это случилось. Высадку в устье Озерной датируют и 30 мая 1904 г. (В. П. Мартыненко, В. Д. Сергеев), и 30 июня (В. И. Семёнов), и июлем (В. П. Кусков). А захват села Явино — 3 июня (В. И. Семёнов), 6 июня (В. П. Мартыненко), июлем (В. П. Кусков), 6 июля

(Д. Стефан). Все соображения на этот счёт так или иначе аргументированы, и мне не хотелось бы здесь углубляться в анализ документов, допускающих разночтение, в топографические расчёты. Это, в конечном счёте, узкий вопрос исторического краеведения. Тем более что дальнейшие события известны достаточно хорошо.

Итак, высадившись на реке Озерной, Гундзи с отрядом двинулся в северном направлении, на Явино. Явинские мужики в это время в селе отсутствовали, а остальные сорок три человека, старики, женщины и дети, не имевшие возможности сопротивляться врагу, покинули родное селение и хребтами, по снегу, без запасов продовольствия и одежды, отправились в селение Голыгино, ближайшее место сбора народного ополчения. Так что Явино Гундзи застал уже безлюдным.

По распоряжению Гундзи на явинской часовне водрузили японский флаг, а в центре селения вкопали столб с доской, на которой красовалось такое заявление: «Смысло на этой тыне писанных слов: именно эта земля уже принадлежался Японию, потому кто того трогает это тын будет убиты. Командир Японской войска *Сечу Гундзи*». Кроме того, в разных местах японцы разбрасывали бутылки с записками. Одна из них, найденная в трёх верстах от Явино, содержала такое послание: «Мы никогда не будем вас мешать, который покоривший жители Японскому империю, по этому никто не бойтесь и возвращайтесь в каждый дом. Командир японской войска *Сечу Гундзи*». Прodelав все вышеизложенное, Гундзи распределил свои силы на два лагеря — основной, при устье реки Озерной, вероятно, намереваясь «порыбачить» на «своём» обычном месте, и передовой, где-то неподалеку.

Тем временем в селение Голыгинское, куда шли явинские беженцы, стекались и ополченцы. К 10-м числам июля 1904 г. здесь находился и М. И. Сотников со своими людьми, и Ц. Жабо с дружинниками из Петропавловска. Обстоятельства появления на Голыгиной петропавловских ополченцев достойны особого примечания.

В конце июня 1904 г. Цезарь Жабо на парусной шхуне «Мария» совершил дерзкий разведывательный поход из Петропавловска до южной оконечности острова Шумшу (в самое логово японцев) и лишь затем, вернулся в Петропавловск, принял на борт продовольствие для голодающих тигильчан и гижигинцев, а также и «особую охрану от дружины», влившуюся спустя несколько дней в голыгинский объединённый отряд. Следует полагать, что и вторично шхуна «Мария» прошла с восточного побережья на западное под самым носом у японцев.

Силы, собранные Сотниковым против японцев, были невелики — семнадцать русских и семьдесят один камчадал. А потому русский лагерь был перенесён на реку Итудиска (ныне Шестая речка, или река Шестой Номер). Находясь в удалении от японских лагерей, Сотников выставил в окрестностях секретные караулы и организовал разведывательную операцию. Идти в расположение японцев в качестве лазутчиков вызвались добровольцы — староста Явинского селения Дмитрий Игнатьев и прибывший на шхуне «Мария» паратунский житель Егор Евойловский (он же — Ивойловский), находившийся под судом по обвинению в убийстве на почве ревности. Последнее обстоятельство, кстати, не смутило дружинников. Отправляя добровольца Евойловского на задание, они верили ему и закрепили своё согласие особым протоколом. Лазутчики оправдали доверие дружины, проникнув на территорию врага под видом «покорных обывателей», Игнатьев и Евойловский собрали необходимые сведения и, не вызвав подозрений, вернулись назад.

Это было 12 июля 1904 г. А 15-го ополченцам «невероятно повезло», как утверждает расхожее мнение. Гундзи с врачом Ода Наотаки и несколькими солдатами решили совершить небольшой рейд по окрестностям, вышли на реку Итудиску, где имелись русские секретные караулы, и тут же попали в плен. Японские лагеря остались без своего главного командира. Захватив в плен Гундзи, дружинники обезглавили воинство «патриотов микадо», но ведь им ещё только предстояло одолеть превосходящую численно силу противника, рассредоточенную в основном и передовом лагерях. И здесь вновь возникает масса неясностей и противоречий, по сей день не разрешённых знатоками камчатской истории.

С открытым вопросом о местоположении японских лагерей связаны представления о ходе событий 17—22 июля 1904 г. В 1982—1983 гг. краеведы В. И. Семёнов, С. И. Вахрин, Г. Г. Поротов предпринимали попытки решить эту, среди прочих, проблему на местности. В. И. Семёнов пришёл к заключению, что основной лагерь находился «на песчаной косе у устья Озерной», а «наиболее вероятным, даже единственным местом расположения передового лагеря являлось устье одного из безымянных ручьёв, впадающих в море в 1,5 и 1,8 километрах от устья Озерной». Версия не без изъяна, но на сегодняшний день она и мне представляется наиболее обоснованной.

16 июля 1904 г. М. И. Сотников огласил приказ, в котором говорилось: «...двигаемся на Озерную. Возьмём с собой двух пленных

японских переводчиков, пусть скажут там, если они сложат оружие, то возьмём всех в плен, а если нет — ударим с оружием в руках». В ночь на 17 июля дружинники подошли к передовому японскому лагерю и, встретив вооружённое сопротивление, разгромили его. В сражении, длившемся около двух часов, было убито семнадцать японцев, а среди бежавших имелись раненные. Наши потери — пять раненых, в их числе дружинник Ксаверий Бируля, скончавшийся через три часа по пути в селение Явино.

Основной лагерь японцев, подступы к которому были открыты, был временно оставлен в покое, под контролем местных дружинников (его разгромили 22 июля), остальные же ополченцы во главе с Сотниковым двинулись на север. 17 июля были низвергнуты символы японского «господства» в селении Явино — японский флаг с часовни снят, равно как и доска с дерзкой надписью «командира японской войски». 28 июля и 9 августа на реках Опала и Воровская дружинники уничтожили две японских шхуны. Ещё десять было уничтожено в те же дни донским казаком Нагорным в районах рек Ича и Колпакова.

Вооружённый отпор японцам оказывали и жители восточного побережья Камчатки — в районах рек Ука, Ивашка и Карага, и жители Командорских островов. Везде, где японцы пытались властвовать и грабить природные ресурсы России.

Не так давно антропологом А. Н. Белковским был опубликован весьма интересный знак — жетон или медальон, найденный жителем села Никольского Д. Ю. Уткиным на месте селения Ладыгинского. На его лицевой стороне изображён якорь в обрамлении волн, над которым скрещены гарпун и ружьё. А на оборотной стороне — японская надпись: «Океанический промысел. Общество поощрённых». Неясно, кто кого награждал такими знаками, приобщая к «поощрённым», но решительные действия командорцев, русских и алеутов, под предводительством надзирателя за промыслами Николая Никитовича Лукина-Федотова показали — российские подданные с Беринга и Медного принимали знаки поощрения только от Российского правительства и были верны Отечеству до конца.

«Сумасшедший» Сильницкий

Нам со школьной скамьи известно утверждение, что русско-японская война выявила гнилость российской военно-бюрократической машины. Камчатка, где японцы встретили достойный

отпор, увы, исключением не явилась. В то время, как дружинники западного побережья громили врага, в уездном центре, в Петропавловске, плелись интриги и разыгрывались бюрократические спектакли. На организатора обороны — Антона Петровича Сильницкого — постоянно лили грязь, то обвиняя его в «партизанщине», то ревизуя финансовую деятельность, намекая недвусмысленно на казнокрадство.

18 июля 1904 г. на Камчатку прибыл статский советник, уполномоченный Министерства внутренних дел Н. А. Гребницкий. Тот самый Гребницкий, что в 1903 г. вместе с Брюггеном и Гундзи посещал Токийскую рыбопромышленную выставку. «Изучив» деятельность Сильницкого, Гребницкий счёл, что многие меры по обороне края незаконны.

Позднее, 4 мая 1905 г., будучи уже отстраненным от камчатских дел, редактор газеты «Приамурские ведомости» А. П. Сильницкий написал: «Приспешники Камчатского торгово-промышленного общества пропагандировали в Петропавловске, что сопротивление, оказываемое населением японцам — есть, в сущности, простой разбой. Этот взгляд на наши действия... был вполне поддержан статским советником Гребницким, который, прибывши в Петропавловск 18 июля, *не только расформировал организованные мною ополчения, но и приказал населению снимать ополченские кресты*» (выделено мною. — А. Г.).

И всё же А. П. Сильницкий крепился и боролся с доморощенными «ливонцами» как мог. Успешные действия М. И. Сотникова на западном побережье питали Сильницкого силами и уверенностью в правильности предпринятых мер. Уже 28 июля 1904 г. в конфиденциальном рапорте Гребницкому он представлял к наградам героев обороны, заявляя при этом: «Я, обвиняемый Вашим высокородием в нарушении форм, но каких именно мне Вами не объявлено... будучи, как Ваше высокородие изволили высказать мне... правым по существу, честь имею... просить признать моих ближайших сотрудников по обороне страны правыми по форме, ибо они... признавали меня в здравом уме и в твёрдой памяти... [и] учинили повиновение... “поставленному от Правительства Начальнику”, каковым по 18 июля сего года я имел честь быть на Камчатском полуострове».

В этом рапорте Сильницкий представил к наградам: штабс-капитана Векентьева — к ордену Св. Владимира 4-й степени, прапорщика Ц. Жабо — к ордену Св. Анны 3-й степени, унтер-офицера М. И. Сотникова — к чину подпоручика по армейской пехоте,

двадцать девять человек — к медали «За храбрость» на ленте Св. Георгия, тринадцать человек — к медали «За усердие», донского казака Нагорного — к знаку отличия Военного ордена (Георгиевскому кресту), а отставного пятидесятника Александра Максимовича Селиванова — сразу к трём медалям «За храбрость» (4, 3 и 2-й степеней) и к Георгиевскому кресту 2-й степени!

Как известно — победителей не судят. Текст одной из телеграмм, направленной из штаба командующего войсками Приамурского военного округа, подтверждает, что награждение началось уже в 1905 г., однако известно и другое — победителей нередко травят.

Мне довелось познакомиться с любопытным документом, появившимся уже после русско-японской войны, в апреле 1909 г. В нём содержится «деликатное» напоминание А. П. Сильницкому о том, что он должен возместить в кассу Петропавловского казначейства 2 467 руб. 88 коп. Ответ Антона Петровича на это напоминание, датированный 2 мая 1909 г., не только проясняет о каких долгах шла речь, но и о том, что за атмосфера царила вокруг камчатских патриотов в годы войны.

«Честь имею, — писал Сильницкий, — просить Вас, милостивый государь, доложить генералу Флугу, что я получил от тайного советника Павленко официальную бумагу, заключающую обещание передать дело... суду. Перспектива же суда настолько желательна мне, что я с нетерпением ожидаю соответствующей повестки. Я твёрдо знаю, что ни одного гроша я в карман не положил; что я служил на Камчатке при обстоятельствах чрезвычайных; что моя деятельность при этих обстоятельствах в одном случае — признаётся проявлением так явно выраженного безумия, что областное начальство в середине ноября 1904 года... телеграфирует иркутскому губернатору, чтобы меня, как душевнобольного, посадить в Иркутский сумасшедший дом, а в другом — оно за ту же деятельность соглашается на награждение меня орденом, и даже, спустя только восемь месяцев после упомянутой решительной телеграммы, оно соглашается на командирование меня на Камчатку в качестве чиновника, которому поручено выяснить на месте положение [созданное] войной... А теперь то же начальство предъявляет мне начёты, граничащие с растратой... И я готов ответить за все свои деяния суду, тем более, что суд будет гласным». Здесь же Сильницкий выразил уверенность в том, что суд «примет во внимание сказочную обстановку смещения меня с должности уездного начальника, для восстановления которой я имею, впрочем, документальные данные».

И действительно, Антон Петрович вершил камчатские дела в полном здравии, отдавая себе отчёт в том, что реально являет собой его обремененное властью окружение. Ещё в июле 1904 г., подвергнувшись ревизии со стороны Гребницкого, он обратился к нему с таким заявлением: «Дела (изъятые бумаги. — А. Г.) нужны мне... для целей реабилитации своего, пока ничем не запятнанного имени, единственного моего достоинства, от возведения на меня клеветы». Он просил либо вернуть документы, либо снять с них засвидетельствованные копии за его же счёт. К лету 1904 г. Петропавловская дружина была подвергнута унижению, лишившись символа боевого содружества — ополченского креста, а к осени того же года «сумасшедший начальник» А. П. Сильницкий был отозван из Петропавловска.

Из тех же документов известно, что спустя восемь месяцев его вновь отправили на полуостров. В приказе генерала Хрещатицкого, исполнявшего должность приамурского генерал-губернатора, от 11 сентября 1905 г. надворному советнику А. П. Сильницкому предписывалось «немедленно... выехать во Владивосток и, явившись там коменданту крепости, отправиться в Петропавловск на отходящем туда военном транспорте». Во Владивостоке ему следовало принять продовольствие для камчатской дружины и местного населения, а по прибытии на Камчатку сдать этот груз нынешнему уездному начальнику. Антона Петровича не восстанавливали в должности, но его направляли в качестве чиновника с особыми поручениями! Ему предстояло собрать сведения о недавнем заходе в Петропавловск японских крейсеров, провести ревизию деятельности местной администрации, в том числе финансовую, узнать всё об условиях жизни населения. С этими же предписаниями ему предлагалось посетить, по возможности, и Командорские острова.

Важно, что приказ этот датирован 11 сентября 1905 г. С момента подписания Портсмутского мирного договора прошло уже восемнадцать дней. И поскольку ратификация договора на основании статьи четырнадцатой должна была состояться «в возможно короткий срок и, во всяком случае, не позднее как через пятьдесят дней со дня подписания», Сильницкому, несомненно, был понятен текст телеграммы, отправленной ему почти одновременно с приказом о командировке: «Никольск-Уссурийский. Областное правление. Чиновнику Сильницкому. Командировка офицеров [на] Камчатку отменяется... Также посылка оружия, патронов отменена... Возложенное [на] офицеров: регистрация дружины [и]

казацких команд передано [в] исполнение Ваше... Знаки отличия посылаю завтра поездом [во] Владивосток коменданту [для] передачи Вам... Уверен [в] отличном исполнении Вами порученного... С Богом [и в] добрый час. Подписал: *Хрещатицкий*. 298».

Не ошибусь, предположив, что Антон Петрович ликовал, получив эти документы. Он направлялся на Камчатку с чистой совестью и с наградами для своих сподвижников по обороне. И всё же, не оставляет чувство, что и теперь его «держали за дурака», использовали втёмную.

В телеграфической депеше № 298, приведённой выше, шла речь об оружии и патронах, *отправка которых отменена*. В тот же день, 11 сентября 1905 г., когда Сильницкому был отправлен приказ о командировке на Камчатку, Хрещатицкий отправил ещё *две секретные депеши* коменданту Владивостокской крепости.

В одной из них говорилось, что капитану «камчатского транспорта», то есть парохода «Аргунь», отправлявшегося на Камчатку, следовало дать «инструкцией условия договора» (Портсмутского), чтобы эта инструкция служила «оправдательным документом при встрече с японскими вооружёнными судами при плавании транспорта через Лаперузов пролив и далее». На транспорте предписывалось иметь оружие «для самозащиты против... пиратов и хищников... согласно морского на то устава и международного права *по сношению по этому вопросу [с] адмиралом Греем*».

Мне пришлось выделить последние слова Хрещатицкого из депеши № 290, так как они отражают его беспокойство за тщательность подготовки транспорта к вояжу. Откуда беспокойство? Ответ в депеше № 291 от того же числа: «Владивосток. Коменданту крепости. Прошу предупредить капитана камчатского транспорта, что груз 500 берданок, 250 тысяч патронов и 20 пудов пороха как контрабанда должен быть скрытно заложен вниз, так чтобы его найти нельзя было. 291. *Хрещатицкий*».

Так, может, оружие и не отправляли? Ведь депеша Сильницкому, где сказано об отмене отправки оружия и патронов имеет № 298? Вовсе нет. 18 сентября 1905 г. «Аргунь» с грузом продовольствия в 26 237 пудов и ликующим А. П. Сильницким на борту вышла в море и через десять дней была в Петропавловске. А в декабре того же года Хрещатицкий с чувством облегчения докладывал «главнокомандующему всеми сухопутными и морскими вооружёнными силами, *действующими (!)* против Японии»:

«Во время плаванья “Аргунь” 21 сентября была остановлена в Лаперузовом проливе японским крейсером “Ивата-мару”, кото-

рый, осмотрев транспорт *и не найдя на нём военной контрабанды*, передал о сём по беспроволочному телеграфу губернатору Корсаковского поста. Через десять минут получилась ответная депеша, разрешающая “Аргуни” дальнейшее свободное плавание. Об этом японские власти записали на своём языке в вахтенном журнале транспорта».

Вот такие подробности сообщил генерал от кавалерии Хрепятицкий вышестоящему начальству о грузе, отправка которого была «отменена».

Случай с контрабандной поставкой оружия на Камчатку я привёл не только для того, чтобы обрисовать двойственное положение А. П. Сильницкого в годы войны и уж, конечно, не для того, чтобы «уличить» российское командование в нарушении Портсмутских соглашений. Этот случай, как мне представляется, подчёркивает характер той русско-японской войны, которая на Камчатке не имела ни начала, ни конца. И если наши власти всеми правдами и неправдами стремились обезопасить жизнь населения и обеспечить неприкосновенность природных ресурсов, то японцы, напротив, по-прежнему стремились забрать последнее. Сведения А. П. Сильницкого это подтверждают.

31 июля 1905 г. (а не 30-го, как иногда пишут) в десятом часу утра к Петропавловску подошла японская эскадра из двух крейсеров 1-го ранга «Суми» и «Идзуми» под командованием адмирала Того (младшего). В то время как японцы безуспешно пытались расстрелять из орудий Петропавловский маяк, администрация, дружина и большинство горожан ушли в направлении селения Старый Острог (Елизово). В двенадцатом часу крейсера начали артобстрел города, но не повредили ни одного здания. Лишь здание Петропавловского уездного управления было «приведено в совершенную негодность», да и то после того, как в него попали с семи-ста саженьей (около полутора тысяч метров) четырьмя шестидюймовыми бомбами.

После обстрела был высажен десант в двести человек. Десантники настреляли на мясо девять коров, оставшихся без присмотра и отвезли говядину на судно. Хрепятицкий, со слов Сильницкого, который не был очевидцем события, сообщал позднее по инстанции, что японцы, кроме прочего, ограбили сейф уездного управления, в котором было 40 000 руб. казённых денег и документы. Эта деталь выглядит особенно пикантно, если учесть, что с момента начала артобстрела маяка до высадки десанта прошёл не один час, и население успело эвакуироваться.

На следующий день, 1 августа 1905 г., японцы конфисковали судно «Австралия», совсем недавно зафрахтованное в Америке и использовавшееся для снабжения продовольствием северных округов Приморской области. А 3 августа эскадра Того (младшего) появилась на Никольском рейде у острова Беринга, где в то время находился ещё один зафрахтованный американский пароход «Монтара» с уже известным бароном Брюггеном на борту.

Высадив десант в двести человек, японцы заменили российский флаг на здании управления на японский, конфисковали девятнадцать берданок, три пачки патронов, некоторые документы и измерительные инструменты. Затем, спустив предусмотрительно японский флаг, десантники вернулись на суда. А 4 августа, прежде чем покинуть Командоры, они конфисковали пароход «Монтера».

И вот что примечательно. Кассу управления в Никольском японцы оставили нетронутой. Этот факт зафиксирован документально.

6 августа адмирал Того (младший) вновь привёл суда в Петропавловск. Высадившись на берег, японцы разрушили многие казённые и частные склады, уничтожили документацию уездного полицейского управления, забрали множество товаров со складов и забили на мясо восемь коров. В 4 часа дня 7 августа 1905 г. эскадра покинула Петропавловский порт.

В те же августовские дни, 1-го и 5-го числа, «два крейсера адмирала Нокау» (так в документе. — А. Г.) разбойничали в Аяне и Охотске. А упомянул я эти «некамчатские» селения опять же в связи с деньгами. Грабили японцы и в Аяне, и в Охотске. Но если в первом селении они «изъяли» 363 руб. казённых денег, то во втором касса осталась нетронутой.

Однако к чему все эти детали о казённых деньгах? А вот к чему. 28 сентября 1905 г., когда транспорт «Аргунь» пришёл в Петропавловск, а А. П. Сильницкий едва ступил на камчатскую землю и, стало быть, не успел войти в курс дела, генерал Хрещатицкий подписал и уже отправил в Санкт-Петербург на имя министра внутренних дел России телеграмму за № 1512. В ней на основании каких-то более ранних сведений докладывал следующее:

«31 августа (следует понимать 31 июля. — А. Г.) полученным сведениям японцы бомбардировали Петропавловск, разрушили маячные здания, уездное управление, разграбили пороховые склады, убили много скота, у жителей отобрали огнестрельное оружие. Окружной начальник Лех, *взяв кассу*, женщин [и] детей, ушёл с дружиною внутрь страны... Вследствие сего [и] по приказанию главнокомандующего мною командирован [в] Петропавловск

и [на] Командорские острова бывший Петропавловский уездный начальник Сильницкий, а [в] Аян, Охотск, Олу... Гижигу... подполковник Страдецкий и... подъесаул Гудзенко».

Вот такая тёмная, почти детективная история...

И все же интересно, чем занимались господа камчатские администраторы в то время, как дружинники сбрасывали «патриотов микадо» в воды Охотского моря и Тихого океана, а «сумасшедший начальник» Сильницкий доказывал специалистам и начальникам, что он нормален и вполне дееспособен, что ему не место в Иркутском доме для умалишённых. Их «деяния» военной поры проследить, как выясняется, непросто.

Петропавловский уездный начальник С. М. Лех, который, как мне представляется, всё же вынес из-под обстрела исчезнувшую позднее кассу и симпатизировавший А. П. Сильницкому, выполнял текущие дела и робко, применяя «паллиативные» меры, досаждал торговцам, спаивавшим коренное население. По совести рассуждая, нам следует помнить Леха за то хорошее, пусть малое, что он делал для аборигенов, а не за то большое, что он мог сделать, но так и не посмел. Скупой до крайности на похвалу командир канонерской лодки «Манджур» капитан 1-го ранга барон Раден, самым нелестным образом отзывавшийся обо всех камчадалах от бродяги-мурки до врача В. Н. Тюшова и духовенства, в 1907 г. так охарактеризовал С. М. Леха: «Начальник уезда, он же мировой судья, следователь, почтмейстер, заведывающий переселенцами и вообще всем, человек весьма хороший, всеми любимый и уважаемый, с полным желанием исполнить свой долг и принести пользу краю. *Но слишком мягок и, не будучи в состоянии выполнить все свои функции, он понемногу обратился в добросовестного канцелярского чиновника и часто дискредитирует власть в глазах населения.* Его помощник, алкоголик, уехал в начале лета в отпуск и был лишь вреден в уезде, где он водил знакомство со всеми пьяницами».

Н. А. Гребницкий с началом навигации 1905 г. занимался отправкой неких «казённых припасов, заготовленных по распоряжению Министерства внутренних дел», очевидно, продовольствия. Так вот, к зиме эти припасы имелись только в Петропавловске и Тигиле, «селения же Большерецкое, Облуковинское и Усть-Камчатское не снабжены».

А барон И. Э. Брюгген, представлявший КТПО, продолжал делать деньги. Это явствует из бумаг Хрепятицкого, который 12 ноября 1905 г. докладывал в Санкт-Петербург:

«[В] течение прошлой зимы вся пушнина скупалась [в] Камчатке *исключительно Камчатским торгово-промышленным обществом...* [а] 20 мая [в] Петропавловск прибыл [на] собственном пароходе торговец пушниной Строк. [И на] аукционе продано...» Далее следует перечень проданных Строку мехов.

Памятуя об обстоятельствах скупки пушнины у населения в дни войны, несложно догадаться, насколько солидные суммы при попустительстве властей, а вернее после отстранения от власти Сильницкого, пошли мимо казны в карманы Брюггена, его столичных покровителей и местных «партнеров по бизнесу». Самое гнусное, что одни «россияне» делали деньги на страданиях других. И это в то время, когда ветераны «закончившейся» русско-японской, не щадя живота, продолжали сражаться с наседавшим противником.

Война без конца

Осмысливая камчатские события летне-осеннего периода 1905, а также и 1906 гг., с трудом признаёшь их «послевоенными». Уполномоченные России и Японии уже вели мирные переговоры, а японские военные корабли разбойничали в русских селениях северных округов Приморской области. Шла работа по ратификации Портсмутского мирного договора, а командование российских вооружённых сил «действующих» (!) против Японии отправляло на Камчатку военную контрабанду и чиновника с поручением по «регистрации дружины».

В этот же период японские шхуны продолжали набеги на камчатские берега, а русские ветераны «минувшей» войны громили их, как подобает защитникам Отечества. В этот же «послевоенный» период графиня Шувалова и Красный Крест отправили жителям Камчатки «пожертвованные... продовольственные продукты, носильное [и] постельное бельё, медикаменты» на сумму более 50 000 руб. (для сравнения — камчатский соболь стоил тогда 30—40 руб.), а те в навигацию 1905 г., не щадя живота, сожгли ещё четыре японских шхуны, убили сорок семь интервентов, взяли в плен трёх раненых и отправили их на лечение в тигильскую сельскую амбулаторию.

В 1906 г., 18 июля, на реке Воровской вновь случилось вооружённое столкновение с японцами, которые пришли сюда на пяти шхунах, понастроили сараев, амбаров и без всяких на то оснований занялись рыболовством. В стычке был убит Максим Иванович

Сотников и многие бывшие при нём камчадалы. И это лишь один случай, получивший широкую огласку.

А вот, например, информация из секретной шифрованной телеграммы министра иностранных дел России приамурскому губернатору: «Из японских источников с другой стороны передаётся, что приблизительно около того же времени (летом 1906 г. — А. Г.) на Камчатке в устье реки Каича (вероятно, название реки искажено при дешифровке. — А. Г.) русскими уничтожено японское судно “Каэцу-мару”, а экипаж перебит... Считаю долгом оговорить, что имеются ещё сведения о столкновении у берегов Камчатки русского сторожевого судна с шестью японскими шхунами... ведётся расследование морским начальством. *Извольский*».

И всё же, необъявленная русско-японская война, не ограниченная в сознании камчатских патриотов никакими хронологическими рамками, должна была когда-то закончиться.

«Вообще здесь хаос теперь», — писал в 1907 г. о Камчатке суровый командир канонерки «Манджур» барон Раден, полагавший, и не без оснований, что если не усилить полуостров здоровыми и трудолюбивыми переселенцами, то «японцы, нагрянувшие на Камчатку и даже углубляющиеся внутрь страны, быстро овладеют... истощённым физически и нравственно народом и сделают-ся полными хозяевами края».

28 июля 1907 г. была подписана русско-японская рыболовная конвенция, с которой, как мне кажется, и следует вести отсчёт мирного послевоенного времени на Камчатке. По этой конвенции, заключённой на основании Портсмутского мирного договора, предусматривалось предоставление японским подданным права «ловить, собирать и обрабатывать всякого рода рыбу и продукты моря, кроме котиков и морских бобров, вдоль побережий морей Японского, Охотского и Берингова». Сыны страны Восходящего солнца получили законное право сидеть под чёрными берёзами, стругать лососину, пить хмельные напитки, бить в свои музыкальные инструменты и петь свои громкие песни.

А что же случилось с главными героями нашего рассказа?

Антон Петрович Сильницкий, как говорилось выше, долгие годы спасал своё «единственное достояние» — имя честного человека. И кое-что в этом отношении ему удалось. Правда, потомки знают его больше под другими именами. В романе В. Пикуля «Богатство» А. П. Сильницкий фигурирует под фамилией Соломин и, на мой взгляд, литературный его образ весьма бледен. В учебном же пособии В. Д. Сергеева, по которому изучают камчатскую историю

тысячи наших школьников, где деятельности Антона Петровича дана объективная и справедливая оценка, именуется он почему-то не Антоном, а Александром. И это, право, очень досадная опечатка.

А Гундзи Сагэтада, пленённый на реке Итудиска, первое время находился в заключении в милюковской бане, а затем вновь обрёл свободу. Как именно — до конца не ясно. Но сохранился текст телеграммы Гребницкого, который заслуживает быть приведённым полностью:

«Никольск-Уссурийский. Военному губернатору. От 16 августа 1905 г. Сильницкий [и] Павский японцев согласно телеграммы 274 (я её цитировал выше. — А. Г.) из Петропавловска не отправили. Надзора не устраивали, результатом был побег четырёх японцев. Как телеграфировал увезший письма Гунджи, ныне все японцы отправлены внутрь страны, то же и Гунджи, пользовавшийся здесь полной свободой и отправивший письма на американском пароходе. *Гребницкий*».

Весьма трудный для восприятия текст. И все же из него можно извлечь немало интересного. Во-первых, имел место факт побега четырёх пленных японцев. Во-вторых, Гундзи отправил на американском пароходе из камчатского плена какие-то письма. В-третьих, некто, «увезший письма Гунджи», телеграфировал об этом Гребницкому. В-четвёртых, Гребницкий винит во всем случившемся Сильницкого и Павского, и сообщает, что в данный момент все японцы, в том числе Гундзи, отправлены внутрь страны.

Несложно понять, что обвинения в адрес «умалишённого» начальника Сильницкого, устранённого от власти самим же Гребницким на третьи сутки после пленения Гундзи, а затем поставленного в невыносимые условия, беспочвенны. Что касается чиновника Павского, то он, будучи тяжело больным человеком, скончался на транспорте «Аргунь» от водянки 27 октября 1905 г. по пути из Петропавловска во Владивосток. С ним и концы в воду. А вот то факт, что Гребницкий контактировал с неким лицом, «увезшим письма Гунджи» на американском пароходе, действительно интересен, особенно, если учесть, что все американские суда, заходившие в Петропавловск, были, так или иначе, связаны с КТПО.

Некоторые японские историки полагают, что письмо Гундзи из камчатского плена, в котором содержались рекомендации по рыбным промыслам Камчатки, попало к Ютаро Комура (Комура Дзютаро) «в нужном месте и в нужный час», так как он был полномочным представителем Японии на Портсмутской мирной

конференции и заложил в договор статью одиннадцатую, на которой впоследствии базировалась рыболовная конвенция 1907 г.

Отправленный «внутрь страны» Гундзи в декабре 1905 г. вернулся через Владивосток в Японию. Соотечественники встретили его бурными рукоплесканиями и окружили почётом. Пишут, что в тот момент сорокапятилетний авантюрист был как-то сконфужен и воспринимал знаки внимания со смущением.

Как бы там ни было, нынешние японцы и сейчас знают Гундзи по книгам Хиросэ Хикота, Ното Эйджо, Ваки Т. и других авторов. Однако известно им и другое. После пережитого в России Гундзи Сагэтада, не старый ещё человек, никогда больше не появлялся на Курильских островах. Он был сыт по горло чёрными берёзами, варварским вином и струганой лососиной. Он спел свою громкую песню.

Новая волна

*Пока всё открыто для грабежа
и своеволия японцев.*

Из рапорта барона Радена,
командира канонерки
«Манджур», 1907 г.

Самоустранение Гундзи деморализовало курильских колонистов. Они начали покидать освоенный с таким трудом остров Шумшу, несмотря на заманчивые перспективы, которые сулил им Портсмутский мир. Очень скоро на острове осталось лишь две семьи японских первопоселенцев, которым пришлось отказаться от дальнейшего развития рыбодобывающей и рыбоперерабатывающей промышленности и заняться картофелеводством, невзирая на насмешки со стороны вновь приезжающих соотечественников.

Плодами войны после заключения рыболовной конвенции 1907 г. воспользовались крупные компании, прибравшие к рукам все камчатские рыболовные промыслы. Одна из компаний, «Цуцуми сёкай», организованная в 1905 г. и превратившаяся под руководством Цуцуми Сэйроку в грандиозный комплекс рыболовных флотилий и консервных заводов, эксплуатировала ресурсы не только Камчатского полуострова, но и Приморья, Сахалина, Приохотья.

На камчатские консервные предприятия Цуцуми ежегодно приезжали десять-пятнадцать тысяч сезонных рабочих, благо иммиграционные и таможенные формальности русские власти

свели до минимума. При наличии договора с компанией японскому рабочему следовало лишь предъявить свой паспорт в российском вице-консульстве (Хакодате) и заплатить пошлину в размере 2 руб. 25 коп. Его паспорт регистрировался в реестровой книге консульства, а затем в нём делалась запись типа: «Японский поданный Иосида Сейкечи отправляется на рыболовные участки: № 239 — Жупановский, № 244 — Камчатский четвёртый и № 245 — Камчатский пятый».

Внешне всё выглядело вполне прилично. И все же поводов для беспокойства у российских властей было более чем достаточно.

Из доверительного письма российского посла в Токио министру иностранных дел России от 12 февраля 1909 г. известно, что начиная с 1907 г., японские военные суда «Мусаси» и «Конго» крейсировали у камчатских берегов и даже останавливались в местах, не открытых для международного судоходства, имея целью «наблюдение за своими рыболовными судами». По убеждению посла, «исполнение таких полицейских обязанностей японскими судами в наших территориальных водах не может быть оправдываемо ни в юридическом отношении, ни тем более в политическом. Подобное право не предоставлено японцам рыболовной конвенцией 1907 г.».

Следует сказать, что заходам в наши воды судов «Мусаси», «Конго» и «Хиеи» предшествовали официальные обращения японского правительства с просьбами о разрешении на эти плавания, а также о содействии им со стороны местных российских властей и военных судов в получении угля, воды и съестных припасов. Отказать японцам не решались «по политическим соображениям», хотя и понимали, что такие посещения крайне нежелательны, как бьющие по престижу российских властей в глазах «туземного» населения.

Приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер писал по этому поводу 12 марта 1909 г.: «Деятельность японцев на севере Приморской области в последние годы принимает всё более и более вредные для нас размеры и формы, настойчиво устремляясь к прочному внедрению в стране и к подчинению местного населения своему культурному и экономическому влиянию. Присутствие при таких условиях в наших водах японских военных судов, являющихся как бы выразителем японской силы, несомненно, может оказывать весьма нежелательное и вредное влияние на местное население, подрывая авторитет русской власти и тем способствуя упрочению японцев на берегах Камчатки».

Нерешительность наших властей объяснима и, на мой взгляд, оправдана. Отказать японцам в разрешении на заход военных кораблей в наши воды было можно, но проконтролировать и тем более пресечь подобные «визиты» нельзя.

Дело в том, что единственным сторожевым судном в то время был военный транспорт «Манджур», который хотя и совершал ежегодно с 1906 г. рейсы до Чукотки, но появлялся в промысловых районах слишком поздно и имел возможность задерживаться там лишь на очень короткое время.

«Всё-таки польза от его плаванья не полежит сомнению», — писал о «Манджуре» П. Ф. Унтербергер. И это абсолютно верное замечание. 28 мая 1910 г. «Манджур» у Командорских островов задержал парусно-моторную японскую шхуну «Койо-мару». Несмотря на то, что во время отбуксировки шхуны японцы сбросили за борт шкуры незаконно упомышленных бобров и котиков, 1 февраля 1911 г. окружной суд признал обвиняемого капитана Кирихама Наое виновным по девятьсот двадцать первой статье Уложения о наказаниях и приговорил его к тюремному заключению на десять месяцев. «Койо-мару» совсем инвентарём и грузом была конфискована.

В июне 1911 г. «Манджур» отличился вновь. В двух с половиной милях от острова Медного он задержал ещё одну браконьерскую шхуну — «Кофудзи-мару». Это судно было без мотора, но зато имело новый, по дну обшитый медью, корпус и полную оснастку. На этот раз хищники были взяты с поличным. На «Кофудзи-мару» обнаружили свежие бобровые и котиковые шкуры, запас соли, самое разнообразное оружие, в том числе — пушку. Шлюпку с этого судна задержали на бурунах Секачинских камней.

Сразу после ареста «Койо-мару» губернатор Камчатской области Василий Власьевич Перфильев задумал превратить эту парусно-моторную шхуну в «судно для разъездов промыслового надзора». Переписку с вышестоящими властями он начал 21 августа 1910 г. Однако дело не могло быть разрешено сразу, так как «Койо-мару» следовало сначала отсудить. И потому шхуна «благополучно» гнила.

26 июня 1911 г. В. В. Перфильев докладывал П. Ф. Унтербергеру: «Хотя она и цела пока, но корпус... пробывший в воде (вытащить на берег у меня было средств) без всякого ремонта более года, несомненно, значительно пострадал, тем более что шхуна далеко не из новых... Если шхуна останется без ремонта ещё на одну зиму... она уже будет мало пригодна для плаванья».

К моменту написания этих слов уже была арестована с поличным и «Кофудзи-мару». В. В. Перфильев был уверен в отношении неё, что «никаких сомнений в исходе дела нет». И всё же предполагал, «если дело затянется», продать имущество с «Кофудзи-мару», а деньги пустить на вытаскивание на берег обеих шхун и корпусный ремонт. «Вопрос о “Койо-мару” уже решён положительно в минувшем году, — писал Василий Власевич. — Если “Кофудзи-мару” снабдить мотором, то и она вполне годится для промыслового надзора, в частности для охраны [Командорских] островов».

Устремления Перфильева к обзаведению собственными сторожевыми судами были более чем надёжно обоснованы. Тысячи иностранцев ловили камчатского лосося, в районе чукотских берегов пиратствовали американцы, в наших территориальных водах «прогуливались» японские боевые корабли, а японские шхуны грабили котиковые лежбища островов Беринга и Медного — одно из главных камчатских сокровищ.

Для беспокойства за судьбу котиковых лежбищ был ещё один повод — пресловутое КТПО, арендовавшее промыслы Командорских островов с 1901 г. В 1912 г. срок аренды заканчивался, и вполне можно было ожидать повторения ситуации 1890 г., когда американская фирма «Гутчисон, Кооль и К^о» (арендатор 1871—1891 гг.) произвела напоследок хищнический забой стада котиков, преимущественно молодняка, в количестве вдвое большем, чем было положено.

Но если «Гутчисон, Кооль и К^о» изначально упорядочила ведение промыслового хозяйства, то КТПО арендовало промыслы в смутные годы русско-японской войны, когда японское браконьерство достигало небывалых размеров, что сказывалось на поголовье стад котиков и морских бобров. Да и само КТПО было преизрядным хищником. И по отношению к животным, и по отношению к населению.

«Алеуты, что живут на Командорских островах, — делился впечатлениями от виденного в 1903 г. А. П. Сильницкий, — ...самый бедный народ в мире, уже вымирающий. Причина та, что общество (КТПО. — А. Г.) попросту обманывает алеутов, снабжая их за добытых зверей всякой дрянью, например, духами, граммофонами, побрякушками, а затем спиртом, ромом, виски, прочими горячительными напитками, хотя ввоз их на остров запрещён. Расплата за зверей товарами, таксируемыми как Бог на душу положил, а главное — спаивание инородцев — вот корень их бедности».

Беспокойство проявляли не только местные, но и центральные органы управления. В мае 1911 г. во Владивосток «для передачи почтой в Петропавловск» поступило следующее сообщение: «Губернатору. Статс-секретарь Кривошеин телеграфирует: Ввиду сообщения котиковых убежищ [на] Командорских островах полагаю необходимым допустить убой [в] текущем году не более четырёхсот котиков. Точное определение числа и пола подлежащих убою котиков предполагаю поручить специалисту Суворову совместно [с] администрацией островов... *Лакшевиц*». В этом же документе говорилось, что камчатский губернатор должен оказать содействие специалисту Суворову.

Очень скоро их встреча состоялась, и Е. К. Суворов, дабы поддержать боевой дух единомышленника, сообщил Василию Власевичу «частным образом», что для охраны Командорских островов «предполагается построить две шхуны».

Следует полагать, что для Перфильева это было новостью, так как в письме от 26 июня 1911 г. он счёл возможным поделиться этим с П. Ф. Унтербергером и добавил: «Мне кажется, предварительно было бы не лишне, во избежание расходов казны, обсудить, не пригодятся ли для этого [строительства]... обе указанные шхуны». Подразумевались «Койо-мару» и «Кофудзи-мару».

Мне очень не хотелось бы ошибиться в истории с участием столь уважаемых людей как В. В. Перфильев, Е. К. Суворов и П. Ф. Унтербергер, но очень похоже, что весь этот обмен сведениями работал, как в России частенько случается, по принципу «испорченного телефона». А в качестве «строющихся шхун» фигурировали две японские, задержанные «Манджуром» и подлежащие ремонту и переоборудованию.

И. В. Витер приводит данные, что уже в октябре 1910 г., то есть более чем за полгода до всего этого «информационного обмена», со стапелей Охтинского судостроительного и механического завода «Крейтон и К^о» сошёл пароход «Адмирал Завойко», предназначенный для администрации Камчатской области, который должен был совместно с канонерской лодкой «Манджур» и военным транспортом «Колыма» патрулировать наши промысловые районы. И самое интересное. «Адмирал Завойко» прибыл в Петропавловск уже в 1911 г. И. В. Витер приводит описание этого исторического корабля: «Судно для плавания во льдах имело укреплённый нос и утолщённую обшивку в носовой части... две мачты со вспомогательной наружностью, три гребных шлюпки, один моторный катер, был установлен беспроволочный телеграф,

а также артиллерийское снаряжение — две пятидесятисемимиллиметровые пушки и два пулемёта».

В отличие от рыбных промыслов Камчатки, где безраздельно господствовали японские предприниматели, пушные промыслы Командорских островов с 1891 г. сдавались в аренду «только русским подданным или русским товариществам и компаниям». С 1891 г. — РТКП, с 1901 г. — КТПО, с 1912 г. — торговому дому «И. Я. Чурин и К^о», контракт с которым был подписан на срок до 1 сентября 1916 г.

В мае 1913 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием статс-секретарь А. Кривошеин утверждён инструкцию по заведыванию пушными промыслами Командорских островов на 1913—1914 гг., в которой содержались указания:

«1) Выставлять караулы у котиковых лежбищ и бобровых местобитаний.

2) Хищнические шхуны и шлюпки, производящие охоту на котиков и бобров в пределах трёхмильной прибрежной полосы, арестовывать вместе с экипажем — независимо от национальности.

За пределами этой полосы задерживать для передачи охранным судам шхуны и шлюпки под русским, английским, Северо-Американских Соединенных Штатов и японским флагами».

Камчатский губернатор Николай Владимирович Мономахов, назначенный на эту должность 18 июня 1912 г., встал перед неизбежной и трудноразрешимой проблемой усиления военной охраны островов. Вспомнив о том, что его предместник В. В. Перфильев в мае 1909 г. добился отправки на Командоры «двух пушек с принадлежностями» и испрашивал разрешения ещё на два пулемёта «облегченного типа, которые можно было бы брать в охранные лодки», Николай Владимирович возобновил хлопоты. Ему удалось выяснить, что в ответ на ходатайство В. В. Перфильева, Главным артиллерийским управлением было разрешено безвозмездно передать в распоряжение администрации Командорских островов двенадцать пулемётов Гарднера, восемь пулемётов Гочкиса и к ним десять миллионов патронов. Мономахов вновь запросил Приамурский военный округ по этому вопросу, и в конце мая 1914 г. получил ответ, что «вышеозначенные пулемёты с патронами отпущены быть не могут вследствие их непригодности».

25 сентября 1914 г. Мономахов письменно изложил суть дела Приамурскому генерал-губернатору Н. Л. Гондатти и просил того ходатайствовать за Камчатку перед военным ведомством «об отпус-

ке других пулемётов с патронами, взамен оказавшихся негодными». Через месяц на обращении Николая Владимировича появилась резолюция: «Сообщить о положении дела; до окончания войны, кажется, ничего получить нельзя. 30 октября 1914 г. *Н. Гондатти*».

В условиях начавшейся Первой мировой войны и грядущих революций, Командоры, как и Камчатка в целом, оставались беззащитными.

В навигацию 1915 г. активизировались американские браконьеры, истреблявшие моржей на побережье Чукотки. Продуктом промысла считались клыки, кожа, жир. Мясо американцы отправляли за борт. Каждая шхуна в сезон добывала до двух тысяч моржей. В результате этого вандализма зимой 1915/16 гг. в двадцати пяти селениях от бухты Провидения до мыса Дежнёва начался страшный голод. Люди питались ремнями, обувью, чем придётся.

«Создавшееся положение, — телеграфировал Н. В. Мономахов, — вновь подтверждает необходимость снабжения начальника уезда (Анадырского. — *А. Г.*) судами для надзора [за] американскими хищниками [и] представление моё [от] 16 октября 1913 г. 5738, а до постройки просимых шхун командировать ежегодно месяца на два охранное судно... *Мономахов. 131*».

А что же «Адмирал Завойко»? Его возможности были весьма ограничены. Как писал действительный статский советник Н. Пономарёв в марте 1916 г., «посылка яхты “Адмирал Завойко” в навигацию текущего года к берегам Чукотского полуострова едва ли достигнет преследуемой цели в смысле устрашения хищников, помышляющих моржей, так как имевшиеся на яхте две пушки Гочкиса в настоящее время, по случаю военного времени, сняты и кроме того быстрота хода яхты определяется всего лишь девять узлов в час; между тем как хищнические шхуны обладают ходом до двенадцати узлов в час».

Новая волна японского «освоения» камчатских ресурсов, захлестнувшая полуостров в 1907 г., хронологически совпала с русской переселенческой волной.

Русско-японская война 1904—1905 гг., революция 1905—1907 гг., столыпинский земельный закон от 9 ноября 1906 г. породили движение переселенцев и ходоков из европейской России в азиатскую, в частности — на Дальний Восток. Сюда мигрировала преимущественно крестьянская беднота из центрально-

чернозёмной полосы и украинских губерний, а наибольшего размаха это движение достигло в 1907—1910 гг.

Переселенческое дело было организовано из рук вон плохо. Многие уезжали обратно, а те, кто не имел для этого достаточных средств, пытались применять свои силы не в земледелии, а в других отраслях хозяйства — в золотодобыче, железнодорожном строительстве, на рыбных промыслах. К 1913 г. численность населения Дальнего Востока увеличилась почти в три раза. Появились переселенцы и на Камчатке. Вот только первыми добрались сюда не семейные крестьяне с серьёзными планами на будущее, а так называемые «мурки».

Сведений о «мурках» в существующей литературе по истории Камчатки по известным причинам практически нет. Этим словом старожилы обозначали всех, за редким исключением, лиц без определённого рода занятий, людей «мутных», внушающих неуважение, беспокойство, страх.

Командир «Манджура» барон Раден, характеризуя начало переселенческого движения на Камчатку, в июле 1907 г. отмечал, что тогда было «мало настоящих переселенцев из Харбина, Владивостока». Фердинанд Владимирович Раден, человек, как мне представляется, бескомпромиссный, честный и принципиальный, не стеснялся называть вещи и явления своими именами. Потому, наверное, именно у него, а не в бумагах гражданских чиновников, удалось найти вразумительный ответ на вопрос о социальных корнях пресловутых «мурок».

«Слабые попытки переселения, — рапортовал Раден во Владивосток, — сделаны и нынче, но они носят скорей характер выталкивания негодного элемента в новый край, чтобы избавиться от беспокойства и опеки над ними... Прибыли всевозможные бродяги, золотоискатели, охотники... отставные солдаты, бывшие сахалинцы и прочий подозрительный сброд. Средства их весьма сомнительны, в цели приезда они сами себе ясного отчёта дать не могут... вместо ожидаемого Эльдорадо... с первых же дней бедствуют, живут под открытым небом, в лучшем случае в палатках, требуют работы, но при том очень разборчивы и ставят неслыханные условия... Большинство уже теперь пропилось совершенно и шатается без дела в Петропавловске, боясь уйти вглубь страны, да и не имея возможности сделать это из-за отсутствия средств».

По мнению барона Радена, заселение Камчатки «такими бродягами» подвергало край опасности грабежей. Он сообщал о том, что существовали пиратские шхуны, «которые ходят вдоль бере-

га, имея три-четыре человека русских в роли рабочих-рыболовов, зафрахтованные подозрительными лицами с неясными правами на рыболовные участки».

После революционных событий, охвативших и Дальний Восток, был и другой, помимо типичных «мурок», повод для беспокойства. «Очень вредны, — писал Раден, — сосланные сюда за политические преступления; их пока немного, но они развращают местное население, возбуждая их против властей и правительственных распоряжений, в особенности о рыбных промыслах. Среди рабочих... промышленника Бондаренко, имеющего концессии на Караге и бухте Барона Корфа, есть самые отъявленные бродяги, которые, между прочим, абордировали пароход “Днепр”, избили при этом до бесчувствия старшего помощника и произвели всякое бесчинство на пароходе».

Говоря откровенно, ознакомившись с рапортом барона Радена, я сначала удивился, что историки-марксисты, изучавшие революционное движение на Дальнем Востоке 1905—1907 гг., упустили этот документ из виду. Ведь он отражает и «классовую борьбу», и взгляд на неё представителя «реакционных кругов». А затем понял: на фоне в меру покладистых старожилов «политические», подстрекающие рабочих на абордаж парохода «Днепр», выглядят даже менее приглядно, чем бродяги-мурки, занимавшиеся незаконными промыслами.

В борьбе за выживание «мурки», не имевшие поддержки ни со стороны администрации, ни со стороны постоянного населения, полагались исключительно на себя и на фортуна. Значительная их часть занималась браконьерским промыслом пушного зверя. При этом, стремясь побыстрее, если не разбогатеть, то хотя бы встать на ноги, они наносили немалый вред камчатской природе и, стало быть, подрывали саму основу существования старожилов.

В ноябре 1911 гг., когда правительство работало над законом об установлении ограничительных мер по охоте на соболя, утверждённого Николаем II 9 июня 1912 г., камчатский губернатор В. В. Перфильев направил в департамент земледелия свои предложения по пушному промыслу на Камчатке, где далеко не между прочим указывал:

«Нарушения [правил охоты] бывают не редки, особенно теперь, когда с каждым годом увеличивается... пришлый элемент, ищущий здесь лёгкой наживы».

Особенно широко пришлые браконьеры развернулись в Гижигинском и Петропавловском уездах. А в Анадырском, куда по

данным Перфильева, «в последнее время стало приезжать много русских», стал «через них» распространяться «промысел пушнины отравой стрихнином и сулемой (в пилюлях)». Этот способ охоты был вреден тем, что гибло много зверя без пользы для охотника. «С этим злом, — писал Василий Власьевич, — который вносит в уезд, главным образом, приезжий элемент, необходимо энергично бороться».

Поскольку пришлые браконьеры охотились даже в заповедных местностях («Асача» и «Кроноки»), соболя становилось всё меньше и меньше. «Приходится ходить за ним туда, — жаловались старожилы губернатору, — где отцы никогда и не бывали».

Излагая по пунктам свои конкретные предложения, В. В. Перфильев настоятельно требовал: «Последняя законодательная мера... должна касаться приезжего элемента... Хищники эти ни у кого разрешения не спрашивают... и остаются безнаказанными... Необходимо установить как закон, что... промысел разрешается только коренному местному населению. Лица, приезжие... на постоянное жительство, имеют право заниматься... промыслом только по истечении года после причисления к местным сельским обществам или образования новых селений... Никаких охотничьих билетов для приезжих не должно быть выдаваемо ни за плату, ни бесплатно, так как *в Камчатской области охота не является спортом... а служит промыслом обеспечивающим существование местного населения*, которое и должно быть охраняемо от вторжения посторонних элементов... с хищническими наклонностями».

Камчатский губернатор, как видим из этого текста, не страдал местничеством. Переселенец мог сделаться «муркой», но мог, по его мнению, доказать трудом свою добропорядочность, стать членом сельского общества и вскоре получить право на промысел, уравнившись в правах со старожилом.

Нет оснований считать недругом всех приезжих и «махрового реакционера» Радена, который писал: «Главное, нужно селить хороших людей с их семьями... и давать им возможность устроиться... Эти люди... будут оплотом края».

Вот только мотивировали они свои взгляды по-разному. Губернатор Перфильев оберегал промыслы аборигенов и старожилов, а командир канонерки считал местных жителей вырожденцами, которых необходимо «заменить свежими силами работающих переселенцев». Оба, на мой взгляд, были отчасти правы и отчасти ошибались.

Голь перекатная — нищий «мурка», не имеющий никакого законного заработка, не мог стать членом сельского общества, если, конечно, это не было специальное поселение, состоящее из одних переселенцев. Но и сами эти поселения выживали с большим трудом. Из образовавшихся в 1907 г. «Озерной и Жупановской колоний переселенцев» к осени 1909 г. в первой осталось двенадцать семей, занимавшихся рыболовством, охотой и огородничеством, а вторая «распалась совсем». Семьи, покинувшие Жупановскую колонию, перебрались в Петропавловск уже без средств к существованию, и им пришлось выдать ссуду на обустройство (по шестьдесят рублей — один-два соболя в зависимости от сорта) и строительные материалы на жильё.

Селение Озерное, позднее называвшееся Унтербергер (с 5 июля 1918 г. — Запорожское), выжило лишь потому, что там в 1907 г. существовал уже *русский* промысловый участок фирмы «Грушецкий и К^о», а затем и рыбоконсервный завод. И Перфильев не мог этого не знать. Ведь практически все участки были *японскими*, а японцы, как правило, использовали: на речных участках — русских рабочих, привезённых на сезон из Владивостока, а на морских — японцев. Местное население, в том числе и новосёлов, они принимали на работу крайне редко, а вот реки, на которых те жили, — опустошали. Возрождённая позднее Жупановская колония, получившая название Перфильевка, также выжила лишь потому, что арендатором участка на реке Жупановой был русский — доктор Шаболдаев.

Петропавловский уездный начальник С. М. Лех даже в 1914 г., то есть спустя несколько лет, сокрушался: «Невольно задаёшься вопросом: с одной стороны желание Камчатку заселить, с другой... переселенцы лишены единственно верного заработка — это быть поставщиком рыбы для арендующего на его реке рыболовный участок». И настаивал, чтоб «Управление государственных имуществ, отдавая рыболовные участки, считалось и с тем населением, которое обитает по тем речкам, где сданы участки... Это важно для вновь образовавшихся поселков из переселенцев, так как последние нуждаются в рыбе не только для собственной потребности, но и для заработка для первоначального обустройства». Настаивал на выработке новых, более строгих правил для рыбопромышленников.

Волокита не прекращалась, как видим, вплоть до 1914 г. «Мурки» оставались «мурками». Они либо питали криминальную среду, либо уходили на фронт. Редкие из них устраивались на работу

в промышленно более развитых районах Дальнего Востока. Любая из этих дорог вела их в революцию...

С взглядами барона Радена, на мой взгляд, вполне можно согласиться в том, что при правильно продуманной постановке переселенческого дела новосёлы Камчатки (не «бродяги», но «хорошие люди с их семьями») могли бы стать «оплотом края». Однако его рассуждения о «вырожденцах», которых следует «заменить», вызывают неприятие, ибо имелись и иные мнения на сей счёт. Подобные внешне, но отличные по существу.

В чём виделись Радену признаки вырождения? Во-первых, в том, что имея возможность обеспечить себя охотничьим промыслом всем необходимым на зиму, «жители края» на том и ограничивались, не заботясь о будущем. Во-вторых, в том, что они плохо занимались скотоводством, из-за чего «чудная порода скота и лошадей гибнет на глазах» от бескормицы, так как сено не заготавливалось. В-третьих, в том, что не обеспечивали кормами даже своих собак, без которых на Камчатке жизнь была невозможна. Отсутствие ухода и плохое содержание приводило к гибели от чумки и голода шести-семи из десяти животных. И, наконец, в том, что огородничество ограничивалось посадкой картофеля, о хранении которого практически не заботились. Урожай вымерзал и сгнивал задолго до окончания зимы. «Всё это доказывает, — писал Раден, — что местное население выродилось и должно быть вытеснено или заменено свежими силами».

Нет необходимости опровергать изложенные им факты. Они подтверждаются многими документальными свидетельствами. Но выводы... В солидном по объёму рапорте Раден ни разу не пояснил, кого же собственно он именует «местным населением», кто эти «жители края», которые *«медленно, но верно извращаются в экономическом и нравственном отношениях»*. Раден ни разу не назвал «местное население» русским или туземным, инородческим, как тогда было принято. И лишь единожды назвал «жителей края» камчадалами. Предъявляя к камчадалам требования, как к русскому населению исконных русских губерний, нетрудно прийти к тем же выводам, к которым пришёл капитан Раден, стоя на своём командирском мостике. И, говоря по справедливости, мостик капитана Радена недолго пустовал. Уже в 1912 г. в «Русском антропологическом журнале» была опубликована статья известного исследователя Камчатки и будущего президента Академии наук СССР В. Л. Комарова под названием «О русском населении Камчатки», львиная доля которого была посвящена имен-

но камчадалам! А ранее в журнале «Землеведение» В. Л. Комаров, как бы поясняя свою позицию, писал: *«Общие теперь всему оседлому населению... Камчатки бытовые черты интереснее племенных»*.

На рубеже XIX и XX вв. многие камчадалы уже и сами затруднялись в определении своей этнической принадлежности. За исключением нескольких селений западного побережья, они не говорили по-ительменски и не владели этим языком. Камчатская русская речь характеризовалась крестьянским приленским произношением звуков «ч» как «ц», «ш» как «с» и т. д. А на вопрос В. Н. Тюшова, почему всё же они называют себя камчадалами, отвечали: *«Так начальство называет — ну, оттого и мы себя так зовём»*.

Куда больше их, отверженных Россией потомков ительменов и русских первопроходцев, беспокоил другой вопрос — будет ли в этом году рыба в реках для «годового пропитания» себя, своих семей и собачек?

Спасать и врачевать

*Выразите, кто как может, своё
сострадание к горемыкам, живущим
в стране беспредельной скорби.*

Иеромонах Нестор,
камчатский миссионер, 1909 г.

Использованные в качестве эпитафии слова иеромонаха Нестора (Николая Александровича Анисимова) прозвучали 15 ноября 1909 г. громом среди ясного неба... города Казани.

Выпускник реального училища и Казанских миссионерских курсов, трудившийся в Корякской походной миссии с мая 1907 г., иеромонах Нестор через газету «Казанский телеграф» поначалу «имел ввиду обратиться к благочестивым казанцам с просьбой оказать посильную помощь для продолжения постройки церкви на Камчатке во имя преподобного Иоанна Рыльского и часовень». Однако во время подготовки текста обращения к опубликованию, он получил информацию с Камчатки о надвигающемся голоде и изменил содержание своего воззвания. «Я сейчас не решаюсь просить помощи для постройки церкви, — писал Нестор, — а дерзаю обратиться к добрым людям с призывом на помощь голодным».

Обстоятельно, взвешивая каждое слово, но наполняя его обличительным смыслом, о. Нестор поведал казанцам историю о том, как Управление государственных имуществ «по каким то неизвестным соображениям» сдало в устье реки Анадырь (Анадырский уезд входил в состав Камчатской области) рыболовные участки одновременно трём рыбопромышленникам. Те же за сезон выловили и вывезли сто тысяч пудов рыбы и несколько тысяч пудов икры. Население, таким образом, осталось без пропитания для себя и своих собак.

«Есть одна пища у инородцев, — писал священник, — рыба, да не им, бедняжкам, принадлежит, а богатым рыбопромышленникам: “Эриксон, Сронэ и К°”. Есть пушной промысел у инородцев, да ничего не приносит им, ничего кроме охотничьих лишений, да безценного (то есть за бесценок) сбыта мехов господам Йохонсон, Хоа-сито и К°. На долю инородцев остаётся только голод, холод, нищета, болезни и вымирание».

Прибывший на Камчатку накануне подписания русско-японской рыболовной конвенции о. Нестор и прежде видел, как притесняется и доходит до крайней стадии нищеты аборигенное население, и он всегда стремился помочь страждущим не только словом, но и материально. Однако времена стремительно менялись и отнюдь не в лучшую сторону. «А ныне, — задавался священник риторическим вопросом, — как же мы обратимся к родной матери России с просьбой о помощи... когда *Россия ясно показывает своим отношением к Камчатке, что Камчатка для нея недобрый и ненужный пасынок?*»

Жизнь Николая Александровича Анисимова, явившего пример бескорыстной преданности и служения Богу, Царю и Отечеству, всё ещё слабо освещена в печати, хотя первые шаги в этом направлении уже сделаны Эльзой Сергеевной Дяченко и Ириной Васильевной Витер. Личная трагедия этого человека, конечно, если так можно выразиться в отношении лица духовного, представляется в том, что многие его устремления и конкретные дела, направленные на улучшение жизни обитателей Камчатки, были приостановлены Первой мировой войной, а затем полностью пресечены соответствующими органами советской власти. Автор крамольной брошюры «Разстрел Московского кремля. 27 октября — 3 ноября 1917 г.», отпечатанной в Москве в 1917 г., автор контрреволюционных воззваний, ходивших по рукам во многих камчатских приходах в 1922 г. и изымавшихся госполитохраной и военсоветами под угрозой наказания «по закону военного вре-

мени», о. Нестор был надолго очернён идеологами большевизма и вычеркнут из памяти тех, о ком заботился и молился, из памяти чукчей, коряков, камчадалов, русских.

Основные вехи камчатского периода жизнедеятельности о. Нестора (иеромонаха — архимандрита — епископа и основателя Православного Камчатского братства во имя Нерукотворного образа всемилостивого Спаса) обозначены в статье И. В. Витер «Петропавловск: начало века». Мне хотелось бы лишь дополнить известное некоторыми интересными, на мой взгляд, деталями.

Недолгое пребывание на Камчатке не стало преградой для о. Нестора в его познании камчатской действительности начала XX в. Его взгляды, как мне кажется, не должны оставаться вне поля зрения тех, кто пытается понять всё происходившее в обществе и государстве на закате истории Российской Империи. Возможно, его оценка камчатского быта и духовной жизни населения покажутся неискушенному читателю категоричной, но это оценка очевидца искреннего, мудрого и прозорливого. Это оценка соответствующая историческим реалиям камчатской жизни.

Для о. Нестора, в отличие от нынешних исследователей, муссирующих заказную «проблему камчадалов-ительменов» и гадающих «чьей крови в них больше», русской или ительменской, такой проблемы не существовало. Вот мысли камчатского миссионера из его дневника, опубликованного в Киеве в 1912 г.: «К глубокому прискорбию... сами-то *русские камчадалы*... уронили своё русское имя и дело, пали духом и телом... это умственно неразвитый народ, нравственно-невежественный и испорченный свободной и безнадзорной жизнью. Но, быть может, отсутствие жизненных удобств и *полное необеспечение дикого края изуродовали русского мужика-крестьянина*, бывшего хлебопашца и развратили его».

Отмечая все пороки камчатского населения, о. Нестор не отрекается от своих соотечественников, не требует, подобно барону Радену, немедленно заменить «вырожденцев». Напротив. Он пишет: *«Сейчас уже является трудной задачей подчинить этот народ благу влиянию, трудно пошатнуть, а тем более разрушить, или пересоздать ненормально установившийся строй жизни среди христиан русских-камчадалов.* Правда, сближение русских камчадалов с туземцами и совместная жизнь оказали сильное взаимное влияние: *одни до некоторой степени “худо одичали”, а другие “дурно обрусели”.* Так что миссионерам является задача *спасать и духовно врачевать тех и других*».

Храмовое строительство, развернувшееся на Камчатке в бытность отца Нестора, отнюдь не имело целью распространение в населении «опиума для народа» и не означало «насаждения» христианства, как считали и продолжают считать историки-ленинисты. Ведь если внимательно посмотреть на историю храмового строительства, то становится совершенно очевидным стремление самих людей иметь в своих селениях храмы и часовни, исповедовать православие. Особенно очевидно это выражено у камчадалов, забывавших свои древние языческие обычаи уже во времена Г.-В. Стеллера и С. П. Крашенинникова. В 1914 г. камчатский протоиерей Даниил (Шерстенников) писал: «Постройка часовен — любимое общественное дело. Все (камчадалы. — А. Г.) идут с топорами и строят, как умеют, прилагая полное старание к созиданию “Дома Божия”, где батюшка совершит для них когда-нибудь Божественную Литургию, а Великим Постом будет их “постить”».

Уместно сказать, что строительство для камчадалов было делом сложным и трудоёмким. Приемы строительства деревянного русского зодчества (не говоря уже об архитектурных традициях) в XIX в. были на Камчатке основательно подзабыты. Не хватало инструмента, не было хороших мастеров. А. П. Сильницкий в 1897 г. засвидетельствовал этот факт: «В Камчатке ни плотников, ни столяров нет и вопрос о постройке нового дома и о капитальном ремонте старого, за отсутствием мастеров, откладывается из года в год. *Строят новый дом тогда, когда старый буквально разваливается*». Однако же строительство часовен на Камчатке не прекращалось даже в периоды полного забвения далекой российской окраины. Если в 1849 г. здесь было три часовни, то в 1852 г. — уже шесть, в 1853 г. — семь, в 1859 г. — девятнадцать, а в 1873 г. — тридцать две.

«Все камчатские часовни по наружному виду своему, — писал протоиерей Даниил (Шерстенников), — ...имеют вид храмов и могут быть вполне приспособлены для совершения Божественной Литургии, как и есть на самом деле, но не отличаются большими размерами и богатством убранства... некоторые часовни представляют... типичные образцы камчадальского строительного искусства, не достигшего, впрочем, особенного совершенства, таковы Ганальская, Завойкинская, с иконостасами работы местных самоучек-резчиков, сделавших их при помощи ножа».

Я аргументировал утверждение о стремлении камчадалов к христианству через обзор строительства часовен, а не церквей,

так как хотел показать движение снизу. Впрочем, и статистика по церквям, строительство которых производилось только в случае особой надобности, подтверждает мнение, что к вере не приуждали — во второй половине XVIII в. на Камчатке было восемь церквей, во второй половине XIX в. — одиннадцать.

О. Нестор хлопотал на всех уровнях, вплоть до Высочайшего, за возрождение на Камчатке монастырей, предлагая осуществление проекта начать в тех самых местах, где в начале XVIII в. существовала Успенская пустынь Якутского Спасского монастыря. Монашествующую братию намеревались привлечь из Соловецкого монастыря, известного строгой и трудовой жизнью. Камчатская мужская обитель должна была явиться школой веры, труда и грамотности. А женскую обитель милосердия предполагалось построить у горячих ключей на реке Паратунке. Из газетных сообщений 1914 г. известно, что комиссия Государственной Думы по делам Православной церкви пришла к заключению, что реализация проекта по учреждению на Камчатке монастырей необходима «для удовлетворения религиозных нужд населения и в целях колонизации». Доклад по законопроекту об устройстве в Камчатке мужского монастыря был представлен комиссией на одобрение общего собрания Думы.

Несомненно, было две причины, из-за которых задуманное не совершилось тогда. Первая — проблема землеотвода. Под мужской монастырь церковное ведомство испрашивало тысячу десятин в окрестностях Ключевского селения и столько же — на расстоянии тридцать пять — пятьдесят вёрст ниже по реке. А вторая — начавшаяся Первая мировая война.

В 1914 г. о. Нестор ушёл на фронт, вслед за отцом и братом. Он состоял при лейб-гвардии Драгунском полку и «посильно послужил русскому воинству на поле брани». Ходил с драгунами верхом в кавалерийскую атаку, организовал санитарный отряд «Первая помощь под огнём врага» и лично выносил раненых с поля боя, напутствовал их, отправляя в госпиталь. В одном из боёв участвовал в наступлении с крестом в руке под сильным огнём противника. За ратные и духовные подвиги о. Нестор был награждён золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте, орденами Св. Владимира с мечами 4-й степени, Св. Анны 2-й и 3-й степеней с мечами.

В 1915 г. он был возведён в сан архимандрита, а 16 октября 1916 г. по Высочайшему повелению хиротонисан во епископа Камчатского и Петропавловского. Владыка Евсевий писал в Синод:

«Нестор — это Камчатка, а Камчатка — это Нестор». Нестор продолжил свой неустанный труд по духовному спасению и врачеванию обитателей Камчатки. К 1917 г. его стараниями на Камчатке было уже тридцать семь храмов, тридцать восемь часовен и сорок две школы.

Николай Александрович Анисимов был тонким знатоком человеческих душ. Его видение камчатской действительности начала XX в. не должно оставаться вне поля зрения тех, кто пытается понять всё тогда происходившее в обществе и государстве. Возможно, его оценка камчатского быта и духовности русских и камчадалов несколько категорична (одни худо одичали, другие дурно обрусели), но нам ли, живущим девяносто лет спустя в этом сумасшедшем мире, подвергать её критике?

За годы камчатского служения о. Нестор осознал то, что недоступно пониманию нынешних национал-реаниматоров. «Возродить», выделить из среды метисов-камчадалов этнически чистых ительменов, а из среды русских старожилов — этнически чистых русских невозможно. Определить, кто из них более ительмен, а кто более русский, так же нереально, как найти след Кутха на морском берегу или могилу первого русского казака, женившегося на ительменке. Прав был Гераклит — в одну реку нельзя войти дважды.

*Петропавловск-Камчатский,
1997 г.*

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВЛАСТИ КАМЧАТСКОЙ
ГУБЕРНИИ (ОКРУГА) ПО БОРЬБЕ
С ПРЕСТУПНОСТЬЮ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.**

Состояние преступности на Камчатке в 1920-е гг. было напрямую связано с особенностями политического состояния и экономического развития Северо-Востока России. На криминальную обстановку влияли огромные размеры территории, её практически полная изолированность, отсутствие промышленности, слабое развитие сельского хозяйства и торговли, малонаселённость и преобладание коренного населения, длительный период гражданского противостояния и более позднее установление советской власти, пограничное положение и значительное присутствие иностранного капитала. Особо следует отметить, что в 1920-е гг. в России в целом и на Дальнем Востоке достиг колоссальных масштабов бандитизм, борьба с которым стала важнейшим направлением деятельности милиции. Несмотря на то, что в 1920-е гг. основную тяжесть вооружённой борьбы с бандитизмом несли органы и войска ВЧК-ОГПУ, в связи с сокращением численности войск и активизацией преступников в стране, использование милиции становилось всё более широким [1, с. 194—196].

Особенностью бандитизма в Камчатской губернии в первой половине 1920-х гг. было его ограниченное распространение. В отчёте «О деятельности помощника приморского прокурора по Камчатке с 1 января по 1 апреля 1924 г.» указывалось, что «бандитизм имеет место только в Охотском уезде» [2, л. 66]. Начальник Камчатского административного отдела (КАО) 14 ноября 1925 г. также сообщал, что на территории губернии «бандитизма нет, за исключением Охотского уезда» [3, л. 5]. Развитие политического бандитизма в уезде было обусловлено рядом факторов. Он являлся наиболее экономически развитой частью губернии, на которой были сосредоточены золотые прииски, угольные копи и рыболовные участки. Здесь сконцентрировался зажиточный «устойчивый контрреволюционный элемент», присутствовали бывшие белогвардейские нижние чины и офицеры из отрядов А. Н. Пепеляева, В. И. Бочкарёва, А. И. Ракитина и другие [4, л. 38]. Впоследствии многие из них стали не только участниками, но и руководителями антисоветских вооружённых формирований.

Следует отметить, что Охотский уезд был самым неблагополучным (в криминальном отношении) на Северо-Востоке России. Здесь наблюдалось скопление преступного элемента, а количество совершаемых преступлений было самым высоким в губернии. Например, золотые прииски находились в состоянии упадка, а условия жизни на них порождали такие преступления как бандитизм и контрабанду. После закрытия навигации на прииски прекращалась поставка продовольствия, чем пользовались спекулянты и контрабандисты.

Значительное количество вооружённых групп имели базы на территории Якутии, откуда совершали набеги и где скрывались в случае неудачи и с наступлением зимы. Важнейшей причиной антисоветских настроений в Охотском уезде стали незаконные действия местных органов власти во время советизации в 1923—1924 гг. Так, руководители военного экспедиционного отряда и органов ГПУ проводили «негласную изоляцию», аресты, пытки и расстрелы тунгусов, якутов и местных русских. Распространённым явлением были расстрелы без суда и следствия и «бесследные исчезновения» местных жителей Аяна и Охотска, имущество которых конфисковывалось. Охотские власти не только взыскивали с местного населения дореволюционные налоги, но и вводили новые, втрое превышавшие налогообложение царских времен. Были распространены систематические нарушения при регистрации пушнины и оружия [4, л. 14—15].

Представители власти не знали языка, традиций и культуры аборигенов и совершенно не считались с их особыми бытовыми условиями, укладом жизни и социальными отношениями [2, л. 12]. В 1925 г., в информационном отчёте особой комиссии ВЦИК по расследованию причин антисоветского вооружённого выступления в Охотске, отмечалось, что «отношение к местному населению было очень скверное», «налоги были безумны, а снабжения почти не было», «имел место русский великодержавный шовинизм и чиновничье понимание законов» [4, л. 14]. Апогеем развития политического бандитизма в Охотском уезде стал 1924 г., когда вооружённые выступления охватили Охотское побережье и восточные районы Якутии, а политическая обстановка обострилась настолько, что возникла реальная угроза существования советской власти в уезде [5, с. 42]. Помощник приморского губернского прокурора по Камчатке в 1924 г. отмечал, что в Охотском уезде «банды якутов и тунгусов под руководством белогвардейских офицеров и якутской интеллигенции пытались захватить город Охотск» [2, л. 66].

В указанный период в уезде имелось несколько десятков вооружённых групп, количество участников которых доходило до шестисот человек. Кроме того, здесь свободно «гастролировал» уголовный элемент, усиливая местный бандитизм и преступность. Согласно донесениям камчатского и охотского ОГПУ, во второй половине 1924 — начале 1925 гг. наиболее активно действовали вооружённые группы под руководством Ю. Галибарова, П. Карамзина, С. Карамзина, Я. Шарфина, Н. Слепцова, М. Артемьева, Выборова. Отряды якутов и тунгусов были сосредоточены в районе рек Урак и Улья (120 чел.) и селения Южно-Крестовского (400 чел.). Участники вооружённых формирований не признавали советскую власть, а также вели активную агитацию «за присоединение Охотского уезда к Якутии и автономию Якутии от России».

Особую активность вооружённые формирования проявили весной и летом 1924 г. Так, 10 мая 1924 г. группа в составе 25 чел. захватила селение Нелькан, а 7 июня 1924 г. начальник уездной милиции Лихонос докладывал о нападении на порт Аян «шайки бандитов, состоящей из якутов, тунгусов и русских». Личный состав охотской милиции был слишком немногочисленным и недостаточно подготовленным, чтобы противостоять бандитам [6, л. 58].

Очередное нападение на Аян было совершено 7 июля 1924 г. вооружённой группой численностью 60—80 чел. [2, л. 13]. Она имела чёткую структурную организацию и отличалась особой мобильностью. Руководил ею П. Карамзин, его помощником был М. Артемьев. Отряды возглавляли Канин и Попов, интендантом являлся Потапов, помощниками интенданта — Шаробин и Змеев-Чириков, заведующим следственной и политической частью — И. П. Добрынин. В результате восемнадцатичасового боя Аян был захвачен, командир взвода ОГПУ Суворов и два красноармейца убиты, а находившийся в порту взвод войск ОГПУ взят в плен и разоружён [2, л. 13]. Захвачены тридцать винтовок системы Бердана, два пулемёта «Шоха», восемь револьверов, разграблены продуктовые склады.

Попытки уездной власти ликвидировать эти отряды, предпринятые в августе-декабре 1924 г., оказались безуспешными, а 22 февраля 1925 г. группа С. Карамзина, Н. Слепцова и Я. Шафрина численностью около двухсот человек нанесла поражение отряду советских работников и заняла село Новое Устье [2, л. 13]. В селе разграблены продовольственные склады Охотско-Камчатского акционерного рыбопромышленного общества (ОКАРО) и захвачены 10 000 пудов муки, 300 пудов сахара и 500 пудов чая [2, л. 67].

Отряд красноармейцев и партийных работников, высланный из Охотска в Новое Устье, был разбит. Красноармейцы потеряли 18 чел. убитыми и шестерых ранеными, а также несколько винтовок и пулемёт «Льюис». Новое Устье стало одним из центров антисоветских выступлений в Охотском уезде, где действовали аянские и оймяконские группы под командованием М. Артемьева, Ю. Галибарова и Н. Слепцова общей численностью около четырёхсот человек [2, л. 13]. В феврале 1924 г. началось наступление повстанцев на Охотск. 27 февраля 1925 г. они направили в город парламентариев с предложением капитулировать. После отказа охотского гарнизона сложить оружие, отряд из 25 чел. под руководством П. Карамзина, Я. Шафрина и Н. Слепцова захватил село Булгино (расположенное в двух верстах от Охотска), фактически блокировав город.

В районе Охотска повстанцы успешно вели активную антисоветскую агитацию. В этом отношении «помощь» им оказывали отдельные руководители советских органов власти, часто действовавшие незаконными и недопустимыми методами, послужившими благоприятной почвой для антиправительственной и антисоветской пропаганды. В противовес этому участники вооружённых формирований часто использовали иную тактику. Например, бесплатно раздавали продукты населению (захваченные на складах ОКАРО в Новом Устье и в других местах), отпускали на свободу захваченных советских работников и рядовых красноармейцев. В это время бандитские группы контролировали половину территории Охотского уезда. Основными центрами их сосредоточения стали: район реки Урак (сорок вёрст от Охотска), порт Аян, район между селениями Татой и Алдан (сто семьдесят вёрст от порта Аян), район селения Нелькан, селение Усть Майск и другие.

Особенностью бандитизма в Охотском уезде было наличие мелких подвижных вооружённых групп, легко рассредоточивавшихся и вновь объединявшихся, часто менявших дислокацию. Это усложняло учёт и борьбу с ними. В связи с угрожающим размахом антисоветского движения было решено (наряду с усилением административно-карательных мер и введением военного положения) образовать особую комиссию ВЦИК под председательством К. К. Байкалова по ликвидации восстания. В инструкции руководителю комиссии указывалось, что «ЦК находит целесообразным мирную ликвидацию восстания, применяя военные силы только в самом крайнем случае» [5, с. 45]. В итоге, 25 мая 1925 г. сложили оружие 484 чел. под руководством М. К. Артемьева, 35 чел.

под руководством П. В. Карамзина и более мелкие группы, которым была обещана амнистия.

Впоследствии, на партийной конференции в Якутске 22 июня 1925 г., были признаны многочисленные ошибки охотских властей в 1923—1924 гг., осуждены методы жёсткого насилия, которыми ознаменовалось установление советской власти и подтверждена амнистия участникам антисоветских выступлений.

Во второй половине 1920-х гг. уровень бандитизма в Охотском уезде снизился, но его периодические проявления имели место. Анализ архивных материалов свидетельствует, что «оживление» бандитизма начиналось осенью, после закрытия навигационного периода. На закрытых заседаниях Охотского райкома ВКП(б) систематически приводились сведения о нахождении в районе десятков вооружённых людей, которые «грабят фабрики, кооперативы и экспедиции, а также захватывают небольшие населённые пункты», и о наличии сотен бывших участников бандитского движения 1924—1925 гг., которые «представляют ненадёжный элемент» [7, л. 66].

В 1927—1928 гг., в целях предупреждения возможных нападений, в ряде населённых пунктов Охотского района (г. Охотске, на золотых приисках, в пос. Иванове, Резиденции, Булгино и других) были организованы отряды самообороны и временно запрещена продажа спирта. В отряды «в обязательном порядке» привлекались коммунисты, комсомольцы и добровольно — советский профессиональный актив [7, л. 67, 68, 84]. В информационном отчёте Камчатского окружного бюро ВКП(б) за 1926 г. констатируется, что после «ликвидации бандитизма в Охотском уезде не возникало никаких волнений» [8, л. 2].

Следует отметить, что в настоящее время охотские события 1924 г. трактуются весьма неоднозначно. В отчётах Камчатского губернского и Охотского уездного ревкомов, отчётах административных отделов за 1924—1926 гг. данные события оцениваются как «вооружённые бандитские выступления», а участники вооружённых формирований — как «бандиты». Аналогичным образом охотские события рассматривались и в исследованиях до начала 1990-х гг. Такая оценка связана с тем, что в соответствии со ст. 74 УК РСФСР, принятом в 1922 г., подобные действия квалифицировались как «преступления против порядка государственного управления». По ст. 76 УК РСФСР участие в бандах (вооружённых шайках) и организуемых бандами вооружённых нападений каралось высшей мерой наказания (расстрелом) с конфискацией

имущества. В 1990—2000-х гг. появились исторические исследования, в которых вооружённые выступления в Охотском уезде рассматриваются как «повстанческие» и «национальные», спровоцированные незаконными действиями властей во время установления советской власти.

Важнейшим направлением деятельности милиции являлась борьба с контрабандой. На Северо-Востоке России в первой половине 1920 гг. она достигла гигантских масштабов. Сведения о размерах контрабандной торговли, охватившей Камчатскую губернию, содержатся в отчётах губревкома, губернского АО, уездных революционных комитетов. В то время на Камчатке была особо развита экономическая контрабанда, в составе которой преобладали предметы первой необходимости и товары широкого потребления. Номенклатуру контрабандного привоза в основном составляли «колонияльные товары»: спирт, мануфактура, чай, табак и другие [9, л. 113], а главным объектом незаконного вывоза являлась пушнина. Основными местами сбыта контрабандных товаров являлись города, золотые прииски, прибрежные сёла и рыболовные участки.

Интенсивное развитие контрабанды было вызвано воздействием ряда факторов:

— во-первых, в Камчатской губернии отсутствовало промышленное производство и сельское хозяйство, что приводило к полной зависимости территории от поставок продукции, «ввозимой в большинстве случаев с иностранных рынков». В 1924—1925 г. более 90 % товаров, ввозимых на Камчатку, являлись американскими, японскими и китайскими (мука, сахар, рис, кирпичный чай). Одними из самых распространённых были американский и китайский (маньчжурский) табак и американское топлёное свиное сало (сливочное масло из-за высокой стоимости не являлось предметом широкого потребления) [10, л. 16];

— во-вторых, в результате длительного гражданского противостояния и позднего установления советской власти административный аппарат на Камчатке (в 1923—1924 гг.) находился в стадии формирования и был организован только в пределах Петропавловского уезда. В 1922—1923 гг. Дальревком издаёт ряд постановлений, направленных на борьбу с контрабандой, однако из-за малочисленности и слабости административного аппарата осуществить было затруднительно;

— в-третьих, исторически сложившееся влияние США и Японии, основанное на неравноправной торговле и колониальном гра-

беже местного населения. Используя примитивный уклад жизни коренного населения, иностранные торговцы искусственно поддерживали меновой характер торговли, при котором основной «валютой» являлся контрабандный спирт. Следует отметить, что в 1921—1924 гг. среди нелегально ввозимых товаров доля последнего превышала 60 %;

— в-четвёртых, огромная территория губернии и полное отсутствие пограничной охраны способствовали свободному проникновению контрабандных товаров. Так, в докладе начальника Камчатского пограничного отряда ОГПУ от 18 февраля 1925 г. отмечалось, что 10 000-вёрстная морская граница Камчатской губернии имела «доступные для причала берега, но никем не охранялась»;

— в-пятых, население воспринимало занятие контрабандой как способ выживания в условиях «недостатка, либо абсолютного отсутствия товаров» [9, л. 113] и «очень неохотно помогало власти в этом вопросе».

Отмеченные выше обстоятельства требовали проведения комплекса экономических и административных мер, направленных на сокращение объёмов контрабанды. На объединённом заседании Дальревкома и Дальэконосо (8 апреля 1924 г.) было решено сохранить беспошлинный и безакцизный ввоз в Камчатскую губернию товаров, не запрещённых постановлением Дальревкома от 16 января 1923 г. [11, л. 150—151].

Товары, вывозимые с Камчатки, должны были облагаться пошлинами согласно таможенному тарифу. Это решение было подтверждено постановлением № 23 от 8 мая 1924 г., принятым Дальревкомом. В августе 1924 г. признано необходимым провести на Дальнем Востоке ряд организационных и экономических мер, таких как снижение цен на товары отечественного производства, увеличение выпуска предметов массового спроса, являющегося объектом контрабандного ввоза и вывоза, открытие новых таможенных постов [12, с. 444].

Началом преобразований, направленных на преодоление экономической зависимости Камчатки от иностранных фирм, стало образование в 1924 г. частно-государственного ОКАРО и закрытие наиболее крупных фирм, таких как американская «Олаф Свенсон» и английская «Гудзон Бей». В 1924—1925 гг. торговая деятельность на Северо-Востоке России осуществлялось ОКАРО, которое в 1925—1926 гг. было ликвидировано, а функции снабжения были переданы Дальгосторгу (ДГТ), через фактории которого население снабжалось продовольственными товарами, а также

скупалась пушнина [13, с. 27]. С 1926—1927 гг. началось установление единой системы цен на территории Камчатского округа, которые к 1928 г. были «окончательно введены во всех торговых пунктах Камчатки» [14, л. 134].

Окончательное установление государственного контроля за экономикой Северо-Востока России связано с деятельностью Акционерного Камчатского общества (АКО), образованного с целью «монопольной торговли и эксплуатации естественных богатств в Охотско-Камчатском крае и Чукотско-Анадырском районе». АКО создано 4 июня 1927 г. на основании договора уполномоченного Наркомторга СССР, Наркомторга РСФСР, ВСНХ, СССР, ВСНХ РСФСР, Далькрайисполкома, Госторга РСФСР и Акционерного общества «Совторгфлот». Учредителями АКО являлись только государственные учреждения и предприятия, а деятельность общества охватила рыбную промышленность, лесное и сельское хозяйство, снабжение населения, транспортную систему, пемзо- и торфоследование, строительство и пушноезвероводческое хозяйство.

Итогом принятых мер стало значительное сокращение объёмов контрабандного рынка и уменьшение размеров контрабанды. Однако в процессе осуществления торговой деятельности, практически отсутствовало взаимодействие между руководством ДГТ и окружными (а также районными) властями. Так, руководители факторий ДГТ (впоследствии АКО) непосредственно «связывались» с главной конторой в Хабаровске, минуя местные власти, которые не знали товарной потребности своего района. Кроме того, уполномоченный Дальгосторга при окривке практически не владел информацией о работе факторий на местах и не влиял на неё [15, л. 298об.].

В 1927 г. уполномоченный Дальневосточного отдела Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) провёл обследование организаций и учреждений, торгующих на Камчатке. Было установлено, что слабая изученность вопроса «ёмкости» рынков в районах Камчатки и недостаточный учёт местных потребностей приводили к значительным затратам на заготовку, переброску и хранение «неходовых», а также вызывали острый недостаток необходимых товаров, что «ставило население в крайне затруднительное положение» [16, л. 9об.].

В отчёте Камчатского окружного бюро ВКП(б) за 1926—1927 гг. указывалось: «Искоренить контрабанду не удалось, так как население нуждается в товарах, которые либо не завозятся, либо завозят в малом количестве» [9, л. 113].

Наряду с экономическими, ДРК предпринял и административные меры, направленные на борьбу с контрабандой. Постановлением от 27 января 1923 г. «О введении в действие декретов о таможенных учреждениях и контрабанде» регламентировалась деятельность таможи и органов милиции [17, с. 460]. С целью систематического изучения причин её развития, а также разработки практических мер борьбы и координации всех учреждений, задействованных в борьбе с контрабандой, в 1923 г. на Дальнем Востоке была создана специальная комиссия. Аналогичную комиссию образовали и в Камчатской губернии в составе председателя губисполкома, прокурора, начальников АО (он же начальник губмилиции), Камчатской таможи и губернского ОГПУ (он же начальник пограничного отряда). На основании декретов и постановлений СНК РСФСР, циркуляров ЦАУ НКВД РСФСР, постановлений и решений Дальревкома камчатская комиссия «Инструкцию по борьбе с контрабандой» [18, л. 29а—29у].

Инструкция, утверждённая ГРК 4 марта 1925 г., являлась примером местного нормотворчества и стала важнейшим актом, на основании которого в 1920 — начале 1930-х гг. камчатские милиционеры боролись с контрабандой [18, л. 27]. В ней не только определялось понятие контрабанды (в соответствии со ст. 97 УК РСФСР) и регламентировалась компетенция ОГПУ, таможи и милиции, но и содержался расширенный перечень товаров, разрешённых и запрещённых «к ввозу на Камчатку» [18, л. 29г—29ж]. Документ детально рассматривал правила досмотра и задержания контрабандистов и контрабандных товаров, а также порядок составления милицейских протоколов (с приложениями их образцов). Особое внимание в нём уделялось характеристике системы премиальных отчислений за задержание контрабанды. [18, л. 29—29н].

Премиальные выплаты осуществлялись из средств, вырученных от реализации конфискованных контрабандных товаров, а также штрафов и пени. В планах административной работы второй половины 1920-х гг. милиции регулярно ставилась задача усиливать борьбу с ввозом контрабанды путём «переброски в соответствующие пункты в нужное время опытных милиционеров» [19, л. 186].

Следует также отметить, что в середине 1920-х гг. на Камчатке завершается процесс оформления советского административного аппарата управления, неотъемлемой частью которого являлись силовые структуры. Так, в середине 1920-х гг. в губернии

были сформированы пограничный отряд ГПУ, таможенная служба, милиция, Дальрыбнадзор и Дальохотнадзор. Их совместные действия были направлены на борьбу с контрабандой. Рассматривая методы этой борьбы, ГРК признавал, что наиболее эффективными будут только экономические меры, а остальные рассматривались «как подсобные».

На заседании председателей волостных ревкомов Петропавловского уезда, состоявшегося 18 февраля 1925 г., был заслушан доклад председателя комиссии по борьбе с контрабандой начальника губотдела ОГПУ И. Ломбака «О борьбе с контрабандой». Он обозначил следующие причины роста контрабанды на Северо-Востоке России: обширность территории, неудовлетворительное состояние связи и недостаточность специального аппарата, расхождение цен между товарами местного и заграничного производства, отсутствие местной промышленности. ГРК предложил сотрудникам милиции и другим административным работникам проводить на местах широкую кампанию по «привлечению к борьбе с контрабандой широких слоёв населения, разъясняя установленную систему премиального вознаграждения». Для предотвращения контрабандного вывоза пушнины решили изменить ассортимент ввозимых товаров «в сторону приспособления к вкусам местного населения» и пересмотреть «политику пушных лимитов», так как основной причиной «утечки пушнины» являлась разница в закупочных ценах факторий ДГТ и «частника».

Важнейшим решением, направленным на борьбу с контрабандным спиртом, стало разрешение ГРК на продажу государственного спирта, которое было вызвано необходимостью усиления экономических мер борьбы с ввозом иностранного спирта в наиболее поражённые контрабандой районы. На основании решения ГРК Дальгосторгу (с 17 июля 1925 г.) было разрешено реализовать государственный спирт в Усть-Камчатске (1 000 вёдер) и в Усть-Большерецке (800 вёдер). В 1926 г. государственные магазины Дальневосточного отделения Госспирта работали в Петропавловске, Большерецке и Усть-Камчатске. Камчатский ГРК установил, что «цены на спирт должны быть такие, которые исключали бы возможность сбыта контрабандного спирта, то есть продавать спирт с наценкой на себестоимость, установленной для товаров вообще» [2, л. 95].

Следует отметить, что необходимость борьбы с контрабандой алкоголя явилась основной причиной того, что продажа спиртных напитков на Дальнем Востоке была разрешена уже в 1922 г.,

а в сентябре 1922 г. Наркомюст и прокуратура РСФСР издали совместный циркуляр «Об усилении репрессий за незаконное приготовление и хранение спиртных напитков». Открытие государственной торговли спиртными напитками в некоторых районах Камчатки имело неоднозначные последствия.

С одной стороны, в Петропавловском, Усть-Камчатском и Большерецком районах значительно снизился ввоз контрабандного спирта, а также наблюдалось «снижение преступлений по выгонке самогона и браговарению» [20, с. 4]. Так, в отчёте о деятельности административно-милицейских и судебных органов за 1925 г. особо отмечалось, что с открытием в Петропавловске отделения Госспирта, «изготовление браги и ввоз контрабандного спирта сократился на 90 %» [21, л. 40]. В докладе Большерецкого РИК за 1926 г. отмечен «упадок уголовной преступности, даже при наличии в районе госвинторговли», а также констатировано, что случаев продажи контрабандного спирта не зарегистрировано [22, л. 12об.—13, 107об.—108].

С другой стороны, в вышеуказанных районах наблюдался резкий рост пьянства. В отчёте о деятельности Большерецкого РИК указывалось, что наличие государственного винного магазина крайне неблагоприятно отражается на жизни населения [22, л. 48об.]. Например, за полгода его деятельности в Большерецке продано 516 вёдер вина, 334 ведра спирта, а средняя норма потребления алкоголя составила 30 бутылок спирта (одна бутылка — 0,5 литра) на одного человека [22, л. 48об.]. В селах Большерецкого района широко распространилась спекулятивная перепродажа «спиртопродукции», приобретённой в Большерецке. Руководство районной милиции неоднократно сообщало в окружной АО о необходимости ограничить вывоз спиртных напитков из Большерецка в местные сёла (до десяти бутылок на человека) и делать это только с разрешения начальника милиции.

В отчётном докладе Усть-Камчатского РИК за период с марта 1927 по май 1928 г. указывается, что население района тратило на приобретение спирта более 10 000 руб. в месяц [23, л. 92]. Эта сумма превышала половину местного бюджета, а прибыль Усть-Камчатского госспирта (лавка № 942) постоянно увеличивалась. По нашим подсчётам, в 1925—1928 гг. прибыль составила (в руб.): ноябрь-декабрь 1925 г. — 4 099, 1926 г. — 45 400, за девять месяцев 1927 г. — 39 283, за четыре месяца 1928 г. — 23 886 [23, л. 92]. Сведения о продаже спирта в Петропавловске и Большерецке в 1929—1930 гг. представлены в табл. 1.

Таблица 1

Районы	Продано спирта		Вырученные средства	
	II полугодие	I полугодие	II полугодие	I полугодие
	1929 г.	1930 г.	1929 г.	1930 г.
Петропавловск-Камчатский	7 659 бутылок,	8 543 бутылки,		
	15 610 полубу-	17 311 полубу-	52 353 руб.	65 905 руб.
	тылок	тылок		
Большереецк	5 473 бутылки,	7 347 бутылок,		
	4 763 полубу-	6 854 полубу-	25 250 руб.	4 741 руб.
	тылки	тылки		

Вместе с тем, в большинстве районов Камчатского округа государственная торговля спиртным отсутствовала, и контрабанда алкоголя была очень распространена, о чём свидетельствуют отчёты РАО второй половины 1920-х гг., докладные записки административных работников, рапорта сотрудников милиции. Например, в отчёте Карагинского РАО за 1930 г. сообщается об отсутствии в районе «магазинов Госспирта». Спирт ввозился незаконно, основными его «поставщиками» являлись китайские артели грузчиков [24, л. 161].

По данным отчёта АО Чукотского туземного района, здесь также отсутствовала легальная торговля спиртными напитками, а самогонование «с каждым годом увеличивалось» [25, л. 104, 106об., 107]. В докладной записке от 27 августа 1930 г. начальник Анадырской фактории АКО Ильин отмечает, что спирт ввозится исключительно контрабандным путём китайскими и японскими рабочими, прибывающими на рыболовные участки [26, л. 192]. Стоимость одной бутылки контрабандного спирта (русского или японского) в Анадыре в 1930 г. составляла от 15 до 25 руб. С началом навигационного периода население Анадыря переживало «праздник, а спирту выпивало столько, сколько не употребило бы при условии открытого, но регулярного отпуска спирта из магазина» [26, л. 192об.].

Как видно, из-за недостаточной сети виноторговых заведений на Северо-Востоке России удовлетворить спрос на спиртные напитки не удавалось, поэтому контрабанда алкоголя по-прежнему была распространена.

Главным объектом контрабандного вывоза с Камчатки являлась пушнина. Основной причиной «утечки пушнины к частнику» оказалась разница в закупочных ценах факторий ДГТ и частных коммерсантов [27, л. 148]. Кроме того, в соответствии с постановлением о запрещении скупки пушнины частными лицами, карательные меры предусматривались только «к скупке пушни-

ны как к профессии», однако разрешалось её приобретение «по потребительской норме», хотя последняя не была предусмотрена «ни в количественном отношении, ни по видам пушного зверя». Таким образом, имелись широкие возможности скупать пушнину непосредственно у охотников по ценам, значительно превышающим лимиты. Распространёнными также являлись случаи, когда сотрудники АКО частным образом скупали пушнину у охотников по ценам, существенно превышавшим закупочные. В документах того времени отмечается, что среди охотников «укрепилось мнение» о том, что сотрудники АКО намеренно занижают закупочные цены на пушнину [27, л. 92].

В 1926—1927 гг. значительно снизились цены на ряд товаров (преимущественно туземного потребления) и повысились закупочные цены на пушнину. Так, с 1926 г. существенно выросла лимитная цена на нерпу (с 90 коп. до 2 руб. 50 коп.) и удвоена лимитная цена на выдру. Это стало «достижением политического значения», так как на продаже нерпы «держался бюджет огромной части беднейшего берегового (осёдлого) населения», а выдра являлась одним из основных объектов контрабандного экспорта, по причине крайне низкой расценки [15, л. 299]. Но одновременно значительно снизилась закупочная цена на песка, которая «на американском берегу» была в два раза выше. Таким образом, «двухкратная» разница в ценах способствовала активному контрабандному вывозу с Камчатки этой пушнины.

В докладе начальника петропавловской милиции К. А. Куксенко от 30 марта 1928 г. указывается, что все торгующие китайские лавочники в городе скупают пушнину, а наиболее крупными скупщиками являются Гао-Хай Ван, Сунь-Мень-Чжан, Гаочжи-Цзян, за которыми «ведётся наблюдение, но положительных успехов не имеется» [28, л. 8].

Окружные власти рассматривали контрабанду как фактор, угрожающий экономической стабильности в регионе, и придавали исключительное значение борьбе с ней. На секретном совещании Камчатского ОРК, состоявшемся 31 января 1928 г., искали методы и пути «борьбы с контрабандной утечкой пушнины к частнику-спекулянту». В совещании участвовали государственные и партийные руководители Камчатского округа, а также руководители АКО и силовых структур Северо-Востока России (начальник милиции и ОАО, окружной прокурор, начальник пограничного отряда ОГПУ, председатель окружной комиссии по борьбе с контрабандой и другие). Подавляющее большинство участников совещания предлагали

сделать особый упор на административно-карательные формы борьбы, так как «частник-спекулянт не имеет аппарата, накладных расходов, не платит налогов и может успешно конкурировать с государственно-кооперативными организациями». Отмечалось, что параллельные действия милиции и ОГПУ в борьбе с контрабандой пушнины являются крайне неэффективными и не дают положительного результата, так как милиция «не имеет достаточных сил, средств и опыта для проведения данной работы». По мнению большинства участников, основными методами борьбы являлись разведывательная работа по выявлению скупщиков пушнины, обыски и аресты контрабандистов. Здесь инициатива и руководящая роль «должна принадлежать ОГПУ, а милиция должна занять место подсобного органа» [27, л. 148].

Наряду с административными формами борьбы с контрабандой пушнины предлагалось также использовать и экономические методы. В частности, обязать фактории ДГТ и АКО срочно обеспечить районы Камчатского округа необходимыми товарами, ограничить «отпуск товаров за наличный расчёт частникам-спекулянтам», а также отказаться от страховки и «жёсткой сортировки пушнины», чтобы «цена пушнины ДГТ—АКО не была ниже средней цены частника» [27, л. 149]. Так, председатель ОИК В. Ф. Богатырёв считал, что широкая общественная компания в печати нецелесообразна, так как «заставит скупщиков пушнины принять меры осторожности и сорвёт нелегальную работу по поиску контрабандистов». Напротив, окружной прокурор Корововский утверждал, что «конспирироваться не следует» и высказывался о необходимости проведения такой компании в местной печати. Итогом совещания стало решение о возложении оперативной работы по борьбе со скупщиками пушнины на ОГПУ (милиция «считалась подсобным органом»). Было принято постановление, в котором определялись мероприятия по борьбе с контрабандой пушнины, общеобязательные к выполнению в пределах Камчатского округа [27, л. 149].

Одним из главных направлений деятельности милиции в борьбе с преступностью стало пресечение пьянства, самогоноварения и браговарения. Алкоголизм являлся одним из серьёзных видов социальных аномалий на Дальнем Востоке [29, с. 372]. В отчёте ГАО за 1924—1926 гг. отмечалось, что в Камчатской губернии среди зарегистрированных преступлений «на первом месте находились самогонные дела», а браговарение и изготовление самогона являлись «главными бедами Камчатки». Борьба с ними «была

затруднительна и малоуспешна по причине недостаточности штатного числа сотрудников милиции» [21, л. 40].

Анализ архивных документов показывает, что в первой половине 1920-х гг. это социальное зло было особенно распространено в золотопромышленных районах Охотского уезда. Так, в 1923 г. здесь было зарегистрировано 66 преступлений, наибольший удельный вес среди которых занимали кража и винокурение [30, л. 92—95об., 106—107, 111, 116—117]. Документы свидетельствуют, что изготовлением самогона занималось в основном немногочисленное зажиточное население, а большинство кочевых и осёдлых жителей Камчатки «предпочитало» изготавливать брагу, так как это было «безопаснее, дешевле, проще и быстрее». Например, в Анадырском уезде в 1925 г. массовое распространение получило браговарение, а милиция «была не в состоянии ежедневно проводить проверку всех жилых помещений» [31, л. 31].

Результативность обысков по изъятию самогона, браги и других спиртных напитков, проведённых сотрудниками Анадырской милиции в 1925—1926 гг., составила всего 43 %. Низкая эффективность обысков обуславливалась малочисленностью штата милиции, а также отсутствием у сотрудников «опыта в данном вопросе». В отчёте Анадырского РК за 1926/27 г. особо отмечается, что «пьянство, браговарение и выгонка самогона пустили здесь глубокие корни» [32, л. 25]. Борьба с браговарением значительно затруднялась в связи с общей уверенностью населения в том, что брага (или, как её называли, «квасок») очень полезна как противоцинговое средство [32, л. 26].

В 1926—1927 гг. в качестве меры борьбы с изготовлением спиртных напитков и пьянством в Анадырском уезде, кроме обысков и административных взысканий, милиция взяла на учет «всё имеющееся в Госторге количество хмеля и денатурата». Кроме того, в клубе регулярно проводились беседы о вреде алкоголя, шли «общественные суды» и т. д. Однако вышеуказанные меры не были эффективны, потому что жители, не имея каких-либо «культурных» развлечений, употребляли спиртные напитки с целью «убить время и создать какую-то иллюзию в своей бедной жизни» [32, л. 27].

Дополнительной сложностью в борьбе с браговарением в Камчатском округе являлось отсутствие у сотрудников милиции изготовителя крепости браги, а также «указаний по этой части» [24, л. 150]. В июне 1925 г. на заседание административно-правовой секции Тигильского РИК отмечено резкое усиление браговарения в районе, особенно в сёлах Тигиль, Хайрюзово и Палана, «на почве

чего увеличивается и рост хулиганства [24, л. 4]. В соответствии с обязательным постановлением Камчатского ГРК № 18 от 26 августа 1924 г. был запрещён ввоз спирта и «всякого рода спиртосодержащих веществ» в пределы губернии без согласия органов местной власти, а продажа спиртосодержащих веществ допускалась только по разрешениям губернской власти [33, л. 19].

Виновные в «изготовлении, хранении и сбыте спиртсодержащих веществ» привлекались к ответственности по ст. 140 УК РСФСР 1922 г. Вышеуказанное обязательное постановление переиздавалось ежегодно в 1924—1930 гг. (с изменениями и дополнениями). Например, обязательное постановление Камчатского ОРК № 11 от 11 августа 1929 г. содержало расширенный перечень спиртных напитков, торговля которыми могла производиться государственными торговыми и кооперативными предприятиями. В перечень включались: спирт, водка, ликеры, коньяки, хлебное вино, виноградное вино, пиво и алкогольный мед. Категорически запрещалось торговать спиртными напитками «во время стоянок пароходов», а также продавать их несовершеннолетним и лицам, «находившимся в состоянии опьянения». За нарушение вышеуказанного постановления следовало административное взыскание в виде штрафа до 100 руб. либо принудительные работы сроком до одного месяца [34, л. 98].

В декабре 1924 г. начальник ГАО распорядился в каждом случае обнаружения спиртных напитков «отбирать в качестве вещественного доказательства достаточное количество спиртосодержащих веществ». Например, при нахождении браги, её количество должно было составлять (по возможности) до трёх бутылок. Обнаруженное в присутствии понятых плотно закупоривалось, опечатывалось сургучной печатью и снабжалось ярлыками с обозначением наименования дела. В протоколе подробно отмечалось, какие спиртосодержащие вещества и в каком количестве обнаружены, сколько их изъято в качестве вещественного доказательства и как уничтожен излишек [33, л. 6]. У лиц, задержанных в пьяном виде, обязательно выяснялось, где, когда и какие спиртные напитки они приобретали. Эти сведения помогали выявлять нарушителей и применять к ним меры, предусмотренные постановлением СНК РСФСР от 4 марта 1927 г. «О мерах ограничения продажи спиртных напитков».

В целях предотвращения нелегального изготовления спиртных напитков ВЦИК и СНК РСФСР 2 января 1928 г. издали постановление «О мерах усиления борьбы с самогонварением». Одновременно милиция вела большую профилактическую работу. Так,

ЦАУ НКВД разработало и разослало на места тезисы лекций и докладов о противоалкогольном законодательстве, дало соответствующие рекомендации и циркуляры по применению декретов и постановлений ВЦИК и СНК РСФСР в связи с введением государственной монополии на продажу водки.

Но пьянство оставалось весьма актуальным. В 1926 г. начальник Камчатского ОАО, оценивая деятельность Петропавловской городской милиции, отмечал: «Борьбе с пьянством уделяется мало внимания» [35, л. 68].

Руководство окружного отдела ОГПУ систематически направляло в окружной комитет ВКП(б) сведения о пьянстве среди коммунистов. Например, 27 марта 1929 г. было сообщено об очень сильном его распространении среди членов и кандидатов в члены ВКП(б) Тигильского района. Так, председатель сельсовета и кандидат в члены партии А. А. Данилов систематически «занимался пьянством» и совершал хулиганские действия [35, л. 68]. Регулярно употреблял спиртные напитки и кандидат в члены ВКП(б) П. М. Чертовский, который 4 февраля 1929 г. «устроил драку в присутствии комсомольцев». Коммунист С. Л. Шамаев, будучи кандидатом на выдвижение в состав окружного бюро, за употребление спиртных напитков и хулиганские действия в декабре 1928 г. был арестован и помещён в карцер, но выломал дверь и сбежал. Кандидат в члены ВКП(б) И. И. Уксусников «периодически пьянствовал и учинял драки», а 19 ноября 1928 г. произвёл несколько выстрелов из винчестера в дом, где скрывался «его противник». Кандидат в члены ВКП(б) В. П. Миронов в сентябре 1928 г. пьянствовал и «играл в карты три дня, проиграв 150 руб.». В отчёте Карагинского РАО с 1 июля 1929 по 1 января 1930 г. указывается, что в районе очень распространено самогонование и браговарение. В декабре 1929 г. за употребление спиртных напитков уволили начальника Тигильской милиции В. И. Куренкова и других милиционеров » [36, л. 95—96].

Особенно было распространено употребление алкоголя среди аборигенного населения, которое не только активно потребляло контрабандный спирт, но и изготавливало брагу и самогон. Так, в первом полугодии 1930 г. среди туземного населения Чукотского района сотрудники милиции выявили 27 случаев изготовления самогона с целью сбыта [24, л. 150]. Орудием производства алкогольного суррогата служили керосиновые банки с комбинацией трубок. Среди аборигенов было распространено так называемое «пьянство за хвосты». В период навигации (летом) они приезжали

на рыболовные участки и меняли заготовленную за зиму пушнину на сахар и спирт [26, л. 192об.].

Кочевое население употребляло как одурманивающее средство гриб — мухомор. С этим «вести борьбу карательными мерами» было совершенно невозможно, так как в соответствии с УК РСФСР «преследовалось только изготовление с целью сбыта и сам сбыт одурманивающих веществ», а мухомор «произрастал сам и собирался исключительно туземцами» [23, л. 61]. Так, в Чукотском районе ламуты собирали и сушили его, затем обменивали на оленину у табунных чукчей. Последние активно употребляли мухомор для достижения опьянения («разовая норма» составляла от полутора до двух с половиной грибов на человека), после чего наступало состояние с большим отравляющим эффектом, чем от вина [26, л. 193].

Пьянство, самогоноварение и изготовление браги способствовали развитию хулиганства. На основании постановления ВЦИК от 16 октября 1924 г. был установлен порядок рассмотрения в административном порядке случаев хулиганства. При совершении впервые оно наказывалось принудительными работами до месяца или штрафом до 50 руб. С целью более эффективного противостояния хулиганству СНК РСФСР 8 января 1926 г. издал декрет «Об оказании гражданами содействия милиции при задержании пьяных и хулиганов».

В середине 1920-х гг. ужесточаются меры, направленные на борьбу с хулиганством. Так, на основании постановления СНК от 29 октября 1926 г., органам НКВД (по соглашению с исполкомами) предлагалось в срочном порядке задержать лиц, судившихся по обвинению в хулиганстве, имевших три и более судимости по ст. 176 УК. Дела о них следовало представить на рассмотрение ОГПУ.

Во второй половине 1920-х гг. в волостях и районах Северо-Востока РСФСР наблюдалось увеличение численности хулиганских проявлений, о чём свидетельствовали отчёты и материалы волостных и районных комитетов [24, л. 6, 86; 20, с. 4]. Особенно сильно хулиганство проявлялось с мая по октябрь из-за резкого увеличения числа сезонно-промысловых рабочих, прибывавших на Камчатку [24, л. 86]. В обязательном постановлении Камчатского ОРК «По борьбе с хулиганством» от 30 июня 1926 г. утверждалось, что в связи с открытием в некоторых районах винной торговли оно, «возникающее на почве пьянства», резко усилилось.

Среди общего количества преступлений, зарегистрированных милицией в районах Камчатского округа в 1925—1926 гг., наибольшее число приходилось на хулиганство. Так, в Анадырском и Усть-Камчатском районах среди 16 зарегистрированных преступлений за названный период, случаи хулиганства, соответственно, составляли четыре и семь [46, л. 493; 47, л. 21—22].

В 1928—1930 гг. в г. Петропавловске-Камчатском на хулиганство приходилось от 40 до 75 % общего количества преступлений. Увеличение численности хулиганских проявлений в городе шло «за счёт прибывшего с материка элемента» и также приходилось на лето, на время «стоянки пароходов в порту» [24, л. 6, 86]. Хулиганили «рабочие, выходцы из крестьян и незначительное количество служащих», подавляющее большинство из которых имело возраст от 18 до 35 лет. Особенно распространенными были хулиганские проявления в общественных местах: клубах, столовых, общежитиях. В квартальных отчётах о служебной деятельности милиции существовал специальный раздел — «Выдающиеся виды хулиганства», которыми считались «массовые и обоюдные драки, поножовщина и другие» [37, л. 10].

В рамках борьбы с хулиганством КАО возложил на милицию: изучение влияния употребления спирта на эти противоправные действия, ведение точного учёта количества лиц, замеченных в состоянии алкогольного опьянения, тайный учёт продажи водки, выявление районов, «поражённых» контрабандой спирта, самогона и браговарением. В соответствии с обязательным постановлением ОИК от 28 июня 1928 г. «О борьбе с пьянством и хулиганством в сельских местностях Камчатского округа», запрещалось появляться в состоянии алкогольного опьянения и нарушать порядок в общественных местах (клубы, избы-читальни, собрания, а также улицы). Все случаи хулиганских проявлений фиксировались сотрудниками в книгах учёта лиц, привлекаемых к ответственности в уголовном и административном порядке [37, л. 10].

Основными формой борьбы с хулиганством являлись привлечение к уголовной ответственности, наложение административных взысканий, задержание лиц в состоянии алкогольного опьянения. Весьма эффективными стали выселение в административном порядке, штрафы, аресты, принудительные работы и другие. Правом наложения административных взысканий в «виде предупреждения, штрафа, или принудительных работ» обладали сотрудники милиции, члены сельских и туземных советов и сельские исполнители. Усиление административно-репрессивной

политики и пропагандистской работы в борьбе с хулиганством приносили результаты. В 1930 г. на заседании административно-правовой секции ОИК указывалось, что «случаи хулиганства в округе увеличились», но при этом хулиганство «не носит угрожающего характера» [24, л. 4].

На Дальнем Востоке в 1920-е гг. была очень распространена наркомания, особенно среди китайцев и корейцев. В их числе были как сезонные рабочие, так и постоянно проживавшие. Наркотические притоны активно использовались преступным элементом в качестве своих «штаб-квартир», кроме того, наркоманы (в значительной степени) являлись мелкими правонарушителями [29, с. 371]. Борьба с ними затруднялась тем, что оборудование морфиниловок и опиекурилок было «весьма незамысловато и доступно по цене», а материальная выгода от их содержания оказывалась велика. На Северо-Востоке наркомания имела место «только в Петропавловске и только среди восточников», местного макосеяния не существовало, а опий сюда поставлялся из Приморья [24, л. 182].

Камчатский ГРК 30 июня 1923 г. издал обязательное постановление № 4374 «О воспреещении торговли всякого рода ядами и наркотическими веществами» [38, л. 4]. Запрещались ввоз и хранение ядов и наркотических веществ (опия, морфия, кокаина и других), а на сотрудников милиции возлагалась обязанность конфисковать «все имеющиеся запасы ядов и наркотических веществ» [38, л. 4]. Нарушители постановления, а также «содержатели опиекурилен, притонов морфинистов и кокаинистов» подвергались административному взысканию в виде штрафа до 300 руб. золотом либо принудительным работам до трёх месяцев [38, л. 4].

Впоследствии в борьбе с наркоторговцами и притоносодержателями применялись более жёсткие формы. Дела задержанных за сбыт и хранение наркотических средств в соответствии с приказом ОГПУ от 24 апреля 1924 г. подлежали направлению на рассмотрение Особого совещания ОГПУ с предварительным направлением Камчатскому окружному прокурору. Для искоренения наркомании в Петропавловске 13 июня 1926 г. при окружной прокуратуре состоялось совещание с участием начальника окружного ОГПУ И. Ломбака, исполняющего обязанности старшего прокурора Пеганова, начальника КАО Н. П. Фролова и управляющего таможней Устимовича. На основании решения совещания КАО, ОГПУ, прокуратура и таможня разработали план совместных действий по борьбе с опиекурением, который предполагал

усиление надзора за проживающими в Петропавловске иностранными гражданами, а также «за пассажирами, командой и рабочими пароходов, находящимися в Петропавловском порту». Этим же решением также предполагалось рассматривать дела по опиекурению «в ударном порядке и без задержек» [3, л. 39].

Важным направлением борьбы с наркоманией стала ликвидация притонов. Если в 1924 г. в городе было закрыто шесть наркотических притонов, то в 1926 г. — 23, а в 1930 г. — три [35, л. 9; 24, л. 150]. В 1927—1928 гг. крупный притон в Петропавловске содержали китайские граждане Лю-Тин-Цай (торговец на базаре) и Ти-Ван-Цай (маляр и печной мастер). Его регулярно посещали китайцы из города и окрестностей, платившие по рублю за каждую выкуренную порцию опия, и «по той же цене приобретали опий». Содержал опиекурильню и китайский грузчик и рубщик мяса Фун-Цей-Мин. В 1925 г. «за связь с преступной средой» его лишили права проживания в Камчатском округе в течение года, но он вернулся в город раньше установленного срока. В 1926—1927 гг. Фун-Цей-Мин неоднократно привлекался к административной и уголовной ответственности.

Тем не менее, для Северо-Востока России этот вид преступности не был характерен. В отчёте о деятельности Камчатского ОИК за 1930 г. указывается, что широкого распространения наркомании в округе нет, отмечаются «единичные случаи проникновения в округ кокаинистов и морфиистов». Например, в 1930 г. в Петропавловске ликвидировано три притона наркоманов и выявлено десять случаев курения опия (без цели сбыта) [24, л. 150], а в селе Хвалёнке (Усть-Камчатский район) к административной ответственности за курение опия были привлечены «отдельные граждане» [9, л. 292].

Специфическим направлением деятельности камчатской милиции явилась её борьба с преступлениями, истоки которых восходили к древним национальным обычаям и традициям коренного населения. Архивные данные содержат многочисленные сведения о том, что в туземных районах Камчатки нарушение революционной законности происходило «самым безобразным образом», «туземцы мало понимали советскую законность и относились к судебным процессам безразлично», «основные преступления относятся к пережиткам родового быта». Наиболее распространёнными видами преступлений являлись выдача замуж несовершеннолетних, убийство престарелых и больных родственников, детоубийство, эксплуатация батрачества и бедноты в качестве пастухов

оленных табунов и беспризорников под предлогом «воспитания как родственников» [39, л. 76].

В туземных районах Камчатки также сохранялось влияние шаманства на коренное население, особенно сильно на чукчей и коряков. Так, среди последних шаманы активно проповедовали воздержание от курения табака, употребления чая и спиртных напитков, как «привитых некогда русскими купцами», и призывали отказаться «от общения с русскими и вообще с европейцами» [8, л. 2]. Эффективная борьба с «преступлениями родового быта» была возможна только при условии «укреплении туземных районных комитетов и туземных советов» [15, л. 151]. В связи с этим Камчатский ГРК 24 февраля 1924 г. принял обязательное постановление «О борьбе с эксплуатацией, обманом, спаиванием народностей Севера». Документ устанавливал особые места и правила торговли, хранения, проноса «спирта, водки, одеколона, мухомора (гриб) и прочих крепких и одуряющих средств». Он также признавал недействительными сделки, если при их заключении или в целях заключения спаивали туземцев; аннулировал долги частным торговцам «ввиду явного их кабального характера». Совершенно запрещалась торговля «всякими безделушками и побрякушками, как-то: бусы, бубенчики, гармошки и прочее...» [40, л. 59—63].

Интересным и примечательным явлением стал нормативный правовой акт, полностью посвящённый определению и регулированию статуса аборигенов, — «Временное положение об управлении туземных племен, проживающих на территории Камчатской губернии (округа)» от 29 октября 1925 г. [41, л. 38—42]. Положение определяло органы туземного управления, состав и порядок их формирования, сроки полномочий и компетенцию (функции). Регламентируя деятельность органов туземного управления, положение особое внимание уделяло процессу рассмотрения уголовных и гражданских дел, который должен был учитывать особенности сознания и быта коренного населения. Дела рассматривались публично на языке или наречии данного племени или народности (ст. 10). За судебными решениями органов туземного самоуправления надзирали народные суды.

В соответствии с планами административной работы, сотрудники милиции в районах должны были вести активную работу по профилактике преступлений среди туземного населения. На заседаниях РИК милиционеры систематически отчитывались о проделанном ими. Во второй половине 1920-х гг. в практику

вошло взаимодействие органов милиции и туземных судов, которым передавалось рассмотрение и вынесение приговоров по уголовным делам [25, л. 108]. Такая практика особенно широко применялась в Карагинском, Чукотском, Анадырском и Пенжинском районах. В марте 1928 г. было принято дополнение к УК «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта». Дополнение действовало только на территории тех автономных республик и областей РСФСР, где сохранились остатки родовых и патриархально-феодальных отношений и ещё были распространены деяния, которые, с точки зрения правосознания некоторых лиц коренного населения, не считались преступлениями.

Большое значение имело принятое ВЦИК и СНК РСФСР «Постановление о дополнении УК РФ для Дальневосточной области рядом статей» (ст. 228—232). Однако главным «инструментом» предотвращения преступности «родового быта» должно было стать решение социально-экономических и культурно-нравственных проблем. В отчёте АО Чукотского северного туземного района за первое полугодие 1930 г. отмечено улучшение качества работы местных милиционеров, регистрировавших и раскрывавших преступления. Этому способствовало «знание местного языка сотрудниками милиции, проживающими в районе не один год» [25, л. 108].

Сотрудники милиции Северо-Востока России вели систематический учёт преступников, искали их и проводили дознания. Преступный элемент в Камчатском округе учитывался по карточной системе одновременно в четырёх видах: 1) по категориям преступлений, 2) по фамилиям, 3) по кличкам и 4) по адресам. Кроме того, в каждом виде учёта выделялись группы: 1) преступники, зарегистрированные в конкретном районе, 2) содержатели притонов и мест сбора преступного элемента, 3) подозреваемые в общении с правонарушителями (в том числе и лица, «по своей профессии и роду занятий оказывающие помощь преступникам») [42, л. 44об.].

Все взятые на учёт распределялись на категории «по роду преступлений». Важнейшим направлением в деятельности милиции (особенно в сельской местности) являлась агентурная работа. В качестве осведомителей выступали члены сельсоветов, сельские исполнители, демобилизованные красноармейцы, члены различных общественных организаций, служащие кооперативных предприятий и объединений, учителя, медперсонал. Допускалась также вербовка осведомителей из преступной среды. Донесения от них собирались старшими милиционерами и начальниками волостных

и уездных (впоследствии районных) милиций. На основании полученных донесений составлялись сводки в двух экземплярах, один направлялся начальнику уездной (районной) милиции. В сводку вносились все донесения осведомителей, в том числе и сведения о преступных деяниях, относившихся к компетенции ОГПУ (шпионаж, антисоветская деятельность, контрреволюционные преступления) [42, л. 39].

Следует отметить, что в 1920-е гг. на Дальнем Востоке уровень преступности, в силу специфики региона, был выше, чем в целом по стране. Она была не просто высока, но отличалась большим уровнем тяжких преступлений. Но в отличие от Дальнего Востока и Сибири, долгие годы бывших местом каторги и ссылки, где сформировалась профессиональная преступность, на Камчатке «профессионального преступного элемента не возникло». В отчёте о деятельности административно-милицейских и судебных органов власти за 1925 г. указывалось, что «своеобразные условия Камчатки задерживают рост уголовных преступлений и способствуют их быстрому раскрытию, поэтому данная местность и не вырабатывает профессиональных рецидивистов и не привлекает их из других местностей» [21, л. 41].

Весьма интересные сведения о характере преступности содержатся в документах волостных революционных комитетов Камчатской губернии. Например, в докладе председателя Соболевской волости «О состоянии волревкома с 1 марта по 1 октября 1924 г.» указывалось о распространении браговарения, краж на рыболовных участках, контрабанды японского спирта и половых преступлений [43, л. 10, 12]. Для Соболевской волости было также характерно, что лица, совершившие преступления (в том числе убийства), в течение нескольких лет находились на свободе и «никаких наказаний не отбывали», в результате у населения создавалось впечатление, что они остаются безнаказанными. В Большерецкой волости также «находилось много уголовных преступников», особенно в селе Хомутино, в котором «проживал самый ненадёжный элемент» [2, л. 157].

В докладе председателя Хайрюзовского ВРК «О состоянии волости с 1 октября 1924 г. по 1 января 1925 г.» сообщалось, что здесь не было бандитизма, убийств, крупных краж и политических преступлений, а наиболее распространенными оказались нарушения законоположений высших органов власти [43, л. 89]. Основными причинами преступности в волости являлись «темнота и несознательность населения; развращённость в годы безвластия, когда

нарушения проходили безнаказанно, и бесхозяйственное хранение населением своего имущества, находящегося открыто на улице, складе или балагане» [43, л. 89].

Всего в 1925 г. в производстве народного суда находилось 264 уголовных дела, из которых были рассмотрены 263. По видам преступления распределялись следующим образом: против порядка управления — 52, против жизни, здоровья и достоинства личности — 120, должностные — 4, хозяйственные — 39, имущественные — 30, нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок — 8 [21, л. 45].

В 1925—1926 гг. в Камчатской губернии было зарегистрировано 52 преступления против личности, 26 случаев хулиганства, 45 случаев самогонварения и изготовления браги [20, с. 4]. В 1925—1926 гг. в Усть-Камчатском районе отмечено 16, в Анадырьском — 16 (см. приложение 1), в Большерецком — 82 преступления. В Карагинском районе с 1 октября 1926 г. по 1 апреля 1927 г. совершено 10 (см. приложение 2), а в 1930 г. зарегистрировано 19 уголовных преступлений (см. приложение 3). Во второй половине 1920-х гг. преступность на Камчатке росла, что нашло отражение в квартальных отчётах РАО. Так, количество зарегистрированных преступлений на Северо-Востоке России увеличилось со 179 в 1924 г. до 412 в 1929 г. Данные отчёта АО съезду Советов Камчатского округа в 1928 г. фиксируют, что в округе имеется значительный рост преступности. В г. Петропавловске-Камчатском во втором полугодии 1929 г. он составил 12, а в первом полугодии 1930 г. — 18 %.

Особенностью преступности на Камчатке являлся её сезонный характер. Летом количество преступлений значительно увеличивалось за счёт роста численности сезонно-промысловых рабочих и переселенцев, прибывавших на лов рыбы, золотые прииски, заготовки леса. Сезонные рабочие не проходили административных проверок, значительная их часть «представляла совершенно разложившийся элемент». Они были «недостаточно учтены, не полностью использовались и несвоевременно отправлялись обратно» [37, л. 10].

Важным фактором, снижавшим эффективность деятельности милиции, являлось отсутствие в районах Камчатского округа народных судов. Так, в Карагинском районе с 1924 г. милиция проводила дознания и направляла дела в суд, но те прекращались (истечение срока давности, амнистия), и население «не видело никакого результата работы милиции» [24, л. 163]. Только в 1930 г.

впервые в районе осуществлял свою деятельность выездной народный суд, и все имеющиеся дела были своевременно рассмотрены, что привело к «увеличению авторитета милиции». Сведения о количестве и видах преступлений, зарегистрированных в Камчатской губернии (округе) в 1923—1929 гг., приведены в табл. 2 [ГАКК, ф. Р-306, оп. 1, д. 1, л. 74—75].

Таблица 2

Наименование преступления	Годы					
	1923/24	1924/25	1926	1927	1928	1929
Против личности	31	25	66	97	146	98
Кражи	40	18	47	48	51	49
Самогонование и продажа	49	50	40	19	17	11
Хулиганство	—	25	32	39	41	38
Убийство	7	10	22	25	28	24
Против порядка управления	4	19	27	28	118	163
Растрата и присвоения	8	6	10	19	22	20
Половые	5	12	6	12	13	9
Всего:	179	154	331	359	436	412
Раскрытых, %	42	51	70	60	75	77

Из табл. 2 видно, что в 1920-е гг. преобладающими видами правонарушений на Северо-Востоке России являлись преступления против порядка управления и личности. Кроме того, наблюдалась тенденция увеличения численности краж, случаев хулиганства и таких тяжких преступлений, как убийства. Напротив, во второй половине 1920-х гг. существенно сократилось самогонование и незаконная продажа спиртных напитков (шинкарство). Следует отметить, что уровень камчатской преступности был самым низким на Дальнем Востоке. Это стало причиной того, что на Северо-Востоке России в 1920-е гг. не были образованы подразделения уголовного розыска, а оперативно-розыскную деятельность осуществляли наиболее подготовленные сотрудники. Так, в соответствии с приказом начальника Камчатского ОАО № 7/СС от 10 ноября 1926 г. выполнение оперативно-розыскных функций полностью возлагалось на старших милиционеров, которые должны были «по прямой своей обязанности вести работу по оперативной деятельности» [3, л. 18].

Деятельность милиции по борьбе с преступностью производилась на плановой основе. Планы работы разрабатывались ежеквар-

тально и утверждались приказом начальника губернского (окружного) административного отдела. Помимо квартальных, широкое распространение также получили полугодовые и годовые планы. Эффективной формой контроля и проверки их выполнения являлись ежеквартальные, полугодовые и годовые отчёты милиции. Важную роль сыграла «Инструкция по борьбе с преступностью», утверждённая Камчатским ГРК 4 декабря 1924 г. (см. приложение 4). На основании циркуляров НКВД РСФСР № 506/31/цс от 23 декабря 1925 г. и Краевого АО № 1000/с от 26 апреля 1926 г. губернский АО разработал циркуляр № 9/СС от 24 декабря 1926 г. «Об учёте социально вредного и паразитирующего элемента» [44, л. 20].

В целях планомерного учёта, а также надлежащего наблюдения за его внутренней жизнью, сотрудникам районных милиций вменялось в обязанность взять под контроль весь «паразитический элемент». К категории «социально-паразитический элемент» относились лица, которые, «не совершая преступлений, своим образом жизни, близостью к преступному миру и бездельем — паразитизмом — являются угрозой обществу». На особый учёт следовало взять спекулянтов, притоносодержателей, профессиональных нищих, лиц, живших за счёт финансовых и коммерческих махинаций, скупщиков краденого и злостных «хищников», то есть браконьеров [44, л. 20—21].

Сведения по вышеперечисленным «паразитам» фиксировались отдельно по каждой группе, а на каждое лицо негласно составлялась отдельная анкета, которая в секретном порядке направлялась в АО. Все изменения (смена адреса, семейного или имущественного положения, связь с преступной средой, смерть и т. д.) дополнительно фиксировались в анкетах и сообщались в окружающей АО. Для более эффективной работы по расследованию и раскрытию преступлений в сельской местности, где практически отсутствовали сотрудники милиции, право проведения таких следственных мероприятий как выемка и обыск предоставлялось председателям и членам сельских советов.

Важнейшим критерием деятельности милиции был уровень раскрываемости преступлений, который по Камчатской губернии (округу) в 1920-е гг. имел тенденцию к росту. Официальные статистические показатели свидетельствовали о том, что раскрываемость преступлений на Камчатке была выше, чем в целом по стране и на Дальнем Востоке в частности. Сведения о количестве

раскрытых преступлений (в %) в РСФСР, ДВК и Камчатском округе (в 1927—1929 гг.) приведены в табл. 3.

Таблица 3

	1927 г.	1928 г.	1929 г.
РСФСР	46,3	51,3	59,5
ДВК	53,9	71,3	72,1
Камчатский округ	60,0	75,0	77,0

Из табл. 3 видно, что на Северо-Востоке России ежегодно увеличивалась раскрываемость преступлений, которая возросла с 42 в 1925 г. до 77 % в 1929 г. На рост раскрываемости влияли изолированность Камчатского округа, небольшая численность населения и отсутствие профессиональной преступности. Кроме того, преступный и «социально вредный» элемент округа находился под оперативным контролем милиции. Вместе с тем необходимо отметить, что официальные статистические данные не всегда отражали истинную ситуацию, так как далеко не все преступления регистрировались [45, л. 74—75].

Косвенно данный факт подтверждают некоторые архивные документы. Например, в отчёте АО за 1928 г. съезду Советов Камчатской губернии зафиксировано, что в округе произошло увеличение преступности и что «преступность относится к русским и обрусевшим камчадалам». В отчёте о состоянии и деятельности Камчатского ОИК за 1930 г. отмечается, что зарегистрированные преступления являются «лишь частью преступности» и не отражают реальную картину, а «преступность в округе разнообразна и многочисленна» [24, л. 148].

Таким образом, специфические особенности Северо-Востока России создали условия для сильного распространения на Камчатке таких видов преступлений как бандитизм (в Охотском уезде), контрабанда, хулиганство, изготовление самогона и браговарение, а также «родовых преступлений», преступлений против личности и против порядка управления. Противозаконная деятельность в Камчатской губернии (округе), как и на Дальнем Востоке, отличалась взаимосвязью различных видов преступлений. Так, развитие контрабанды способствовало распространению пьянства и спекуляции, а большинство хулиганских проявлений совершалось в состоянии алкогольного опьянения, чему также способствовало изготовление самогона, браговарение и контрабанда спиртных напитков. Вместе с тем следует отметить, что камчатская преступность значительно отличалась от дальневосточной и обладала рядом отличительных черт. Они характеризовались отсутствием

профессиональной преступности, незначительным развитием социальных аномалий, сохранением значительного количества преступлений «родового быта» и прочих.

Яркой особенностью стало то, что Камчатка являлась единственной территорией Дальнего Востока, где в 1920-е гг. не было образовано уголовного розыска. Причинами этого явилось отсутствие профессиональной преступности, а также то, что количество уголовных преступлений было значительно ниже, чем на Дальнем Востоке. Выполнение функций уголовного розыска возлагалось на наиболее подготовленных сотрудников милиции, а территория, обслуживаемая одним камчатским милиционером, была самой большой в РСФСР. В процессе борьбы с преступностью осуществлялось тесное взаимодействие милиции с судебными органами, прокуратурой, таможней, ОГПУ. Особенно распространённой практикой стало сотрудничество органов милиции с губернскими (окружными) административными органами власти и привлечение населения к охране общественной безопасности и спокойствия.

Борьба с преступностью на Северо-Востоке России предусматривала комплекс мероприятий, включающих следующие компоненты: предупреждение (профилактика) преступлений, пропаганда советского законодательства и внедрение «социалистической законности»; регистрация фактов преступлений; возбуждение уголовных дел, расследование и раскрытие преступлений и другие. Об эффективности борьбы с преступностью сотрудников камчатской милиции свидетельствует то, что на протяжении всего рассматриваемого периода уровень раскрываемости преступлений в Камчатском округе оставался самым высоким на Дальнем Востоке.

ИСТОЧНИКИ И ПОЯСНЕНИЯ

1. Некрасов В. Ф. История борьбы с бандитизмом // Полиция и милиция России. — М., 1995. — С. 194—196.
2. ГАКК. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 132.
3. Там же. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 1.
4. ГАХК. Ф. П-1802. Оп. 3. Д. 1.
5. Антонов Е. П. Тунгусское национальное восстание в 1924—1925 / Россия и АТР. — Владивосток, 2005. — № 4.
6. ГАКК. Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 2а.
7. ГАХК. Ф. П-1802. Оп. 3. Д. 7а.
8. Там же. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 91.

9. ГАКК. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 108.
10. Материалы по статистике Камчатской губернии. — Хабаровск, 1925.
11. Из истории таможенной службы России на Дальнем Востоке (документы и материалы 1899—1925) / Сост. Н. А. Беляева, Н. А. Троицкая. — Владивосток, 1999. — С. 150—151.
12. *Шабельникова Н. А.* Милиция Дальнего Востока России (1922—1930 гг.). — Владивосток, 2000.
13. Отчёт Дальневосточного Краевого исполнительного комитета за 1925—1926 гг. — Хабаровск, 1927.
14. ГАКК. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 161.
15. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 2—3. Д. 71.
16. ГАКК. Ф. Р-219. Оп. 1. Д. 1.
17. Бюллетень Дальревкома. — Хабаровск, 1923. — № 14.
18. РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1433.
19. ГАКК. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 2.
20. Полярная звезда. — 1928. — 19 янв. — № 6.
21. РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 570.
22. ГАКК. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 4.
23. РГИА ДВ. Ф. Р-4315. Оп. 1. Д. 33.
24. Там же. Д. 55.
25. Там же. Д. 54.
26. ГАКК. Ф. Р-106. Оп. 1. Д. 26.
27. Там же. ОФ. Оп. 1. Д. 61.
28. Там же. Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 4.
29. Два года работы Дальневосточного краевого исполнительного комитета (материалы к отчёту 3-му краевому съезду Советов). — Хабаровск, 1929.
30. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 49. Д. 127.
31. ГАЧАО. Ф. Р-182/28. Оп. 1. Д. 12.
32. ГАКК. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 108.
33. Там же. Ф. Р-25. Оп. 2. Д. 2.
34. Там же. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 3.
35. Там же. Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 3.
36. Там же. ОФ. Оп. 1. Д. 60.
37. ГАХК. Ф. П-1384. Оп. 5. Д. 10.
38. Полярная звезда. — 1923. — 6 июля. — № 73.
39. ГАКК. Ф. Р-305. Оп. 1. Д. 1.
40. РГИА ДВ. Ф. Р-3133. Оп. 1. Д. 48.
41. ГАКК. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 3.
42. Там же. Р-179. Оп. 1. Д. 3.
43. Там же. Ф. Р-25. Оп. 8. Д. 4.
44. ГАКК. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 5.
45. ГАКК. Ф. Р-306. Оп. 1. Д. 1.
46. РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 94.
47. ГАКК. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 108.

Приложение 1

Классификация преступлений в Анадырском и Усть-Камчатском районах в 1925—1926 гг.

Анадырский район	
Виды преступлений	Количество случаев
Контрреволюционные	1
Против порядка управления	1
Приготовление и сбыт спиртных напитков	3
Хулиганство	4
Против личности	1
Кражи	3
Нарушение правил охраны народного здоровья, общественной безопасности и прочие	3
Итого:	16
Усть-Камчатский район	
Виды преступлений	Количество случаев
Половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости	1
Умышленное лёгкое телесное повреждение	1
Умышленное нанесение побоев, причинивших физическую боль	1
Халатное отношение к служебным обязанностям	1
Сопrotивление власти	1
Кража	3
Хулиганство	7
Приготовление спиртных напитков	1
Итого:	16

ГАКК. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 108. Л. 21, 135—136; РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 4. Л. 493.

Приложение 2

Классификация преступлений в Карагинском районе с 1 октября 1926 г. по 1 апреля 1927 г.

Виды преступлений	Количество случаев
Превышение власти	2
Оскорбление личности	3
Халатное отношение к служебным обязанностям	1
Присвоение имущества	2
Насилие над личностью	1
Мошенничество	1
Итого:	10

Источник: ГАКК. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 108. Л. 329.

**Классификация преступлений в Карагинском районе:
с 1 января по 1 июля 1930 г.**

Виды преступлений	Количество случаев
Приготовление и сбыт спиртных напитков	1
Против порядка управления	1
Злоупотребление властью	3
Взяточничество	1
Телесные повреждения	1
Преступления против личности	2
Бытовые преступления	1
Итого:	10

Источник: РГИА ДВ. Ф. Р-4315. Оп. 1. Д. 55. Л. 163.

с 1 июля 1930 г. по 1 января 1931 г.:

Виды преступлений	Количество случаев
Приготовление и сбыт спиртных напитков	1
Против порядка управления	3
Взяточничество	1
Против личности	3
Бытовые	1
Итого:	9

Источник: РГИА ДВ. Ф. 4315. Оп. 1. Д. 55. Л. 165.

**«Инструкция по борьбе с преступностью», утверждённая
Камчатским ГРК 4 декабря 1924 г.**

1. Ведётся ли учёт преступного элемента и наблюдение за ним.
2. Какие методы борьбы с преступностью (указать какие меры милиция принимает в отношении пресечения преступности).
3. Насколько успешно ведётся борьба с преступностью.
4. Ведётся ли книга вещественных доказательств, если да, то по какой форме.
5. Как ведётся наблюдение за проведением в жизнь обязательных постановлений КГРК, местных и центральных органов власти и часты ли случаи их нарушения.
6. Осуществляются ли 15 % отчисления от взысканий за нарушение обязательных постановлений штрафов и вносятся ли они в фонд по премированию сотрудников милиции.
7. Сведения вообще о работе органов милиции, их недостатки меры к устранению.
8. Мнение лица, проводившего обследование состояния и деятельности органов милиции о необходимости улучшения работы.

Источник: ГАКК. Ф. П-45. Оп. 6. Д. 2. Л. 123.

ПЕТРОПАВЛОВСК. Год 1929-й

1 января в «столице» полуострова при секретариате Камчатского окружного исполнительного комитета (КОИК) создан «Стол вырезок». Он должен был сыграть роль своеобразной «обратной связи» между обществом и властями. Последние на основе замечаний, публиковавшихся в окружной газете «Полярная звезда», а также поступавших от разных лиц жалоб намеревались выявлять «нарушения революционной законности, проявления бюрократизма, произвола, грубого обращения, пьянства и прочих действий». Вот такое большое значение придавалось в первые годы советской власти печатному слову. При обнаружении подтверждения названных фактов против виновных могли возбуждаться судебные или административные преследования, в зависимости от состава преступления или проступка. В СССР в это время шла кампания «самокритики» в повседневной работе учреждений и организаций. По мнению секретаря КОИК Ф. Л. Слободчикова, только при дружной поддержке общественности можно было изжить «всякие болячки и извращения политики партии и советской власти».

6 января в школе-девятилетке (или, более привычно для тогдашних горожан — школе второй ступени) «антирелигиозным сочельником» открылась, если так можно выразиться, культурно-образовательная программа года. Цель сочельника: отвлечь школяров от религиозного «дурмана» и дать им «возможность полезно провести время». Вечер стал частью работы школьного отделения городского «Союза безбожников» (СБ). Его программу составили лекция «Миф о Рождестве», пьеса «Торговый дом “Бог-отец, бог-сын и Компания”», частушки и «балет» соответствующего содержания, а также русский танец и «дивертисмент». Завершилось действо танцами и «разными играми».

Этот первый в начавшемся году воскресный день оказался насыщен событиями. Так, окружной совет Осоавихима объявил благодарность заведующему окружным отделом здравоохранения Николаю Захаровичу Топольскому, пожертвовавшему для организуемого городского тира своё ружьё «Монтекристо». Помимо благодарности, даритель получил разрешение «стрелять по мишеням три раза бесплатно».

В четыре часа дня в помещении милиции прошло женделегатское собрание при ячейке АКО с повесткой: «Домашнее хозяйство

и его связь с общим хозяйством страны». Группа женщин-активисток попутно доложила итоги обследования детского сада.

Руководитель Константинов напоминал, что в красном уголке школы первой ступени (то есть начальной) в пять часов вечера созывается организационное собрание молодёжного музыкального кружка. Персонально приглашались: Невский, Речкина, Борисова, Яковенко, Кошляк, Л. Панова, Яхович, Заочная, Шумилова, Н. Панова, Васильева, Брагина, Н. Комарова, В. Щава, Горелов, Борисов, Русанова.

В окружное бюро ВКП(б) поступили заявления от желавших вступить в кандидаты партии. Таковыми были, например, пограничник П. Л. Павлов, служащий АКО Я. Г. Яковенко. Подошёл срок перевода из кандидатов в члены партии пограничников П. П. Гилёва и В. П. Степанычева. Окрбюро просило всех сообщить ему о любых имеющихся на подавших заявления «компрометирующих материалах».

Член ВЛКСМ Цой Пётр Деуни объявлял о пропаже и просил считать недействительным свой комсомольский билет № 35140.

Пришли сведения, что первый выход парохода «несрочного» рейса из Владивостока на Петропавловск намечен на 5 марта.

В городское агентство Госбанка поступили в продажу облигации госзаймов: беспроцентного 1926 г., 10-ти и 12-процентных 1927 г. Здесь же продавались и покупались облигации второго займа индустриализации. Под их приобретение можно было получить ссуды в размере 60 % биржевой стоимости облигаций под 11 % годовых.

«Полярная звезда» оповестила, что в наступившем году будет выходить дважды в неделю, а по воскресеньям — с приложением. Газетчики намеревались печатать руководящие статьи по политическим и другим вопросам, заграничную и советскую информацию, международную хронику «Вокруг Земли», втягивать рабочих и крестьян в борьбу с бюрократизмом, бесхозяйственностью, при участии добровольных помощников — рабочих и сельских корреспондентов (рабселькоров) освещать городскую и сельскую жизнь. Редакция предполагала открыть разделы: «За новый быт», «Партийная жизнь», «Не правда ли, граждане?», «Наши предложения», ежемесячные странички: литературную, детскую, антирелигиозную, юмористическую, краеведческую. Для привлечения подписчиков обещано устроить среди них розыгрыш вещевой лотереи. Стоимость годовой подписки определена в тринадцать рублей.

10 января окружной комитет крестьянской взаимопомощи «при участии госучреждений и организаций» открыл на улице Ленинской в доме № 76, что против школы первой ступени, взамен прошлогоднего заезжего дома «Дом крестьянина», предоставлявший приезжавшим в город селянам удобный ночлег. Их ждали: койка с чистыми постельными принадлежностями, чай с сахаром, бесплатный вход на кинопостановки и спектакли. Здесь имелись красный уголок и справочный отдел. «За ночлег и пользование всеми услугами взимается плата в размере семидесяти пяти копеек в сутки с человека и, кроме того, особая плата за чай по пять копеек кружка».

13 января, в воскресенье, в 11.02 под ногами горожан вздрогнула земля. Затрещали потолки, зазвенела посуда, закачались лампы и комнатные растения. Сила встряски, по оценке натуралиста П. Т. Новограбленова, составила пять баллов по шкале Росси-Фореля. Трясло немногим более минуты, слышался подземный гул. День стоял пасмурный, тихий, но довольно холодный, с девятнадцатиградусным морозом. «Домашние» вулканы были спокойны. Спустя пару дней о событии всему Союзу поведала Хабаровская широкоэвещательная радиостанция, отметившая, что колебания земной тверди докатились аж до Пулковской сейсмостанции.

Вечером клуб союза совторгслужащих (ССТС) представлял премьеру — комедию в трёх действиях «Король эфиопский, царь русский Дмитрий III Короста», сочинение некоего Григория Ге. События разворачивались «в Нью-Йорке в наши дни». Действия: первое — «Сто миллионов», второе — «За веру, царя и отечество», третье — «Мировая сенсация».

В канун Нового года по старому, совсем недавно отменённому, стилю летоисчисления в школе-девятилетке в восьмой группе (то есть классе) на уроке рукоделия учительница, вспомнив «доброе, старое время», рассказала учащимся о способах гадания: на кофейную гущу, на метлу, в зеркало, в кольцо. Что доподлинно происходило во время этого урока, мы можем только предполагать, но всё же за школьные стены просочился явный факт насаждения среди советской молодёжи «пережитков прошлого». Дальнейшее излагается в живописной интерпретации автора «Жало»:

«Замерли девчата, глаза их расширились, забыто скучное рукоделие. Вечер. В большой столовой девушки ждут, не дождутся ухода родителей, чтобы заняться тригонометрией. Наконец настал желанный момент, нет старших. Книги в сторону, туфли долой, без шума передвигаются зеркала, появляются свечи, кольца

и стаканы с водой. Девушки хотят видеть своих суженых. Жутко. Девачи дрожат, зуб на зуб не попадает. Девушки не мигая смотрят в зеркало на огненную дорожку, долго, долго... От напряжения выступают слёзы. На зеркале чудятся какие-то пятна. Фантазия заработала.

— Лиза! Я вижу солдата!

— Ой! Вера, и я вижу что-то, — шепчет побелевшими губками Лиза.

От испуга она мигнула веком, в зеркале по огненной дорожке поплыли тени.

— Ай, череп, смерть я вижу! — неслись истерические вопли из обширной столовой.

В тот же вечер в другом доме в полночь четыре девушки разложили лист бумаги, блюдечко, вызвали духов.

В третьем доме гадают на воск. “Чтобы это такое могло быть?” Стараются разгадать посредством кусочка воску, разлитого в воде.

— Автомобиль! Вот папаша поедет на материк, купит автомобиль, и ты, Валечка, будешь ездить на нём в церковь!

Всем хорошо, все довольны. И некоторые родители довольны, определённо поговаривают: “Вот она трудовая-то школа, и гадающие, и спиритизм преподают”... Вот до чего доводят необдуманные поступки педагогов».

15 января. Опубликовано обязательное постановление КОИК от 20 декабря 1928 г. № 5 «О регистрации в органах ЗАГС случаев рождений и смертей». Все граждане Камчатского округа обязывались регистрировать их в следующие строки: в городе — в двухнедельный, в сельских местностях, где имелись столы ЗАГС — в месячный, где их не было — в шестинедельный, за исключением особо отмеченных уважительных причин. За нарушение — штраф до трёх рублей. При неуплате виновным полагались принудительные работы на срок до пяти дней.

Одновременно вступил в действие запрет «всякого рода азартных игр». Отныне воспрещалось устройство рулеток, лото, банковок, карточных розыгрышей в клубах и других общественных местах, а также и частных домах. «При обнаружении азартной игры на деньги на кону, принадлежности её, служащие доказательством, задерживаются с составлением особого акта или занесением в протокол». Нарушителям, в зависимости от тяжести проступка, грозило предупреждение «в административном порядке», сторублёвый штраф или те же принудработы, но уже до одного месяца.

20 января в восемь часов вечера впервые устроило свой вечер в клубе ССТС Добровольное общество «Друг детей» (ДОДД). Демонстрировались водевиль «На улице» и украинская музыкальная пьеса «Сватаня на вечерницах» (постановка Браславской, у «пианина» — Лисина). Затем следовал дивертисмент с музыкально-вокальными номерами под оркестр духовой музыки. Всё это сопровождалось буфетом с пивом, горячими и холодными закусками. «Кухня под наблюдением шефа-кулинара. Спешите видеть! Вкусно покушать!» Ограниченное количество билетов продавалось в кассе в день спектакля. Руководил происходившим ответственный распорядитель Глаголевский.

Спустя пару недель «Полярная звезда» пером автора, укрывшегося псевдонимом «Эдип», откликнулась на это событие примечательной юмореской «Что прикажете, сосиску и рюмку?»:

«...Один приятель рассказал мне следующую историю: “До культуры я здорово стал за последнее время приспособливаться, тянет меня к ней. На днях как-то говорю жене: «Пойдём, дорогая, в клуб ССТС на вечер, посмотреть культуру...»

Пришли. Сунулись одевшись в зал, а отсюда нас поворотили к раздевалке. У вешалки давка, все без очереди, каждый спешит сдать одежду вперёд. Какой-то дядя пришвартовался к воротнику моей рубахи огромным крючком пиджака и не успел я отцепиться, как этот гусь полворота отодрал. “Поосторожнее, — говорю, — гражданин. Хороший воротничок на улице не валяется, и в АКО его теперича нету, по запискам давно уж роздали”. Ну, а он ехидно так улыбается: “Большой, грит, пардон, гражданин. Только советую для крепости шить рубахи из нерпичьей кожи”. И ушёл.

Мы одежду сдали и в зал. На галерке расположились. Я сложил руки и смотрю на занавес, жена сынишке штанишки одергивает, а кругом треск стоит — семечки народ нещадно кушает. Скоро мне скучно стало. Спрашиваю соседа: “Скоро ли зачнётся?” “Тут завсегда с выдержкой не менее полчаса, а то и больше”, — отвечает тот.

В этот момент в нашем ряду появляется та дама, которая, как кит, весь РОКК (местное отделение Российского общества Красного креста. — С. Г.) на себе держит. С подписными листами ходит и шоколады в клубе продаёт. В момент соображаю, что деньги-то у меня, которые я собрал на новые брюки, эта гражданка враз вывинтить может. Подходит она к нам с этакой ласковой улыбочкой и суёт жене шоколад и сынишке тоже. “Дешёвые, полтора целкоша за плитку”.

Не выдержал, говорю: “Будьте покойны, гражданка, они не едят шоколаду...” “Я, — грит, — и так спокойна, а ради праздника почему же не есть?” А жена тут и подвела меня: “Дайте, — грит, — мне с сыном по плитке да по два яблока, — и, указывая на меня, — Коля заплатит”. Ну и пришлось пятёрку разменять.

В первом действии, вырви им язык, ничего не понял — украинскую старую пьесу играли. В антракте не успел одуматься, гляжу — другая полная блондинистая дама к нам идёт, которая по ДОДДу заворачивает, тоже с шоколадами. Я встал, чтоб уйти, а жена: “Подожди, Коля, вместе пойдём”. А сама у подошедшей дамы — цап шоколадину, сынишка цап другую. Тут я чуть не взвыл, но поздно. Пришлось вторую пятёрку менять. Разменял и пошёл в антракте гулять.

Мимо стойки буфетной прохожу, и тут дамочка кивает на меня и на буфет: “Что прикажете, сосиску и рюмочку водки?” Думаю, разве ради праздничка одну пропустить? Пропустил, граждане, на последние копейки целых три и сосисок с полдюжины схряпал. Потом зачалось последнее действие. Опять, хоть убей, непонятно. Думал стать. Вдруг кто-то закричал: “Долой халтуру, гони вон!” Тут я очнулся и вижу — самая толстая дама в городе на сцене толстыми, как брёвна, ногами дрыгает и визжит не благим матом...

Опосля того решил к такой культуре не приспособливаться: ни уму, ни сердцу, граждане, не легче, разве только карман облегчается. Не для нас такая культура...” Он махнул рукой и бросил мрачный взгляд куда-то в пространство».

Шутки шутками, но в условиях бурно разворачивавшегося социалистического строительства деятельность клуба уже давно расценивалась как низкопробная, рассчитанная на мещан, нравственно калечившая советскую молодёжь. «Просветы», по мнению критиков, наблюдались лишь в редкие революционные празднества и годовщины. При этом на содержание клубных работников из городского бюджета ежемесячно расходовались семьсот рублей. Общественное мнение, воплощённое, например, в многочисленных молодёжных газетных заметках, требовало «настоящей клубной творческой работы». Пока же в клубе по-прежнему царили халтура, сосиски и выпивка.

22 января «ответорганизатор Паузер» известил об открытии при клубе ССТС «показательно-гигиенической кофейни РОКК», обслуживаемой кружковцами «первой помощи» и сандружинниками. Заведение работало ежедневно с пяти до восьми часов вечера.

Контора Акционерного Камчатского общества (АКО) начала продажу всем желающим со своего склада на Култучном озере угля «высокого качества» по сорок пять рублей за тонну. За доставку до места общество брало ещё пятёрку.

24 января прошло отчётно-выборное собрание краеведческого общества, насчитывавшего в своих рядах сто восемьдесят пять членов и членов-корреспондентов из Петропавловска и других мест округа. Признано, что основная задача общества — распространение знаний о Камчатке и организация длительного и широкого изучения округа в естественно-историческом и социально-экономическом отношениях выполняется «по мере сил и возможностей». Деятельность правления оценена на «удовлетворительно». Пожелания краеведов, «чтобы члены общества внимательно отнеслись к предстоящим выборам своего руководящего ядра», были учтены. Председателем правления избран Н. С. Павленко, его товарищем, то есть заместителем, — П. Т. Новограбленов, секретарём — М. Е. Кренберг, казначеем — Ф. Л. Слободчиков, членами — В. Ф. Комаров, И. Е. Ларин, М. А. Жедяевский, В. Ф. Богатырёв и А. Г. Ястребов. Кандидатами к ним: доктор Гончаров, Сидоров и Батурлов. В ревизионную комиссию вошли: председатель Л. А. Матулис, члены Н. М. Успенский и И. Ф. Голованов и кандидатами к ним Соболев и Добржанский. Собрание решило усилить изучение социально-экономических вопросов и принять меры к организации краеведческих кружков в районах округа при школах.

25 января отмечены энергичные выбросы пара Мутновским вулканом. Было видно, что его вершина засыпана продуктами извержения.

26 января на очередном заседании президиума горсовета обсуждался вопрос о краеведческом музее. Предложено перенести его в более удобное место, заарендовав для этого часть помещения окрбюро ВКП(б). Краеведческое общество отпустило на перевозку экспонатов и приспособление помещения для нужд музея три сотни рублей.

Горкомхоз доложил о «неплановости в комхозахозяйстве». Решено: возбудить судебный иск к Дальуглю, приславшему скверное топливо, на котором комхоз нёс убытки. «В силу повышения центром доходности по бюджету от эксплуатации парового отопления», постановлено с января повысить таксу за него на двадцать семь копеек с квадратного метра. Объявлено о введении с 1 апреля налогов со строений и городских земель.

Примером же неплановости называлось здание, располагавшееся вблизи городской больницы, в прошлом году перестроенное в жилое. Там сделали капитальный ремонт, заклеили щели в стенах марлей, затем обшили картоном и, наконец, обоями. Но не прошло и полугода, как начался очередной ремонт, картон оборвали, стали штукатурить стены. Щели в них небрежно зашили деревянными планками: «китаец приколотил, лишь бы с рук сошло, денежки уплачены, а поправить — опять денежки... Мастера неделю работают, да две справляют праздники. А так как дело казённое, то стоит ли торопиться». А между тем один согнанный с насиженного места квартирант стеснял приютившую его семью. Другой же всё время жил «в грязи, кочуя из одной комнаты в другую». Работа комхоза равнодушными гражданами оценивалась как затратная и неэффективная: «казённых денег не жалко».

Вечером в клубе ССТС шумела первая городская конференция членов СБ. Собравшиеся слушали доклад «Антирелигиозная пропаганда и наши задачи» и сообщения активистов о проделанной работе. Затем начались выборы окружного совета и ревизионной комиссии союза. Объявлению о проведении конференции была предпослана вот такая антирелигиозная агитка:

*Нет ни клуба, нет ни школы?
Эка важность! Пустяки!
Зато нашим богомолам
Есть где душу отвести
И послушать «божье» слово.
Раза три, не больше, в год
Отуманенный попами
В церковь сходится народ.
И с дурацкими словами
Он об землю лбами бьёт.
И невольно молодёжь
Хулиганит по селу.
Делать что? Куда пойдёшь?
Никуда. А посему:
Карты, пьянку, бой — даёшь!
Вот на это обратить
Предлагаем мы внимание.
Чтобы темноте изжить
Надо так вот поступить:
Через общие собрания
Церкви в клубы превратить!*

31 января днём состоялся многолюдный, в присутствии всех рабочих, служащих и красноармейцев города митинг протеста против арестов и обысков советских работников, прошедших на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). В принятой резолюции, среди прочего, говорилось: «Мы усматриваем не только посягательство со стороны контрреволюционной верхушки гоминдана (китайская политическая партия, в то время часто отождествляемая с правительством. — С. Г.) на имущество СССР в Китае, но и попытки нарушить мир на Дальнем Востоке. Требуем немедленного освобождения арестованных, прекращения обысков и насилий в дальнейшем, также выражения извинения со стороны китайских властей советскому правительству. Одновременно заставляем компартию и советское правительство в готовности по первому их зову стать на защиту интересов Советского Союза... Крепи оборону, будь готов дать отпор воинствующему империализму!»

Конфликт на КВЖД постепенно набирал силу и в конце года завершился кровопролитными военными действиями.

А в шесть часов вечера в клубе ССТС собрание охотников-любителей провёл Интегралсоюз. Обсуждали организацию секции и заявку на охотничьи припасы и ружья. Одновременно началось очередное заседание пленума горсовета.

Окружная комиссия по проведению десятилетия партизанского движения на Дальнем Востоке и одиннадцатилетия Красной Армии просила всех бывших партизан, живших в городе, зарегистрироваться до 1 февраля. Бывший же партизан Иосиф Филиппович Чумаков объявлял об утрате своего удостоверения личности и партизанского удостоверения, выданного ему 2 мая 1923 г. начальником 1-го партизанского отряда Приморья.

Городской отдел местного хозяйства пояснял, что никаких торговых операций не производит, а потому удовлетворить регулярно поступавшие ему требования от учреждений, организаций и частных лиц об отпуске различного рода материалов не может.

Объявлено об установлении регулярного воздушного сообщения два раза в неделю между Иркутском и Якутском и начале приёма «всякого рода авиакорреспонденции» в адрес предприятий, расположенных по Якутскому тракту.

Краеведческое общество сообщило о недавней поимке Е. Евреиновым в Авачинской губе крючковатого кальмара. По мнению краеведов, эта редкая находка стала новинкой для наших мест.

В январе при школе-девятилетке заработал шахматный кружок. В нём числились двадцать пять человек, больше половины

составляли мальчишки. В бюро кружка вошли ученики Е. Богатырёва, Брагин, Мейта. Руководил кружком отличный шахматист — педагог П. Т. Новограбленов.

Учебно-производственная мастерская принимала заказы на изготовление всевозможных столярных изделий, вплоть до шкафов и ванн. Желающим предлагались готовые крашенные табуреты по два с полтиной за штуку. Мастерская помещалась в здании школы первой ступени. С заказом можно было обратиться к заведующему Адамову или мастеру-инструктору Кочеткову.

Все желающие могли привиться от оспы в городской больнице «один раз в месяц по четвергам после первого числа каждого месяца».

Любитель конькобежного спорта призывал городских физкультурников устроить, наконец, городской каток, о котором все так долго мечтали. «Природа им говорит: “Вы бы давным-давно между собой договорились и втянули бы организационным путём в это дело молодёжь, которая из-за получения удовольствия покататься на коньках, а этим самым она получила бы для себя физическое развитие, вполне согласилась бы на устройство”. А у вас получается всё наоборот. Когда стоят ясные дни или пасмурные, но без пурги, вы всё мечтаете. А вась кто-нибудь расчистит снег? А вот, мол, в бухте будет без всякой расчистки каток. И так ныне да завтра, а хорошее время уходит. А, по-моему, так... Собраться бы вам всем вместе, как тем, другим и третьим, и всем желающим кататься на коньках расчистить то место для катка, и ваяяй, брат, запузыривай...»

Для желающих повысить политико-образовательный уровень действовала городская политшкола. В ней занимались две группы. Одной руководил партиец Шумилов, другой — Кожевников. По мнению некоего «Яка», работала школа неэффективно. Этот «доброжелатель» отмечал, что в группе Шумилова занятия ведутся регулярно, посещаемость удовлетворительная, отношение к нему, как к «руководу», то есть руководителю, хорошее. Правда, «есть некоторое неважно отношение отдельных товарищей к менее развитым, но таких коллектив осаживает, и это работе кружка не вредит». А вот у руководителя Кожевникова, по словам «Яка», дела шли неважно. «Посещаемость удовлетворительная, пособий вполне достаточно, но занятия проводятся очень вяло, руковод задаёт вопросы, а в ответ ему гробовое молчание или ещё хуже. “Ответьте на такой-то вопрос”, — говорит руковод определённому слушателю. “Я не знаю”, — говорит с гримасами слушательница, — “если

хотите, с книги прочту”. Читает с книги, и снова класс погружается в безмолвие. Только один тов. Кожевников неумоимо говорит да два товарища изредка отвечают на вопрос. Сладко зевает Панова, воткнувшись в книжку, в углу шепчутся двое, бросая враждебные взгляды на руководителя — далеко от политики их мысли, и зря, видно, тов. Кожевников старательно вкладывает знания в пустые головы. Что за отношения этого кружка — трудно догадаться. Как руководит тов. Кожевников вполне удовлетворительный, почему же такое скверное отношение к занятиям? Из этого положения надо выходить».

Такая оценка, воспринятая как несправедливая, вызвала гневную отповедь со стороны обиженных слушателей школы. Недели через три «Яку» ответил один из комсомольских вождей Виктор Соловьёв: «Тов. Як, если не умеете давать характеристику работы школ, не беритесь за это. Метод занятий у нас лекционный, а поэтому нет никакой необходимости говорить всем, поднимать ненужный галдёж, что мешает нормальному ходу работ. Школа работает уже продолжительное время, и за весь этот период не было ни одного случая, чтобы слушатели отказались ответить на вопрос руководителя. Если некоторые товарищи пользуются для ответа иногда книжкой, то, дорогой Як, это вполне допустимо, ибо Вы, наверное, и по книжкам не смогли бы ответить так, как отвечают у нас. Зевать никому не запрещается, шептания также возможны. Неужели есть что-либо предвзятое, если во время беседы слушатель обратился к своему товарищу с вопросом? Из этого нельзя судить о пустоте головы слушателя».

1 февраля в домах местхоза установлена основная квартирная ставка в размере 44 коп. за квадратный метр жилплощади вместо ранее действовавшей ставки в 37,4 коп.

3 февраля опубликован вышедший ещё 20 декабря прошлого года приказ КОИК № 18 «Об организации учёта квалифицированных специалистов народного хозяйства». В соответствии с решением советского правительства, все пребывавшие на территории округа инженеры, техники, агрономы, землеустроители, имевшие советские, дореволюционные российские и иностранные дипломы технических, сельскохозяйственных и общеобразовательных средних и высших учебных заведений, должны были с 10 по 15 февраля зарегистрироваться в окружной инспекции труда. Инспекция располагалась на улице Ленинской, в доме № 5, в здании КОИК. Уклонявшиеся подлежали ответственности по статьям 16, 17 и 61 Уголовного Кодекса РСФСР. Подобные специалисты вскоре должны

были стать весьма востребованными: в СССР пришло время «неуклонного проведения» индустриализации и коллективизации.

2 февраля на заседании правления клуба ССТС в рамках реакции на недавнюю критику обсуждался вопрос о продаже вина и крепких напитков на вечерах, устраиваемых различными добровольными обществами. «Почти никто не выступил в защиту вина и пива, если не считать защитников зелья юриста гражданина Гарсова и Зырянова, пытавшихся со ссылкой на кодексы законов удержать в стенах клуба изгоняемое вино и пиво, на что они получили должный отпор... Такое решение трудящиеся приветствуют, ибо клуб не кабак, а культурное учреждение».

Впрочем, уже через неделю, *9 февраля*, на очередном празднестве пиво продавалось по личному распоряжению председателя союза. В этот день в клубе гуляла комиссия (читай профсоюзная группа, ячейка)... детсада.

5 февраля окружной совет Осовиахима открыл в клубе тир для стрельбы из мелкокалиберного оружия по неподвижным и движущимся мишеням. Объявлен свободный доступ для всех желающих попрактиковаться.

Заработали трёхмесячные кооперативные курсы. Возможных слушателей просили письменно заявить в правление городского кооператива.

Продолжился сбор средств на помощь беспризорным и обездоленным детям. Секция народного образования горсовета постановила: пожертвовать полученную премию в сумме 75 руб. Ячейка ДОДД при коллективе окружного финансового отдела (ОкрФО) и Госбанка в составе Ганцевой, Галаголевского, Грызловой, Добровольских, Заемы, Зиновьева, Ильницкого, Картакай, Матулиса, Трутце и других внесла 45 руб. 50 коп. Финансисты «вызвали», то есть обратились с призывом последовать их примеру, коллективы АКО и КОИК. Приняв вызов, ячейка АКО внесла 71 руб. «Кто следующий? На помощь маленькому туземцу Камчатки: кусок хлеба для голодного сироты, торбаза и рубашку бедному школьнику!»

10 февраля в двенадцать дня в клубе ССТС началось общее собрание живших в городе бывших красных партизан. Повестка дня: подготовка к проведению десятилетия с начала партизанского движения. Партизанам полагался ряд льгот, в частности им списали все долги на 1 октября 1927 г. и непогашенные задолженности по ссудам семенами из государственного фонда, предоставили рассрочку уплаты задолженности за семена, полученные в 1928 г., на счёт государства приняты расходы по землеустрой-

ству. При переселении в районы, открытые для заселения, предоставлялись право первоочередного получения земель и повышенный размер переселенческой ссуды, дети освобождались от платы за обучение во всех учебных заведениях РСФСР.

Бывшие партизаны пока ещё рассматривались властями как потенциальные примеры для остального населения, особенно сельского. Вот какой «азбукой культурной работы», по мнению партийных пропагандистов, они должны были руководствоваться, чтобы пополнять культурный уровень рыбаков и охотников:

«Обучить хоть одного неграмотного. Самому выписать газету и других побудить. Устраивать чтение газеты вслух, сопровождая это объяснениями, хотя для ближайших соседей. Узнать, какие есть книги в местной библиотеке и наиболее подходящие и полезные предлагать грамотному соседу, тем самым разбудить его интерес к книге. Принять активное участие в работе кружков при избе-читальне. Быть застрельщиком в культурно-просветительной секции сельсовета. Организовать приобретение кино и радиоприёмника для своего селения. Помочь женщинам в организации детплощадки и яслей. Быть активным членом школьного совета, помогать школе в её работе.

Вместе с тем, партизан должен упорно работать над своим самообразованием, посоветовавшись с учителем, поставить посильную цель, или подготовиться к поступлению в рабфак, или поступить на курсы заочного обучения и учиться самостоятельно, при помощи учителя. В вуз, в техникум — на завоевание знаний, которые необходимы, чтобы активно работать, ускоряя социалистическое строительство!»

В этот же день, 10 февраля, к «уважаемому товарищу редактору» газеты «Полярная звезда» обратились «узнавшие себя в карикатурных штрихах юморески “Что прикажете, рюмочку водки и сосиску?”» активисты общественных организаций. Они просили автора передать полученный построчный гонорар в пользу РОКК.

Попутно зашёл разговор и о «назревшем нарыве» в драмкружке при клубе — главной творческой силы города. «Вскрыть его надо как можно скорее, во избежание заражения всего организма...» Отсутствие в Петропавловске квалифицированного режиссёра вынудило драмкружок согласиться на кандидатуру руководителя Бадах. Увы, эти надежды не оправдались. «Активная часть кружка, сценически более или менее развитая, указывала режиссёру на необходимость отказа от консерватизма в оборудовании сцены, выборе и способах проработки пьес, но безуспешно». Потеряв

авторитет у участников драмкружка, режиссёр, по их словам, занялся «отсеиванием» тех, кого он заподозрил в «неблагонадёжности».

16 февраля, в субботу, клуб ССТС давал очередной вечер комитета РОКК. Программа: «Весёлая комедия Чехова “Дачный муж”, большое концертное отделение (музыка, пение, балет) с участием лучших музыкальных сил города в исполнении номеров знаменитых композиторов, литературное отделение (декламация произведений современных писателей со вступительным словом об их творчестве тов. Гурьянова). Во время вечера работает кофейня с горячими закусками, блины, пельмени». Вёл вечер конферансье В. А. Гаврилов.

Выбор у горожан был: одновременно работал и клуб имени Дзержинского при погранотряде. Здесь шли пьеса «На конспиративной квартире» и комедия «Алименты». После постановок начались игры, продолжавшиеся до двух часов ночи. Тут тоже действовал «буфет с холодными и горячими закусками». Цена билетов от пятидесяти копеек. Весь сбор предполагалось передать на культурное обслуживание демобилизуемых красноармейцев.

Автор, принявший творческий псевдоним «Нигамс», хорошо разбиравшийся в искусстве, выступил с рецензией на недавно показанную комедию из советской жизни «Склока», описывавшей «социальные противоречия переходного периода». Напомним, на материке завершался период так называемой «новой экономической политики», давшей толчок к развитию хозяйственной жизни страны, ещё недавно разорённой гражданским противостоянием. Но он же стал причиной быстрого буржуазного перерождения некоторых «революционных кадров»: партийцев и советских работников. Основная идея комедии — «кухонная склока, не стоящая выеденного яйца, испортившего заграничный халатик одной из “ответственных жён”, срывает маски лживой мещанской приличности “дам”, из квартиры перебрасывается в стены большого государственного треста, обнажает догола мелочно-эгоистическую сущность некоторых “ответственных мужей”, разложившихся и оторвавшихся от интересов партии, и, в конце концов, приводят к полному развалу предприятия».

Отрицательного отношения зрителя к антисоветским, разлагающим настроениям названных «ответственных мужей и ответственных жён», автор пьесы достиг «контрастными ролями второстепенных персонажей». Зарвавшимся спецам противопоставлен выдвигенец Чудаков, «олицетворяющий непреклонную волю рабочего класса и преодоления всех препятствий на пути социалисти-

ческой стройки». Игравший его артист-любитель Фёдоров «крепко и просто дал рабочего-выдвиженца». «Разнузданной пошлости “благовоспитанных дам”, от томных разговоров... нередко переходящим к иступлённым потасовкам с выдергиванием волос, противопоставляется профессор, истинно культурный работник, которым помыкают все, начиная от подхалима — коменданта дома, до счетовода треста, как ненужным барахлом». Облик несчастного профессора неплохо воплотил на сцене врач Топольский.

Два первых акта прошли удачно. Исполнители Кренберг, Ткачук, Тимов и Гарсов «дали отличные образцы игры». А вот в третьем акте самодеятельные артисты перестарались, ударившись в фарс. Четвёртый акт так вообще прошёл вяло и скучно. «Но, — делал заключение автор, — во всяком случае, в практике клубной работы даже плохо поставленную советскую комедию и советскую драму нужно предпочесть украинским “пустячкам” и обветшалому старью дореволюционной драматургии». Одним словом, «Склока» была сыграна неплохо, хотя авторский замысел применительно к петропавловским условиям пришлось сократить чуть ли не наполовину.

А теперь от высоких материй перейдём к материи самой настоящей. Желаящим пошить мужское бельё предлагалось обратиться к домохозяйке Н. А. Леонова на улицу Набережную, в дом № 16. Стоимость её работы: верхние рубашки по два, нижние — по полтора, кальсоны — по одному рублю.

17 февраля у здания городской милиции собирались члены авиационного отряда и других кружков для репетиции «участия в наступательном бою в день Красной Армии и партизанского движения», то есть 23 февраля.

По постановлению горсовета музей был перенесён в бывший партийный клуб окрбюро ВКП(б). Экспонаты разместились в четырёх комнатах. Сразу же обнаружился острый недостаток витрин для показа постоянно прибывавшего пополнения. Так, ученики Елизовской школы передали в музей орудия каменного века, найденные ими на месте древнего ительменского стойбища. Знатоки отнесли топорик и наконечник дротика к палеолиту, скребки и ножи — к неолиту. Школьница из Паратунки Зина Тюменцева прислала шкурку редко встречавшегося на полуострове белого ястреба.

В середине февраля камчатская зима взобралась на свою фактическую верхушку. Она оказалась довольно мягкой, сильных морозов не было, снегу выпало мало, лёд не мог прочно сковать

акваторию Ковша. Вдоль берегов Авачинской губы наблюдался усиленный ход наваги, чем не преминули воспользоваться наиболее предприимчивые горожане.

23 февраля КОИК обратился к красным воинам и партизанам, «лучшим сынам Советской Камчатки» с поздравлением по случаю праздника. «Под натиском партизан и под оглушительными ударами штыков Красной Армии позорно погибли последние остатки великодержавной реакции — тёмный сброд бочкарёвщины. С тех пор в течение шести лет трудящиеся Советской Камчатки в одном ряду с пролетариатом и крестьянством всего Союза строят социалистическое хозяйство и культуру... Бывшие бойцы Красной Армии и партизаны, красные пограничники Камчатки! Больше активности, больше участия, больше внимания социалистическому строительству, усилению обороноспособности страны, культурной переделке быта! Слава павшим за диктатуру пролетариата! Слава строителем и бойцам социализма!»

Вечером заседал пленум горсовета. На сцене клуба ССТС — бывшие партизаны и бойцы Красной Армии, делегатки. В зале — красноармейцы, рабочие, члены профсоюза. Торжество открыл И. Е. Ларин. В память о погибших товарищах все встают. Оркестр исполняет партийный гимн — Интернационал. Звучат слова приветствия, тонущие в громе аплодисментов.

Инструктор окрбюро ВКП(б) В. Г. Репкин передаёт собравшимся партийное приветствие и объясняет «международное положение текущего момента»: «Страны капитала за кулисами дипломатии продолжают вооружаться, готовясь к нападению на СССР, вот почему в день одиннадцатой годовщины Красной Армии трудящиеся Страны Советов должны не только чествовать юбилея, но в союзе с ним готовиться к обороне страны».

Выступает комсомолец Борисов — от «второго поколения» и пионерка Жедяева — от «третьего поколения». Они заверяют о крепкой смычке пионерского галстука с красноармейским шлемом.

Пограничник Леонов в ответном слове с энтузиазмом заявляет, что местные части Красной Армии зорко сторожат границы Камчатки и в любую минуту готовы к бою. Торжественное заседание завершается посылкой телеграммы с приветствием 9-й Дальневосточной партконференции и легендарному члену Реввоенсовета СССР С. М. Будённому, сейчас пребывающему на Дальнем Востоке.

В художественной части юбилейного вечера силами драмкружка клубе ССТС поставлена пьеса «Красный орлёнок», между про-

чим, «показавшая значительный шаг вперёд в работе кружка». Молодые актёры с успехом справились с большой и трудной вещью. «Надо полагать, что в дальнейшем они с таким же воодушевлением будут завоёвывать себе звание передовых культфронта».

24 февраля на пригорке около школы сгрудилось почти всё население города. Демонстрировался «бой на Култучном озере».

«Дед в лисьей шапке спрашивает у соседа:

— Бой, значит, сценировку разыгрывать зачнут?

— Егешь!

— Антиресно, газы пущать будут?

— Не газы, дымовую завесу.

— Ишь ты!

Вдалеке на льду посредине озера — двое военных что-то делают, склонившись к снегу. Отбежали и прилегли, а лёд на том месте, где они только что были, вдруг лопнул. Брызнул жёлтый сноп огня, вскинулись молочно-белые клубы дыма, и потом уже в уши ударил взрыв.

— Ого-го, красные антилерию заправляют, держись, Митька!

Стрелки за поленницей дров пригнули головы. Справа на вершине Петровской горы показались разведчики.

— Зажигай, зажигай, — взволнованно закричал главный авиатор, двенадцатилетний парнишка, подтаскивая к костру свой дирижабль, склеенный из синей бумаги, — пора начинать воздушную атаку!

— Ну, скоро, што ли, наступать будем? — нетерпеливо переругивались “партизаны”, скрытые от зрителей сопкой. В “трубе” ветер пронизывал их до костей, зуб на зуб не попадал.

— В це-есть! Звеньями перебежки начинай!

Пошли. Чёрным пунктиром пересекли озеро. На бегу и лёжа гвоздили город холостыми выстрелами, грязно-жёлтыми клочьями рвались гранаты. Взрывы снарядов ахали чуть ли не из-под самих ног. Белые пробуют последнее средство — дымовую завесу, чтобы под прикрытием её отступить к бухте и удрать на пароходах, но... От Сероглазки карьером развернулся эскадрон красной кавалерии. С пашками наголо мчатся они в атаку.

— У-р-р-а-а! — раскатилось по цепи.

Невзирая на смертоносные газы, цепь ринулась со штыками наперевес, и всё потонуло в воображаемом грохоте, рёве, лязге клинков. Город был взят».

О славном боевом прошлом напоминали и срифмованные местным умельцем строки:

*Когда грянул Октябрьский гром,
Когда Бирича белые банды
Петропавловск громить пришли,
Партизанские меткие залпы
Скоротали им здешние дни.
Сквозь пургу и мороз, и таёжную стылъ
Беззаветно держали пост,
Пока огненный лик в ДВР не принёс
Красноармейский штык.*

Средства, собранные во время празднования 11-й годовщины Красной Армии от устройства буфета в сумме 124 руб. 85 коп., сданы на текущий счёт городской ячейки Международной организации помощи рабочим (МОПР) в пользу томивших в политических тюрьмах.

26 февраля приступило к работе городское Общество содействия обороне (ОСО), но её начало оказалось не вполне удачным. Все отряды собрались к шести вечера в фойе клуба ССТС, вскоре пришёл и лектор. Хотели, было, начать, но вдруг выяснилось, что не хватает скамеек. Пришлось таскать их из зала. Было неудобно: холодно, хоть поднимай воротники да надевай рукавицы. Один из участников описал нехитрую обстановку: «Около плиты приютилось полдюжины грязных позеленевших самоваров и бочка с помоями и тут же рядышком бак с питьевой водой. Но всё же одну лекцию по программе провели, тов. Гончаров осветил “Историю применения химических средств на войне”, посыпались вопросы, ответы, видно было, что большинство остались довольны занятиями. Но когда начальник отряда тов. Мальков сказал, что следующие занятия 5 марта, то посыпались недовольные возгласы: “Забудем всё, надо кое-что было бы почитать по этому вопросу”». По мнению очевидца, в фойе следовало поставить шкафчик со специальной литературой, убрать грязь. Тогда «все члены ОСО будут тянуться туда и пополнять свои знания».

28 февраля началась кампания по сбору средств на приобретение «кино» для селения Паратунки. Горожанка Васильева внесла на это благое дело «трёшку». Клара Хорошавцева пожертвовала целковый и вызывала Галю Климентович, Лелю Балашову, Иду Шумилову, Иду Попову, Игоря Флетчера и А. Грюнера. Врач Топольский дал «пятерку» и призвал к этому же коллег из городской больницы Смита, Гончарова, Лисину, Бездетных.

Опубликована программа Хабаровской широкоэвещательной радиостанции. Ежедневно, кроме среды, транслировалась передо-

вица из общесоюзных «Правды» или «Известий», дальневосточные и заграничные новости. Затем следовали литературные рассказы, музыкальные номера. По воскресеньям передавали содержание «Крестьянской газеты», а в определённые дни — «Пионерской газеты».

Временное бюро «Общества друзей радио» (ОДР) в составе Ерахтина, Соболева и Воробьёва приступило к выявлению имеющих в городе радиолюбителей, созданию кружков ОДР, популяризации радиолюбительства. Кружки уже имелись при клубе ССТС и школе второй ступени. Их посещали пятьдесят человек.

Вновь подал голос уже знакомый нам «Як», явно неравнодушный к вопросам образования и воспитания молодёжи. На сей раз он поведал городской общественности о жизни интерната-общешития для учащихся, собравшихся в Петропавловске с окраин Камчатки. Здесь размещались шестьдесят один приезжий. Они занимали пять небольших комнат, кухню и коридор. В общем-то, было тесновато, но ученики «с восторгом заявляли, что это ещё хорошо, было хуже». Отсутствовал «красный уголок», где можно было бы почитать, поиграть, и побеседовать. Это было серьёзное упущение на фоне того, что со многими ребятами следовало усиленно работать, перевоспитывать их, дабы «сделать вполне пригодного члена коллектива». Дети слонялись по комнатам, не находя себе места. Имелся один класс сразу для всех, но готовить в нём уроки всем ученикам одновременно было неудобно. Уборщицы в этом учебном году не имелось, ученики обслуживали себя сами: мыли полы, убирали комнаты, помогали повару готовить пищу. «Самообслуживание — вещь хорошая, но это неудовлетворительно с санитарной стороны и потом, самое главное, это много занимает времени и отрывает учеников от занятий». Надо было серьёзно подумать об улучшении жизни в интернате. «Мало того, что дана возможность жить и учиться молодёжи, надо создать более подходящие условия для перевоспитания этой молодёжи».

Применить же полученные в школах навыки общественно-полезной работы было где. Да хотя бы в «Доме крестьянина», чем занимались, по сообщению одного юнкора (юного корреспондента) учащиеся «6а» группы школы-девятилетки: «На долю нашего звена пало оборудование ленинского уголка... Я, как представитель звена, пошёл к завдому, чтобы предварительно договориться о сущности работы в уголке. Из разговоров выяснилось, что ленинголок нуждается в оборудовании адресного стола, в придании уголку атмосферы действительно культурно-рабочей комнаты и перемене

некоторых книг в библиотечке, которые подобраны неудачно. Крестьяне недовольны здешними порядками. Вместо платы за каждую кружку чая они предлагают повысить копеек на десять общую плату так, чтобы чай был бесплатный, сколько хочешь и когда хочешь. Крестьяне сами хотят, чтобы в доме проводились лекции и беседы. Давайте общими силами сделаем из заезжего дома культурный очаг, где наши крестьяне не только бы находили отдых, койку и кружку чая, но получали бы разумное проведение вечернего времени, читая полезные книжки, слушая лекции и беседы и получая ответы на все вопросы, интересующие их».

1 марта секция «восточников» (живших в городе корейцев и китайцев) отметила десятилетие мартовского восстания 1919 г. в Корее. В клубе ССТС прошло торжественное заседание. Председатель бюро секции, кореец, именовавшийся на русский манер Королёвым, открыл его на родном языке. Собравшиеся почтили память погибших товарищей. Хор корейской молодёжи исполнил Интернационал. С приветствием выступили представители окрбюро ВКП(б), горсовета, комсомола и женщин. В ответном слове кореец Ким заверил присутствующих, что «восточники» Петропавловска будут учиться, чтобы в нужный момент приложить свои полученные знания в свободной советской стране на деле. В художественной части вечера показали пьесу «За свободу» на корейском языке — «картину классовой борьбы в Корее против японского империализма». Китайцы продемонстрировали свои танцы, пышные костюмы, фехтование мечами и копьями. Всё это вызвало дружные аплодисменты. Вперемешку звучали русские «хорошо, здорово», китайское «хо, шанго», корейское «чео-сим-ни-да». Расходясь за полночь, все чувствовали «близость и радостное сознание, что СССР крепнет, являясь страной приюта и школой для всех пролетариев». Городская ячейка восточных рабочих организовалась в конце апреля 1928 г. в составе шестидесяти шести, а сейчас в ней насчитывалось уже восемьдесят человек.

3 марта, в воскресенье, в четыре часа дня созывались женские собрания по коллективам. Разговаривали о предстоящем празднике 8 марта и задачах женщин, слушали отчёты делегатов.

Союз водников срочно желал продать коротковолновую, «вполне оборудованную» громкоговорящую радиустановку.

5 марта, как было обещано ранее, из Владивостока в Петропавловск вышел пароход «Ставрополь» с грузом в шестьсот тонн.

7 марта Петропавловская радиостанция наладила связь со станцией Чукотской экспедиции Союззолота. Станция ведомства

связи в Уэлене уже могла принимать телеграммы, но передача оттуда пока не была устойчивой.

8 марта наступило самое время поговорить о женских заботах, например, о путях раскрепощения, достижения подлинного равенства во всём с «сильным полом». Тем более, что сам «вождь мирового пролетариата» В. И. Ленин учил, что «большевистская, советская революция подрезывает корни угнетения и неравенства женщин так глубоко, как не дерзала подрезать их ни одна партия и ни одна революция в мире. От неравенства женщин с мужчиной по закону, у нас, в Советской России, не осталось и следа».

Одним из средств раскрепощения могли стать детские сады и ясли. Они, существовавшие в городе (один садик и работавшие только летом, тоже единственные, ясли), не могли принять всех наличных дошколят. Санитарный врач Лисина, объясняя подругам, что страна встала на путь широкого вовлечения женского труда в производство, а детские учреждения позволяют работнице поднять производительность труда и освободиться для широкого участия в общественной жизни, призывала городские власти подумать о расширении детучреждений. Женщинам же в этом тоже следовало проявлять больше активности «Вам ближе всего интересы воспитания. Советская власть открыла путь к раскрепощению женщины, и дело ваших рук расширить те учреждения, которые дают вам возможность свободно трудиться». К тому же, ясли могли стать хорошей школой для молодых матерей, где они могли наглядно видеть, как надо правильно ухаживать за ребёнком, как его кормить, воспитывать.

Горместхоз напоминал о необходимости уплатить до 15 апреля местные налоги: с самодвижущихся экипажей и моторных судов с каждой силы по три рубля, с лошадей, работавших в извозе, и с каждой рогатой скотины старше двух лет — по столько же.

Горкомхоз приглашал крестьян деревень Сероглазки, Авачи, Елизово, Тарьи, Николаевки и Паратунки поработать на перевозке дров с 17-й версты Елизовского тракта до Авачинской губы. Оттуда в город их доставляли на катере. За каждую вывезенную погонную сажень берёзовых дровишек обещано заплатить по пять рублей.

10 марта состоялось первое занятие стрелкового кружка связистов — «связников», куда записались два десятка желающих. Прошла учебно-показательная стрельба из винтовки, нагана и мелкокалиберных ружей. В ней участвовали четыре девушки.

11 марта бюро юношеской секции клуба ССТС организовало диспут среди молодёжи по рассказу «Кто виноват». Собралось до

полусотни участников. Для тех, кто не читал рассказ, кратко изложили его содержание, после чего начались «прения». Большинство девушек обвиняли героя — отца детей, который, не поладив с женой, вспылив, сказал ей: «Уходи» — и взял в дом «несерьёзную женщину», которая не могла дать детям хорошего воспитания. Ребята же винили жену — как плохую мать, бросившую своих чад. Присутствующие явно увлеклись: времени, выделенного председателем собрания на «прения», не хватило, противники «подняли спор по углам». В заключение председательствующий оценил рассказ с единственно правильной точки зрения — классовой. Молодёжь осталась довольна проведённым диспутом.

14 марта юношеская секция при клубе ССТС подготовила первый номер «световой газеты», названной «Петропавловский луч». Технически он вышел не очень удачно: с задних рядов было плохо видно. Но всё же каждая картинка и подписи вызывали одобрение или взрывы хохота. Показ завершился небольшой инсценировкой, которая тоже прошла весьма живо под смех молодёжи. Затем последовали традиционные декламации, частушки, танцы под гармошку, игры.

Комсомольцы ячейки КОИК заслушали доклад о работе подрастающей смены — городского пионерского отряда № 2 имени Будённого. Как «отрицательный момент» выявлено то, что некоторые пионеры ведут «дружбу» с отдельными взрослыми гражданами, «которые под предлогом уважения к пионеру или, может быть, каких-нибудь других целей угощают их папиросками, водкой, учат играть в карты». Бюро ячейки оценило это как недопустимое явление и решило принять меры для его скорейшего изжития «путём усиления воспитательной работы среди пионеров».

Заведующий Петропавловской учебно-производственной мастерской В. М. Адамов обратился к общественности с просьбой обратить пристальное внимание на это учебное заведение, ещё 1 октября 1928 г. выделенное из состава школы второй ступени, где оно числилось как ремесленный класс. По его словам, оно — «молодое культурное заведение стоит того, чтобы с задворков вывести его на широкую дорогу». Задача мастерской — обеспечивать округ, в первую очередь его сельские районы, кузнецами, слесарями, механиками, столярами, сапожниками. Но пока готовились только столяры. Учились восемнадцать ребят в возрасте от шестнадцати до двадцати лет, в большинстве из деревень, командированные райисполкомами, десять из них жили в интернате. Им преподавались и общеобразовательные предметы: арифмети-

ка, геометрия, русский язык, обществоведение, а также графика и технология дерева. Четыре часа в день занимали практические и два — теоретические занятия. Учились ребята вполне прилежно, нарушений дисциплины не допускали, семеро учащихся были комсомольцами. Действовало самоуправление. Хозяйство мастерской было невелико: восемнадцать верстаков, один токарный станок. Инструментов не хватало. Неудовлетворительно обстояло дело с «санитарно-гигиенической частью»: из-за отсутствия средств по два месяца не мылся пол.

17 марта отмечена шестьдесят восьмая годовщина смерти великого певца Украины — Тараса Григорьевича Шевченко. Драмкружок клуба ССТС попытался, но неудачно, поставить к дате историческую пьесу «Савва Чалый», написанную, правда, не Шевченко, а Иваном Карпенко-Карым ещё в 1899 г. «Мучительная пьеса», — отзывались о ней зрители, истомившиеся в ожидании финала, наступившего лишь под утро. Оценка очевидца: «Нудная ложноклассическая трактовка сцен с получасовыми монологами и часовыми диалогами, с неестественно-пространными разглагольствованиями изрубленных в бою казаков, далеко не воинственная обстановка боевых эпизодов и статика массовых сцен нагоняли на аудиторию непролазную скуку и потушили революционный смысл и значение пьесы».

Агент-акквизитор Петропавловской агентуры по личному страхованию Р. А. Лидерс объявлял о начале приёма страхования жизни (с медицинским освидетельствованием и без) на случай смерти или дожития, кончины от острозаразных болезней, пассажиров в пути следования и инвалидности от несчастных случаев. Трудящимся обещаны льготы и дополнительные виды обеспечения.

Исполнился год с начала работы городской электростанции. Она уже окупил затраты на постройку и дала прибыль в шестьдесят рублей. Летом планировалось установить запасной двигатель и динамо-машину. С 1 октября ожидалось десятипроцентное снижение тарифов и переход на работу станции в продолжение всей ночи. Предполагалась выписка с материка электроприборов домашнего обихода. Пока же мощность станции использовалась меньше чем наполовину, наличествовал резерв для полной электрификации города.

Объявлено об исключении из комсомола А. К. Дроздовича, родившегося в 1907 г., члена ВЛКСМ с октября 1923 г. По социальному происхождению он оказался дворянином, к тому же сыном офицера, убитого в бою с красными в 1919 г. В Петропавловск

приехал в 1925 г., вступил в ячейку связи. Вскоре «бюро ячейки стало замечать недружелюбное отношение комсомольцев к Дроздовичу, бойкот Дроздовичу, упрёки и т. д.» Окружком ВЛКСМ постановил: «Из Союза исключить, как чуждого и использования звания комсомольца в своих личных целях».

Натуралист П. Т. Новограбленов предложил организовать «Кружок друзей музея» из школьной молодёжи, членов краеведческого общества и лиц, интересующихся природой и бытом населения Камчатки. Желающих он просил откликнуться на призыв и записаться в музей. После перехода в новое помещение музей стал остро ощущать недостаток сил для выполнения исследовательской работы. Следовало приступить к отлову, консервированию и изучению морских организмов, населявших Авачинскую губу. Инструкции и инструменты для этого имелись. Слабоват оказался и «отдел насекомых», коих необходимо было планомерно собирать в окрестностях города. Ждали своей очереди орудия каменного века, отделы охоты и рыболовства.

Привлечён к уголовной ответственности за избиение жены и «выбрасывание на улицу вещей вместе с детьми» горожанин К. В третий раз перед судом предстал некто З. «за хулиганство в магазине АКО». Гр. К. восьмой раз привлекался к уголовной ответственности за хулиганство.

18 марта в школе-девятилетке прошёл очередной вечер. Дали пьесу «На баррикадах Парижской Коммуны», показали декламации, пластику, физкультуру. «Но самое удивительное, что было на этом вечере, это героическая поэма “Перекоп” в постановке тов. В. А. Гаврилова. Эта вещь и её исполнители достойны не только школьной сцены, но и любого окружного города материка. Революционное содержание поэмы влито в стальные строфы динамического стиля, хоровая декламация перемежается с сольной, барабаны бьют атаку, горн трубит, откуда-то издалека доносится боевая песня “Смело мы в бой пойдём...” Сила экспрессии нарастает, как гребень прибоя, и рушится вдруг... Некоторые участники проявили в этой постановке незаурядные актёрские способности. С такими ребятами много можно сделать!»

19 марта горсовет постановил выписать в распоряжение местхоза гусеничный трактор для перевозки дров как единственное средство удешевления дров и разрешения дровяного кризиса. «Машинизация — хорошее дело. Приветствуем на все сто процентов!»

20 марта приключилось ранее небывалое: в Петропавловск с Чукотского носа на собаках приехал помощник начальника экспе-

диции Союззолота Делягейд. Он покрыл расстояние в пять тысяч километров по горным безлесным кряжам безлюдной Чукотки, что до сих пор считалось невозможным, тем более в январе-марте, когда ещё не установился «пласт» и свирепствовали пурги.

Полярный герой рассказывал: «Я выехал 9 января на своих собаках и по берегу моря добрался до селения Преображение, что в пятистах километрах от Укен. Ориентироваться приходилось по компасу. Всё время свирепствовала пурга, и за время пути до Петропавловска хорошая погода стояла не больше пяти дней. Морозы доходили до шестидесяти градусов по Цельсию. Встречались полыньи, и в одной из них пришлось выкупаться... Однажды в пургу я вовремя заметил, как провалились куда-то передовые собаки, оказалось, что нарты подъехали к обрыву морского берега...»

От Преображения он двигался на переменных нартах, делая в сутки до ста километров. Лишь в Анадыре пришлось задержаться на десять дней в ожидании ответных телеграмм. 2 февраля поехал дальше. «В ярангах встречали радушно, на ломаном английском языке и жестами чукчи выражали радость в том, что нынешние начальники не похожи на прежних, царских, не кричат и не отбирают пушнину. Искусные резчики по моржовой кости дарили тончайшие вещи “для Москвы”». Чрезвычайно тяжким оказалось преодоление Камчатского хребта.

Поездка Делягейда показала принципиальную возможность связи с Чукоткой в любое время года и установления почтового сообщения по проделанному им маршруту. На «Ставрополе» отважный путешественник отбыл во Владивосток, чтобы оттуда отправиться в Москву с докладом правлению Союззолота.

Объявлена программа работы СБ с марта по мая. В школедевятилетке предполагалось прочитать ряд просветительских лекций. В их числе астрономическая «По волнам бесконечности», геологическая «Седая древность земли» (С. Д. Корниенко), о происхождении жизни «От амёбы к человеку» (В. А. Гаврилов) и «Человек в борьбе с природой» (Мироманов), о новейших успехах физики и химии «Мир микрокосмоса, вещество и энергетика» (В. Э. Пивинский), «Первобытные религии в прошлом и настоящем» (М. А. Жедяевский).

28 марта объявлено о прекращении сбора средств «на кино Паратунке». Одним из последних благотворителей оказался М. А. Жедяевский, внёсший пять рублей. Тех, кто ещё не внёс деньги «по вызовам», просили сделать это в недельный срок.

Горсовет озаботился несоответствием здания исправительно-трудового дома (ИТД) назначению. Здесь не было надлежаще оборудованных камер. Подследственные помещались вместе с заключёнными. Здесь же располагалось помещение для задержанных и подобранных на улице пьяниц.

Дисциплина как среди осуждённых, так и среди охраны оценивалась как слабая. Нельзя было изолировать арестованных от общения с внешним миром: здание не имело ограды. В любое время дня и ночи арестованный мог что-либо получить или передать.

Срочно требовалось изолировать подследственных от арестованных, развернуть «культработу», расширить помещение за счёт соседнего сооружения, всерьёз именовавшегося «штабом Завойко», добиться увеличения зарплаты для охраны, сравняв её с материковской, организовать для охраны специальные курсы. Вот таким образом из ИТД можно было сделать «учреждение, действительно исправляющее преступников, а не разлагающее их». Возникла идея обеспечить самокупаемость ИТД, для чего можно было организовать рыбалки, сенокосы, огороды, заготовку дров, создать мастерские. Всё это могло позволить отказаться от «внешних работ», выполняемых сидельцами.

29 марта в столовой шумели закрытые китайские «крестины» по случаю рождения ребёнка у повара. Они сопровождались изрядной выпивкой. По этому случаю оказались сорванными занятия курсов счетоводов секции совторгслужащих.

1 апреля начался «месячник сбережений». Он шёл под лозунгом «Лишние рубли отдадим в сберкаассу!» и должен был дать увеличение суммы вкладов, которые шли на поддержку разворачивавшейся в стране индустриализации. Коллектив полиграфистов на своём собрании высказался за полное вступление вкладчиками в сберкаассу. Принято было и предложение «завербовать» каждому ещё по одному вкладчику.

Успешно шли дела и в группкоме № 3. Здесь «для достижения определённых результатов был поставлен доклад о деле сбережения и вовлечения членов коллектива. Почти поголовно состоят все члены вкладчиками. Связь со сберкаассой хорошая. Надо сказать, что окружной финотдел и так проявил достаточно инициативы в деле сбережения».

«Сейчас же иди в сберкаассу и сдай на хранение лишние рубли и копейки! Помни: этим ты помогаешь государству строить промышленность, а себе скопить кое-что на случай нужды».

*Эй! Рыбак, охотник Камчатки!
Чтоб хватило продуктов и пуль,
Иди в сберкасса сейчас же.
И положи на сберкнижку рубль!*

2 апреля на заседании эконокомиссии при группкоме № 2 союза совторгслужащих, обследовавшей хозяйство собственного клуба, ему была вынесена оценка: «богадельня». Здание украшала голубая узорная вывеска, на которой было выведено жёлтыми буквами «Клуб ССТС». Сверху располагалась изрядно поблекшая красная пятиконечная звезда, на которой изображение серпа и молота почему-то было перевернуто вверх ногами.

На сообщение об этом оперативно откликнулся «Нигамс», как нам известно, знаток вопроса. Он дал свою, вполне живописную, оценку клубу: «В немытом, дряхлом здании пусто. Иногда в мрачных катакомбах можно натолкнуться на группу людей, репетирующих пьесу, на истопника со связкой дров... Только два-три раза в неделю сюда вливается по вечерам месиво человеческих тел и свет электрических ламп.

Около кассы давка. Через ваши головы к вешалкам тянутся десятки рук с пальтами и галошами. Проходы забиты, и ваше место кем-то занято (попробуйте найти своё место, если стулья не нумерованы!). Перед глазами маячит жёлтая мазня портала сцены с иконообразным “камчатским пейзажем” с одной стороны (только с одной!). На колоннах вдоль стен зала торчат бумажные флажки с пучками стружек, изображающими, очевидно, экзотические цветы. На сцене разыгрывается или ветхозаветная дребедень, или лубочная агитка, лишь изредка художественные революционные вещи.

По окончании спектакля здание погружается в спячку на несколько дней. Клуб ли это? Нет! В каждом рабочем клубе изо дня в день звенят голоса физкультурников, синеглазников, пионеров, там уютно и весело, и туда так и тянет зайти, чтобы окунуться в атмосферу творческой работы, выпить стакан чая с приятелем, сразиться в шахматы. Может быть, это театр? Нет. В театре не приходится мужественно бороться с позевотой и по выходе жалеть о загубленной трёшнице. Что же такое, наконец, клуб ССТС?» Вот тут-то к месту, по мнению автора, и была вышеупомянутая оценка.

5 апреля состоялся «вечер смычки» пионеров с пограничниками. Зал клуба ССТС набит битком. Там и сям мелькают зелёные гимнастерки пограничников и красные галстуки пионеров. Третий

звонок. Ведущий объясняет цель вечера: «Теснее крепите связь пионеров с пограничниками. Пионеры! Изучайте военное дело, изучайте историю Красной Армии, её героев. Помните их. Подготавливайте из своих рядов строителей социализма, его защитников. К борьбе за рабочее дело будьте готовы!» Из зала, из-за сцены в ответ несутся десятки молодых задорных голосов: «Всегда готовы!» Начинается пьеса, составленная из эпизодов участия рабочей детворы в революционной борьбе. Каждое действие сопровождается бурными аплодисментами.

Затем на сцену поднимаются пионеры в белых рубашках с галстуками. Под звуки марша на гармошке, под командой своего же товарища они проводят «физкультуру»: строят пирамиды, маршируют. Всё идёт без единой заминки. Дальше без перерыва начинается «дивертисмент». Пионерские выступления чередуются с красноармейскими. Песни, пляска, декламации, музыка. Хорошие песни... и так до одиннадцати вечера. На лицах не видно скуки, «которую мы так часто замечаем у людей, выходящих с молодёжных и других вечеров». Довольны остались все: и красноармейцы, и дети, и их родители.

16 апреля Петропавловское агентство Совторгфлота объявило о предстоящем существенном расширении своей деятельности и о необходимости создания постоянного штата портовых рабочих. До этого местные операции флота не позволяли иметь в распоряжении агентства свою рабочую силу по погрузке и выгрузке пароходов. Работы велись случайными людьми или сборными артелями. С ростом экономической значимости Камчатки в целом и Петропавловска в частности настало время перейти на обеспечение рабочих твёрдым гарантированным заработком на весь сезон, чем сократить непроизводительные простои судов.

Исходя из этого, агентство намечало набирать на навигационный сезон, длившийся с 20 апреля по 20 октября, семьдесят постоянных рабочих. Им предстояло заниматься выгрузкой и погрузкой на пароходы разных грузов, их сортировкой, навалкой на телеги и свалкой на месте, перевеской. Требовалось подвозить грунт вагонетками и засыпать водное пространство Ковша для расширения портовой территории, ломать камень, грузить его на кунгасы и выбрасывать в воду у засыпаемого места, а также выполнять прочие хозяйственные работы. Каждому гарантировался месячный заработок не ниже ста двадцати рублей (то есть по пять в день), причём перечисленные выше работы оплачивались сдельно. С рабочими заключался коллективный трудовой догово-

вор. Желающих просили обращаться в контору агентства с восьми часов утра.

22 апреля в час дня к председателю КОИК В. Ф. Богатырёву прибыла делегация православных христиан в составе И. И. Косыгина, Е. Х. Шаталиной, Д. Д. Савинского, Г. А. Ворошилова и других. Цель визита — исходатайствовать у «хозяина округа» — исполкома — помощи в ограждении от «усилившихся в последнее время безбожников». Православные также просили освободить из-под ареста священника Николая Петрука и разрешить отцу Леонтию поездки по окрестным селениям.

«Эти два попака за свои “грехи” попали — один под арест, другой под надзор органов ОГПУ», — указывает автор газетной заметки с характерной подписью «Сатана». Далее он доводит до городской общественности собственные характеристики членов делегации: «Иван Иннокентьевич Косыгин — на вид очень скромный малый, бывший мелкий спекулянт, который когда-то положил немало трудов в обжуливании туземцев, разбросанных по обширной камчатской тайге. В настоящее время скромно доживает свои дни в городе подальше от туземцев и замаливает своё прошлое. Заметно выделяется своей импозантной фигурой грандамы Е. Х. Шаталина — жена бывшего чиновника, которая мечтает, понятно, в настоящее время не об одной “духовной пище”, но и о старом “добром” аристократическом обществе. Д. Д. Савинский — старичок, бывший командир казачьей Камчатской команды. Герой былых времён — в настоящее время почти психический калека, впрочем, не представляющий опасности для окружающих. Но из самых замечательных персон делегации по своей деятельности в прошлом выделяется Гавриил Афанасьевич Ворошилов, который одиннадцать лет тому назад являлся одним из активных руководителей контрреволюционного восстания против Советов на Камчатке, хотя, в конце концов, успеха не имел...»

Напомним, что 22-е число приходилось на день рождения скончавшегося пять лет тому назад главного «безбожника» — «вождя мирового пролетариата» В. И. Ленина. Естественно, что председатель КОИК дал понять делегации, что не намерен защищать «мракобесие». На этом «не солоно хлебавши», делегация благоволила низко раскланяться.

А тем временем камчатские «безбожники» разворачивали свою деятельность всё шире и шире. Их союз уже насчитывал полторы сотни человек, семь организационно оформленных ячеек, из них — пять городских. «Точных сведений о сети ячеек на селе нет за

отсутствием связи, но надо полагать, что все райцентры Камчатки ячейки безбожников имеют».

Сейчас же начиналась очередная антипасхальная кампания. Её основные лозунги: увеличение сети ячеек СБ, рост количественного и качественного состава членов, выявление актива, усиление культурно-массовой работы.

Ожидалось, что эту Пасху православные Петропавловска могут встретить двумя «лагерями»: одна группа в соборе, а другая во главе с попом-живистом, представителем обновленцев, поддерживавших советскую власть, — в так называемой «Соколовской пекарне». А вот «безбожники Петропавловска и порвавшие с этой туманной дремотой “религией” эти дни будут проводить не с бутылкой в руке, которая у всех верующих появится в религиозные праздники, а за полезной работой, работой в борьбе за культуру, за повышение своих знаний».

В пасхальный день 4 мая в клубе ССТС намечался бесплатный вечерний спектакль антицерковного содержания. Библиотека намеревалась провести выставку новейшей литературы, всех периодических изданий по антирелигиозным вопросам. «Этот праздник мы должны использовать так, чтобы церковники ещё раз убедились, что их работа впустую, их агитация на большую часть Петропавловска не действует, масса медленно, но уверенно идёт вперёд не с религией, а с культурой. Наш лозунг: “Порвал с религией — вступай в Союз безбожников!” Вместо церкви в пасхальные дни иди в клуб и библиотеку».

23 апреля пленум секции здравоохранения постановил провести в городе «в средних числах мая» двухнедельник чистоты. «Принимая во внимание великолепные солнечные дни, в которые происходит усиленное таяние снега, решено провести предварительный трёхдневник очистки города от лишней грязи к предстоящим Первомайским торжествам 28, 29 и 30 апреля. Граждане города обязаны произвести около своих домов предварительную очистку, заключающуюся в собирании мусора и навоза в кучи и подметании тротуаров. За неисполнение постановленного граждане будут привлекаться милицией и санврачом к ответственности».

25 апреля в город прибыл представитель государственного издательства «Земля и фабрика» с багажом литературы: «громадный выбор новинок русской, современной и иностранной художественной литературы и критики. Полный детский отдел, составленный по рекомендательным спискам». Коллективам и библиотекам, желавшим приобрести литературу на льготных условиях, предлага-

лось до 1 мая заявить об этом представителю издательства по адресу: улица Таможенная, дом № 38.

27 апреля утром в порту на рабочего-китайца обрушилась глыба земли, причинив серьёзные травмы. Причина — несоблюдение правил техники безопасности. Виновник — техник-производитель работ. «Помимо работы в порту, он ещё набрал сверхурочных работ в таможне и Совторгфлоте в погоне за наживой» (в здании таможни в это время шёл большой ремонт, где трудилась артель плотников).

28 апреля на пароходе «Астрахань» прибыла киноэкспедиция Совкино в составе пяти человек: режиссёра А. А. Литвинова, его ассистента И. И. Дорогова, кинооператора П. М. Мершина, его помощника и рабочего. Экспедиция на собаках намеревалась отправиться в Усть-Камчатск, на Командоры, в селение Ключи, на Ключевскую сопку, оттуда в хребты к ламутам для съёмок картины «Оленный всадник — вечный скиталец», затем по западному берегу полуострова в Тигиль, а оттуда — в Каменское и на реку Пенжину к корякам. Через год экспедиция намеревалась вернуться в Петропавловск. Планировалось снять три картины: «экономико-этнографическую фильму» в шести частях «Забывтый край», популярную киноповесть из жизни коряков «Тумгутумы» и упомянутую о ламутах. Они относились к циклу «культурфильмов», уже снятых Совкино в Афганистане, на Урале, Алтае, Кавказе и в дебрях Уссурийского края и пользовавшихся большим успехом в СССР и за границей, особенно в Америке. Экспедиция обратилась за помощью в краеведческое общество, которое посвятило три своих заседания изучению сценария картин и уточнения маршрутов экспедиции.

Наступил Первомай. Город украсился красными флагами и лозунгами. Ярко убрано и здание школы-девятилетки. К празднику выпущена газета «Школьный луч». В восемь вечера в актовом зале открылось торжественное заседание. Учителя и ученики выступили с коротенькими приветствиями. Торжественную часть, не занявшую много времени, сменила творческая. Драмкружок показал пьеску «За Первое мая». Затем — коллективная декламация под руководством В. А. Гаврилова и физкультурные номера в постановке Л. Е. Федюкова. Эти два номера оказались самыми интересными. Вот так школьники отпраздновали Международный рабочий день.

Вечером в клубе ССТС орготдел работниц организовал распродажу рукоделий в пользу расширения городских детских яслей.

3 мая завершился трёхдневный «кружечный сбор» средств, также шедший под лозунгом: «Все на помощь развитию детских яслей на Камчатке!»

5 мая по случаю дня рождения Карла Маркса и Дня печати в клубе ССТС состоялся конкурс стенных газет.

9 мая краеведческое общество получило известие от своего члена Лукашевича, что ламуты нашли выход нефти возле реки Еловки у Красной сопки в местности Котличек. «Ламуты говорят, что они зажигали эту жидкость, которая прекрасно горела». Об этом сообщено Дальневосточному отделению Геологического комитета для регистрации и проверки. На полуострове к этому времени уже были известны выходы нефти в Кроноках, по реке Богачёвке и около села Ушки в долине реки Камчатки.

Отборочная комиссия при Окрстрахе постановила послать на лечение в санаторий на шесть недель сторожа школы-девятилетки Гардалионову, медсестру горбольницы Н. Захарову, продавца АКО Фоменкова и машинистку окрфинотдела Н. Панову. На курорт Олентуй, тоже на шесть недель, должны были отправиться радиотехник Ф. Бергау, фельдшер горбольницы М. Фомина и продавец АКО Яковенко. Курорт Дарасун ждал на месяц рабочих типографии Клочкова и Комарова. Две кандидатуры — делопроизводитель нарсуда и учительница — «условно намечены к посылке на курорты», а тринадцати кандидатам в этом отказано.

14 мая завершился городской шахматный турнир. Семнадцать участников сыграли пятьсот партий, каждый — по тридцать две. Первое место взял В. М. Адамов, выигравший двадцать девять партий, второе — П. Т. Новограбленов, третье — Г. В. Брагин. На премирование победителей профсоюз выделил сто рублей.

16 мая отдел работниц с удовлетворением отметил «активное участие в сборе пожертвований в пользу детей тт. Харламовой, Терёхиной и Пономарёвой».

17 мая пионеры города на сборе актива постановили: взять на ферме участок земли для огорода и обработать его собственными силами. «Это постановление является вызовом для других организаций последовать примеру и общими силами доказать возможность развития сельского хозяйства на Камчатке».

19 мая объявлено о подготовке бюро юношеской секции первого физкультурного выступления. В программе: спуск плавучих средств и открытие водной станции клуба ССТС, массовые физкультурные игры (бег, прыжки, волейбол), состязания на воде. Победителям во всех видах спорта приготовлены призы. «Готовьте

форму: синие трусы, белая рубашка... Регистрируйте гребные, волейбольные и другие команды».

Окружной местком работников просвещения доводил до сведения своих членов о получении «льготок» на дальние экскурсии — до Москвы. Цена «льготки» — сорок пять рублей, стоимость проезда снижалась вдвое. Выезд экскурсантов намечался на начало июня. Желающих просили обращаться с заявками.

Горожане, населявшие многоквартирные дома, не имевшие собственных бань, были весьма недовольны состоянием общей комхозовской. Там «всё больше накапливается грязи. В мыльном отделении постоянно загрязнённые лужи по щиколотку. Ещё хуже в парной. Грязный, не без зловония, бассейн, и моющийся должен бродить в этой разноцветной луже. Какая-то клоака... Не мешало бы и скамеечку приладить в парном номере, а то там всего одна табуретка». Как видно, комхозовские «хозяйственники» не желали обеспечить надлежащее санитарное состояние бани по должности. Наверное, туда следовало бы заглянуть санитарному врачу, чтобы получить ответ на вопрос: «Не являются ли заразой грязевые лужи в бане, и какие были приняты меры для их устранения?»

Баня была построена неумело. Балки под печами проложили неправильно, отчего случился пожар, принёсший убыток в шестьсот рублей. Вода скапливалась на полу из-за того, что тот не имел уклона. Стены, не защищённые от проникновения воды, быстро прогнивали.

Горсовет постановил: все владельцы в двухнедельный срок должны зарегистрировать своих собак в Горместхозе. За регистрацию взыскивалось по полтиннику и выдавались металлические значки для крепления к ошейнику. Ездовым собакам значки не требовались. Зарегистрированных собак можно выпускать за пределы двора только в присутствии хозяина, или же в намордниках. Пояснялось, что «собаки же, хотя и зарегистрированные, но бегающие по городу без намордника, будут приравняться к бродячим». Всех их намеревались вылавливать и направлять в изолятор, а если хозяин не явится в течение трёх дней, то уничтожать. При возвращении собаки владельцу, тот должен был выплатить местхозу стоимость её содержания.

21 мая горсовет принял обязательное постановление № 5 сроком действия до 1 января 1930 г., ставшее знаковым документом. Во-первых, в нём отражались сложности, возникшие со снабжением населения страны продовольствием после начавшегося

«великого перелома», то есть коллективизации, а во-вторых, декларировался классовый подход к установлению норм снабжения.

В целях борьбы с вывозом продуктов на материк и неправильным их использованием горсовет решил с 1 июня ввести систему снабжения горожан продуктами первой необходимости по карточкам. Население разделили на следующие категории: первая — лица физического труда; вторая — лица нефизического труда (служащие, члены их семей, члены семей лиц, причисленных к первой категории и лица свободных профессий, за исключением служащих культа и лиц нетрудового дохода); третья — прочие граждане.

Дневная норма муки на человека установлена в размере: для первой категории — 750, второй — 500, третьей — 300 граммов. При переводе муки на готовый хлеб учитывались двадцать пять процентов припёка. Месячная норма на сахар на человека: первая и вторая категория — два, третья — один килограмм.

Карточки выдавались горсоветом по одной на каждую семью. При их получении граждане обязывались письменно указать имеющиеся у них запасы муки, сахара и жиров. При выезде из города карточки сдавались в горсовет. Передавать их другим лицам запрещалось. При потере карточки её владелец мог получить новую только через месяц.

Столовые, больница, детсад, ясли, ИТД снабжались продуктами в особом порядке. Выпечка сдобы и пирожных не прекращалась, а их продажа производилась без карточек. Хлеб продавался ежедневно, при этом от карточек отрезались особые талоны, мукой и сахаром торговали дважды в месяц. Жиры отпускались «по особому распоряжению, с отметкой о выдаче на обороте карточки». Горожане, выезжавшие из города в округ, получали продукты по расчёту до места следования. Покидавшим округ продукты выдавались не более чем на пятнадцать дней.

За сообщение неверных сведений о составе семьи, имеющемся запасе продуктов, а также при обнаружении злоупотреблений при использовании карточек, виновным угрожала ответственность по 169-й статье Уголовного Кодекса РСФСР.

23 мая «Полярная звезда» опубликовала объявление: «Мы, дети, разыскиваем отца — Сковрцова Ивана Кузьмича, Костромской губернии, Макарьевского уезда, деревня Михайлова. Наш адрес: Хабаровск, Хабаровская улица, 5, Сковрцовым».

Городская библиотека напоминала своим должникам об истечении срока возврата книг. «Товарищи Гуськов, Буревой, Степан

Ким, Шантина, М. Панов были неоднократно извещены о сроке возврата, но до сих пор книги не возвращены. Придётся к ним применить более решительные меры. Не задерживайте книги!»

Опубликована очередная рецензия «Нигамса» на постановку, прошедшую в клубе ССТС. Актуальная пьеса «Ржавчина» ему понравилась: «В чрезвычайно усложнившейся обстановке классовой борьбы, в обстановке нэпа элементы идеологического разложения неизбежны. Ржавчина упадочничества, нытья, неверия в революцию разъедает некоторые слои студенчества и отдельных членов партии. Константин Терёхин один из них.

Будни социалистической стройки и необходимость напряжённой черновой работы кажутся для него чуть ли не капитуляцией перед Октябрём. От активной борьбы он уходит в область демагогических рассуждений, в пьяный разгул половой распущенности, прикрывая всё это лживыми фразами о новом быте, о новой этике и морали. В общегитии создаётся напряжённая, нездоровая атмосфера, толкнувшая жену Терёхина к самоубийству, что заставляет партячейку дать решительный отпор враждебным силам: выбросить Терёхина из своих рядов — вычистить ржавчину.

Пьеса, за исключением некоторых шероховатостей, прошла удовлетворительно, что может считаться большим успехом, так как центр тяжести массовых сцен и драматических моментов ложится на молодых актёров — членов юнсекции драмкружка клуба ССТС. «Ржавчина» — живая дискуссия на животрепещущие современные темы. Можно рекомендовать клубу ещё раз поставить пьесу бесплатно для профсоюзной массы».

27 мая ночью в районе 14-й версты Елизовского тракта вспыхнул пожар, огонь охватил площадь до сорока квадратных километров, погибло много леса и сгорело около двухсот сажень заготовленных Горместхозом дров на сумму две тысячи рублей. Остальные, барак, другое имущество стоимостью в сорок тысяч рублей удалось спасти благодаря дружной работе команд ГПУ, служащих и рабочих комхоза и жителей окрестных деревень, за исключением Елизова, «жители которого не приняли участия в тушении пожара и вернулись обратно, когда убедились, что ихнему участку не угрожает опасность». Выяснением причин пожара занялось следствие.

Внимание комхоза обращалось на дом, стоявший возле церкви. В прошлом году это, сравнительно ещё хорошее, здание было отремонтировано под клуб «восточников». Деньги на это потратили, а клуба не открыли и даже жильцам не сдали. Без хозяйского

пригляда дом подвергся разгрому: стёкла выбиты, двери украдены, внутри разруха. И это при остром жилищном кризисе! Комхозу следовало принять меры к приведению здания в порядок и сдаче жильцам.

29 мая общегородское партийное собрание вместе с коммунистами и комсомольцами слушало информацию о том, что 27 мая советское консульство в Харбине было занято китайской полицией и в нарушение международных норм подвергнуто обыску. Арестовано тридцать девять советских граждан, «применено насилие по отношению к вице-консулу Знаменскому». Наркомат иностранных дел заявил китайскому правительству протест. Конфликт на КВЖД углублялся. Партийцы высказались «против безобразий, творимых зарвавшимися китайскими империалистами» и обратились к советскому правительству, настаивая принять решительные меры к тому, чтобы поставить на место зарвавшихся генералов. «Собрание заверяет правительство, что если китайские империалисты вовлекут нас в войну, мы сможем постоять за свои права и дадим решительный отпор всякому, кто вздумает нарушить наши права!»

31 мая команда прибывшего в Петропавловск недавно купленного АКО в американском порту Сиэтл парохода «Якут» (бывший «Лейк Элимсфорт», но пока это название ещё украшало корму судна) устроила вечер в клубе ССТС. Второй механик Коновалов рассказал об американских впечатлениях. Отметив, что Америка хорошо заработала на мировой войне, создав величайшую в мире индустрию, он заявил, что «рационализация рождает безработицу и перепроизводство. Машина делает революцию! Благополучие США только кажущееся: ни один американский рабочий не застрахован от того, что завтра он будет выброшен из производства и сделается нищим». Эти слова механика не были ни пустым звуком, ни агиткой: спустя несколько месяцев в Штатах разразилась Великая депрессия. А вот полезный американский опыт требовал изучения и внедрения: «Мы были на аэропланном заводе, в доках, сборочном цехе завода Форда, где на полторы тысячи рабочих приходится лишь пятнадцать конторских служащих, ездили на автомобилях по прекрасным железобетонным дорогам, видели гигантские рефрижераторы, которые необходимо построить и на Камчатке для замораживания рыбы. Это то, что нам нужно взять».

На вопрос из зала о желании остаться в Америке, один комсомолец-кочегар презрительно показал пальцами, как считать день-

ги: «Доллар, доллар, больше там ничего нет. Доллар и фордизм, высасывающий все соки из рабочего. Так, пожить, посмотреть только, интересно».

6 июня стало известно, что во Владивосток прибыл ещё один пароход АКО, приобретенный в США, — «Эскимос». В ближайшие дни ожидался подход ещё четырёх судов.

Горместхоз известил всех абонентов, что с 10 по 14 июня городская электростанция не будет работать «ввиду прочистки дизелей».

Объявлено об организации на летнее время для женщин кружков медпомощи, стрелкового, «лёгких движений», гребли и волейбольной команды.

7 июня Центральная комиссия по руководству «чисткой» советского аппарата, недавно созданная постановлением коллегии Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) РСФСР, обратилась к местным РКИ с указанием, чтобы они проверяли все окружные звенья аппарата одновременно. В этом году предполагалось «чистить» подразделения Наркомфина, Наркомюста, Наркомтруда и Наркомзема. Вот некоторые выдержки из этого обращения: «В предстоящей работе должна быть ясность в вопросе: кого вычищать? Как проверяемый работает, особенно за последние годы и, прежде всего, конечно, теперь. Как осуществляет в порученном ему деле законы советской власти, пролетарскую классовую линию, директивы партии — вот что нужно выяснить по отношению к каждому служащему. Выяснить это можно только методом обследования выполняемой каждым работы.

Раз мы чистим, прежде всего, и главным образом на основании оценки качества работы, роль всяческих анкет и тому подобное отходит на второй план. Детей “бывших людей” (низвергнутых революцией представителей бывших «эксплуататорских» классов. — С. Г.) снимать по их происхождению инструкция запрещает вовсе, к самим же “бывшим” необходимо подходить строже, основательнее, чем к остальным, также на основании качества оценки работы и отношения к советской власти. Если перед комиссией по читке “бывший”, совершенно очевидно, что его работу надо проверить вдвойне, тройне тщательнее, но вычищать его надо не потому, что он был когда-то попом, офицером, дворянином, а лишь на основе фактов (хотя бы не крупных) искажения классовой линии, разгильдяйства, бюрократизма и т. п. Уже одиннадцать с половиной лет советской власти, так что оценить людей по их действительным качествам можем вполне». Особо указывалось, что предстоящая «чистка и проверка работников советских учреждений

отнюдь не должна рассматриваться ни проводящими чистку, ни советскими служащими как огульное недоверие советской власти ко всем советским служащим».

Вскоре «чистка» начнётся и на Камчатке.

9 июня военморы со стоявшего в Ковше сторожевого корабля «Красный вымпел» приняли участие в массовой прогулке-экскурсии на Петропавловский маяк. Бравые моряки внесли большое оживление в колонну горожан. По пути и на маяке раздавались краснофлотские и красноармейские песни, звенела гармошка с бубном, каблуки лихо отбивали чечётку. На месте состоялись игры в городки, стрельба из «мелкашки» и прочие развлечения. А через пару дней, 11 июня, военморы поставили в клубе ССТС «живой журнал», отразивший «бодрость, спаянности и дисциплинированность краснофлотцев — стражей тихоокеанского побережья».

13 июня в клубе ССТС открылась двухдневная итоговая выставка работ курсов кройки и шитья. Курсы открылись ещё 1 декабря прошлого года. Поначалу на них записались свыше пятидесяти желающих, но к окончанию работы осталось лишь восемнадцать. Плата с них взималась вполне символическая: от двух до пяти рублей в месяц. Курсы работали в тёплом, светлом помещении, имели в своём распоряжении швейные машинки. Руковод Добровольская весьма добросовестно относилась к занятиям. Вся намеченная программа выполнена полностью, а результатом стало то, что курсантки научились самостоятельно шить бельё и верхнюю одежду. Заметим, что это было совсем не лишнее умение в весьма скудные двадцатые-тридцатые годы.

В детском садике открылась запись детей от трёх до восьми лет на летнюю детскую площадку. Её открытие намечено на 20 июня.

15 июня на общем собрании коллектива Петропавловской радиостанции приняты вызовы на социалистическое соревнование от Иркутской и Якутской станций. В свою очередь, собрание решило вызвать станции в Усть-Камчатске, Анадыре и на острове Беринга. Цель соревнования: увеличить до максимума быстроту приёма и передачи корреспонденции, ускорить её прохождение и изжить искажения.

Военнослужащие управления погранотряда постановили выкупить все облигации госзайма индустриализации и коллективно сдать их на хранение в сберкассау. Они вызывали на соревнование Петропавловскую контору и факторию АКО: «Если АКО принимает вызов, то для заключения договора о соревновании просьба прислать своих представителей».

16 июня нанесён пионерский удар по антисемитизму. «Пионеры первого отряда играли в кегли, принадлежащие К. Когда же последнему надоело, он их забрал и отнёс домой. Пионерам хотелось поиграть и, думая, что это кегли школьные, стали просить, чтоб он их дал им поиграть. Открывается окно и в него высывается “сама” мадам К., которая стала кричать, что кегли не школьные. Глядя на неё, пионер Я. улыбнулся. “Сама” со скрежетом зубов накинута на него, называя “жидовской мордой”, и пригрозила исцарапать его “харю” собственноручно». В ответ на эту брань один пионер объяснил К., что «в СССР слова “жид” нет, и что за подобное безобразие можно притянуть её к ответственности».

19 июня начался первый общегородской комсомольский поход. Окбюро ВЛКСМ постановило, что он «должен пройти под углом проверки подготовительно работы в ячейках по вопросам дисциплины и физкультуры. Поход явится оздоровительной, приучающей к коллективизму, и испытательной работой». К трём часам дня на пристань в Ковше с узелками, корзинами и вещмешками потянулись красноармейцы, комсомольцы, беспартийная молодёжь. Вскоре они заполнили кунгас. Проверили, все ли на месте, взяли ли гармонь, кинопередвижку с картиной, продукты, винтовки, посуду, фотоаппарат, затем кунгас на буксире катера двинулся в Тарью.

Часа через два походники выгрузились, построились, навьючили лошадей и себя, и... шагом марш! Первое препятствие на пути: болото и тундра. Песен и шуток поубавилось. Вечером дошли до Паратунки, разместились в школе. Искупались, посмотрели будущий дом отдыха. «Этот дом будет районной школой-интернатом для бедняцких семей из сёл Петропавловского района, не имеющих школ». На следующий день после прогулки позавтракали и до двенадцати работали «по военизации». В двенадцать — обед. «Жирный суп и рыба заполняют желудки. С часу на разостланных одеялах и шкурах сотня походников творит “мёртвый час”».

В два часа сбор и общественно-полезная работа: ремонт бассейна. К семи часам вечера он завершён. Паратунцы остались довольны, улыбались, благодарили: «Нам целый месяц надо было работать, а времени нет, рыба идёт, вот спасибо-то!» Но сами почему-то походникам не помогали. Пионеры в это время разбивали дорожки у школы-интерната.

Вечером встреча с крестьянами в избе-читальне. Начинается митинг протеста против действий китайских империалистов на КВЖД, местному населению разъясняется обстановка в Китае.

Митинг единодушно присоединяется «к резолюциям протеста всех трудящихся и выносит постановление об увеличении сбора средств по Паратунке в неделю обороны страны с пятидесяти до семидесяти пяти рублей». Затем селянам показали кино, весёлые инсценировки, спели частушки. Утром прошло объединённое комсомольское собрание. Собралось почти всё население Паратунки. Ему сообщено о ходе чистки партии и советского аппарата. Попутно выпущена стенгазета «Комсомолия в походе».

Пора домой. По дороге в Тарье совместно с местными пионерами инсценирован «бой». Затем — погрузка в кунгас, и, несмотря на туман и качку, — плавание через Авачинскую губу.

Вот так городская комсомолия проверила себя «в части дисциплины, готовности и выдержанности».

20 июня в Петропавловске открылась аптека Дальмедторга, которая, кроме медикаментов, привезла много парфюмерии. С последним парходом фактория АКО тоже получила девятнадцать мест аналогичной парфюмерии, но по более дорогой цене. Некоторые горожане на этой почве ожидали здоровой конкуренции, а более скептически настроенные подозревали, что её не получится, так как АКО «преподнесёт сюрприз туземцам и пошлёт вместо одежды и охотприпасов духи и пудру».

Ширилось социалистическое соревнование по выкупу облигаций и сдаче их на хранение в сберкаассу. Постепенно в него вступали различные коллективы. Полиграфисты и коммунальщики вызывали на соревнование группком № 2. Сдача облигаций в сберкаассу являлась самым надёжным способом их хранения. Оно могло быть с управлением и простым. В первом случае сберкаасса обязывалась следить за розыгрышами и сроками погашения купонов, во втором — только отвечала за сохранность. В обоих случаях взималась незначительная плата. Разъяснялось, что продажа облигаций, иначе их «сброс», лишает «наше социалистическое строительство помощи, которую мы сами же оказали, купив облигации».

23 июня некто «Бич» подтвердил, что обитатели ИТД, действительно, чувствуют себя вполне вольготно. По его словам, они разгуливали по городу без всякого надзора. «Некоторые частенько заглядывают к своим жёнущкам и ещё в некоторые места. Недаром пишется в газете о частых случаях хулиганства. Как же ни быть им, когда наш ИТД не хуже дома отдыха. Арестованные сами говоря: “Вот так жизнь — малина, и на материк не надо. Ничего лучше не придумаешь, чем так сидеть — поят, кормят, часто в кино водят”. Надо администрацию подтянуть, чтобы по-

становление нарсуда выполнялись, иначе такой ИТД только больше преступности разведёт».

ИТД взял от Горместхоза подряд: провести канавы, обложить их камнем и устроить мостки. Работы затянулись. Около домов АКО был разобран тротуар, чем нарушен проход, после чего дело замерло. Это вызывало законное недовольство местных обитателей, припоминавших, что ещё в прошлом году ИТД устраивал около АКО канавы, обложил их камнем. Камень быстро обвалился, потраченный труд и деньги бесполезно пропали.

Началась подготовка и к чистке партийных кадров. Опубликовано обращение ЦК ВКП(б) к коммунистам: «Партия ставит перед собой задачу освободиться от всех некоммунистов, от всех небольшевиков. Это, прежде всего, должны усвоить не только партийцы, но и беспартийные... Партия, проверенная и очищенная от негодных элементов, партия, мобилизовавшая массы на борьбу с бюрократизмом и другими извращениями советского государства, партия, закалённая в прежних боях, выйдет после чистки и проверки ещё более готовой к бою за победу ленинского знамени, за победу социализма. Такая партия не может не победить. Она победит, во что бы то ни стало!»

30 июня на улице Ленинской, в доме № 62 (против конторы АКО) открылась столовая ДОДД. Всем желающим отпускались: завтрак — 80 коп., обед из трёх блюд — 1 руб. 65 коп., ужин — 85 коп. Особые условия предлагались лицам, желавшим получать «полный пансион».

1 июля заработала читальня агитпропкабинета. Она открывалась в пять вечера каждый день, кроме выходных. Здесь можно было получить литературу по всем вопросам партийной работы, советского и хозяйственного строительства и международного революционного движения.

На Камчатке началась «чистка партии». В клубе ССТС при переполненном зале шло собрание городской парторганизации. Вопрос один: «проверка членов партии, выдвинутых в члены проверочных троек для поездки в округ по проверке и чистке рядов партии». То есть пока речь шла не о самой «чистке», а об отборе кандидатов в «чистильщики».

Собрание открыл представитель Дальневосточного крайкома ВКП(б), председатель окружной проверочной комиссии, член партии с 1902 г. Фёдоров. Обозначив общие моменты предстоящего действия, он предложил перейти к рассмотрению кандидатов, включённых в «тройки». Теперь слово взял И. Е. Ларин.

Он зачитал учётную карточку и биографию председателя КОИК В. Ф. Богатырёва. «Слова товарища Ларина чётко рисуют картину за картиной тяжёлого пути, прерываемого тюрьмами, революционной борьбы тов. Богатырёва и в заключение перечисляет его последующие ответственные посты на советской работе. Тов. Богатырёв, являясь председателем окрисполкома, фактически закончил советизацию Камчатки. Отзыв ячейки заканчивает характеристику тов. Богатырева: “социальное положение — рабочий, происхождение — сын бедняка, образование среднее. Политически развит, выдержан, устойчивый и дисциплинированный, задания ячейки выполняет аккуратно, членские взносы уплачены”. После целого ряда вопросов со стороны тов. Фёдорова, тов. Богатырёву был задан ряд вопросов со стороны граждан. Кроме высказавшихся за товарища Богатырёва, против никто не высказался.

Второй кандидатурой в проверке рассматривается рабочий тов. Завалей. Он сам рассказывает просто и ясно свой путь... в рядах армии, флота и ЧК. Его характеристику дополняет тов. Невеселёнок, отмечая преданность и выдержанность тов. Завалея на работе в ЧК и в последствии на профессиональной работе Дальневосточного края.

Тов. Богатырёву и тов. Завалей отводов из состава проверкома не последовало. На этом закончилось первое собрание, показавшее, что деловая критика и деловой подход к обсуждению подвёрнутых чистке в нашей организации обеспечено».

На четверг, 25 июля, в помещении окрбюро ВКП(б) намечена «чистка» членов и кандидатов ячейки ВКП(б) окрисполкома Слободчиков, Моисеенко, Штрадмана, Алексеева, Моисеевой, Ли-го-чен, Машихиной и окружного земельного управления Козлова, Голованова, А. и С. Решетниковых, Г. Тюменцева. «Товарищей и граждан, имеющих компрометирующие материалы на перечисленных товарищей, просьба передать одному из членов проверкома: Ларину, Васильеву, Королёву-Сатане или Фёдорову».

11 июля об утрате недавно полученных продуктовых карточек объявили Илларион Никитич Моисеевич (карточка № 356), Пётр Васильевич Григорьев (№ 508) и Г. А. Баженов (№ 807).

Начался капитальный ремонт городской больницы. В связи с этим прекратил приём стационар. Роженицы могли в любое время вызвать на дом дежурную акушерку. Больница уже давно требовала перестройки. Она стояла в центре главной городской улицы и рельефно выделялась своим весьма угрюмым видом. Постоянные гости вокруг её серого здания — собаки, свиньи, иногда

коровы. Вместо цветочных клумб, возле которых могли отдыхать больные, валялся мусор. На кухне стояла большая, почерневшая от старости бочка с водой, её брали не из крана, как было положено, а черпали ковшом. Больница нуждалась раздевалке и дезинфекционной комнате. Палаты вместе с лечившимися населяли тараканы. Многие склонялись к тому, что больницу надо не ремонтировать, а строить заново.

Экскурсионное бюро окрпрофбюро и краеведческое общество объявляли, что 20—21 июля организуют восхождение членов профсоюза на Авачинский и Козельский вулканы. Экскурсанты пойдут пешком, а снаряжение и продовольствие повезут выючные лошади. Стоимость участия — девять рублей. Во время экскурсии краеведческое общество намеревалось произвести киносъёмку. Руководителем назначен М. Кренберг, проводником — местный уроженец И. Дьячков.

Горсовет разъяснил, что согласно правительственному постановлению от 1 февраля 1926 г., устройство, ремонт, содержание тротуаров как против владений государственных и общественных учреждений, так и частных лиц лежит на обязанности соответствующих владельцев и проводится силами и средствами последних или органами коммунального хозяйства за счёт владельцев.

12 июля в зале народного суда слушалось уголовное дело техника Петропавловского порта, обвинявшегося в несоблюдении законов по охране труда. Это привело к нескольким несчастным случаям с рабочими, в том числе и к известному нам обрушению грунта на китайца-землекопа. Между прочим, дело было открыто на основании упомянутой выше рабковоровской газетной заметки. Вот такова оказалась сила печатного слова!

Ещё одно дело: конюха комхоза Зайцева. «Дело небольшое, но весьма показательное. Оно является яркой иллюстрацией той беспросветной темноты и дикой разнузданности, которые ещё цепко держатся по тёмным углам нашего быта и тормозят строительство советской общественности. Однажды, ещё по зимнему пути, поехал Зайцев с десятником Алексеевым на лесозаготовки. Зайцев был пьян. По приезде, когда Алексеев был в бараке и вышел обратно, он увидел, как Зайцев колотит палкой завязшую в снегу лошадь, и хотел воспрепятствовать этому. В ответ на это Зайцев бросился на него с топором. На счастье, подоспели рабочие и обезоружили Зайцева, иначе бы Алексеева постигла та же судьба, что и лошадь, которой, как оказалось при осмотре, Зайцев нанёс несколько глубоких ран, потребовавших двухмесячного лечения. Несколько

позднее Зайцев учинил буйство в магазине АКО: выбил стёкла в витринах, пытался избить служащих». Зайцев и раньше привлекался к ответственности за пьянство и хулиганство. Суд удовлетворил гражданские иски к нему местхоза и АКО на сумму 458 руб. 10 коп. и приговорил к лишению свободы на полтора года. В порядке «дополнительной меры социальной защиты» предложено исключить его из профсоюза.

А вот на скамье подсудимых два молодых парня, «успевших уже зачернить своё имя позором убийства и насилия». Одному восемнадцать лет, другому двадцать три года. Они явились на квартиру, «где происходила выпивка, дождались, когда ушли гости, силой вытащили гражданку Б. в сени и изнасиловали её. В тот же день при появлении сына пострадавшей, опасаясь мести, выстрелили в него из винчестера. От смертельной раны тот умер». Оба приговорены к лишению свободы на десятилетний срок с последующим пятилетним поражением в правах.

18 июля пришли известия о захвате китайцами и русскими белогвардейцами КВЖД и о разрыве дипломатических отношений между СССР и Китаем.

Горожане, имевшие крупный рогатый скот, не могли нанять пастуха. Бездзорные коровы и телята скитались по окраинным и главным улицам города. «Никак гражданам не приходит здоровая мысль, что бродяжничество скота наносит вред благоустройству нашему, и без того не так чистоплотному, городу».

23 июля в клубе ССТС состоялся вечер, посвящённый экспедиции на остров Врангеля, экипажу ледореза «Литке» и четырнадцати будущим новым жителям острова. От лица городской общности экспедицию поприветствовал И. Е. Ларин. Начальник острова Минеев доложил о политическом и географическом значении острова. Участник экспедиции Берёзкин поделился воспоминаниями о походе ледокола «Красин», спасшего часть полярной экспедиции итальянского генерала Умберто Нобиле. Начальник экспедиции капитан дальнего плавания К. А. Дублицкий рассказал об истории острова. После торжественной части прошёл «живой журнал». Вечером 25 июля ледорез двинулся из Ковша в сложнейшее полярное плавание.

25 июля на пригородном опытном поле бродячие собаки задавили несколько овец. Горсовет объявил, что собаки, попавшиеся в районе поля без намордников, будут пристреливаться, а их хозяева — привлекаться к ответственности. Ещё в начале июня горсовет распорядился убрать в район поля всех ездовых собак,

ранее содержавшихся у подножья Никольской сопки и на берегу Култучного озера.

Камчатскому округу предоставлены четыре места во Владивостокском рабфаке. Туда принимали лиц рабоче-крестьянского происхождения, непосредственно перед поступлением бывших наёмными рабочими или работавшими в своём хозяйстве без эксплуатации чужого труда, в возрасте от семнадцати до тридцати лет. Принимали только по путёвкам окрбюро ВКП(б) (для партийцев), ВЛКСМ (для комсомольцев), окрпрофбюро (для членов профсоюза) или окрисполкома (для крестьян). Командируемые должны были твёрдо знать четыре арифметических действия, уметь бегло читать, удовлетворительно выражать свои мысли в письменной и устной форме и иметь общеполитическую подготовку. Окружной отдел народного образования призывал отнестись к отбору кандидатов «возможно серьёзнее». В прошлые годы подавляющее большинство командированных, проучившись год, бросали ученье. «Таких кандидатов, которые заслоняют только дорогу активным представителям рабочей и крестьянской молодёжи, допускать в рабфак не нужно».

«Чуть было не засыпало дробью гражданку Васину с ребёнком». Это происшествие — результат беспорядочной стрельбы из ружей. Несмотря на то, что КОИК ещё 17 марта опубликовал обязательное постановление № 2 о воспреещении стрельбы в пределах города, до сих пор палили вполне безнаказанно, кто и где хотел. «Пули и дробь летят во все стороны».

27 июля прошёл вечер РОКК в клубе ССТС. Публике показана современная шутка в трёх действиях «Квадратура круга». В антракте играл оркестр, работал буфет. Весь чистый сбор передан в фонд оказания помощи пострадавшим от недавнего сильного наводнения в Приморье.

29 июля окружной совет Осоавиахима созвал городское собрание начальствующего состава РККА запаса с участием действующих командиров погранотряда. Повестка дня: оборона страны и роль запасного начсостава. Решено, что он должен принять активное участие в проходящей «Неделе обороны страны», в разъяснении её задач населению, вовлечении его в работу Осоавиахима. «Считая, что успешное выполнение пятилетнего плана является основой в укреплении боевой мощи Советского Союза, начсостав запаса решил принять стопроцентное участие в реализации третьего займа индустриализации и распространение его среди населения».

В четыре часа дня началось окучивание и прополка делегатского огорода. Приглашались все женщины. Сбор намечен у красного уголка конторы АКО.

Горместхоз сдавал на подряд вывозку дров из леса в районе 17-й версты к месту погрузки на плавсредства. Лиц, желавших заняться этим, приглашали обратиться за справками в канцелярию.

В начале июля в городе отмечено несколько единичных случаев кори, а с середины месяца заболевание начало быстро распространяться, приняв характер эпидемии. Саннадзор зарегистрировал тридцать два случая, преимущественно среди детей от двух до десяти лет. Всем гражданам, дети которых заболели корью, следовало немедленно обратиться к врачу. Ребятишкам, «имевшим соприкосновение с корьевыми больными», не разрешалось посещать детский сад, площадку и ясли.

1 августа — Международный Красный день. Ровно в 09.30 по сигналу — выстрелу из пушки сторожевика «Красный вымпел» — все коллективы трудящихся двинулись к зданию окрпрофбюро, где к 10.00 собрались в колонны по три человека в ряд. В 10.30 в порядке: первая — пограничники, второй — комсомольский отряд, затем — строители, местран, землекопы, связники, коммунальники, полиграфы и медики, нарпит, школьники и рабпрос, возчики, совторгслужащие — колонны двинулись на площадь к зданию милиции. Ответственный за построение — председатель горсовета Н. П. Фролов. В 11.00 на площади открылся митинг. Вот его резолюция:

«Шлём горячий братский привет всем, кто под боевыми знамёнами Коминтерна ведёт наступление на основы капиталистического строя! Горячий привет всем узникам капиталистических и фашистских тюрем, которые переполнены лучшими представителями рабочего класса! Последние два десятка лет история мирового революционного движения подтвердила, что единственной организацией, могущей возглавить классовую борьбу и привести к победе трудящихся во всём мире, это коммунистические партии, объединённые в единую монолитную мировую партию большевиков — Коминтерн. Трудящиеся массы под руководством Коминтерна за каждую свою жертву предъявят в ближайший исторический срок революционный счёт всему капиталистическому миру и прислужникам капитала — социал-фашизму и второму интернационалу. Сегодняшний день должен быть боевым днём для объединения рабочих масс на смертельную борьбу с капиталистическим строем. На подготовку империалистической войны и вой-

ны против СССР, трудящиеся всего мира ответят дружным сплочением под боевым знаменем Коминтерна и сделают всё, чтобы отклонить меч от Советской страны. Да здравствует международная солидарность трудящихся! Да здравствует величайший оплот мировой революции — СССР! Пролетарии всех стран, угнетённые народы мира, объединяйтесь!»

Красный день продолжился постановкой в клубе ССТС, а завершился после наступления сумерек факельным шествием комсомольцев.

1 августа горячо откликнулись на призыв помочь пострадавшим от наводнения в Приморье восточные рабочие города: «неорганизованное» население, артель землекопов, строительные рабочие Совторгфлота. Они внесли более четырёхсот рублей. Теперь на очереди у «восточников» был сбор пожертвований в фонд обороны страны и реализация третьего займа индустриализации.

Но не все «восточники» были такими сознательными. Вот, к примеру, рабочий комхоза, член профсоюза китаец Лин (на русский манер — Ильин) «переродился» прямо на глазах. Некогда он партизанил в Приморье, а после переезда на Камчатку служил в погранотряде. Но «как только приобрёл двух лошадей и принялся за постройку собственного домишки, открыто высказывается против советской власти и среди неорганизованных восточников ведёт вредную агитацию. Очень уж ему плохо живётся, говорит он (зарабатывает больше двухсот рублей)». Общее собрание восточников выделило трёх товарищей, для того, чтобы они «обследовали и повлияли» на Лина. Тот не пожелал с ними беседовать и ответил оскорбительным ругательством. «Противникам советской власти не место в профессиональном союзе, и союз должен немедленно принять соответствующие меры».

Между прочим, этот самый Лин-Ильин был в своем роде незаменимым человеком: он в единственном числе представлял весь ассенизационный обоз комхоза. «Посмотрите, что делается с выгребными ямами. Комхоз ссылается на Ильина, а Ильин держит ответ один: “Моя... кончай договор и больше не работай”. А что сделал Ильин, получая по двести рублей в месяц? По Никольской улице, дом № 6, выгребная яма не чистилась с 1928 г. Что только там творится! Саннадзор, обрати внимание!»

Начался сбор средств в фонд обороны страны. Медики отчислили четыре процента месячного оклада, внеся 255 руб. 68 коп. Некто Муравьёв дал пять рублей и вызвал Чернова и Шлапкина. Зыкин внёс двадцать рублей, Дубровский — пять и вызвал на эту

же сумму рабселькоров «Полярной звезды». Онучина сдала червонец и на эту же сумму вызвала жён ответработников Краузе, Юхно, Богатырёва, Зыкина, Васильева, Ларина, Слободчикова и других.

2 августа задолженность оплаты за комхозовские квартиры составил 2 983 руб. 32 коп. Некто Панов не заплатил причитавшиеся с него 201 руб. 19 коп. «Он вообще любит всюду и везде одалживаться, но платить не любит». Уткин задолжал 271 руб. 8 коп. Не отличались дисциплиной и сами комхозники: Шляпкин задолжал 131 руб. 71 коп., Штрадман — 207 руб. 48 коп. Обращалось внимание также способ взимания квартплаты — «систему, которую можно встретить только в дебрях Камчатки. Смотритель зданий, по специальности техник-строитель, на обязанности которого лежало составление смет, строительных планов, ремонт и прочее, выполнял функции сборщика квартплаты... метался из квартиры в квартиру, упрашивая уплатить денежки, а встречали его по-разному: где захлопывали дверь перед носом, где выпроваживали с шуточками-прибауточками, а где просто отказывались платить».

4 августа шла партчистка у пограничников. Первым «чистился» «товарищ К.» Сослуживцы его знали хорошо: «вся его личная и общественная жизнь проходит у всех на глазах. Ничего некоммунистического никто за ним не замечал, наоборот, в выступлениях подчёркивается выдержанность, авторитетность и коммунистическое отношение как к товарищам, так и к работе».

Так же гладко прошла «чистка» и других коммунистов. «Чистка трёх товарищей показала, что коммунисты не замазывают недостатки своих товарищей по ячейке и беспартийные не боятся высказываться... Один из них, кандидат партии, по социальному положению служащий, был несколько месяцев у Колчака, в Красной Армии с 1918 г. У этого товарища, несмотря на большую проводимую им общественную работу, отмечался иногда формализм и казённое отношение к поручаемым партобязанностям и общественной работе, неэтичное отношение к женщине. Проверком и присутствующие засыпали его вопросами. В выступлениях все его недостатки бичуются со всей полнотой. Он пытается объяснить своё формальное отношение перегруженностью общественной работой, службу у Колчака и несвоевременный переход на сторону красных объясняет недостаточной ориентировкой в происходивших тогда событиях, а в вопросе некоммунистического отношения к женщине сознаётся и признаёт свою легкомысленность... Время близится к двенадцати, усталости не чувствуется, уходить не хочется. Основное ядро пограничников-

коммунистов с хорошими и отрицательными сторонами продемонстрировано в присутствии всех беспартийных. Большинство биографий — это картины гражданской войны, многие в партию вступили в боевой остановке — на фронте. Бесперывно находясь в армии, органах и войсках ВЧК-ОГПУ, выросли и воспитались в её рядах, политически развиты.

Чистка, как никогда, сблизила молодых пограничников со своими старшими товарищами, спаяла коммунистов с беспартийными, а в целом ещё лучше сцементировала ячейку. Тов. Фёдоров, закрывая собрание, сказал, что ячейка здорова, но в дальнейшей работе следует обратить внимание на ещё большую воинскую дисциплинированность коммунистов и на изжитие бытовых недостатков, выявленных во время чистки у некоторых коммунистов».

8 августа «чистили» АКО. Здесь дело шло не так гладко, как у пограничников: «...Тов. Осипскому, кандидату ВКП(б), вопросы сыплют со всех концов скамеек и изо всех углов. “Газету «Правду» выписываешь?” “Нет”. “А как политически развит?” “Слабовато”. “Что у тебя за история с постройкой дома?” “Дом строила жена, а не я”. Ответы Осипского иногда вызывают смех. По выступлениям ряда товарищей устанавливается, что Осипский для партии человек ненужный, политически неразвит, над собой не работает, пассивен, часто пьянствует, на чистку у него предвзятые, неверные, некоммунистические взгляды. Во время разбора его дела о постройке дома с целью эксплуатации, нагло лгал. Таким в партии не место!

Каширников, член ВКП(б), рабочий, не так давно уволился из армии, в АКОВской ячейке состоит недавно. На вопросы отвечает твёрдо, но в некоторых политических вопросах плавает, старается оправдаться тем, что на новой работе недавно и благодаря перегруженности над своим развитием работает мало. Из газет читает только “Полярную звезду”, последние решения партии знает нетвёрдо. Выступающие товарищи подчёркивают его положительные стороны, одновременно отмечают и отрицательные.

Тов. Колоколов, член ВКП(б), рабочий, в партии недавно. Со всеми подробностями рассказывает свою боевую биографию, был шесть раз ранен, шесть раз был в плену. Его биография вызывает ряд недоумённых вопросов. “Как удавалось шесть раз уходить из плена?” “В каких частях был?” “Где и когда ранен?” “Почему выбыл из партии?” “Почему приходил в Окрбюро сдавать кандидатскую карточку?” “Почему у тебя существует теория «Верхи и низы»”? “Как насчёт выпивки?” “Почему жена не участвует в общественной

работе?” Не то от вопросов, не то от духоты с тов. Колоколова градом катится пот. В выступлениях подмечаются его недостатки — выпивки, лень, политическая неразвитость, хвастовство, грубость, неустойчивость, но одновременно подчёркивается, что тов. Колоколов исправляется и исправится, для партии он пользу принесёт...»

15 августа подведены промежуточные итоги чистки камчатской окружной парторганизации. Её прошли двадцать ячеек, из них семь, действовавших в советских органах, и две военных. Всего проверены двести двенадцать членов и кандидатов партии, в том числе семьдесят восемь в советских организациях и тридцать шесть военнослужащих. Исключено из партии восемнадцать теперь уже бывших её членов и один кандидат, а одна кандидатка выбыла добровольно. Различные партвызыскания получили тридцать три человека, в том числе четверо — строгий выговор.

Военморы сторожевого корабля «Воровский» дали объявление в газету: «Приблудилась малая чушка. Через три дня с момента объявления при отсутствии претензий её хозяина, корабль будет считать её своей».

25 августа на пароходе «Эривань» в адрес городского кооператива прибыло двадцать пять голов крупного рогатого скота. Вместе с ним в порту отправления на палубу погрузили и скот для экипажа. «Скот кооператива упитан, а Совторгфлота — худой и мелкий». При выгрузке животных команда подменила четыре своих «худых и мелких» скотинушки упитанными кооперативными, кстати, специально помеченными краской. «Плюс к этому неизвестно куда делись в промежутке десяти минут кооперативных два ведра и лопата». Кроме этого, пароходный артельщик сгрузил кооперативу вместо бочки малосольных огурцов бочку гнилой капусты. Его проделку быстро обнаружили, негодную капусту вернули Совторгфлоту в обмен на оставшиеся, ещё не съеденные, огурцы.

Жители возмущались неправильным использованием колодца, расположенного на молу портовой Кошки, откуда брали воду все жители Красного городка (район нынешней улицы Красноармейской). Недобросовестные граждане черпали из него воду всем, чем попало. Некоторые умудрялись из тех же вёдер поить лошадей и коров, нарушая постановление горсовета по охране водисточников от заразы.

29 августа принято обязательное постановление КОИК № 11 «О торговле спиртными напитками и спиртосодержащими веще-

ствами». Продавать их могли только государственные торговые предприятия, кооперативные организации, а также частные объединения и лица, имевшие специальное на то разрешение. Запрещалась продажа алкоголя несовершеннолетним, а также лицам, уже пребывавшим «под хмельком». Во время стоянки в Ковше пароходов торговля спиртным запрещалась полностью.

Начальник городской милиции Э. Куксенко доложил президиуму горсовета о проделанной работе. Он «ярко отметил», что в борьбе с хулиганством не принимают ни малейшего участия профсоюзы. По его словам, они «не могут не знать, что среди подростков хулиганство очень заразительно. Оно внедряется незаметным образом, начиная с невинных шуток, в дальнейшем прогрессируя, переходит в преступления».

1 сентября начал извергаться вулкан Асача, что расположен в ста десяти километрах от города, выбрасывая на большую высоту клубы чёрного газа и пара.

2 сентября правительство СССР постановило: для содействия развитию народного хозяйства и рационального использования естественных богатств Сахалина, Камчатки, Охотского и Ольского районов Николаевского округа, островов на Охотском и Беринговом морях, острова Врангеля учредить при Совете Труда и Обороне (СТО) Комитет по делам Камчатки и Сахалина. Председателем комитета назначен А. И. Микоян, в его состав вошли представители Совторгфлота, Наркомфина, Наркомпути, Наркомвоенмора, ВСНХ, Всесоюзного переселенческого комитета и Далькрайисполкома. Комитету поручен сбор и изучение материалов по естественным богатствам указанных районов, выявление нужд, разработка и проведение мероприятий по развитию сельскохозяйственного, промыслового и промышленного строительства, организация научно-промысловых показательных учреждений, зооферм, заводов, станций. Ему предоставлены права непосредственного обращения к правительству, прямого сношения со всеми центральными учреждениями и совещательный голос на заседаниях высших правительственных учреждений. Этим была открыта новая страница в освоении нашего полуострова.

6 сентября Петропавловск встречал «дорогих гостей» — Центральную правительственную комиссию СССР и РСФСР. В её состав входили три человека: председатель, член Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) СССР, Президиума ВЦИК РСФСР и Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б) Александр Васильевич Шотман, член Реввоенсовета РСФСР командарм 2-го ранга

Иван Фёдорович Фёдко и представитель Дальневосточного крайисполкома Карл Янович Лукс. С комиссией прибыл и заведующий краевым отделом здравоохранения Ячин.

В недавно принятом первом пятилетнем плане развития страны большое место уделялось «подтягиванию» отсталых в экономическом отношении районов, одним из которых являлся Камчатский округ. Для этого следовало рассмотреть ситуацию на месте и наметить ускоренные темпы развития, в первую очередь промышленной, сельскохозяйственной колонизации и продовольственного снабжения. Комиссия намеревалась изучить местную добычу леса, угля, нефти, золота, пушнины, рыбы. Цель её работы: укрепление государственных позиций на полуострове, обследование хода культурно-социального строительства, как в части укрепления и увеличения просветительных учреждений, так и в части обеспечения их квалифицированными кадрами. За время пребывания в городе А. В. Шотман и И. Ф. Фёдко намеревались посетить школу-девятилетку, больницу, музей, радиостанцию и другие учреждения. Для туземных школ комиссия привезла подарки: наглядные пособия, три набора радиоприёмников, наборы игрушек, пионерские знамёна, бубны, рожки, крокет, для больниц и фельдшерских пунктов — пять ящиков медикаментов, а для премирования лучших охотников из числа коренных жителей — десять ружей.

Из Петропавловска комиссия намеревалась отправиться в Усть-Камчатск, где ознакомиться с работой и положением рыбоконсервных заводов, затем по реке Камчатке подняться вверх по течению до Ключей. Комиссия обещала рассмотреть дела заключённых и осуждённых. Части «советски-преданных и социально неопасных» обещана амнистия.

Кроме того, комиссия собиралась сделать «несколько подарков» партизанам из числа камчатских аборигенов, а также поддержать ходатайство КОИК о награждении руководителей партизанского движения и отличившихся партизан орденами Боевого Красного Знамени. «Наряду с этим комиссией будет оказана некоторая единовременная помощь бедняцким коллективам Камчатки, советски-преданным и много лет работающим учителям, медицинским и сельским работникам». После обобщения собранных сведений комиссия должна была наметить ряд конкретных мероприятий в области культурно-социальной и промышленной жизни Камчатки и представить их на рассмотрение ВЦИК РСФСР и СССР.

Вместе с комиссией прибыла съёмочная группа в составе кинооператора Совкино Леонтьева и режиссера Вульфо́ва.

В этот же день комиссия посетила школу-девятилетку, поинтересовалась её материальным положением, побеседовала с преподавателями и администрацией о методических вопросах, степени усвояемости учебного материала, национальном и социальном составе учащихся. Гости осмотрели здание, кабинеты, материальную базу, учебно-производственные мастерские. (Следует отметить, что «члены рабоче-крестьянского правительства» вполне профессионально могли оценить многое из показанного. А. В. Шотман в молодости был петербургским рабочим-металлистом и токарем, а И. Ф. Фёдько — столяром.) Затем посетили музей. Здесь главное внимание уделили полезным ископаемым округа, в частности Усть-Камчатского района и Командорских островов. О своеобразии природы полуострова им позволили судить образцы лавы Ключевского вулкана, вулканические бомбы, образцы пепла, выставленные в витринах. Покидая музей, И. Ф. Фёдько записал в книге отзыв: «Музей проводит весьма выгодное впечатление в отношении оборудования экспонатами, рисующими быт туземного населения, богатства камчатских недр. Развитие в дальнейшем отделов музея послужит богатым материалом для изучения камчатского края. Член Комиссии ВЦИК Фёдько». Он выразил желание выделить тысячу рублей на дальнейшее оборудование музея.

В половине четвертого на Советской площади (против школы) прошёл митинг, в котором участвовали Шотман и Фёдько, а вечером в клубе ССТС состоялось общегородское торжественное заседание. Выступили все члены правительственной комиссии. Просто, ясно и чётко они изложили собравшимся два основных важнейших вопроса, которыми правительство СССР намеревалось заниматься в течение ближайших пяти лет: индустриализация и коллективизация. «Население чувствовало, что оно участвует в событиях исключительного значения».

«Впервые Камчатка видит членов Правительства СССР! Впервые на землю Камчатки ступили представители центральной рабоче-крестьянской власти... Товарищ Фёдько — один из четырёх увенчанных славой героев, кавалер четырёх орденов Красного Знамени, один из стойких бойцов, один из организаторов Красной Армии, один из талантливейших её командующих... Из уст в уста передают рассказы о красных воинах и об их начальнике Фёдько. Слушаешь эти рассказы, и, кажется, что народная молва творит чудную, красивую легенду о красных героях и об их безумных

подвигах!» (Один из орденов И. Ф. Федько получил за действия в 1921 г. на так называемом «Тамбовском фронте» во время беспощадного подавления крестьянского восстания под руководством братьев Антоновых. Там же «отличился» ещё один герой эпохи — М. Н. Тухачевский. Федько называли «красным маршалом» задолго до введения в 1935 г. официального высшего воинского звания «Маршал Советского Союза». Но до его получения он не дожил. В 1938 г., будучи командармом 1-го ранга, назначен заместителем наркома обороны СССР, а уже в конце февраля 1939-го расстрелян как «враг народа».)

Собрание приняло следующую резолюцию: «Трудящиеся Петропавловска и Камчатки полностью одобряют политику Советского Правительства, которая направлена к сохранению мира, так необходимого для социалистического строительства... Общепетропавловское собрание с удовлетворением отмечает правильность политики Советского Правительства в области хозяйственного строительства. Собрание с удовлетворением констатирует приезд Правительственной комиссии на Камчатку как важнейший акт сугубого внимания к Камчатскому округу со стороны центрального правительства. Собрание поручает соответствующим органам власти и общественным организациям поставить всю сумму вопросов перед Правительственной комиссией в разрезе камчатской пятилетки развития народного хозяйства. Собрание поручает Правительственной комиссии передать от трудящихся Камчатки центральному правительству горячий привет!»

13 сентября, в пятницу, в семь вечера в здании КОИК на собрании членов краеведческого общества П. Т. Новограбленов рассказал о своей поездке на север полуострова, показал фотоснимки и собранные коллекции. Поездка, точнее экспедиция, длилась три месяца. Основная работа по сбору коллекций для музея шла в центральной части Срединного хребта. Кроме ботанического материала составлены разнообразные коллекции по каменному веку, геологии, вулканологии, палеонтологии (отпечатки листьев, окаменелости) и этнографии. На обратном пути естествоиспытатель прочитал рабочим усть-камчатского рыбоконсервного завода АКО № 1 лекцию «Среди вулканов и кочевников Камчатки».

15 сентября продолжена борьба за чистоту городских водоемов. Некий «Слушатель» опубликовал в «Полярной звезде» заметку «Обывательская сознательность»: «Все известно, что Петропавловск обилен даровой водой, масса ключей и ключиков, а чистой воды никто не пьёт. Горкомхоз в этом году заключил

два ключа в дощатую трубу и на каждой улице сделал хорошие водоразборные будки, чтобы дать населению чистую воду. Эти будки стали некоторым обывателям заменой помойных ям. Некто гражданка Рыжкова Нина, проживающая на Таможенной улице в доме Коршунова, как только собирается мыть пол в комнате, так идёт к водоразборной будке, а граждане, живущие на Ленинской улице, должны брать эту воду для пищи и питья».

За последнее время заметно улучшилась работа секции «восточников». Среди них повсюду шла кампания по сбору средств на постройку самолёта «Ультиматум Нанкину» (в ответ на действия китайских властей на КВЖД. Нанкин — столица Китая после захвата власти Чан Кай-ши). Сбор уже принёс 216 руб. 83 коп. «Завербовано» на издающуюся крайкомом ВКП(б) единственную в РСФСР китайскую газету «Рабочий путь» пять подписчиков, на корейскую — десять. Внесено в фонд помощи пострадавшим от наводнения в Приморье четыреста рублей. Поставлен вопрос о борьбе с курением опиума и азартными играми, началась подписка на третий заём индустриализации. «Основное препятствие и тормоз в работе» — отсутствие соответствующего помещения. Имелся в городе так называемый «Уголок восточников», но он не отвечал потребностям, да к тому же в одной из комнат «уголка» самовольно разместился завстоловой, совсем не собиравшийся покидать насиженное место.

В городе началась чистка советского аппарата. Её проводили четыре комиссии в составе представителей «защищаемых» учреждений, месткомов и ОГПУ. В ходе обследования судебных работников выяснились интересные подробности их служебной и личной жизни. Вообще-то у них она «должна быть, по возможности, безукоризненна, так как им, выясняющим и судящим, обвиняемые могут сказать: “Будьте прежде сами без греха, а потом судите нас”». А сказать этого, например, в отношении следователя З. было нельзя. Ухаживая за чужой женой, при ссоре с законным супругом (коллегой, секретарём прокурора) ранил его в ногу. «Началось, было, следствие и... оказалось, что рука руку моет. Кто из петропавловцев не помнит горделиво-петушиную фигуру самовлюблённого бывшего прокурора К., который, пародируя французского короля-Солнце Людовика XIV, заявлял: “Закон — это я!” И, потворствуя своему собутыльнику и сокартёжнику, наложил резолюцию: “Дело прекратить”. Вопреки советским законам дело о покушении З. на убийство было прекращено, но в тоже время со всей строгостью (правильно!) их применили к китайцу Л., из-за

денежных расчётов ранившего своего товарища, который подал в суд заявление об отсутствии претензий в Л. и просившего о прекращении дела».

Итак, оказалась извращена сущность советского закона, «с большей строгостью карающего сознательного, чем тёмного, неграмотного гражданина». Говоря же проще, сработало неписанное, и, похоже, вечное, правило: одному можно, другому — нельзя.

17 сентября находившаяся на пароходе «Приморье» Правительственная комиссия подписала постановление № 1 о частичной амнистии по преступлениям и нарушениям революционной законности. Рассмотрены тридцать шесть ходатайств о помиловании, «граждане туземной национальности», получившие сроки менее трёх лет, освобождены, большие сроки сокращены наполовину, уголовные дела, начатые до 19 сентября 1929 г., наказание по которым должно составить срок менее пяти лет — прекращены. Административные наказания, наложенные на «граждан туземной национальности», отменены.

25 сентября Горместхоз провёл закрытые торги по поводу сдачи в аренду городской бани. Срок аренды один год, стоимость — пять тысяч рублей.

26 сентября из полярного плавания к острову Врангеля в Ковш вернулся ледорез «Литке». Прибывший на нём бывший начальник острова Ушаков выступил с публичной лекцией про жизнь колонии с 1926 по 1929 г. О ходе сложного плавания рассказал начальник экспедиции капитан дальнего плавания К. А. Дублицкий.

27 сентября постановлением КОИК за счёт средств Правительственной комиссии за долголетнюю общественно-полезную работу премированы учитель городской школы-девятилетки П. Т. Новограбленов (350 руб.) и руководитель учебно-производственной мастерской В. М. Адамов (175 руб.).

29 сентября музей объявил новый режим работы. Он был открыт для посетителей в среду с трёх до шести часов дня и в воскресенье с десяти утра до часу дня. Билет стоил двадцать копеек. «На выставке в музее сейчас интересные игрушки ламутских детей, окаменелости, раковины и отпечатки листьев с реки Тигиль, любопытные орудия каменного века и другие экспонаты, поступившие в музей и краеведческое общество за лето. Экскурсии в музей организуют по соглашению с работником музея».

Краеведческое общество заслушало сообщения члена Правительственной комиссии К. Я. Лукса «Организация иностранного туризма на Камчатке», «Издание Дальневосточной энциклопедии

и участие в составлении её краеведческого общества». Комиссия выделила для развития общества две тысячи рублей и ещё пятьсот дополнительно дала на развитие краеведческой работы в округе.

Артель шаланды Им-Ден-Чупи выражала «большую благодарность мотористу и рулевому катера местхоза за энергичную помощь в спасении людей, шаланды и сена 26 сентября в шесть с половиной часов утра».

1 октября в типографии «Полярной звезды» вышло из печати календарное расписание партийной, профессиональной и прочей работы на октябрь-декабрь. Купить его можно было за рубль.

3 октября профессор П. Ю. Шмидт на соединённом заседании правления краеведческого общества и членов КОИК сделал сообщение о предстоящей работе на Камчатке экспедиции Академии наук СССР. При академии под председательство профессора В. Л. Комарова организован Тихоокеанский комитет, одна из его задач — исследование Камчатки. Совнарком предложил комитету составить план всестороннего изучения полуострова, для чего была организована специальная комиссия под председательством академика Ф. Ю. Левинсона-Лессинга. Экспедиция, ввиду грандиозности её задач, рассчитывалась на пятилетний срок. Она должна была продолжить систематическое изучение полуострова, начало которого было положено в 1908 г. экспедицией, организованной на средства Ф. П. Рябушинского. Два десятка лет тому назад П. Ю. Шмидт пребывал на Камчатке в составе зоологического отдела экспедиции Рябушинского, составив большой том «Работы зоологического отдела на Камчатке в 1908—1909 гг.».

Краеведы поздравили телеграммой Академию наук и Тихоокеанский комитет с «великим делом — началом исследования Камчатки», обещали всяческое содействие и просили распространить работу экспедиции на Пенжинский и Чукотско-Анадырский районы. Вскоре пришёл ответ за подписью «непременного секретаря Ольденбурга и председателя ТОК Комарова»: «Академия наук СССР благодарит Камчатский окрисполком, краеведов и представителей общественности за приветствие в связи с планами Камчатской экспедиции. Академия наук придаёт важное значение исследованиям Камчатки и стремится всесторонне поставить эти работы, рассчитывая на помощь и содействие окрисполкома и местных общественных сил».

6 октября в 04.05 в городе ощущалось землетрясение силой до семи баллов. Главные толчки длились около десяти секунд. Часы, висевшие на северных стенах, остановились, лампы качались

с востока на запад. Население проснулось, некоторые выбегали из домов. В 06.30 землетрясение повторилось в виде «мелких, лёгких дрожаний». На следующий день, 7 октября, около десяти часов вечера последовал один резкий толчок.

10 октября на три дня из-за ремонта водопровода остановлена городская электростанция.

Ввиду начал строительных работ на Кошке контора порта предлагала всем владельцам убрать своё имущество к 25 октября. Иначе оно «будет считаться как бесхозяйственное со всеми вытекающими отсюда последствиями».

19 октября на пристани в Ковше елизовских женделегаток встречали их городские коллеги. Вот бесхитростный рассказ одной из сельских жительниц: «Дружной товарищеской семьёй пошли на приготовленную нам квартиру, где нас ждало угощение. После гостеприимного ужина мы пошли на кино-картину “Поэт и царь”. На следующий день пошли осматривать краеведческий музей, типографию, а затем пошли на собрание в партклуб, происходила чистка партийных. Вечером того же дня мы пошли на спектакль, который был подготовлен для нас. После этого пришли на квартиру, где провели вечер смычки. На вечере присутствовали члены Правительственной комиссии и секретарь партийного бюро. Вечер прошёл очень весело. Тов. Шотман поделился с нами своими воспоминаниями, как он сопровождал тов. Ленина в Финляндию после июльских дней 1917 г. Побыв в городе, среди городских делегаток, мы испытываем неловкость за свою отсталость. У нас ещё не только женщины селения, но даже некоторые из нашей делегатской семьи ходят в церковь. Но мы, делегатки, решили не отставать от города в культурной жизни. Общение с городскими делегатками влило в нас новые творческие силы».

Воодушевлённые поездкой, елизовчанки решили вызвать на соревнование паратунских подруг. Его условия: наивысшее участие в текущем займе индустриализации, ликвидация неграмотности и наилучшая посещаемость женделегатских собраний. Срок подведения итогов соревнования, естественно, «женский день» — 8 марта 1930 г.

31 октября опубликовано объявление: «Требуется каюр с нартой и двенадцатью ездовыми собаками с запасом юколы на десять месяцев для отправки с ледорезом “Литке” на Север для оказания помощи пароходу “Ставрополь”. Оплата по соглашению. Желающим наняться нужно обратиться в секретариат Окрисполкома не позднее 7 ноября». Суть дела: пароход «Ставрополь»

оказался затёрт тяжёлыми льдами в десяти километрах от мыса Северного, был обречён на вторую зимовку в труднейших условиях и с риском для жизни экипажа и пассажиров — членов Колымской экспедиции и других. Капитан заболел. Идти на помощь «Ставрополю» готовились ледорез «Литке» и авиация.

1 ноября в Петропавловской таможне введена непрерывная рабочая неделя. Для сотрудников установлен семичасовой рабочий день, включая получасовой перерыв на обед. Теперь через каждые четыре дня работы сотруднику полагался один день отдыха. «Переход на непрерывную работу учреждения совершен без увеличения штата и единодушно одобрен сотрудниками аппарата. Теперь работа таможни происходит непрерывно, а воскресенье, являющееся религиозным наследием, сдано в архив». Надо сказать, что начавшийся разновременный переход на «непрерывку» довольно быстро вызвал большую путаницу в работе различных учреждений и оказался весьма неудобен для граждан, особенно приехавших из районов округа.

3 ноября объявлено о географическом открытии. С. И. Бейнарович, отправившийся на охоту в район Жупаново и Семячика, обнаружил с восточной стороны Карымской сопки озеро. Оно не значилось ни на одной карте. Озеро, почти круглое, со скалистыми берегами, диаметром примерно в двенадцать вёрст, вероятно, имело вулканическое происхождения. Более или менее подробно обследовать его и сфотографировать не удалось из-за начавшегося снегопада и сильного тумана.

Опубликовано постановление коллегии Дальневосточной краевой РКИ от 15 августа о снижении расходования бумаги на треть по сравнению с фактически использованной в прошлом году всеми учреждениями. Предписано полностью заполнять площадь листа и его оборотную сторону, печатать только через один интервал. Размер докладов отныне не должен превышать десяти страниц. Рекомендовано шире применять готовые стандартные печатные бланки.

Приближалась очередная, уже двенадцатая, годовщина Октябрьской революции 1917 г. 6 ноября, накануне празднования, по трудовым коллективам прошли «вечера воспоминаний», посвящённые этому знаменательному событию. Поминали, например, павшего партизана Иллариона Рябикова:

*Вот волны бушуют, вот волны ревут,
К Камчатке злодеев незваных несут.
Вдали забелелся флаг злобный. Потом
«Свирь» повернулась грозящим бортом.*

*Весь Петропавловск под страхом стоит,
На пристань взошедши, ликует бандит.
Мечом обнажённым махая, орёт,
Своим подчинённым приказ отдаёт...
Бандит свирепеет, как звери весной,
— Фамилья и имя! И кто ты такой?
— Рябиков звался, — в ответ делегат
И кинул злодею презрения взгляд.
С тех пор не вернулся несчастный уж к нам,
Мученья добычей остался врагам...
Дерзко был брошен в сырую тюрьму,
Допросы и пытки достались ему...*

7 ноября к одиннадцати часам дня коллективы собрались у здания окрпрофбюро, организованно прошествовали по центральной городской улице и прибыли на Советскую площадь на митинг. В двенадцать дня в школе прошёл детский утренник. С пяти до семи вечера клуб ССТС показывал «бесплатное кино для детей» революционного содержания. В семь вечера детишек сменили взрослые: началось торжественное заседание с докладом «О двенадцатой годовщине Октября», после чего демонстрировался очередной «живой журнал».

8 ноября празднования продолжились стрелковым соревнованием профсоюзов с погранотрядом за Култучным озером, а вечером — их же «смычкой» в клубе пограничников.

Гостей ждали и в казарме. Здесь везде царил чистота. Пограничники — приодеты, в ленинском уголке и в клубе — яркие лозунги в честь славной годовщины. Скучать бойцам в будни было некогда, дел много, а уж в праздники тем более. «Ведь вот шефы-то наши больно уж внимательны в праздники к нам: на вечера к нам ходили, подарки всем хорошие дали. На материке мы были — там не то». Но и на материке Красной Армии уделялось много внимания, просто там, в больших гарнизонах, это не так бросалось в глаза, а здесь, на Камчатке, военных было мало, все на виду, поэтому и внимание заметнее. Один боец заявил: «А всё-таки как-то лучше себя чувствуешь, когда видишь, что ты не чужой здесь, в Петропавловске, когда не обязанные добровольно заботятся о нас. А дом наш — что ему сделается? Сейчас не время о нём думать, когда там, на китайской границе, наши товарищи воюют».

О развитии портового хозяйства Петропавловска по случаю великого праздника отчитался агент Совторгфлота Бендриков: «Имеем достижение: в настоящее время имеются капитальные

причалы, скалистая сопка превращена в обширную в пятнадцать тысяч квадратных метров площадь для переработки грузов. Вместо шестидесятилетних складочных гнилушек воздвигнут громадный капитальный пакгауз. Построен дом для рабочих, в котором они имеют возможность проводить культурную работу».

17 ноября на пять дней на ремонт остановилась Петропавловская интегрально-кооперативная хлебопекарня. Правление кооператива просило граждан запастись мукой и хлебом на это время.

Граждан, желавших обзавестись «новотельной коровой-сементалкой с маленькой тёлкой» просили обращаться на Таможенную улицу, в дом № 37 Святого, а ездовыми собаками — в лабораторию на улице Завойкинской, дом № 8.

Горожане высказывали недовольство деятельностью фактории АКО, получавшей много некачественных продуктов и, по их мнению, не принимавшей действий к исправлению положения. Вот образец такого недовольства и, одновременно, недоумения: «Раньше получаемые с материка бочки с капустой и солониной раскупоривали, обнаруживали, что тузлук вследствие испорченности бочек вытек, убеждались в негодности того и другого и вывозили за город на свалку. Теперь, очевидно, после многократных указаний на такое безобразное снабжение, ввели “рационализацию”. Чтобы не раздражать сотрудников честной конторы, вынужденных возиться с раскупоркой, обонять отвратительные запахи, свидетельствующие о “доброкачественности” посланного, а кстати — и пославших, Владивосток на коносаментках скромно помечает: “бочки текут”. Это значит: не трать время и энергию понапрасну — вези прямо за город! Не свидетельствует ли это, что безобразие начинает принимать уже организованный характер?»

18 ноября вышел приказ № 3 по Петропавловской городской санитарной дружине РОКК. Для участия в параде на перевыборном женделегатском собрании Камчатского округа всему составу сандружины приказано явиться в клуб ССТС в субботу 23 ноября к семи часам вечера. Объявлена «форма одежды в параде»: без пальто; белая косынка, как головной убор, и нарукавная повязка с красным крестом. Приказ подписал начальник дружины доктор Гордонович, между прочим, имевший немалое воинское звание — «комбриг», то есть, по-старорежимному, генеральский чин.

23 ноября в восемь вечера в клубе ССТС показан «живой журнал», посвящённый завтрашним перевыборам женделегаток.

24 ноября, в воскресенье, в два часа дня начались перевыборные собрания. Всего в городе насчитывалось одиннадцать женских

групп, а также имелись «неорганизованные женщины». Для того чтобы дать возможность «детным матерям» принять участие в собраниях, организованы детские комнаты в садике, школе, милиции, красном уголке КОИК, в комнате окрбюро ВЛКСМ и на почте. Работали они с полвторого дня до конца перевыборных собраний.

Капитан «Литке» К. А. Дублицкий передал от имени экспедиции благодарность и привет «всем товарищам, принявшим участие в погрузке угля на ледорез, несмотря на крайнее переутомление, во главе с агентом Совторгфлота Бендриковым и стивидором артели Казаковым».

19 ноября президиум горсовета изменил порядок разбивки работников по категориям, ранее произведённый постановлением № 5 от 21 мая. Теперь в первую категорию входили рабочие, источником существования которых являлась исключительно работа по найму, не имевшие доходов от эксплуатации, и военнослужащие, не получавшие пайка. Вторая — служащие, члены их семей, члены семей лиц первой категории, пенсионеры, инвалиды, лица свободных профессий, кустари, не эксплуатировавшие наёмного труда. Третья — все, жившие на «нетрудовые доходы», применявшие наёмную рабсилу и «лишенцы» всех мастей. Предложено снять с планового снабжения частных торговцев и служащих религиозных культов. Учёт трудящихся возлагался на администрацию предприятий и организаций, безработных — на профсоюзы, учащихся — на администрацию школы, пенсионеров и инвалидов — на отдел социального обеспечения.

Горсовет считал своей задачей «снабжение в первую очередь и в достаточной мере трудового населения города, занятого исключительно на государственной работе, как поощрение действительных участников социалистической стройки». Он считал, что за время действия продовольственных карточек достигнуто прекращение беспланового разбазаривания дефицитных товаров и удалось сконцентрировать их в руках государственных и кооперативных предприятий. Теперь его очередной задачей «является сокращение существующей нормы муки и хлеба, являющейся, по заявлению многих граждан, довольно расточительной. При такой норме вполне естественно, что часть продуктов идёт на прокорм скота, и не исключена возможность спекуляции с той же целью. Нормирование в настоящее время требует от нас более точной и твёрдой установки, чем было до сих пор. Лозунгом настоящего дня должно быть: “Кто не трудится с пользой для советского строительства, тот не ест”».

Особой безработицы в Петропавловске не было, любой желающий вполне мог найти себе занятие. Поэтому не имелось и трудовой биржи, как в материковских городах. С классовой точки зрения — это было плохо: потенциальный работодатель брал людей с «улицы», кого попало, а не рекомендованных биржей «социально близких». Как пример называлась машинистка конторы Петропавловского кредитного товарищества, не член профсоюза, с дневной оплатой три рубля с полтиной. Она, жена сотрудника радиостанции связи, приехала из Хабаровска, «где на службе в совучреждениях машинисткой не работала, а была в штате церковного хора солисткой. По приезде в Петропавловск обзавелась знакомством из числа лидеров церковной общины и местным попом, а на Рождество славил Христа в церкви...» Взял же её на работу «небезызвестный нам Пименов». (Пименовых в Петропавловске в ту пору было несколько. Один, Иван Константинович, заведовал общей частью КОИК, второй — Андрей Михайлович, из «бывших», коллежский асессор, до революции — помощник начальника Петропавловского уезда, а в 1919 г. — правитель канцелярии Камчатского областного управления при Колчаке, третий — его сын, Николай Андреевич. Речь, видимо, идёт о последнем.) «Часто союзы разрешают брать “пименовым” на работу разных певичек, поповских прихвостней. Пименов действует по собственному усмотрению, игнорируя основные положения профсоюзов, протектируя, кому не следует». Некто «Бакул» полагал, что в назидание Пименову следовало указать порядок найма, а неправильную машинистку «немедленно снять».

Окружное профбюро и клуб ССТС сдавали работу по устройству и обслуживанию катка на Култучном озере близ старой комхозовской бани.

28 ноября в Красном городке найдены несколько купюр. «Лицо, потерявшее деньги, может получить их в погранотряде ОГПУ у тов. Добржанского в часы занятий» (поясним, что «часами занятий» тогда называлось рабочее или служебное время).

30 ноября в здании клуба собрались комсомолки — женделегатки нового и старого составов. На повестке дня доклад «Брак, семья, опека и борьба с пережитками старого быта».

Пришли известия о завершении конфликта на КВЖД. В ночь на 17 ноября при двадцатиградусном морозе Красная Армия нанесла мощный удар по китайским войскам. Их потери составили две с половиной тысячи человек убитыми и ранеными. В плен сдались больше восьми тысяч солдат, две с половиной сотни офицеров

и китайский командующий со своим штабом. Красная Армия потеряла сто двадцать три бойца убитыми и шестьсот ранеными. После подписания в Хабаровске протокола о перемирии все военнопленные и арестованные были отпущены на свободу, а советские войска выведены с территории Китая. Последний отряд вернулся в СССР 25 декабря 1929 г. Вскоре нормальная работа дороги была восстановлена.

1 декабря в начальной школе открылись «ликпункт», то есть пункт ликвидации неграмотности, и курсы малограмотных.

2 декабря начался переход на пятидневную рабочую неделю всех учреждений и организаций. В отношении же клуба ССТС, как «обслуживающего широкие массы в вечерние часы», такой переход признан нецелесообразным. Как уже говорилось, «с проведением в жизнь непрерывной пятидневной недели» началась неразбериха. Половина учреждений уже перешла на новый режим работы, половина ещё нет. Так, 6 декабря часть работников, трудившихся по непрерывке, пребывала в отгулах, а учреждения, не перешедшие на пятидневку, были закрыты на выходные. Люди, в своё свободное время желавшие получить услуги или навести справки, сделать этого не смогли. Им оставалось только ходить за бумажками в рабочее время. А ведь «всякий прогул совсем не в интересах пятилетки!» Крестьяне, не зная, что в сберкассе или КОИК теперь пятница — день отдыха, приехав в город за тридцать-сорок вёрст, теряли время, ждали окончания выходных. «Это в полном смысле искажение линии партии, лозунга “Лицом к деревне”».

Правление краеведческого общества рассмотрело исполнение сметы за 1929 г. Приход составил 1 786, расход — 1 765 руб. На полевую работу отпущены триста двадцать пять рублей, за двести решено приобрести фотоувеличительный аппарат. Попутно в члены общества приняты горожане Краснов и Батурлова и тигильчанин Образцов.

5 декабря объявлено о повторном открытии школы кройки и шитья «по усовершенствованному методу». Шестимесячный курс преподавала М. И. Дружинина. Школа размещалась по адресу улица Таможенная, дом № 50.

Завершился ремонт городской больницы. По старому обычаю плотники унесли с собой обрезки лесоматериала. Бдительные граждане рекомендовали «местхозу и профсоюзу принять меры».

В дом № 4 по улице Набережной вломился с наганом в руках надзиратель ИТД с криком: «Милиция, отворяй, руки вверх!», затем: «А, не подчиняетесь! Перестреляю!» — пальнул в коридор.

Перепуганные жители вызвали милицию, уведшую опасного буяна. На следующий день они пришли к начальнику милиции поинтересоваться, как идёт разбор происшествия. Тот туманно сообщил: «Посадили его, да он не наш». На вопрос: «Почему же не пришли ничего узнать, как было дело?», начальник ответил: «Ну, не такие происшествия бывали, да и то за них штрафом облагали».

8 декабря «Полярная звезда» опубликовала выдержки из статьи генсека ВКП(б) И. В. Сталина «Год великого перелома»: «Двенадцатый год Октября был переломным на всех фронтах социалистического строительства. Он прошёл под знаком решительного наступления на капиталистические элементы города и деревни. Самокритика, социалистическое соревнование и непрерывка развернули творческую инициативу и могучий трудовой подъём рабочих миллионов. Заложены крепкие основы тяжёлой промышленности. Все наметки пятилетнего плана уже превзойдены. В истекшем году удалось по-коренному повернуть основные массы крестьянства на новый социалистический путь развития. Совхозы и колхозы добились величайших успехов. Мы идём на всех парах по пути индустриализации — социализма, оставляя позади нашу вековую “рассейскую” отсталость. Мы становимся страной металлической, страной автомобилизации, страной тракторизации. И когда посадим СССР на автомобиль, а мужика на трактор, пусть попробуют догонять нас почтенные капиталисты со своей “цивилизацией”. Мы ещё посмотрим, какие страны можно будет тогда определить в отсталые, а какие в передовые».

Успехи в развитии производительных сил страны были налицо. Цена их оказалась высока. Но, на мой взгляд, трудно ожидать другого при сломе веками складывавшейся одной государственной машины и замене её совершенно другой: такие социальные потрясения легко не проходят. Развитие же было видно и на столь отдалённой окраине, как Камчатский округ. Главной экономической силой здесь выступало АКО. В 1929 г. оно располагало четырьмя рыбоконсервными заводами с двадцатью семью действующими линиями, плавучим крабоконсервным заводом, тремя рыбомучными заводами. В сезон общество выловило более 150 тыс. ц разных пород рыбы, произвело 200 тыс. ящиков консервов, восьмьсот тонн рыбьего жира, полторы тысячи тонн тука. Завоз снабжения для населения исчислялся суммой в 5,8 млн руб. Прошлой зимой впервые начались лесные заготовки в долине реки Камчатки. Благодаря поддержке общества развернулась кооперативная сеть, открыта разработка угля, раскинулась сеть радиостанций,

вместимость своего транспортного флота доведена до 25 тыс. т. Началось создание культурно-показательных сельскохозяйственных станций, приглашены специалисты разных отраслей.

Самому генсеку вскоре — 21 декабря — исполнилось пятьдесят лет. В его адрес окрбюро ВКП(б) отправило поздравительную телеграмму следующего содержания: «Самая далекая от Москвы партийная организация шлёт тебе, верному последователю заветов Ленина, пламенный привет от самых отдалённых уголков Камчатки. Среди туземцев, эскимос, чукчей, коряк, ламут и других народностей твоё имя известно, как имя верного большевика-ленинца. Камчатская организация во все годы борьбы и строительства стояла и будет стоять за поддержку ленинского ЦК. Да здравствует мастер революции и вождь ВКП(б), верный ученик Ленина — товарищ Сталин!»

12 декабря завершился сбор пожертвований в фонд РОКК. Окружком общества просил товарищей, вызванных через газету и не внесших своевременно соревновательной суммы, сделать это до 17 декабря. Задолжали «вызванные на пять рублей» Е. Рождан, Турский, Решетников, Заруцкий, Назаренко (всего двадцать девять человек), и на три рубля — Вдовин, Фролов, Румянцев (всего одиннадцать человек). Дополнительно, в назидание остальным, сообщалось, что от вызванного кем-то Воротникова «трёшка» уже поступила.

При сборе добровольных пожертвований предельная сумма не ограничивалась ни «сверху», ни, тем более, «снизу». Можно было и совсем отказаться от взноса. Но многим показалось странным то, что врач с месячной зарплатой пять с половиной сотен рублей «принципиально», как он выразился, внёс десять копеек, а уборщица из своих семидесяти «целковых» пожертвовала два, и тоже «принципиально», вполне сочувствуя целям и задачам общества. Выходит, что уборщица пожертвовала почти в сто шестьдесят раз больше высокооплачиваемого спеца...

Ввиду передачи опытного поля (на ферме) в ведение АКО контора поля просила всех граждан и учреждения рассчитаться.

Пришло известие, что, по сообщению оленных коряков, в сентябре прошлого, 1928-го года, в районе реки Пал-Пал в северной части Пенжинского района (примерно в двухстах километрах от села Каменского) упал метеорит больших размеров, убивший сто тридцать оленей. Он глубоко вошёл в землю, на месте падения на тундре образовался небольшой водоём. Падение небесного тела навело панический страх на оленеводов. Они немедленно угнали табун далеко от места падения и долго боялись близко подходить к нему.

15 декабря опубликован отчёт городской части народного образования. В завершающемся 1929-м году в Петропавловске введено всеобщее обязательное обучение: школами охвачены все дети восьми-девятилетнего возраста. «Несколько напряжённо проходил вопрос с назначением администрации школы-девятилетки (имелось ввиду неудачное приглашение заведующего школой, или зава. — С. Г.)». Библиотеку, кроме сметного снабжения, удалось обеспечить через Книжную палату всеми изданиями, выходящими в РСФСР. Для школы купили кинопередвижку, в ней организовали кружок рукоделия для девочек. Оказана помощь малоимущим ученикам в покупке одежды и обуви. На поддержание беспризорников потрачено 2 420 руб. В детдом во Владивосток отправлены трое из них, четверо пребывали в Петропавловске. Для музея арендовано отдельное помещение, содержалась сейсмо-станция. Детский сад при трёх штатных работниках имел пять групп, которые посещали пятьдесят девять детишек, в основном малоимущих. Учебно-производственная мастерская реорганизована в отдельную профессиональную школу. Зарплата школьных учителей повышена со ста семидесяти до двухсот пятнадцати рублей в месяц, то есть больше чем на четверть. Летом дети посещали «детплощадку». Для руководства пионерской организацией выделен штатный работник. Сами пионеры активно участвовали в политической жизни города.

Это отчёт официальный. А вот изложение школьных дел пером юного корреспондента с псевдонимом «Ученик»: «Занятия в школе у нас с самого начала учебного года потекли ненормально. Не хватало некоторых педагогов, в том числе и по такому важному предмету, как родной язык. В нашей группе за четверть сменилось два учителя по естествознанию... Но вот является к концу четверти долгожданный учитель по русскому языку. Составляет расписание уроков на конец четверти, заодно составил и на четверг 7 ноября.

Была переменка у нас десять минут, зав говорит: “Много”, и стала переменка пять минут. Ученики должны при резком ветре за пять минут перебежать из здания второй ступени в здание первой... А если кто опоздает — нахлобучка от учителя, да и самому неохота в класс заходить, от работы отрываться. Большая переменка уже не сорок пять, а сорок минут. Так что дуешь домой, как ветер. А прибежишь домой, засунешь кусок хлеба в рот, пообжигашься горячим чаем и обратно в школу. Было у нас максимум шесть уроков, а теперь семь. Тяжело.

В связи с введением кооперативного уклона приходит как-то в восьмую группу зав. Настроение весёлое! “Ну, ребятки, кто хочет быть кооператором? Вы знаете, на закате ваших дней в вашем селе, вашими силами вдруг загорится электрическая лампочка”. Это было с месяц тому назад. Надоедают Фёдорову ребята: “Когда у нас А. В., “кооп” будет?” “Обождите, ребятки, скоро!” В расписании поставлено два урока товароведения в неделю, но ещё ни одного не было. И выходит какой-то уклон с уклоном».

21 декабря в клубе ССТС прошла становящаяся уже традиционной фотовыставка, организованная Камчатским краеведческим обществом. Публике показаны пятьсот снимков, кроме того, ещё десять плакатов со ста двадцатью изображениями иллюстрировали деятельность фактории АКО. Выяснилось, что местные фотолюбители «имеют уклон в сторону большего отражения природных красот Камчатки». Второе место занимали виды быта туземцев, представленные тремя фотографиями: Малёсом, Охапкиным и Ковалевским. Их главными недостатками называлось отсутствие «иллюстрации трудовой деятельности туземцев». Не были также отражены «моменты советизации Камчатки, вносящие ломку в патриархально-родовой быт. Нет показа характерных черт туземных типов». Часть лучших снимков предложено послать в Москву как иллюстрацию работы Комитета Севера при ВЦИК.

Известный камчатский фотограф Колмаков объявил, что все свои выставленные снимки безвозмездно передаёт в распоряжение общества. Он приглашал последовать его примеру коллег-фотолюбителей Ларина, Бейнаровича, Малёса и Ткачука.

25 декабря пришла радиограмма от капитана ледореза «Литке» К. А. Дублицкого: «При жестоком шторме залило помещения. Вся петропавловская почта подмочена, и я уверен, что она приведена в полную негодность. Потерял катер и все спасательные боты. Пропало много провизии. Укрываюсь за островом Симушир. Шторм стихает. Исправляю аварии. Предполагаю через шесть часов следовать дальше». Основательно повреждённая почта прибыла в Петропавловск уже в январе следующего года.

28 декабря подвёл итоги работы горсовет. Городское жилищное хозяйство в 1929 г. располагало 4 519 квадратными метрами общей жилой площади и включало сорок домов. Девять из них занимали различные учреждения и организации, а в остальных жили 377 чел. В среднем на каждого жильца приходилось по 6,63 «квадрата». Весь жилой фонд был построен ещё до очистительных революционных бурь — во время губернаторского прав-

ления в 1909—1912 гг. и за два десятка лет пришёл в ветхое состояние. Большинство зданий не соответствовало нуждам жильцов, многократно было перестроено, в них отсутствовали кладовки, сараи, помойные ямы. Для увеличения площади в домах Красного городка бывшие проходные коридоры, ваннные комнаты, клозеты разгорожены на «клетушки» под жильё.

Завгорместхозом сообщал, что наблюдаются частые случаи самовольного занятия коммунальных квартир и переселения из одной в другую без разрешения, «чем вносится полная дезорганизация в работу». За такие самочинные действия виновным обещано выселение в административном порядке.

Жильё силами города не строилось. Все новые здания возводились различными ведомствами. Первенствовали здесь Наркомат почты и телеграфа (Наркомпочтель), соорудивший для своих работников четырёхквартирный дом и сделавший «капвложения в постройку почтово-телеграфной конторы», и, естественно, АКО. Склады общества располагались по соседству с почтой.

30 декабря в шесть часов вечера прошло общее собрание союза строительных рабочих. Слушали отчёт делегатов горсовета, затем обсуждали, какой инвентарь нужно приобрести для красного уголка, вопросы профсоюзного просвещения и текущие дела.

31 декабря, во вторник, агентство Совторгфлота информировало, что вследствие наступивших тяжёлых навигационных условий ожидающийся с грузом пароход «Томск» к пристани из-за льда подойти не сможет. По правилам морских перевозок агентство просило клиентуру получить причитающееся с борта парохода в том месте, где он остановится. В случае неполучения такое могло уйти обратно.

Зима вступила в свои права...

При подготовке очерка использованы материалы из фондов Краевого государственного бюджетного учреждения «Камчатский краевой объединённый музей»

КАМЧАТСКИЕ ПЕРСОНАЛИИ (1917—1991)

Общественно-политический справочник

Справочник содержит сведения об известных, малоизвестных и совершенно неизвестных людях, живших в XX в.: революционерах и контрреволюционерах, белых и красных, коммунистах и беспартийных, чиновниках и парламентариях, священнослужителях и богоборцах, верующих и атеистах, жертвах политических репрессий и чекистах, представителях различных слоёв камчатского населения.

Текст свободен от современного взгляда на ту или иную личность, оценки её деятельности с позиций сегодняшнего дня. Пусть это сделает сам читатель, исходя из реалий прошлого, с учётом непреходящих духовных и этических ценностей. Персонификация исторического процесса — одна из двух задач справочника; помещённая в нём информация поможет составить объективную картину жизни края в указанный период времени.

Составителем использовались фонды бывшего Центра документации новейшей истории Камчатской области (ЦДНИКО), Государственного архива Камчатского края (ГАКК), Камчатского краевого объединённого музея (ККОМ). По возможности, сохранён стиль источников.

Абабко Анатолий Иванович (4.03.1953 г., пос. Волна Революции Темрюкского района Краснодарского края), в марте 1990 г., будучи беспартийным, избран народным депутатом РСФСР. Из крестьян. Образование среднее: школа-интернат с физико-математическим уклоном в Керчи. Трудиться начал в родном совхозе в 1970 г. Затем по комсомольской путёвке поехал рабочим на стройки Западной Сибири. После службы в Советской Армии (СА) окончил с отличием двухгодичные курсы «Загранмонтажспецстроя» в г. Новочеркасске, получив специальность монтажника-высотника стальных и железобетонных конструкций. На Камчатке с 1980 г. В 1990 г. — бригадир Елизовского ремонтно-эксплуатационного объединения. В мае того же года становится членом правления камчатской организации демократической партии России. Работая в Верховном Совете (ВС) РСФСР, входил в парламентскую группу «Демократическая Россия». На март 1990 г. женат, трое сыновей.

Абаев Владимир Яковлевич (24.10.1938, г. Киев — 2004 г. Петропавловск-Камчатский), с ноября 1990 г. и до августовского переворота 1991 г. — первый секретарь Камчатского областного комитета (КОК) КПСС. Образование: вечерняя школа, промышленное отделение Хабаровской высшей партийной школы (ВППШ) Кандидат экономических наук. Тема диссертации: «Совершенствование организационных форм управления в промышленности на примере Минрыбхоза СССР». На Камчатку прибыл в 1954 г. Начинал трудиться рабочим Озерновского рыбокомбината. В КПСС вступил в марте 1959 г. В СА не служил. С 1961 г. — комсомольский, с 1964 г. — партийный работник. В 1979—1986 и 1988—1991 гг. — на различных должностях в КОК КПСС. В 1981 г., в должности заведующего отделом оргпартрabоты КОК, присвоено воинское звание «генерал-майор». С 1986 по 1988 г. — первый заместитель председателя Камчатского облисполкома (КОИК). 28 ноября 1990 г. избран в состав бюро КОК¹. Награждён двумя орденами «Знак Почёта» (1976, 1981).

Абаимов Андрей Афанасьевич (20.09.1886, д. Старово Владимирской губернии), делегат второго Камчатского областного съезда 1918 г. Из крестьян. Русский. Образование низшее. После февраля 1917 г. служил связистом в 8-й армии. В 1922 г. жил в с. Привольном, работал икрянщиком у братьев Худяковых. На собрании местных жителей, созванном во время остановки в селе белогвардейского священника Денисова, поддержал власть Временного Приамурского правительства. На момент ареста 1 мая 1935 г. — заведующий райинтегралсоюзом в с. Немтик. 28 декабря 1935 г. Особым совещанием (ОСО) при НКВД СССР приговорён к трём годам исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) по ст. 58, п. 2, 10, 11 УК РСФСР². С 15 июня 1936 г. отбывал срок в г. Караганде. 19 февраля 1990 г. реабилитирован прокуратурой Камчатской области (КО).

Абрамов Богдан Александрович (1895, г. Эривань — 8.03.1938, г. Петропавловск-Камчатский), сын расстрелянного красными рыбопромышленника. Армянин. Образование низшее. Женат, трое детей. Образование «в объёме пяти групп». В царской армии дослужился до прапорщика. В 1934 г., будучи заведующим базой Моховая Авачинского рыбокомбината, проходил по делу контрреволюционной шпионско-вредительской организации. Последняя должность — врио заведующего Анапкинской базой Акционерного Камчатского общества (АКО). Арестован 1 ноября 1937 г. Привлекался за контрреволюционную агитацию, восхваление маршала

Тухачевского и других «ликвидированных врагов народа». 1 февраля 1938 г. приговорён Тройкой УНКВД по Дальневосточному краю (ДВК) по ст. 58-7-10-11 УК РСФСР к высшей мере наказания (ВМН) на основании обвинительного заключения, утверждённого начальником Камчатского областного управления (КОУ) Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) И. Я. Ломбаком. Реабилитирован военным трибуналом (ВТ) Дальневосточного военного округа (ДВО) 16 апреля 1957 г.

Абрамов Иван Васильевич (1895, г. Спасск Тамбовской губернии), в июне 1935 — апреле 1938 г. — начальник Камчатского областного управления сберкасс. Приехал на Камчатку в 1935 г. по путёвке Далькрайкома ВКП(б). Арестован 2 мая 1938 г. Обвинялся по ст. 58-1а-7-8-11 УК РСФСР. Постановлением КОУ НКВД от 13 сентября 1939 г. дело прекращено, освобождён. Реабилитирован прокуратурой КО 1 декабря 1989 г.

Авербах Яков Ефимович (1914, г. Пропойск Могилёвской области), с 17 сентября 1953 по 19 января 1959 г. — начальник областного управления культуры при КОИК. Еврей. Образование: семь классов и строительный техникум. Из автобиографии 1941 г.: «Родные отца и матери (по словам родителей) в 1900 г. выехали за границу в Америку, кто именно (точно) кем работает, их занятие мне неизвестно, так как связи ни я, ни родные с ними не имеют. Из родных имею четыре брата и три сестры, трое из них являются членами ВКП(б), один член ВЛКСМ. Родители до революции — крестьяне, сельскохозяйственного огороднического уклона, с 1929 г. по 1939 г. — колхозники. Хозяйство родителей до революции и до 1926 г. бедняцкое, потом, до 1929 г., середняцкое». Вступил комсомол в 1930 г., в компартию — в декабре 1940 г. В 1933—1936 гг. — техник стройтреста в г. Красный Луч Донецкой области, в 1936—1938 гг. — механик стройтреста Народного комиссариата оборонной промышленности (г. Москва). На Камчатке с 1938 г. По приезду до 1939 г. — начальник планового отдела АКОстроя. В 1939 г. — заведующий отделом благоустройства Петропавловска, с февраля по август 1940 г. — секретарь Петропавловского горкома (ГК) ВЛКСМ по пропаганде, в августе 1940 г. — секретарь ОК ВЛКСМ по пропаганде, а с октября того же года — по военной работе. В августе-октябре 1941 г. служил в Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА). С мая 1943 г. — заведующий отделом пропаганды и агитации Петропавловского ГК ВКП(б), с августа 1943 г. — первый секретарь Чукотского

райкома (РК) ВКП(б). В 1946 г. — второй секретарь Чукотского окружкома ВКП(б). 1 ноября 1950 г. утверждён заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации, а 26 апреля 1952 г. — заведующим отделом тяжёлой промышленности КОК. В 1953 г. в связи с образованием областного управления культуры назначен его начальником. Освобождён постановлением КОИК от 19 января 1959 г. «за факты перерасходов и незаконных больших выплат артистам кукольной бригады, а также за факты систематического безответственного отношения к ведению финансового хозяйства и допущенную бесхозяйственность в управлении подведомственными учреждениями» (справка завотделом парторганов ОК КПСС А. Н. Панова). После этого до середины 1970-х гг. — начальник отдела (управления) капитального строительства КОИК. В апреле 1964 г. за долголетнюю безупречную работу в Советах КО и в связи с 50-летием со дня рождения отмечен почётной грамотой КОК КПСС и КОИК. Награждён орденом Красной Звезды, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Агатов Фёдор Фёдорович (1908), в марте 1948 г. секретарь КОИК. Грек. Образование низшее. В августе 1930 г. вступил в ВКП(б)

Агафонов Георгий Александрович (1922), чекист. Русский. Образование семь классов. В 1949 г. занимал должность оперуполномоченного Камчатского областного управления Министерства государственной безопасности (МГБ). В 1956—1957 гг., будучи в звании капитана государственной безопасности (ГБ), участвовал в проверке ряда «контрреволюционных дел», сфабрикованных в 1930-е гг. сотрудниками НКВД.

Агафонов, 27.10.1930 на заседании Камчатского окрбюро ВКП(б) утверждён председателем окрплана.

Адамович Иосиф Александрович (1896, г. Борисово в Белоруссии — 22.04.1937, г. Петропавловск-Камчатский), хозяйственный и политический деятель СССР и БССР. Белорус. Окончил двухклассную школу. Отец, активный участник революционных событий 1905—1907 гг., трудился на посудной и спичечной фабриках. Там же начинал и сын. В Первую мировую войну «храбро сражался, награждён тремя Георгиевскими крестами, дослужился до чина старшего унтер-офицера». В 1916 г. вступил в «РСДРП интернационалистов». Февраль 1917 г. встретил в Харькове на лечении после тяжёлого ранения, где вёл агитацию среди солдат.

Вновь попав на фронт, участвует в братании с австрийскими военными, избирается в полковой комитет. На родине сближается с большевиками. После октября 1917 г. — организатор Красной гвардии в Белоруссии. Летом 1918 г. — помощник начальника, начальник Смоленского гарнизона и губернский военный комиссар. В 1918—1919 гг. участвовал в подавлении контрреволюционных восстаний в Смоленской, Гомельской, Витебской, Могилёвской губерниях. В освобождённом от поляков Минске входил в руководящую советскую «тройку». Нарком военных и внутренних дел, председатель чрезвычайной комиссии (ЧК) по борьбе с бандитизмом. Награждён именным оружием. В 1924—1927 гг. — председатель Совета Народных Комиссаров (СНК) БССР. Постоянно поддерживал связь с В. Маяковским, белорусскими писателями Я. Купалой, Я. Колосом, Т. Гартным, М. Чаротом. С мая 1927 г. — член президиума Всесоюзного Совета народного хозяйства (ВСНХ) и председатель Сахаротреста СССР. В 1930—1931 гг. — заместитель наркома торговли СССР. Снят с запретом использования на ответственных должностях. В 1932 г. возглавил строительство сахарных заводов на Дальнем Востоке. В 1934—1937 гг. — начальник АКО. 16 апреля 1934 г. избран членом пленума и бюро КОК ВКП(б). Покончил с собой в период работы Петропавловской горрайпартконференции, где был обвинён в связи с троцкистами-врагами народа (К. Б. Радеком и другими). Заведённое на него 10 марта 1937 г. НКВД дело прекращено 19 мая 1938 г. Реабилитирован Главной военной прокуратурой СССР в апреле 1956 г.

Адмиральский Александр Алексеевич (1909, Кубань), в 1937 г. врид директора Петропавловской машинно-тракторной станции (МТС). Русский. Из рабочих/служащих. Образование среднее. В ВКП(б) с 1929 г. Исключен из партии «за развал комсомольской работы в бытность секретарём обкома комсомола, за связь с врагами народа и их пособниками, нежелание бороться с врагами народа и ликвидировать последствия вредительства в сельском хозяйстве (колхоз им. XVI партсъезда)». Арестован 26 октября 1937 г. Обвинён по ст. 58-1а-7-8-11 УК РСФСР. Постановлением КОУ НКВД от 13 сентября 1939 г. дело прекращено, выпущен на свободу. В партии восстановлен на бюро КОК 3 октября 1939 г. В середине октября 1945 г. освобождён от должности председателя Усть-Камчатского РИК с выездом в Хабаровск. Реабилитирован в 1989 г. прокуратурой КО 1 февраля 1989 г.

Адолин И. Н., торговец. В 1917 г. председатель Гижигинского уездного комитета.

Азаренко Зоя Дмитриевна (1938), в 1974 г. занимала должность управляющего Камчатской областной конторой по прокату кинофильмов. Украинка. Образование среднее. В КПСС с ноября 1966 г. Награждена знаком «Отличник кинематографии СССР».

Азарова (1916), в 1968 г. — председатель Петропавловского городского суда. Русская. Образование среднее. В ВКП(б) с 1939 г. Ранее была военным следователем.

Азиатцев Борис Фёдорович (1922), в 1979 г. директор объединения «Общественное питание». Русский. Образование высшее. В ВКП(б) с августа 1945 г. Участник боевых действий. Награждён шестью медалями.

Азлин Валентин Васильевич (1908), с 3 марта 1941 по 1946 г. заведующий Камчатским областным здравотделом. Образование высшее медицинское. В 1933—1934 гг. кандидат, с июня 1938 г. — член ВКП(б). Трудовой стаж с 1930 г. Награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Аксёнов А. М., с октября 1952 г. заместитель начальника Камчатского управления МГБ (вместо Морица).

Аксёнов Григорий Фёдорович (1899, с. Шигоны Куйбышевского района Куйбышевской области), с ноября 1939 по 22 ноября 1942 г. — первый секретарь КОК ВКП(б), одновременно с 1 марта 1940 г. — первый секретарь Петропавловского ГК ВКП(б). Из крестьян-середняков. Русский. Образование неполное высшее. С девяти до двенадцати лет — школьник, затем трудился в сельском хозяйстве. В 1915—1918 гг. — строгальщик по металлу в г. Златоусте на оружейном заводе. Сокращён. До призыва в армию жил в деревне у матери. В 1919—1929 гг. служил в РККА, последняя должность — начальник отделения хозяйственного довольствия. В армии занимался самообразованием «и сдал за нормальную школу». В ВЛКСМ не был. В 1926 г. вступил ВКП(б). Демобилизован по ходатайству для поступления в комвуз. С сентября 1929 по октябрь 1931 г. учился в Самарском комвузе. Переведён в аспиранты Самарского НИИ социалистического земледелия. В апреле 1933 г. отозван с учёбы по решению ОК. До 1934 г. — директор МТС (ст. Батраки Куйбышевской области), затем — управляющий межрайонной конторой «Сортсемоовощ». С сентября 1936 по февраль 1938 г. заведующий отделом школ и культпросвета Ульяновского ГК ВКП(б). Избран вторым секретарём того же горкома, а через пять месяцев — первым секретарём Ульяновского сельского РК. С марта 1939 г. — заместитель председателя Куйбышевского ОИК, с июля — завсектором управления

кадров ЦК ВКП(б). 30 октября 1939 г. решением партбюро ЦК ВКП(б) утверждён секретарём КОК. Избран членом бюро КОК на пленуме 8—9 января 1940 г. Из автобиографии 1940 г.: «Партизаны не имел. В антипартийных группировках и оппозициях не состоял. Из родственников репрессированных и раскулаченных нет. Женат, имею сына. В старой и белой армиях не служил». Отозван в 1942 г. в Хабаровск на должность председателя крайисполкома.

Акулов, 23 марта 1934 г. утверждён председателем Петропавловского горсовета (до этого — начальник областного управления сберкасс). Снят 13 июля 1934 г. «за срыв строительства и очковтирательство».

Акишинский Василий Семёнович (1912), в 1934—1937 гг. ответственный редактор газеты «Камчатский комсомолец», с 3 октября 1940 по май 1942 г. редактор газеты «Камчатская правда». Образование среднее. Окончил курсы политсостава запаса. В ВЛКСМ с 1931 г., кандидат ВКП(б) с 1936, член с 1938 г. В 1924—1925 гг. батрачил в кулацком хозяйстве в с. Константиновка ДВК, в 1928—1929 гг. был землекопом в Хабаровске на строительстве Дальневосточного банка и Дома Советов. В 1930 г. — молотобоец в г. Свободном на строительстве педтехникума, в 1930—1932 гг. — учитель школы первой ступени в с. Привольное КО. В 1932—1933 гг. — в с. Большеперек врид ответственного редактора газеты «Ударник промыслов». С февраля по апрель 1938 г. — завсектором низового вещания облрадиокомитета. С июля 1938 г. — ответственный секретарь, с августа 1939 г. — заместитель редактора газеты «Камчатской правды». 14 января 1942 г. утверждён по совместительству редактором газеты «Ударник». В мае 1942 г. призван в ряды РККА. В марте 1945 г. — парторг 279-го артполка в Петропавловске. Участник Курильской десантной операции в составе этого полка. Его жена Алевтина Фёдоровна, 1914 г. р., с 1935 г. — учительница средней школы им. Л. Н. Толстого со средним педагогическим образованием, принята в ВКП(б) в декабре 1941 г., награждена орденом «Знак Почёта» (1945).

Алаев Евгений Иванович (22.10.1953, г. Бийск Алтайского края), в марте 1990 г. избран народным депутатом РСФСР. Член КПСС. Выпускник Тихоокеанского высшего военно-морского училища им. С. О. Макарова. На момент выборов — командир пограничного сторожевого корабля, капитан 2-го ранга. В марте 1991 г. на встрече с избирателями в КОИК заявил, что Б. Н. Ельцин не всегда советуется не только с депутатами, но и с Президиумом Верхов-

ного Совета РСФСР. Награждён пятью медалями, в том числе медалью «За отличие в охране государственной границы СССР».

Александров Алексей Александрович (1921), 25 февраля 1949 г. избран первым секретарём КОК ВЛКСМ. Из крестьян-середняков. Русский. Образование неполное высшее. Кандидат ВКП(б) с 1937, член с августа 1943 г. В 1935—1936 гг. — учащийся ленинградского ФЗУ, в 1936—1939 гг. — станочник, бригадир ОТК, нормировщик. В 1939—1941 гг. — слушатель Ленинградской высшей школы ВЦСПС, в июле-августе 1941 г. — инженер-нормировщик, а с октября 1941 по май 1942 г. — начальник участка 1-й мебельной фабрики им. Воскова. В августе-октябре 1941 г. — политбоек Ленинградского фронта (действующая армия), в мае-ноябре 1942 г. — уполномоченный Ленинградского ОК ВЛКСМ по партизанскому движению на Волховском фронте. В ноябре 1942 — августе 1943 г. — заместитель командира подпольной партизанской группы Островского райпартцентра в Ленинградской области. В августе 1943 — январе 1944 г. — начальник политотдела 10-й Ленинградской партизанской бригады. С января по март 1944 г. — комиссар отдельного партизанского полка, с апреля 1944 по октябрь 1946 г. — первый секретарь Псковского ГК ВЛКСМ. Затем до июля 1948 г. — слушатель Центральной комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ, после чего — первый секретарь Корякского окружкома ВЛКСМ. Награждён орденом Богдана Хмельницкого 2-й степени (1944), медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда» (1944), «Партизану Отечественной войны», «За победу над Германией», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Александров, в 1919 г. фельдфебель Камчатской местной воинской команды. После просоветского переворота 1920 г. в Петропавловске арестован как участник подавления майского солдатского восстания 1919 г. Следственная комиссия *Гапановича* в начале мая 1920 г. постановила: «Приняв во внимание, что 1) обвинения против него частью остались недоказанными, а некоторое были даже взаимно опровергнуты самими свидетелями, 2) важнейший свидетель обвинения, единственно могущий установить факт доносов со стороны А., не дал существенных показаний против него, 3) обвиняемый перенёс четырёхмесячное предварительное заключение — передать всё следственное производство в трибунал на прекращение дела за отсутствием состава преступления. Принятые в отношении А. меры пресечения отменить».

Алексеев А. П., «борец с колчаковщиной и Биричем». С 18 июля по 19 сентября 1923 г. — председатель Усть-Камчатского волревкома. Направлен по решению Камчатского губбюро РКП(б) от 10 октября 1923 г. на учёбу в партшколу в Читу и в вуз.

Алексеев, в 1922 г. комендант Тигиля. Полковник. Убит Е. Сычёвым в Усть-Тигиле в конце августа или в начале сентября 1922 г. Афанасий Юшин, на квартире которого останавливался А., сразу же после его убийства выехал, по рассказам старожилов, в Петропавловск. Отряд полковника в составе поручика Родионова, старшего урядника Фролова, младшего урядника Бржанского, рядового Латыпова был расстрелян на реке Тигиль 8 сентября 1922 г. тигильскими, ковранскими и утхолокскими дружинниками во главе с П. И. Юшиным, А. Н. Притчиным и П. Е. Суздаловым. Вахмистр Долбочкин убит на берегу возле Тигильской церкви. Летом 2003 г. в районе предполагаемого захоронения отрядников трое тигильчан установили металлический крест с поимённой табличкой. Организовал эту акцию член президиума Камчатского добровольного исторически-просветительского общества «Мемориал» Ю. Г. Попов. Он по архивам выявил фамилии погибших и решил от имени нынешних поколений земляков «хотя бы чуть-чуть искупить тяжкий грех предков». Помогали устанавливать крест односельчане В. Л. Лысак и А. А. Попов.

Алексеев В., председатель Сероглазкинського селъкома, участник мартовского (неудавшегося) и июльского антисоветского переворотов 1918 г. в Петропавловске.

Алексеев Виктор Иванович (1.05.1913, г. Уральск Уральской губернии — 26.11.1998), в 1971—1979 гг. председатель КОИК. Прозвище среди местных советских и хозяйственных работников — «Бульдог». Из рабочих (отец — штукатур, умер в 1914 г., мать — домработница), русский. В 1924—1930 гг. учился в школе-семилетке в Уральске, там же в 1931 г. окончил курсы бухгалтеров, в 1933—1934 гг. — вечерний рабфак. С марта 1931 по сентябрь 1936 г. — бухгалтер, старший бухгалтер Западно-Казахстанской конторы госбанка, ревизор, старший ревизор, главный бухгалтер в г. Уральске Казахской ССР. В 1933—1941 гг. — член ВЛКСМ. С 1936 по ноябрь 1938 г. работал в Казахской краевой конторе Госбанка СССР в г. Алма-Ате: ревизор, заведующий бюро жалоб, главный бухгалтер. С ноября 1938 по июль 1943 г. — в Хабаровской краевой конторе Госбанка СССР: главный бухгалтер, работал в горном управлении. С июля 1943 по январь 1944 г. — заместитель заведующего отделом кадров Хабаровского ГК ВКП(б).

В январе-декабре 1944 г. — председатель Кировского РИК г. Хабаровска, затем до января 1946 г. — завторготделом, после чего до октября того же года — заместитель секретаря Хабаровского ГК ВКП(б) по торговле. Один год возглавлял Центральный РК г. Хабаровска. С октября 1947 по сентябрь 1949 г. — второй секретарь ГК ВКП(б). Закончив трёхгодичную ВПП в Москве, становится вторым секретарём КОК КПСС. На этом посту находится с небольшим перерывом (с 28 января 1956 по 10 декабря 1958 г. — третий секретарь) с августа 1952 по февраль 1971 г., курируя сельское хозяйство, административные и торгово-финансовые органы. В январе 1956 г. на 9-й областной партийной конференции при выборах членов КОК против него было подано двадцать пять голосов. Из протокола заседания бюро КОК КПСС от 18 ноября 1961 г.: «4. О недостатках стиля работы бюро ОК КПСС и заявлениях, поступивших в ЦК КПСС... Постановили: 1. Признать, что на областной конференции 27—28 сентября 1961 г. и в письмах в ЦК КПСС правильно указано на серьёзные недостатки стиля и методы работы бюро и секретарей обкома КПСС, неконкретное решение многих вопросов и особенно недостатки в работе с кадрами, что отрицательно сказывались на их воспитании и не способствовали развитию критики и самокритики в областной партийной организации. 2. Бюро ОК КПСС особо отмечает неправильные методы работы и поведение секретаря обкома партии т. Алексева, выразившееся в том, что он допустил серьёзные недостатки в руководстве сельским хозяйством и торговлей. Неправильно строил свои взаимоотношения с кадрами, допуская грубость, бестактность и администрирование. Несмотря на всю серьёзность этих ошибок, первый секретарь обкома КПСС т. Орлов своевременно не поправил т. Алексева и не проявил инициативы в постановке этого вопроса перед бюро обкома КПСС. 3. Указать т. Алексеву В. И. на допущенные ошибки и предупредить его, что, если он не сделает необходимых выводов из критики, то будет поставлен вопрос о дальнейшей его работе в качестве второго секретаря обкома КПСС». Из служебной характеристики от 18 апреля 1962 г. за подписью М. А. Орлова: «Тов. Алексеев В. И. проявил себя хорошим организатором, энергичным и инициативным партийным работником. Тов. Алексеев В. И. большое внимание уделяет работе партийных организаций по подбору, расстановке и воспитанию кадров, по повышению требовательности к ним за порученные участки работы. Тов. Алексеев дисциплинированный, требовательный к себе и подчинённым, одновременно проявляет внимательность

и заботу о кадрах. Тов. Алексеев пользуется большим авторитетом среди коммунистов и всех трудящихся области...» 18 февраля 1971 г. избран председателем КОИК. 18 сентября 1979 г. решением 11-й сессии областного Совета освобождён, согласно его заявлению, в связи с уходом на пенсию.

Алексеева Евдокия Петровна (1904), чекистка. Уроженка Смоленщины. По словам сослуживца Н. Т. Страхова, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. находилась на партработе. В 1937 г. — сержант ГБ, оперуполномоченный IV отделения КОУ НКВД и заместитель секретаря парткома УГБ КОУ НКВД. 22 апреля того же года вместе с заместителем начальника КОУ НКВД лейтенантом Страховым подписала акт об изъятии многочисленных бумаг на квартире застрелившегося начальника АКО И. А. Адамовича. 5 декабря 1939 г. откомандирована в УНКВД Алтайского края. В 1954 г. работала в управлении МВД Одесской области.

Алексеевко Эмиль Андреевич (1904), с марта 1951 г. директор Камчатторга. Из служащих. Образование высшее, окончил университет марксизма-ленинизма при МГК ВКП(б). Кандидат ВКП(б) в 1925—1935 гг., член с 1940 г. В 1951 г. получил партвысказание: строгий выговор «за незаконное расходование государственных средств и использование служебного положения». В Великой Отечественной войне (ВОВ) не участвовал. Награждён медалями «За трудовую доблесть», «За оборону Москвы».

Алёшкин Павел Емельянович (1908, г. Астрахань), в 1940—1943 гг. секретарь Корякского окружного комитета ВКП(б). Из рабочих. Русский. Образование неполное высшее. В ВКП(б) с 1930 г. В 1920-х гг. — сельскохозяйственный рабочий, грузчик. С 1927 по 1929 г. — комсомольский работник в г. Сталинграде. В 1930—1931 гг. — красноармеец. Окончил высшую пограншколу ОГПУ в Москве. В 1931—1933 гг. — политрук погранзаставы, в 1933—1934 гг. — секретарь партбюро сталинградского завода «Баррикады». С 1935 по 1937 г. — студент института марксизма-ленинизма, затем начальник секретариата партпропа политотдела дороги Наркомпути. В 1939—1940 гг. — начальник политотдела сельского хозяйства в Сталинградском районе Еврейской автономной области. Неоднократно ставил вопрос перед КОК ВКП(б) об отзыве из Корякского округа «в связи с неработанностью с его аппаратом». По мнению начальника КОУ НКВД Кожевникова, «преувеличивает недостатки, злорадствует, обобщает их, опошляет работу аппарата окружкома». В конце концов отозван.

Алькова Надежда Игнатьевна (1919, Иркутск — 10.01.1984), с 6 мая 1942 г. возглавляла последний состав Камчатского областного совета Союза воинствующих безбожников (СВБ). Из рабочих, отец — столяр, плотник, мать — домохозяйка (в семье двенадцать детей), «Мать-героиня». Русская. В 1937 г. окончила библиотечный техникум, в 1939 г. — учительский институт в Иркутске, в 1954—1956 гг. — Хабаровскую ВПП, в 1957—1962 гг. — заочно партшколу при ЦК КПСС. В ВКП(б) с октября 1943 г. В 1937—1939 гг. — библиотечный инструктор-методист Бадайбинского районного отдела народного образования (района) в Иркутской области. На Камчатку прибыла по хетагуровскому призыву в сентябре 1939 г. До 1940 г. — библиотекарь Камчатского облоно. В 1940—1942 гг. — директор Камчатского краеведческого музея, в 1942—1944 гг. — заведующая политпросветсектором облоно. В совете СВБ ей подчинялись: Вас. Ив. Иванов, В. Ф. Кулагин, Стеблич, Я. М. Ющенко, лектор обкома партии Гомза, директор областной библиотеки Шеходанова. В 1944—1945 гг. — заместитель заведующего облоно по политико-просветительской работе, в 1945—1948 гг. — инструктор ОК ВКП(б), в 1950—1952 гг. — секретарь Петропавловского ГК ВКП(б). В 1954—1955 гг. — инструктор, заведующая сектором агитации, в 1955—1960 гг. — заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ОК ВКП(б). В 1960—1975 гг. — заместитель председателя КОИК, с 1975 г. — на пенсии. С 1980 г. — ответственный секретарь Камчатской областной комиссии содействия Советскому фонду мира. Награждена орденами «Знак Почёта» (1968, 1973), медалью «За трудовую доблесть» (1950).

Амтус Александр Иванович (7.11.1898, Москва), с января 1933 до августа 1935 г. начальник Камчатского областного управления связи. Из крестьян или рабочих. Окончил четырёхклассное городское начальное училище (1912), школу политграмоты второй ступени (1923—1924), Высшие академические курсы Наркомсвязи (1931). В РКП(б) принят на заводе № 39 им. Менжинского в 1923 г. Трудовой стаж с 1910 г. — работа по найму в перерывах между учёбой. В 1912—1917 гг. — фрезеровщик, затем служил рядовым в Русской Армии. В 1919 г. в г. Омске мобилизован в белую армию, служил в рабочей колонне 11-й Сибирской стрелковой дивизии. На фронте перешёл к красным. Демобилизован в 1922 г. С 1924 г. — начальник склада Промвоздуха. В 1932 г. по решению Оргбюро ЦК ВКП(б) направлен на Камчатку «в порядке укрепления окраины». В записке председателя областного военного трибунала

Терняева от 21 января 1935 г. говорилось о притуплении классовой бдительности А. Откомандирован в распоряжение Далькрайкома партии.

Ананьевский Николай Сергеевич (1910), в 1937 г. заместитель заведующего Камчатским облздравом. Русский. Образование высшее медицинское. Беспартийный. На Камчатке с 1937 г.

Андреев Алексей Дмитриевич (1907), в мае 1938 г. помощник начальника первого отделения штаба Камчатского морского пограничного отряда (КМПО). Из рабочих. Русский. Образование низшее. В 1936 г. окончил высшую пограншколу. В ВКП(б) с декабря 1931 г. В ноябре 1937 г. получил выговор по партийной линии «за небдительность».

Андреев Никита Александрович (1872, с. Большая Урья Канского округа — 9.02.1938, г. Петропавловск-Камчатский), по материалам НКВД — руководитель баптистской общины в пос. Ключи Усть-Камчатского района. Из крестьян-середняков. Русский. Образование три класса сельской школы. На момент ареста 25 сентября 1937 г. — сторож Ключевского лесокомбината. На допросе в РО НКВД показал: «Религиозным я считаю себя с самого детства. В 1910—14 гг. (примерно) я прочитал евангелию и заметил, что попы религиозные убеждения искажают. Это натолкнуло меня поговорить с попом... Я спросил у попа, почему они не соблюдают все положения по евангелию. Поп мне ответил, что всё соблюдать нельзя и заявил, что он зарабатывает деньги языком. Такой ответ оттолкнул меня от религии. В 1927 г. в нашем селе Урья имелась группа евангелистов, к которой примкнул и я. Группа состояла примерно из пятидесяти человек. С 1927 г. всё время состою в группах евангелистов и считаю себя евангельским христианином. На Камчатку я приехал в 1933 г. Мне соседи и другие знакомые сообщили, что в пос. Ключи имеются ещё верующие, кроме меня. Так, мне назвали Колиниченко Тимофей Степанович, Троценко Кузьма Иванович и Набережная Дарья. После мы стали встречаться все вместе и молиться... В 1935 г. летом я выехал на материк к своим детям. Прибыв в г. Канск, я встретился со своим старыми знакомыми из Канской общины евангелистов, которую начал посещать и молиться с ними. Летом 1936 г. я решил вернуться на Камчатку и выехал в посёлок Ключи без каких-либо заданий или инструкций, в Канске я не получал и на тему об активности евангелистских собраний ни с кем не беседовал. Вернувшись в пос. Ключи, я увидел, что в Ключи приехали ещё верующие-евангелисты. Так, из новых были Волокитины, Набе-

режный Василий. Всего в группе было уже (со слов Колиниченко) одиннадцать человек вместе с Колиниченко Тимофеем, Дарьей, Василием и женой. Вновь вошли без меня: Волокитин Иван, Волокитина жена, Волокитин Емельян с женой и приехавшая со мной дочь. При мне в пос. Ключи вошли в нашу группу Горбунова Матрёна, Андреева (однофамилица) Мария и Чернышёв Никифор с женой, но последние посещали нас нерегулярно». А. заявил, что группой никто не руководил, все были равны, вербовкой и агитацией не занимался. Чекисты именовали дело Андреева, Троценко и Набережного делом «ерусалимцев». К. И. Троценко, 67 лет, был сторожем местного АКОснаба, И. Ф. Набережный, 30 лет, — сортировщиком пиломатериала на лесокомбинате. Оба малограмотные. Все трое обвинялись в принадлежности к «контрреволюционной антисоветской сектантской группе». 9 декабря 1937 г. приговорены Тройкой УНКВД по ДВК к ВМН и расстреляны. Реабилитированы 23 апреля 1958 г. постановлением президиума Камчатского областного суда в составе: председательствующего Федорчукова, членов Третьякова, Письменного, Кислицына и Сайфульмулюковой с участием прокурора области Голомидова.

Андреев Фёдор Андреевич (1913), 25 февраля 1942 г. утверждён начальником 1-го специального отделения КОУ НКВД. Из крестьян-середняков. Чуваши. Образование низшее. С 1928 г. в ВЛКСМ, в 1940 г. принят в кандидаты ВКП(б). В том же году — оперуполномоченный КОУ НКВД. Один из составителей акта-описи имущества Е. И. Давыдовой от 16 октября 1941 г., присутствовал при её расстреле.

Антипов Н. А. (1902), в июне 1938 г. утверждён первым секретарём Алеутского РК ВКП(б). В ВКП(б) с 1925 г.

Антомонов Филипп Иванович (ноябрь 1925, д. Плотниково на Алтае), с 20 декабря 1953 по 1 июня 1956 г. первый секретарь КОК ВЛКСМ. Из крестьян-бедняков. Русский. Образование среднее, окончил специальную Хабаровскую двухгодичную юридическую школу (1952). В ВКП(б) с октября 1945 г. В 1942—1943 гг. — курсант окружной школы снайперов в с. Шкотово, в 1943—1945 гг. — командир отделения 254-го полка 231-й стрелковой дивизии в г. Спаске. Участник советско-японской войны. В 1945—1947 гг. — командир отделения отдельной роты контрразведки в г. Куйбышевке, в 1947—1950 гг. — командир отделения войсковой части в г. Бикин. В 1952—1953 гг. — член Камчатского областного суда, инструктор Петропавловского ГК КПСС. Освобождён от работы в КОК ВЛКСМ в связи с выездом на учёбу в Хабаровскую краевую

ВППШ. Из служебной характеристики 1956 г.: «В обращении с молодёжью... прост, вежлив. В быту выдержан».

Антонов Михаил Васильевич, в конце 1920-х гг. заведующий факторией бухты Лаврентия. Согласно чекистским сведениям, при царе восемь лет служил приставом Туруханского края (имеет фотокарточки, на которых он в форме), хвастался жестокостью к политическим ссыльным; по убеждениям монархист-черносотенец. Несколько раз, по его словам, арестовывался ОГПУ в Новосибирске и Иркутске. После занятия Сибири Красной Армией бежал в Китай, где прожил два года. С целью покупки пушнины спаивает туземцев (за одного песца — одну чашку спирта). «Будучи антисемитски настроен к производителю работ кульбазы Этингеру, отказывал ему в выдаче денег и стройматериалов, несмотря на имеющиеся распоряжения. Пользуясь отсутствием Этингера, организовал забастовку рабочих в течение трёх суток, создав недовольство среди них по отношению к Этингеру. При организации забастовки спаивал рабочих спиртом 5—6 апреля 1928 г. Вместо А. часто торгует жена, дочь богатого купца Иркутска, жалуется, что у него отобрали много имущества, открыто высказывает свою враждебность к советской власти. Вся работа А. в течение двух лет характеризуется стремлением к подрыву авторитета соввласти, торгующих организаций и различными провокациями на почве антисемитизма».

Антусёнок Степан Павлович (1920, д. Николаевка Красноярского края), с 18 апреля 1945 по 23 марта 1947 г. первый секретарь Петропавловского ГК ВЛКСМ. Из крестьян-середняков. Русский. Образование семь классов. В ВКП(б) с марта 1945 г. В 1938—1939 гг. — управляющий делами Бирюльского РК ВЛКСМ в Красноярском крае. Там же в 1939 г. — инспектор райгосстраха. В 1939—1940 гг. — ответственный секретарь районной газеты «Голос колхозника». В 1940—1945 гг. — младший сержант, секретарь многотиражки Камчатского ордена Ленина КМПО НКВД. В 1947 г. — инструктор КОК ВКП(б). В 1951 г. — заместитель ответственного редактора «Камчатской правды».

Анчихан (Анничихин) Константин Селиманович (1888, хутор Макаровка на Урале), в 1931 г. школьный учитель в с. Кирганик Мильковского района. Из служащих. Калмык. Образование среднее. Приехал на Камчатку в октябре 1919 г. Арестован 30 августа 1931 г. Тройкой при полномочном представительстве (ПП) ОГПУ ДВК 14 января 1932 г. приговорён по ст. 58-10-11 УК РСФСР к десяти годам лишения свободы. Отбывал срок в Бамлаге. Бежал

26 января 1938 г. В 1940 г. объявлен во всесоюзный розыск, который результата не дал и был прекращён в 1954 г. В заявлении в Камчатскую прокуратуру от 22 марта 1964 г. просил о реабилитации и зачёте в трудовой стаж семь лагерных и двенадцати долагерных лет. Сообщал, что жил с паспортом на имя гражданина Самарской области Алексея Ивановича Богатырёва, который «за 90 руб. купил у китайца», и работал в Чумиканском районе Хабаровского края. Реабилитирован Камчатским областным судом 15 июля 1964 г.

Аракчеев Александр Никифорович (1895), с 13 сентября 1937 по апрель 1938 г. председатель КОИК, оставаясь председателем облплана. Из рабочих. Русский. Образование высшее, окончил Московскую плановую академию. В ВКП(б) с 1918 г. Имел партвызыскание за выпивку. Утверждён председателем областной плановой комиссии 26 мая 1934 г. Врид, и. о. председателя КОИК, соответственно, с 3 июля 1934 и 11 июля 1937 г. На бюро обкома ВКП(б) 23 мая 1937 г. утверждён руководителем областного комитета содействия. 3 апреля 1938 г. исключён из ВКП(б) «за связь с врагами народа и вредительскую работу». Под арестом с 4 апреля 1938 по 10 февраля 1940 г. Освобождён по ст. 204-б УПК РСФСР. Восстановлен в партии 10 марта 1940 г. В ноябре того же года его учётная карточка коммуниста выбыла в г. Нальчик Кабардино-Балкарской АССР.

Аржанов Сергей Ионович, или Игнатьевич (1895, с. Покровка Тамбовской губернии — 1.04.1938, Петропавловск-Камчатский), противник колхозов. Из крестьян-бедняков. Русский. В 1915—1917 гг. — рядовой Балтийского флота, в 1920—1922 гг. служил на Амурской флотилии. После службы — плотник. В 1925 г. перешёл в дом жены Татьяны Марковны Павленко, всех родственников которой впоследствии раскулачили и выслали. У жены был дом, крытый цинком, сто десятин пахотной земли, до двадцати лошадей, много скота. К 1929 г. они с супругой имели плуг, бороны, совместно с кем-то молотилку, три лошади, две коровы, шесть баранов, в 1937 г. — дом и две курицы. В 1930 г., ликвидировав своё хозяйство, выехал во Владивосток, откуда в следующем году прибыл на Камчатку. В 1932 г. ездил домой на Тамбовщину, на обратном пути был снят с поезда транспортным отделом НКВД в Иркутске, просидел больше месяца — выясняли личность. Из агентурных данных НКВД: в прошлом имел несколько голов крупного рогатого скота, до двухсот кур, применял наёмный труд; первый муж его жены и её брат Тимофей (и ещё

семнадцать человек) были расстреляны в 1924 г. как руководители кулацкого восстания. А. видел, как их подвели к яме и расстреляли. Говорил: «Я их очень жалею, они были хорошие ребята». Сообщал о себе окружающим: «У меня было восемь лошадей, сноповязалка, сенокосилка, только всё это числилось не за мной, а за женой». Рассказывал: родные пишут с материка, что голодают, ходят на конские кладбища и собирают падаль. В противовес советской пропаганде о кулаке-эксплуататоре заявлял: «У кулака нам (работникам. — В. П.) давали всё, что только захотели, и всегда были сыты и одеты. А теперь при советской власти лишь только по семьсот грамм хлеба. А раньше, когда мы работали у кулака, то после работы и перед обедом нам всегда давали водку или пиво, а шамать, что только душа желает, и без всякой нормы...» На момент ареста 8 октября 1937 г. — бондарь базы Моховая. Жена (в девичестве Щербина, 41 год) в это время трудилась промработницей Авачинского рыбокомбината. Семья растила двоих детей от десяти до двенадцати лет. Рассмотрев обвинительное заключение, подписанное полковником И. Я. Ломбаком, Тройка УНКВД по ДВК 17 февраля 1938 г. приговорила А. к ВМН по ст. 58-10 УК РСФСР. Расстрелян комендантом КОУ НКВД младшим лейтенантом *Заярным* и врио начальника третьего отделения *Дуболазовым* в присутствии заместителя областного прокурора Крупенина. Реабилитирован прокуратурой КО 1 июня 1989 г.

Артёменко Михаил Логвинович (1902), в 1952 г. секретарь партколлегии при КОК КПСС. Из крестьян. В ВКП(б) вступил в 1926 г. Награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Артюхин Василий Иванович (1880, с. Никольское Нижегородской губернии), член Петропавловского городского комитета первого состава (6 марта 1917 г.), делегат первого Камчатского областного съезда 1917 г. и один из двоих товарищей председателя областного комитета; член областного комитета, избранного вторым Камчатским областным съездом 1918 г. гласный первой — пятой Петропавловских городских Дум (ПГД), участник антисоветских переворотов 1918 г. в Петропавловске. Из крестьян. Русский. Образование сельское начальное. Старший унтер-офицер запаса. 6 июня 1917 г. включён в комиссию по подготовке первого Камчатского областного съезда, созываемого «для организации общественной власти на Камчатке и разрешения краевых вопросов». 8 мата 1918 г. вошёл в состав областного комитета, казначей. После свержения советской власти в Петропавловске

в июле 1918 г. — вновь член областного комитета. В 1918—1919 гг. — член городской управы. В феврале 1922 г. участвовал в охране Петропавловска от красных партизан. Возглавлял думскую делегацию в их стан для примирения противоборствующих сторон — отрядов Камчатского областного народно-революционного комитета (КОНРК), или «сопочников», и представителей Временного Приамурского правительства. Избирался депутатом Народного собрания Приморья. По некоторым сведениям, считал себя социал-революционером, но на следствии по «Думскому делу» назвался беспартийным эволюционистом-демократом. До ареста 2 декабря 1922 г. работал агентом Добровольного флота, имел свой дом. Семья: жена и дочь. 23 июля 1923 г. выездной сессией Приморского губернского суда приговорён к пяти годам условно (этот срок был сокращён наполовину) с конфискации четверти имущества. В последующий период был, видимо, сокращён и пятилетний срок поражения в правах, так как 25 апреля 1926 г. избирается кандидатом в члены Петропавловского городского Совета. В 1928 г. — кладовщик городского агентства Совторгфлота. По данным на 1932 г., выехал во Владивосток. Реабилитирован по «Думскому делу» прокуратурой КО 24 сентября 1992 г.

Артюхов П. Ф., 4 апреля 1946 г. утверждён заведующим издательством «Камчатской правды» с освобождением от обязанностей председателя Осоавиахима.

Архангельский Александр Андреевич (1884, с. Меновое Камышинского уезда Банниковской волости Саратовской губернии), священнослужитель. Сын священника. Русский. Образование: три класса духовного училища. У отца имелась корова и лошадь. Оба брата священники. В 1895—1914 гг. учительствовал в сёлах у себя на родине, в 1914—1916 гг. — в Уссурийском крае. В 1916—1921 гг. — священник в селениях Карага и Паратунка, с 1921 г. — в Тигиле, Тарье, Халактырке. По словам мясника Ф. Я. Белея, в 1923 г. А. отказался от церковного сана, купил пару лошадей, стал заниматься извозом «и тут же начал агитировать против советской власти». В 1929 г. поступил в Петропавловское лесничество дровопилом. Согласно показаниям лесобъездчика Д. С. Плотникова, в 1930 г. среди рабочих дровозовов «вёл антисоветскую агитацию, говоря: “Куда ни глянь, везде сидит еврей или жид из “наших”, везде сидят комиссары-жиды и издеваются над нами. Сами комиссары раскатывают на автомобилях и прогуливаются с ружьями, а вас заставляют работать, как собак”. И ещё «он осмеливал советский герб... “Серп и молот — рабочим смерть и голод”».

Счетовод П. Т. Сычёв говорил, что население к нему относилось недоброжелательно, так как, «с одной стороны, убит им на охоте за дичью один камчадал, не понеся за это убийство никакого наказания, и, с другой, как плохой учитель и лентяй, что весьма вредно отзывалось на детворе. Помимо этого внушал и распространял... [что] всё равно скоро будет по-старому, будет царь, будут также опять начальники, жить будем, как жили раньше. Эти сведения имели место в с. Карага в 1918 г.». На момент ареста 25 февраля 1932 г. служил делопроизводителем в управлении постройки порта в Петропавловске. Имел семерых детей. Жена Анна вышла за него семнадцатилетней в 1908 г. В 1920-х гг. она работала продавщицей в партклубе им. Третьего Интернационала и обещала воспитывать детей в духе социализма, а сама раскрепоститься. К религии относилась отрицательно. Её супруг был арестован 25 февраля 1932 г. Свидетельские показания на следствии отверг как наговоры. Виновным себя не признал. 19 мая 1932 г. Тройка ПП ОГПУ ДВК по ст. 58-10 УК РСФСР приговорила его к трём годам концлагерей. Реабилитирован прокуратурой КО 19 февраля 1990 г.

Атласов Василий Спиридонович (9.03.1890, с. Сероглазка Петропавловского уезда), участник свержения советской власти в Петропавловске в июле 1918 г. Из крестьян-бедняков. Камчадал. Рыбак-охотник, колхозник. В 1909 г. окончил двухклассное городское училище в Петропавловске. Собственность отца в Сероглазке: дом, нарта собак. Сам до 1929 г. имел дом на паях по месту жительства в с. Камаки Усть-Камчатского района. Холост. 9 июня 1933 г. впервые арестован за участие в антисоветском перевороте 1918 г. Меньше чем через месяц освобождён. 19 июня 1934 г. арестован вторично с прежним обвинением. 2 августа 1934 г. прокурор КО Кузьменко вынес постановление о прекращении дела и немедленном освобождении из-под стражи, поскольку следствие не установило его контрреволюционной деятельности «за исключением связи и знакомства с активными членами... организации “Автономная Камчатка”». 2 января 1935 г. ОСО при НКВД СССР приговорило его по ст. 58-2 УК РСФСР к пяти годам концлагерей. Был отправлен в БАМЛАГ после 21 августа 1935 г. Реабилитирован прокуратурой КО 27 июня 1989 г.

Афанасьева Людмила Леонтьевна (28.11.1940, с. Покалёвка Луганской области), с 10 декабря 1976 г. ответственный секретарь Камчатского областного отделения общества охраны памятников истории и культуры. Из крестьян. Украинка. Образование высшее: в 1966 г. заочно окончила исторический факуль-

тет Камчатского государственного педагогического института (КГПИ). В ВЛКСМ с 1954 г., в КПСС с 1969 г. На Камчатку приехала после окончания десятилетки по вызову брата Павла (1914 г. р.). В 1957—1958 гг. — рабочая Петропавловской жестянобаночной фабрики (ЖБФ). До октября 1965 г. — старшая пионервожатая средней школы (СШ) № 12, затем преподаватель краеведческого кружка в Доме пионеров. С сентября по октябрь 1966 г. — учительница СШ № 10. В ноябре 1966 — декабре 1976 г. — в ОК ВЛКСМ: заместитель заведующего отделом школ и учебных заведений и (с февраля 1971 г.) заведующая отделом школьной и студенческой молодёжи. В настоящее время живёт в г. Санкт-Петербурге.

Бабаев Никифор Клементьевич (1902), *противник советской власти*. Из крестьян-бедняков. По материалам управления МГБ, он, плотник Петропавловской судоремонтной верфи, высказывался в рабочей среде: «Давно бы надо всех коммунистов перерубить на котлеты, тогда бы и рабочие жили лучше». 26 декабря 1949 г. Камчатский областной суд по ст. 58-10 УК РСФСР в силу Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. приговорил его к двадцати пяти годам лишения свободы с поражением в правах на пять лет и конфискацией всего имущества. 1 декабря 1954 г. освобождён из-под стражи по постановлению Президиума Верховного Суда РСФСР. В 1965 г. дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Бабенко Алексей Яковлевич, в конце 1920-х гг. *уполномоченный Дальгосторга*. Затем заведующий Камчатским окрторгом, директор рыбоконсервного завода (РКЗ). В РКП(б) с 1917 г. В конце 1927 — начале 1928 г. подозревался в принадлежности к «троцкистской оппозиции» в Петропавловске. Из характеристики от 2 марта 1930 г. за подписью заместителя секретаря окружкома ВКП(б) *Биссенека*, отправленной в Хабаровский крайком партии: «Высокомерное отношение к рабочим, районным организациям, доходящее иногда до бюрократизма. Политически грамотен, выдержан, в данное время работает во Владивостоке [в] АКО». 2 декабря 1935 г. Усть-Камчатский РК ВКП(б) исключил его, «бывшего меньшевика», из рядов ВКП(б) за сокрытие своего троцкистского прошлого. Арестован как враг народа. В 1938 г. привлечена к партийной ответственности его жена Ц. Р. Романовская.

Бабкин-Байкалов Алексей Иванович (умер, предположительно, в начале сентября 1922), в 1920 г. *основатель камчатской коммунистической организации, секретарь КОИК, городской голова Петропавловска*. Казачий есаул. В 1919 г. служил делопроизводителем

канцелярии управляющего КО, но, по его словам, был скрытым врагом режима. Рассказывал, что 9 января 1920 г., накануне падения колчаковской власти в Петропавловске, управляющий КО Н. Н. Червлянский якобы сказал ему, что знает, кто он, и он ударил Червлянского по лицу. Потом говорил: «Могли расстрелять!» 15 января 1920 г. Временный военно-революционный комитет (ВВРК) постановил освободить его из-под домашнего ареста вместе с милиционером Меньшиным. Организуя в начале 1920 г. на Камчатке партию коммунистов, объявил себя состоящим в РСДРП с 1905 и имеющим личное знакомство с Л. Д. Бронштейном-Троцким, но перерегистрацию в качестве члена РКП(б) 4 августа 1920 г. не прошёл. Новым руководителем камчатских коммунистов стал в тот же день Пересыпкин. Противники Б.-Б. вменяли ему в вину антикоммунистические статьи в колчаковской печати под псевдонимом «Саянский», на что тот, по сведениям историка Б. И. Мухачёва, отвечал: «А что я мог писать? Я хотел втереться в доверие к Червлянскому». 16 августа 1919 г. «Камчатский вестник» напечатал почти двухполосную статью А. Саянского «Германо-большевистская деятельность». Накануне приказом Червлянского увольняется в отставку по болезни и допускается к исполнению должности делопроизводителя его канцелярии. 16 октября 1919 г. по требованию камчатского воинского начальника освобождается от этой должности. В январе 1920 г. арестован руководителями просоветского переворота, однако через несколько дней переведен на домашнее содержание, стал писать статьи в коммунистическом духе, первая из этой серии называлась «Буржуазия и советская власть». 2 марта 1920 г. избран председателем исполкома Петропавловской организации РКП(б). На следующий день об её утверждении исполком ходатайствовал перед Приморским ОК, но тот по совету Ларина и *Воловникова* воздержался. На праздновании 1 мая 1920 г. в своей зажигательной речи обрисовал политическую обстановку и рассказал о мерах, намечаемых красной властью в случае высадки японского десанта, но опроверг слухи, будто она вооружается против «японско-подданных», кои живут в Петропавловске, и не для расстрела буржуазии. «Это, — заявил он, — гадкая клевета, гнусная провокаторская ложь, пущенная по городу, чтобы восстановить против партии коммунистов». 15 июня 1920 г. общество «Просвещение» закрытым голосованием избирает его своим председателем. Иногда выпивал, но нажил себе врагов не из-за этого: многие горожане считали его весьма незаурядной личностью и избрали гласным четвёртой ПГД.

Б. И. Мухачёв приводит слова И. Е. Ларина на третьем Камчатском областном съезде: «Абсолютное отсутствие демократии. Но Камчатка выгодно отличается от материка тем, что ещё кое-какие свободы сохранены, и мы не идём на поводу у кучки политиканов. У нас — демократия. Мы не дадим погибнуть даже Бабкину-Байкалову, который грозит пойти с сумой...» К тому времени последний уже не занимал должность городского головы, а ещё раньше, при перерегистрации, потерял членство в РКП(б). 3 октября 1920 г. новый руководитель Петропавловского уездного комитета РКП(б) М. И. Савченко направил в Приморский ОК письмо, в котором называл Б.-Б. «в высшей степени опасным человеком», сообщая одновременно, что вынесено постановление о высылке бывшего товарища по партии на материк и что «были приняты меры к устранению его от должности городского головы», и это «удалось сделать при помощи гласных-коммунистов». Но, жаловался Савченко, «сторонники Бабкина-Байкалова не дремлют и стараются облить грязью людей, стоящих во главе местной организации, в частности товарища Пересыпкина... Будто бы товарищ Пересыпкин, будучи председателем Союза грузчиков во Владивостоке, похитил из средств Союза средств крупную сумму денег, за что сидел в тюрьме». Летом 1921 г. Б.-Б. вместе с Гапановичем и другими единомышленниками участвовал в попытке мирного смещения Ларина и его окружения. В середине июня привлечён народной охраной (милицией) к ответственности за появление в публичном месте в пьяном виде. На митинге 20 июня в Петропавловске, писали «Известия КОНРК», Б.-Б. «была предложена бессвязная резолюция, требующая передачи власти областного народно-революционного комитета “народу”, то есть ему, Байкалову, и “иже с ним”. Интересно, что этот господин, претендующий на звание общественного деятеля, явился на митинг в пьяном виде. В своей речи Бабкин-Байкалов требовал референдума, то есть опроса всего населения в смысле присоединения к Советской России или ДВР, и в конце речи договорился до передачи власти на Камчатке митингу...» События тех дней в интерпретации авторов сборника статей «За власть Советов на Камчатке (1917—1923 гг.)»: «Провокатор Бабкин-Байкалов... вместе с Гапановичем, Кумпаном, братьями Поповыми и другими по прямому заданию меркуловского правительства начал готовиться к захвату власти в Петропавловске. Снова выдвинув лозунг “Камчатка — для камчадал”, имея поддержку со стороны японских кораблей, стоявших в Авачинской бухте, контрреволюционеры

и провокаторы стремились отторгнуть Камчатку от Советской России и отдать её богатства на разграбление японским и американским империалистам. Авантюристическая группа Гапановича и Бабкина-Байкалова пошла на открытое вооружённое выступление. Необходимо было обезвредить заговорщиков, но они собрались вместе, укрылись в одном из домов и стреляли по каждому, кто подходил близко. Тогда партийная организация (кстати, об этом ни слова в «Очерках истории Камчатской областной партийной организации» выпуска 1985 г. — В. П.) и облнарревком поручили начальнику милиции коммунисту Фролову блокировать этот дом. Немедленно было созвано расширенное заседание облнарревкома совместно с представителями сёл Сероглазки, Авачи, Халактырки, Завойко, Коряки, Тарьи, Налычева. Обсуждался вопрос об угрозе советской власти на Камчатке». В приведённом выше тексте расширенным заседанием КОНРК названо, по всей видимости, созданное по его инициативе общее собрание «из представителей общественных организаций Петропавловска (городской Думы, Трудового Союза, Центросоюза, Союза камчатских кооператоров и Петропавловского кооператива) с участием японского лейтенанта Минандзума и секретаря консульства господина Сидо». Открылось оно 4 июля в Народном доме в половине двенадцатого ночи. Петропавловский городской голова Е. А. Колмаков, вернувшийся вместе с В. И. Румянцевым, секретарём городской управы, из японского консульства, сообщил, что консул заверил его о невмешательстве в русские дела. Гласный Думы, педагог П. Т. Новограбленов сказал: «До приезда Гапановича в городе было спокойно... появились слухи о готовящихся беспорядках во главе с Бабкиным-Байкаловым и Гапановичем...» 11 июля 1921 г. троих «заговорщиков» взяли на поруки близлежащие селения. На следующий день их обезоружили и взяли подписку о невмешательстве в политическую жизнь области и прекращении какой бы то ни было агитации и развезли по селениям. Б.-Б. увезли в Завойко. Вскоре он покидает Камчатку. 16 августа 1922 г., в связи с прибытием Б.-Б. в пределы края на пароходе из Владивостока, Х. П. Вирич издаёт приказ об его аресте как опасного коммунистического деятеля. По некоторым данным, казнён белоказаками 5 сентября 1922 г. вместе с И. В. Рябиковым.

Бадаев Г., согласно официальному списку, в феврале 1922 г. участник охраны Петропавловска от красных партизан.

Бадах Демьян Моисеевич (1890, с. Зубровка Волынской губернии — январь 1934), гласный третьей ПГД 1919 г. Украинец.

Малограмотный. По профессии бухгалтер. В царской армии — рядовой. В 1918—1920 гг. — секретарь Петропавловской городской управы. В 1922 г. якобы бежал в Японию, как работавший в администрации у белых. По возвращении на пароходе «Хитакумару» 20 декабря 1922 г. в отдел юстиции Камчатского губернского революционного комитета (КГРК) поступил рапорт об его аресте. В 1923 г. в Петропавловске принимал участие в театрализованной инсценировке «Красное Евангелие», где играл попа, а *А. Домман* — красноармейца. 16 июля 1923 г. губбюро РКП(б) выносит постановление: за растрату, пособничество белобандитам и предательство первым же пароходом отправить во Владивосток для суда. «Впредь до отправки освободить от поручительства и привлечь к работе по специальности, оплачивая труд, исходя из минимума». В августе 1923 г. принят на советскую службу с согласия прокурора. Считался неблагонадёжным, находился под надзором. Был допущен врио заведующего делопроизводством канцелярии губревкома. В декабре 1923 г. вычищен как чуждый элемент. Арестован 19 марта 1933 г. в качестве «одного из основоположников контрреволюционной шпионской повстанческой диверсионно-вредительской организации “Автономная Камчатка”». Обвинён по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР. Виновым себя не признал. 1 января 1934 г. приговорён Тройкой ПП ОГПУ ДВК к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован ВТ ДВО 27 апреля 1957 г.

Баженов Михаил Васильевич (1877, Томская губерния), *сторонник красных партизан*, называемых населением «сопочниками». Из крестьян. Малограмотный. В 1899—1905 гг. служил в армии, в конце службы — писарем. В Петропавловск приехал в 1910 г. из Владивостока, где трудился горнорабочим. Год проработал грузчиком, выехал в Усть-Камчатск, жил в Ключах. В 1917 г. вновь попал в армию, но был отпущен в Усть-Камчатск заниматься рыбной ловлей и охотой. В начале 1930-х гг. — грузчик, житель с. Николаевки Усть-Камчатского района. Под арестом в ОГПУ (ст. 58-2 УК РСФСР) с 13 по 21 июня 1933 г. В первый же день заявил на допросе: «Имущества никакого не было и нет, кроме землянки... С 1921 по 1922 г. мне было поручено партийной организацией хранить продовольствие партийной организации. Поручение хранить грузы я получил от Лукашевского. По приходу в Усть-Камчатск советской власти я сдал остатки груза и отчёт Маркову и Мирошникову». Освобождён.

Базилев Леонид Владимирович (1938), в 1975 г. начальник Камчатского аптечного управления, в 1990 г. генеральный

директор производственного объединения «Фармация». Образование высшее. В КПСС с 1961 г. Награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Бакулов Роман Владимирович, супруг последующей. В 1918 г. — член Петропавловского горсовета от совета служащих торгового дома «Чурин и К^о», продавец разъездного торгова, затем доверенное лицо, заведующий складами вышеуказанной фирмы, заведовал её милюковским отделением. В 1923 г. оштрафован «за розпуск домашнего скота по огородам», ему предъявлен также иск за потраву картофеля. Был арестован как контрабандист: скупая пушнину у местных охотников, продавал подданным других государств, а те, в свою очередь, отправляли её в Японию. Помимо этого, по материалам ОГПУ, приобретал иностранную валюту и совершал незаконные операции с изделиями из золота. По некоторым данным, репрессирован в 1931 г. по ст. 58-10-12 УК РСФСР. Сведений о реабилитации нет.

Бакулова Александра Илинарховна, или Иринарховна (10.01.1878, с. Дранка Петропавловского уезда, Камчатка), *религиозный деятель, жена героя русско-японской войны Максима Ивановича Сотникова*. Русская. Занималась своим хозяйством, проживая в Петропавловске по ул. Таможенной, дом № 40. Дочь священника Иринарха Сергеевича Малахова, около двадцати лет миссионерствовавшего в районе бухты Барона Корфа, а затем служившего почти четырнадцать лет в Милюково, где он и умер. Вышла замуж за унтер-офицера Сотникова, ставшего потом подпоручиком. Сотников, по её словам, во время войны с японцами, «будучи в районе реки Озерной с командой казаков совместно с Карльсоном Северином Карловичем ухитрился взять в плен начальника и врача японского экспедиционного отряда, а после разгромить этот отряд и превратить в бегство. За это в 1906 г. японцы, его поймав в районе Воровской реки, зарезали, и я овдовела». С 1908 г. второй муж — *Р. В. Бакулов*. Круг знакомств Бакуловой: мать Прокопия и Ивана Новограбленовых Калиста Васильевна, Косыгина Вера Иосифовна, Елизар Колмаков, Игнатий Долматович Козырев, рыбак Александр Павлович Колмаков, Яков Григорьевич Конев, а также посаженный чекистами, высланный летом 1931 г. с Камчатки Иван Иннокентьевич Косыгин. Арестована 2 марта 1932 г. Из обвинительного заключения, составленного уполномоченным Камчатского ОО ОГПУ *Ермолиным*: «Гражданка Бакулова А. И. является дочерью священника Малахова, служившего на Камчатке и в низовьях реки Амура в течение двадцати лет...

Происходя из классово-чуждой среды и ненавидя советскую власть, гражданка Бакулова ориентируется на японцев, с которыми завязывает связь и непрерывно поддерживает её до 1931 г. включительно, одновременно группируя вокруг себя классово-чуждый элемент... В декабре 1931 г. начинает вести активную работу по сплочению религиозной общины г. Петропавловска и подготовки членов таковой против изъятия здания Петропавловской церкви под Дом обороны». В меморандуме по следственному делу № 36-32 от 7 апреля 1932 г. говорится, что она в том же декабре 1931 г. начала систематически посещать японского парикмахера Чибя Кесандра, после чего духовно воспряла... Если раньше сидела дома, то теперь проявляет невидимую активность по сколачиванию религиозного актива для борьбы за церковь. Для этой цели она целыми днями ходит по квартирам бывших членов религиозной общины и убеждает их поддержать путём вхождения в состав общины... «Если мы сумеем собрать порядочное число членов общины, то тогда изъятую церковь мы снова отберём обратно в общину, а весной 1932 г. советская власть падёт, и мы снова заживём по-старому"... Вывод: Бакулова является социально опасной в контрреволюционной деятельности. Необходима дальнейшая проработка связанных с консульством, а также взаимная связь Бакуловой со священником Леонтием по шпионажу...» Постановлением Тройки ПП ОГПУ ДВК (ст. 58-6-9) от 19 июня 1932 г. сослана на три года в Западную Сибирь. Реабилитирована прокуратурой КО 20 июня 1989 г.

Бакшеев Сергей Васильевич (1906, Самарская губерния), чекист. Русский. Образование по состоянию на конец 1950-х гг. среднее. Член ВКП(б) с 1939 г. В РККА с 1925 г., в войсках ОГПУ — с осени 1928 г. В 1929—1930 гг. — контролёр контрольно-пропускного пункта в Тигиле. С зимы 1930 по лето 1933 г. — в той же должности в Хайрюзово. Затем до осени 1935 г. — помощник уполномоченного группы борьбы с контрабандой. В феврале 1955 г. уволен в запас по возрасту в звании полковника с должности начальника штаба управления погранвойск МВД Западного округа с правом ношения формы. Из допроса Б. при пересмотре «Тигильского дела» от 19 декабря 1958 г.: «Арестовывали этих лиц в Морошечном... в связи с уголовным делом по факту отравления скота в с. Утхолок... Сам я лично никого из этих лиц не допрашивал, но присутствовал ли при допросах, сказать не могу — не помню».

Балабанов Сергей Иванович (1927), в начале 1970-х гг. второй секретарь КОК КПСС. Русский. Образование высшее. В ВКП(б)

вступил в 1950 г. Награждён орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта».

Балакин Михаил Лаврентьевич (7.06.1911, Уфимская губерния), с 28 марта 1951 по 1959 г. редактор газеты «Камчатская правда». Из крестьян. Русский. Член ВКП(б) с мая 1932 г. Редакция «Камчатской правды», утверждённая на бюро ОК КПСС 20 мая 1953 г.: Б., его заместитель И. Г. Кульчицкий, ответственный секретарь Я. Д. Пивоваров, заведующий отделом партийной жизни И. Б. Рогозин, заведующий промышленным отделом М. А. Фишер, Воскобойников. Награждён орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией».

Балашёв Борис Иванович (1895), в 1926 г. председатель Карагинского райревкома. «Рабочий из мещан». Образование два класса городского училища, три класса пехотной советской школы нормального типа. До 1917 г. служил на железной дороге, после — в РККА. В декабре 1925 г. — председатель Дранкинского волревкома (секретарь Степан Тимофеевич Шадрин, член с жалованием по должности начальника милиции Алексей Тимофеевич Коробко).

Балкус Бронислав Андреевич (1898, Рига), с 1934 по январь 1938 г. начальник 3-го отделения КОУ НКВД. Из рабочих. Литовец или латыш. Образование по одним данным низшее, по другим — два курса МГУ. В большевистской партии с октября 1917 г. Арестован 28 января 1938 г. Обвинён по ст. 58-16-7-11 УК РСФСР. Исключён из ВКП(б) 7 февраля 1938 г. «за систематическую связь с врагами народа, морально-бытовое разложение и дискредитацию звания члена партии и чекиста». Освобождён из-под стражи 8 декабря 1939 г. по ст. 204-б УПК РСФСР. Восстановлен в партии 5 января 1940 г.

Банакан, делегат второго Камчатского областного съезда 1918 г. от ламутов.

Бандурин Егор Матвеевич (1880, д. Ожгово Трубачёвского уезда Стрелецкой волости Орловской губернии, ныне Брянской области), с 10 декабря 1917 г. член Петропавловского горсовета от Рабочего (профессионального) союза; кандидат к гласным пятой ПГД 1922 г. Из крестьян. Русский. Малограмотный (самоучка). В 1901 г. три месяца сидел в тюрьме за воровство в Ачинске. На Камчатке с 1909 г. По профессии икрянщик. До 1914 г. занимался рыболовством в Петропавловске и на реке Шемлячек. В 1915 г. призван в армию. До 1917 г. служил в г. Благовещенске, затем в Камчатской местной воинской команде, откуда уволился в кон-

це того же года. Якобы отзывался о партизанах в период красно-белого противостояния: «Подождите, жулики и босяки! Скоро вам будет конец!» В 1923 г., будучи привлечённым по «Думскому делу», имел дом, корову, телёнка и шлюпку. На момент ареста 7 марта 1932 г. занимался в своём хозяйстве. Обвинялся по ст. 58-10 УК РСФСР. На допросе 9 марта 1932 г. у следователя Степанычева сказал: «Отношусь к советской власти как сын России». 19 мая 1932 г. приговорён Тройкой ПП ОГПУ ДВК к трём годам лишения свободы. 29 августа 1933 г. Петропавловская таможня выставила на торги (по ул. Партизанской, 21) описанные у Б. вещи «в обеспечение штрафа за контрабанду»: железо, цемент, кирпич, проволоку, оконное стекло, канат, ломы, пилы, разный столярный и слесарный инструмент, косы и прочее. Реабилитирован прокуратурой КО 19 февраля 1990 г.

Бареев, в 1919 г. Охотский старшина.

Баранов Иван Николаевич (29.11.1918, д. Даниловка Крапивенского района Тульской губернии), с 19 февраля 1963 по 18 апреля 1973 г. начальник УКГБ по КО. Из крестьян. Русский. В 1936 г. окончил восемь классов, в 1957 г. — среднюю школу. Вступил в ВКП(б) в 1942 г. Трудиться начал счетоводом в своём сельсовете. С июня 1937 по октябрь 1938 г. — инструктор Крапивенского РИК, затем писарь-красноармеец облвоенкомата Марийской АССР, 624-го стрелкового полка 37-й дивизии Московского военного округа. 9 марта 1940 г. стал курсантом Орловского военного пехотного училища. С 6 июня 1941 г. — оперуполномоченный, старший оперуполномоченный Особого отдела НКВД и отдела контрразведки «Смерш» 220-й стрелковой дивизии Западного и Калининского фронтов. Ранен, с 15 декабря 1943 г. по июнь 1944 г. в московском эвакогоспитале № 4625. С 10 июня 1944 г. служил в «Смерш» и управлении кадров МГБ Московского военного округа, управлении кадров МГБ СССР. 20 июня 1950 г. назначен заместителем начальника, а 13 ноября — начальником отделения по рассмотрению заявлений и жалоб секретариата управления кадров МГБ СССР. С 29 марта 1952 г. — в управлении кадров МГБ СССР, с 10 мая 1954 г. — в Главном управлении КГБ при СМ СССР. Избирался членом бюро КОК КПСС и депутатом областного Совета депутатов трудящихся. 18 апреля 1973 г. откомандирован в распоряжение управления кадров КГБ при СМ СССР. С 18 июля 1973 г. уволен с действительной военной службы по возрасту в запас КГБ с правом ношения формы. 22 января 1979 г. исключен с учёта запаса КГБ по возрасту в связи с выходом в отставку. Звания:

младший лейтенант ГБ (5.01.1942), лейтенант ГБ (22.07.1942), капитан ГБ (11.02.1943), майор (29.10.1946), подполковник (19.12.1950), полковник ГБ (3.02.1954), полковник (17.10.1955). Награждён орденами Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта»; медалями «За отвагу» (30.07.1942), «За победу над Германией» (9.05.1945), «30 лет Советской Армии и Флоту», «40 лет Вооружённых Сил СССР», «За боевые заслуги» (за выслугу лет), «20 лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За отличие в охране государственной границы СССР», «50 лет Вооружённых Сил СССР», «За воинскую доблесть. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «За безупречную службу» 1-й степени; нагрудными знаками «25 лет победы в Великой Отечественной войне» и «Почётный сотрудник госбезопасности», «50 лет ВЧК-КГБ».

Барбуш Матрёна Тимофеевна (1886, с. Тетеревка Жашковского уезда Киевской губернии), «домашняя певица». Из крестьян. Украинка. Образование низшее. Замужняя. Домохозяйка. Жительница Петропавловска. По свидетельству двух соседей, в первых числах 1938 г. «пела песни, направленные против вождей партии и правительства, советской власти, в частности, против тов. Сталина, Калинина и других, причём содержание означенных песен отличается исключительным цинизмом». Арестована 17 апреля 1938 г. 19 июля 1938 г. Камчатский областной суд приговорил её по ст. 58-10 УК РСФСР к десяти годам лишения свободы. Реабилитирована Президиумом Верховного суда РСФСР 6 июня 1990 г.

Барвинский Владимир Васильевич, после просоветского переворота в Петропавловске 1920 г. *секретарь ВВРК*. С 21 января 1920 г. исполнял обязанности коменданта города и начальника гарнизона. Был режиссёром Петропавловского театрального кружка на общественных началах. 9 мая 1920 г. поставил свой прощальный спектакль — оперетту Котляревского «Наталка Полтавка».

Барвинская Таисия Васильевна (1917), с марта 1957 г. *главный врач Камчатской областной больницы*. Из служащих. Образование высшее. В ВКП(б) с 1943 г. Во время ВОВ — в действующей армии. Награждена медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией».

Барминский Сергей Арсеньевич (1900), в начале 1930-х гг. *заместитель начальника ОО ПП ОГПУ ДВК*. 5 октября 1931 г. утвердил постановление о содержании арестованных по «Тигильскому делу» при Хабаровском исправительно-трудовом доме. Руководил следствием по делу «Автономная Камчатка». На момент

ареста 15 августа 1937 г. — начальник особого сектора ОВД. Расстрелян как участник правотроцкистской контрреволюционной организации.

Барыкин Иван Филиппович (1899), согласно официальному списку, в 1922 г. участник охраны Петропавловска от красных партизан. На момент ареста 19 августа 1938 г. — старший механик городской радиостанции. Обвинён по ст. 58-10, ч. 1, УК РСФСР. Освобождён 17 июня 1939 г.

Басюк Дмитрий Феоктистович (1923), недовольный политической советской власти. Из крестьян-бедняков. На фронте с апреля 1944 г., дошёл до Берлина, награждён медалью «За отвагу». В 1950-х гг. — член колхоза «Октябрь» Соболевского района (с. Русь). На колхозных собраниях в апреле и декабре 1957 г. «высказывал клевету на руководителей партийно-советских органов, измышления и недовольство постановлениями Пленума ЦК КПСС об антипартийной группе Маленкова, Кагановича и Молотова, клеветал на условия жизни трудящихся в СССР, на советскую печать и радио, одновременно с этим восхвалял капиталистический строй». Арестован по постановлению Камчатского УКГБ от 6 февраля 1958 г. 16 апреля того же года приговорён областным судом (ст. 58-10 УК) к шести годам лишения свободы. 30 июля 1960 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР снизила срок наказания до трёх лет. По одним сведениям, реабилитирован в 1991 г., по другим — Генеральной прокуратурой РФ 26 февраля 1993 г.

Батурин Анатолий Дмитриевич (17.04.1888, г. Санкт-Петербург — 1934, г. Хабаровск), учёный, гласный и секретарь четвёртой ПГД; кандидат в члены Всероссийского Учредительного собрания от партии социалистов-революционеров на выборах 29 октября 1917 г. Из дворян. Русский. Образование высшее: четыре года кадетского корпуса, Санкт-Петербургский университет. В начале 1917 г. помощник начальника Соболиной экспедиции, затем заведующий экспедиции Минзема по обследованию пушных промыслов КО. В 1919 г. — делопроизводитель областной канцелярии. В 1920 г. избирался депутатом Народного собрания Дальнего Востока от Петропавловска и кандидатом в гласные четвёртой ПГД. В сентября 1920 г. — врио секретаря КОИК. Входил в состав образованного 12 ноября 1921 г. Временным Приамурским правительством Особого совещания по оказанию культурно-экономической помощи населению Охотско-Камчатского края. По данным историка А. А. Хисамутдинова, перед арестом 22 июня

1933 г. — специалист Всесоюзного института пушного хозяйства. В деле «Автономная Камчатка» значится: «На предварительном следствии дал показания о том, что, будучи выходцем из состоятельной дворянской семьи, Великую Октябрьскую социалистическую революцию он встретил отрицательно и в 1918 г. примкнул во Владивостоке к антисоветской группе, возглавляемой Лавровым и Арсеньевым. Эта группа, как показал Б., переросла потом в контрреволюционную организацию с центром в г. Владивостоке и охватывала, с одной стороны, Камчатку, и с другой — Приморье и владивостокские круги профессуры и специалистов. Во главе организации к 1926—1927 гг., судя по показаниям Б., стали Арсеньев, Кривоборский, Полевой, Пентегов и Фирсов...» 29 апреля 1934 г. приговорён Судтройкой ПП ОГПУ ДВК к ВМН по ст. 58-6-7-11 УК РСФСР. Дело прекращено Военным трибуналом ДВО 26 ноября 1956 г.

Бахтин Илья Александрович, на конец апреля 1918 г. «кандидат в милиционеры» (из книги «Первый совдеп», Петропавловск-Камчатский, 1967). *Бушуев* говорил о нём после июльского переворота: «...этот человек, считаясь с личностями, всецело стремится произвести среди населения и прочих граждан какое-либо насилие и до последнего времени стоял на том, чтобы переизбрать областной Совет, закрыть школы, так как учителя все провокаторы и т. п.». Выселен с Камчатки по постановлению чрезвычайного заседания Завойкинского волостного съезда от 2/15 июля 1918 г. Вернулся в Петропавловск на пароходе «Монгугай» 18 августа 1918 г. по пропуску Приморской Земской Управы, был арестован. Входил, но вскоре выбыл, в паратунский партизанский отряд, организованный 21 марта 1922 г.

Беззубов А. Т. (1902, Полтавская губерния), с апреля 1933 г. заведующий Камчатским облснабом. Из рабочих. В РКП(б) с 1921 г. Служил в РККА. В 1922—1925 гг. — надзиратель Харьковской милиции. Затем учился в вечернем техникуме, работал в рудоправлении Донбасса. На Камчатке с 1931 г., член ОК ВКП(б), член президиума КОИК.

Бек Георгий Георгиевич (1878, с. Дерново, имение Норонки Нежинского уезда Калужской губернии — 22.02.1923), коммерсант. Из дворян. Русский. Образование: курс гимназии экстерном. До 1914 г. — доверенный фирм «Ралле» и «Эрмайл» в Москве. В Первую мировую войну служил на Северном фронте в Александровском гусарском полку прапорщиком. После февраля 1917 г. — на артиллерийском складе во Владивостоке, потом демобилизо-

ван, работал во владивостокском и московском продовольственных комитетах коммерческим агентом. Некоторое время служил, будучи мобилизованным в армию Колчака. С 1919 по 1922 г. целиком занимался коммерцией. Был дружен с *В. И. Бочкарёвым*. Прибыл в Петропавловск с продтоварами 21 января 1922 г. на пароходе «Охотск» вместе с Пуриным и *Добровольским* — членами Особого совещания Приамурского правительства по культурно-экономической помощи Охотско-Камчатскому краю. Отбыл во Владивосток на том пароходе и с теми же лицами 29 апреля 1922 г. Его снабженческая поездка на Север и Командоры по ряду причин не удалась. На момент ареста во Владивостоке 2 декабря 1922 г. его семья состояла из жены Валентины Николаевны, тридцати лет, и дочери Ольги. Спустя десять дней супруга Б. послала письмо начальнику Приморского губотдела госполитохраны. Для неё происшедшее было печальным недоразумением, и она верила, что всё выяснится. «Здесь, во Владивостоке, — писала она, — он проживает уже несколько лет... Ни я, ни он не имеем имущества, которое могло бы служить порукой, я могу представить поручительство видных лиц местной общественности». Б. проходил по делу «Камчатской экспедиции есаула Бочкарёва». По ст. 58 УК РСФСР (в редакции 1922 г.) обвинялся в организации в контрреволюционных целях восстаний или вторжения на советскую территорию вооружённых отрядов или банд, а равно в участии во всякой попытке в тех же целях захватить власть в центре и на местах или насильственно отторгнуть от РСФСР какую-либо часть её территории, или расторгнуть заключённые ею договоры. Конкретно же ему вменялось вину то, что он «обязался доставить из Петропавловска в Тигиль, ещё не занятый войсками экспедиции, отряд с целью способствовать успеху указанной экспедиции» (на самом деле с Б. и его людьми собиралась ехать часть 1-й казачьей сотни во главе с Н. А. Поляковым). 7 февраля 1923 г. приговорён к расстрелу Реввоентрибуналом 1-й стрелковой дивизии 5-й Краснознамённой армии. Реабилитирован 26 июля 2001 г. военной прокуратурой Тихоокеанского флота (ТОФ) вместе с *Биричем* и Салатко-Петрище по ходатайству составителя, тогда директора ЦДНИКО.

Белей Феодосий Яковлевич (1899—1934), согласно официальному списку, в 1922 г. участник охраны Петропавловска от красных партизан. На момент ареста 19 марта 1933 г. — заведующий столовой КОК ВКП(б). Как «автономист» привлекался по ст. 58-2-6-8-9-11. 1 января 1934 г. Судтройкой ПП ОГПУ ДВК

приговорён к ВМН с конфискацией имущества. Реабилитирован ВТ ДВО 27 апреля 1957 г.

Беликов Григорий Петрович (1880, д. Воробино Енисейской губернии), в 1924 г. *председатель селькома в с. Немтик Соболевской волости*. Из крестьян. Малограмотный. Беспартийный. На момент ареста 12 июня 1932 г. работал в личном хозяйстве. 4 августа 1932 г. приговорён Тройкой ПП ОГПУ ДВК по ст. 58-10-11 УК РСФСР к трём годам лишения свободы. Реабилитирован прокуратурой КО 20 июня 1989 г.

Белокопытов Николай Иванович (1896, Петропавловск-на-Камчатке — январь 1934, Хабаровск), *участник антисоветского переворота 1918 г. в Петропавловске*. Камчадал. Малограмотный. Холост. Чернорабочий. Имел две судимости: один месяц в 1928 г. за хулиганство, шесть месяцев в 1931 г. по ст. 169 УК РСФСР. На момент ареста по делу «Автономная Камчатка» 5 марта 1933 г. — без определённых занятий. Обвинён по ст. 58-2-6-8-9-11 УК РСФСР. Расстрелян. Реабилитирован решением ВТ ДВО от 27 апреля 1957 г.

Белопотанов Фёдор Константинович (8.02.1911, с. Перлевка Землянского района Воронежской области — июль 1975), в 1960—1967 гг. *председатель Петропавловского горисполкома (ГИК)*. Из крестьян. Русский. Образование неполное высшее. В ВКП(б) с 1939 г. Основная профессия — радист. Получил её во время службы на ТОФ, до этого плотничал. В 1939—1940 гг. — заведующий радиостанцией Шубертовского рыбокомбината. В 1940—1943 гг. — инструктор Усть-Камчатского РК ВКП(б) по кадрам. В 1943—1947 гг. — инструктор, заместитель заведующего оргинструкторского отдела КОК ВКП(б). В 1947—1950 гг. — первый секретарь Усть-Камчатского РК ВКП(б). С 1950 по 1952 г. учился в Хабаровской краевой партшколе, в 1952—1955 гг. — первый секретарь Соболевского РК КПСС. В 1955—1960 гг. — заведующий отделом промышленности и транспорта обкома КПСС. С 22 декабря 1967 г. до ухода на пенсию в марте 1974 г. — начальник управления бытового обслуживания населения КОИК.

Белугин Николай Иванович (1903), с 1 марта 1949 по март 1951 г. *ответственный редактор газеты «Камчатская правда»*. Русский. Образование высшее. Член ВКП(б) с января 1927 г. Трудовой стаж с 1917 г. Специальность — партработник. Утверждён ответственным редактором «Камчатской правды» 28 февраля 1949 г. Выговоры, объявленные КОК ВКП(б): 1) от 24 мая 1950 г. без занесения в учётную карточку за систематические

ошибки и грубые опечатки на страницах газеты, 2) от 28 октября 1950 г. с занесением «за допущенные грубые ошибки и опечатки в газете и за крупные недостатки в руководстве аппаратом редакции». Награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Белый Николай Иванович (1905), в конце 1930-х гг. цензор. В 1927 г. арестовывался ОГПУ за распространение троцкистской «платформы 83-х». Работая в камчатском обллите (цензуре), «допустил грубейшее политическое искажение в “Камчатской правде”. К секретной документации относился небрежно». Исключён из партии Петропавловским ГК ВКП(б) 1 июня 1937 г.

Белынцев Леонид Иванович (1906), в 1930-х гг. заведующий Тигильским райфинотделом. Исключен из ВКП(б) 28 января 1936 г. «за протаскивание троцкистский идей», выразившихся в постановке пьесы с ролью Троцкого как вождя и революционера. 16 октября 1936 г. восстановлен в ВКП(б) Далькрайкомом. 14 марта 1937 г. вновь исключён «за шкурничество».

Бергау Фридрих Генрихович, 27 лет в 1919 г., обеспечил с 1 января 1922 г. выпуск единственной в КО газеты «Камчатский листок». Немец. Уроженец Одессы. Образование низшее. В 1930 г. — радиотехник Петропавловской радиостанции. На иждивении находились мать и сестра. Имел дом, сарай, моторную лодку. 28 октября 1922 г., за несколько часов до смены власти в Петропавловске, рабочими типографии и её заведующим В. И. Семёновым были сняты с печатной машины главные части, которые Семёнов унёс в сопки. Машину, по словам Е. П. Ключкова, удалось запустить после того, как недостающее выточил на станке Б.

Берман Эммануил Давыдович (1911), 13 мая 1947 г. утверждён заведующим горздравотделом при Петропавловском ГИК. В 1944 г. вступил в ВКП(б). 14 октября 1947 г. ГК ВКП(б) объявил ему выговор с занесением в учётную карточку. «Не выполнил решение бюро горкома партии от 3.10.1947 об освобождении и передаче гороно помещения детсада № 1, временно занятого под родильный дом, и допустил обсуждение решения бюро, высказывая нецензурности в адрес ГК при беспартийных».

Бибилов Григорий Иванович (1888), секретарь Завойкинского волостного комитета в 1918—1922 гг. Участник мартовского и июльского антисоветских переворотов 1918 г. в Петропавловске. Из крестьян. Камчадал. Окончил Петропавловское высшее начальное училище. До и после 1917 г. занимался сельским хозяйством и охотой. При советской власти в 1920-е гг. — член

и делопроизводитель Елизовского волревкома. В 1928 г. отказано в приёме в ВКП(б), так как в 1922 г. за его подписью по всей губернии от имени Завойкинской волости «рассылались отношения и воззвания, направленные против облнарревкома и партизан», помимо этого, являлся «одним из руководителей созыва трёх волостных съездов в противовес созывавшемуся второму чрезвычайному Петропавловскому областному съезду». Б. был председателем Завойкинского съезда, где после доклада о создавшемся положении руководителя ПГД Щипчинского принимается постановление, в котором, в частности, говорится: «...просить обе стороны сложить оружие и снять посты и дать свободное движение в г. Петропавловск». В 1930-е гг. — служащий почтового отделения в с. Елизово. Из агентурного сообщения ОГПУ от 2 апреля 1934 г.: «Б. ...жалуется, что живёт неважно... Он инвалид — отсохли ноги, хитрый, развитой мужик». В 1962 г. написал в редакцию газеты «Камчатский комсомолец»: «Всю жизнь прожил в родном селе. Раньше оно называлось Старым Острогом. В 1907 г. его переименовали в Завойко, а через семнадцать лет село на волостном съезде приняло имя незабвенного нашего командира Георгия Михайловича Елизова. Помнить я начал с 1894 г., когда, бродя в весенней реке с другими мальчишками, простудился, слёг, и у меня навсегда отнялись ноги... Село в начале века состояло из одиннадцати домов. Жили в нём семь семей: Машихины, Заочные, Винокуровы да два двора Бибиковых. Избы стояли у самой реки... Занимались рыбалкой и охотой, занимались огородничеством — выращивали картошку. У некоторых были коровы. У зажиточных — лошади. Лошади были только для верховой езды. Об упряжи местные жители не имели понятия. Охотились больше всего на соболя. Соболя тогда было много. Привозили вязанками по тридцать пять — сорок штук. Но стоил соболь дёшево: восемь, десять, двенадцать рублей. Денег купцы не платили. Давали взамен товары, которые стоили очень дорого». С 1905 г., отмечалось в письме, мастерил миниатюрные железные печки: «С моими печками партизанили...» в 1921—1922 гг.

Бибиков Николай Иннокентьевич (1901, с. Завойко, Камчатка), участник неудавшегося мартовского антисоветского переворота 1918 г. в Петропавловске. Из крестьян. Образование среднее. Работал в личном хозяйстве в с. Елизово. Арестован 16 ноября 1930 г. Обвинён по ст. 58-7 УК РСФСР. С 24 ноября 1931 г. — в розыске. Вторично арестован 8 августа 1937 г. 16 сентября 1937 г. приговорён Камчатским областным судом по ст. 58-10

УК РСФСР к пяти годам лишения свободы. Реабилитирован Президиумом Верховного суда РСФСР 27 декабря 1989 г.

Бирич (в девичестве Ступина) Пелагея Петровна, супруга Х. П. Бирича. На 31 декабря 1922 г. — пятьдесят лет. Купчиха второй гильдии. Образование среднее: окончила Патриотическое училище по рукоделию. В. Дорошевич называет её дочерью «одной интеллигентной особы, приговорённой за поджог. По окончании института она приехала к матери на Сахалин и здесь сделала такую “партию”...» Выйдя замуж за Бирича, занималась домашним хозяйством. Родила троих сыновей: Сергея (в конце 1922 г. ему было двадцать семь лет), Павла (двадцать пять лет), Георгия (двадцать четыре года), Арсения (двадцать два года) и дочь, выданную за подполковника в отставке К. Н. Хартлинга.

Бирич Хрисанф Платонович (1857, местечко Щепетовка Заславского уезда Волынской губернии — 22.02.1923, г. Владивосток), с 1 августа 1921 по 1 сентября 1922 г. *особоуполномоченный Временного Приамурского правительства в Охотско-Камчатском крае.* Русский. Окончил Киевскую фельдшерскую школу. В 1873 г., писал он, «примыкал к народникам, организация была в Симферополе, был статистик. В январе 1914 г. содержал в Усть-Камчатске рыбные промысла до октября 1916 г., уехал в Петроград, где хотел купить имение, но там как раз начался переворот, я уехал обратно во Владивосток, купил с аукциона участок № 13 и дачу и стал заниматься хозяйством до августа 1921-го...» В 1890-х гг. отбывал наказание на Сахалине, осуждён Киевским окружным судом к четырём годам каторги, за, по его словам, оскорбление офицера. Ранее якобы судился по политическим делам. Широко известный в своё время фельетонист-очеркист Влас Дорошевич встречал Б. в 1897 г. на Сахалине и передал впечатление о нём в своей книге «Каторга». «Бирич — человек средних лет, маленький, невзрачный, одет не без претензии на франтовство, жилету “пущена” цепь, на которую смело можно было бы привязать не часы, а собаку. Ото всей его особы ужасно веет не то штабным писарем, не то фельдшером, вышедшем в люди. Так оно впоследствии оказалось. При встрече, при прощанье он обязательно по несколько раз жмёт всем руку, словно это доставляет ему особое удовольствие — здороваться “за руку”. Когда “заложит за галстук” — а это с ним случается часто — Бирич становится особенно невыносим своей назойливостью и необыкновенной развязностью... То он хлопнет вас по колену, то возьмёт за борт сюртука... С первого же абзуга объявил мне, что жена институтка и живёт

на промыслах...» К этому описанию имеется добавление: «Как я узнал потом, он — из фельдшеров, судился за отравление кого-то, отбыл каторгу, поселенчество, теперь не то крестьянин, не то даже мещанин, всеми правдами и неправдами скопил копейку и кулачит на промыслах». Во время русско-японской войны участвовал в отражении вражеского десанта. Им было закуплено в Германии оборудование для открывшегося в 1910 г. в Усть-Камчатске РКЗ. В 1910-х гг. выступал на съездах рыбопромышленников. Летом 1921 г., живя на даче в Седанке (пригород Владивостока), согласился возглавить гражданскую администрацию Охотско-Камчатского края. Владивостокская газета «Дальневосточная мысль» откликнулась на это заметкой, в которой говорилось: «По отбытии каторжных работ в корсаковской тюрьме, г. Бирич... ушёл в Мауку, где в то время Демби и Семёновым производилась ловля морской капусты. Там ему удалось устроиться на промыслах десятником и фельдшером... К началу 1990-х гг. Демби и Семёнов прекратили добычу морской капусты, и Бирич остался в Мауке на положении подставного арендатора, так как деньги для ведения рыбного промысла он получил от японских рыбопромышленников. Русско-японская война неожиданно обогатила г. Бирича, делая его не только юридическим (бумажным) владельцев рыбных промыслов, но и фактическим, так как во время войны все деловые и гражданские обязательства между гражданами воюющих стран прекратились. Во время русско-японской войны на Сахалине были созданы дружины для самообороны от японцев. Г. Бирич встал во главе дружины в Мауке. При занятии в 1905 г. острова Сахалина дружины под давлением японцев отступали. Отступила и дружина г. Бирича. Но, отступая, она сожгла все промыслы и имущество, числящееся за г. Биричем. Это в дальнейшем было истолковано как похвальный патриотический поступок и дало возможность г. Биричу получить с казны за погибшее имущество солидную сумму, какую он нашёл нужным указать. После того в качестве крупного капиталиста г. Бирич обосновывается в г. Владивостоке, войдя компаньоном в дело своего бывшего хозяина Демби. Несколько лет деятельности г. Бирича в роли хозяина на усть-камчатском консервном заводе настолько озлобили население долины Камчатки, что даже Демби был вынужден предложить, в конце концов, своему ретивому компаньону выйти из дела, так как методы эксплуатации, применяющиеся г. Биричем к камчадалам, грозили создать вооружённое столкновение. Получив из дела свою часть капитала, г. Бирич стал ожи-

дать лучших для него времён». 12 ноября 1922 г. на пароходе «Кишинёв» Б. прибыл в Петропавловск с полномочиями бывшего царского губернатора. После прекращения деятельности Приамурского правительства возвратился во Владивосток. 16 ноября 1922 г., уже при советской власти, арестован Приморским особым отделом госполитохраны. 7 февраля 1923 г. ревтрибуналом 1-й Забайкальской стрелковой дивизии 5-й Краснознамённой армии за вооружённую борьбу против красных партизан «и другие государственные преступления» приговорён по ст. 64 УК РСФСР к пяти годам поражения в правах, конфискации всего принадлежащего ему имущества и ВМН. Указанная статья (в редакции 1922 г.) гласила: «Участие в выполнении в контрреволюционных целях террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций, хотя бы отдельный участник такого акта не принадлежал к контрреволюционной организации». Расстрелян 22 февраля 1923 г. в 22.20. После многократных обращений с февраля 1996 г. составителем (в бытность директором ЦДНИКО) в различные инстанции, в том числе к Генпрокурору РФ, 26 июля 2001 г. военная прокуратура ТОФ признала осуждение Б. необоснованным и вынесла заключение о его реабилитации.

Бирюков Владимир Афанасьевич (9.10.1933, г. Астрахань), *партийный и советский деятель*. Из служащих. Русский. Образование высшее, окончил Астраханский технический институт рыбной промышленности и хозяйства в 1956 г. Член КПСС с 1968 г. Начиная трудовую деятельность на Камчатке механиком рыбозавода на Митогинском рыбокомбинате. В 1972—1977 гг. — начальник Камчатрыбпрома. С апреля 1977 г. по сентябрь 1979 г. — второй секретарь КОК КПСС, затем председатель КОИК. 28 ноября 1980 г. освобождён, а в декабре исключён из КПСС Комиссией партийного контроля при ЦК КПСС. В 1980—1987 гг. — главный специалист Гипрорыбпрома. В июне 1987 г. вступает в КПСС. В 1987—1990 гг. — заместитель председателя аграрно-промышленного комплекса КО. 21 апреля 1990 г. избран председателем КОИК. 17 августа 1991 г., в связи с вводом в действие закона «О местном самоуправлении в РСФСР» и личным заявлением, временно приостановлены его полномочия в качестве члена КОК КПСС. 22 августа 1991 г. заявил о своём выходе из КПСС. До конца 2000 г. — губернатор КО.

Биссенек Николай Яковлевич (1906), с 17 января по апрель 1930 г. ответственный редактор газеты «Полярная звезда»;

сменил *Киселёва*. Из служащих. Латыш. В ВКП(б) вступил в 1927 г. С 8 сентября 1928 г. — секретарь Камчатского окрбюро ВЛКСМ, с 21 ноября 1928 г. — член окрбюро ВКП(б). С 17 августа 1929 г. — заведующий агитационно-пропагандистским отделом окрбюро ВКП(б), с 7 апреля 1930 г. — заведующий отделом культуры и пропаганды КОК ВКП(б). В мае 1930 г. откомандирован на учёбу за пределы КО.

Блажейчик, или Бэ-Блажейчик Максимилиан (Михаил) Казимирович, с апреля 1918 г. депутат Петропавловского горсовета от Рабочего союза, с 19 мая ответственный редактор газеты «Камчатские известия. Официальный орган рабоче-крестьянского правительства по делам Камчатской области», заведующий печатным отделом Петропавловского горсовета. 26 августа 1917 г., являясь типографским рабочим, выразил недовольство в «Камчатском листке» тем, что члены областного продовольственного комитета получают по сто рублей в месяц. Предлагал им, как патриотам, оказаться от зарплаты в пользу фронта: может быть, ружейный патроны, приобретённые на эти деньги, решат участь «хотя бы одного сражения в нашу пользу». Ответил ему, тоже через газету, некто под псевдонимом «Бе-Мэ». В тот же день 26 августа Б.-Б. при многочисленных слушателях прочитал в Народном доме общедоступную лекцию «Свободная Россия». Несколькими днями ранее вошёл в комиссию по выработке устава Рабочего союза. Кроме него, в комиссии состояли К. П. Лавров, Никитин, член продуправы А. Д. Батурин и Румянцев. Последний назвал поступок Б.-Б. некрасивым, сеющим рознь между общественными организациями, когда тот самолично отредактировал воззвание Рабочего союза по поводу большевицкого переворота в октябре 1917 г., поскольку направленный текст вызвал у него активное неприятие, вылившееся в энергичное восклицание: «Что они делают?! — Ведь это призыв к погрому!» Летом или осенью стоявшему на руле конфискованного у японцев кунгаса Б.-Б. при входе из бухты Саранной в реку при аварии оторвало на руке палец. Весной 1918 г., будучи наборщиком Петропавловской типографии, Б.-Б., выступая в роли публициста в паре с Шиманчиком, предупреждал трудящихся: «Зло не спит». В статье «Набатный гром», занявшей две полосы, он обрушился на «доморощенных автономистов», предпринявших попытку контрреволюционного переворота. В мае 1918 г., опять же совместно с Шиманчиком, составил план организации в области народных судов и ревтрибунала. Тогда его включают в руководящую газетой тройку

(Ларин, Олейник). 20 июня 1918 г. Б.-Б. заявляет о сложении с себя полномочий члена горсовета, исполкома и комиссии по народному образованию, но из редакции не уходит. 11 июля 1918 г., накануне переворота, он подписал в печать очередной номер «Известий...» с неизменной шапкой: «Да здравствует власть Советов!» В ночь на 12 июля арестован и по постановлению чрезвычайного заседания Завойкинского волостного съезда от 2/15 июля 1918 г. вместе с другими советскими работниками выслан за пределы Камчатки. На дознании по их делу 16 июля 1918 г. *Бушуев* говорил, что Б.-Б. — «человек двуличный» и вёл «всевозможные агитации».

Блищенко Георгий Мартынович (1902), в 1922 г. красный партизан. Из крестьян. Окончил церковно-приходскую школу во Владивостоке. Кандидат ВКП(б) с 3 февраля 1923 г. В 1917—1918 гг. работал переплётчиком в Русско-Азиатском банке (г. Владивосток). По июль 1918 г. — матрос посыльного судна «Магнит». С 1919 г. по май 1920 г. — рабочий дирекции маяков и лоций в Петропавловске, затем до 1921 г. — матрос шхуны «Камчатка». После партизанского отряда до сентября 1924 г. служил в РККА. В партию рекомендован Кочетковым и Н. П. Фроловым, который писал: «...надеюсь, что звание коммуниста будет носить с достоинством, члена РКП(б)».

Блунштейн Владимир Михайлович (7.11.1887, г. Кишинёв), как и *М. О. Шамрин*, в первой половине 1930-х гг. *руководитель Петропавловской нелегальной баптистской общины.* Сын торговца. Еврей. Образование низшее. Беспартийный. Заместитель заведующего снабжением Петропавловского совхоза АКО. Из показаний Шамрина: «После моления и пения псалмы Б. читал проповедь о храме Христа Спасителя в Иерусалиме о царствовании антихриста и будущей войне. Он говорил: “Построение храма... должно закончиться в нынешнем году. Царствовать в этом храме будет антихрист из евреев, рождённый от блудницы Израилевой. Антихристом будет Ленин или Троцкий, потому что они евреи и в то же время являются политическими деятелями советской власти, а не политические деятели и не евреи не могут быть антихристом. Вот, например, Сталин, он политический деятель, но не еврей, а грузин, поэтому не может быть антихристом. Как только будет построен храм... Ленин воскреснет и займёт престол в храме, будет тогда царствовать антихрист (Ленин). Все войны и будущая война предназначены Богом, и верующие, испытавшие гонения, должны и сейчас претерпеть все преследования неверующих (коммунистов), чтобы потом, когда будет побеждён антихрист,

жить в царстве Христовом”». Арестован 7 февраля 1934 г. Обвинён по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Постановлением Судтройки ПП ОГПУ ДВК от 17 апреля 1934 г. заключён в концлагерь на пять лет. Реабилитирован прокуратурой КО 27 июня 1989 г.

Бобров Иван Михайлович (1917—1962), в сентябре 1961 г. и вплоть до гибели в авиакатастрофе заведующий Камчатским областным отделом народного образования. Русский. Образование высшее. В ВКП(б) с 1939 г. Участник ВОВ. Награждён орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, «Знак Почёта», тремя медалями.

Бобров Николай Антонович (1910), в марте 1945 г. заведующий Камчатским областным отделом гособеспечения и бытового устройства семей военнослужащих. Украинец. Образование среднее. Начинал рабочим в 1930 г. В ВКП(б) с марта 1940 г. Участвовал в боевых действиях в 1943 г.

Бобыкин Дмитрий Иванович (1888), с марта 1934 по август 1937 г. председатель Камчатского областного суда. Из крестьян. Образование среднее, окончил учительскую семинарию, высшие курсы юстиции, в 1915 г. учился в 1-й Иркутской школе прапорщиков. В РКП(б) с марта 1920 г. В 1906—1909 гг. — сельский учитель. В 1909—1913 г. — на военной службе, старший унтер-офицер. С 1917 по 1919 г. — на территории, занятой белыми (нынешняя Акмолинская область), в 1919—1923 гг. — в РККА, командир взвода, начальник штаба дивизии. В 1923—1924 гг. — председатель «Уисполкома». С 1924 г. — на судебной работе. На Камчатке с марта 1934 г. В январе 1935 г КОК ВКП(б) утвердил состав областного суда под его председательством: Апельхук, Ткачук, Ткаченко — председатель Чукотского окружного суда. Имел выговор за утерю партбилета. 22 июля 1937 г. исключен из ВКП(б) как пособник «врагов народа». Арестован в апреле 1938 г. Обвинён по ст. 58-1а-7-8-11 УК РСФСР. В феврале 1940 г. освобождён из-под стражи, дело прекращено на основании приказа НКВД СССР. Апелляция о восстановлении в партии рассмотрена на заседании бюро КОК ВКП(б) 15 февраля 1940 г. В принятом постановлении говорилось: «...допустил грубейшие политические ошибки: вынесение огульных незаслуженных приговоров, как лично им самим, так и членами облсуда, работающими под непосредственным его руководством. Вынесенные приговоры по квалификации за контрреволюцию с мерой наказания “расстрел” (дело Седова, Ашихина, Науменко) были отменены как неправильные. И, наоборот, по делу действительных контрреволюционеров (дела

Цуканова, Байнова, Смирнова) выносил меньшую меру наказания... В просьбе т. Б. о восстановлении отказать, исключить Б. из партии за нарушение революционной законности, проявление в своей практической работе политической неустойчивости и смазывание контрреволюционных дел». Аналогичное решения принял комитет партийного контроля при ЦК ВКП(б) и подтвердил его в 1943 г., когда Б. заведовал юридической консультацией и одновременно являлся адвокатом при нарсуде Бельковского района Рязанской области в с. Гусь-Железный. 23 мая 1990 г. бюро КОК КПСС восстановило его в партии посмертно.

Богатырёв Василий Фёдорович (1889), с 19 августа 1926 по конец 1930 г. председатель Камчатского окрревкома/исполкома. Из рабочих. Русский. В РКП(б) с августа 1917 г. Прибыл на Камчатку 5 ноября 1926 г. Состав окрревкома, утверждённого 3 февраля 1927 г.: Богатырёв, его заместитель Ларин, Н. Кузнецов, уполномоченный по туземным делам Слободчиков, заведующий окрторгом Масян, П. И. Дудко, уполномоченный ДальРКИ Якимов (трое последних выведены 5 октября 1927 г. за выбытием их с Камчатки), а также на общественных началах Попов и Яковлев. 21 августа 1928 г., открывая первый Камчатский окружной съезд Советов, заявил: «И на Камчатке крестьянство, рабочие и туземцы испытали на себе тяжесть белогвардейского террора и хозяйственной разрухи. Камчатское население жестоко эксплуатировалось капиталистами, оно подвергалось насилиям и грабёжам...» С 16 сентября по 21 октября 1930 г. Б. подписывал протоколы бюро окружкома ВКП(б) как заместитель секретаря. В конце 1930 г. снят с поста председателя КОИК «за участие в группировке». В неё, кроме Б., входили: И. Е. Ларин (снят с работы), Е. Ф. Орлов (поставлено на вид), А. Я. Пизик (снят), В. Г. Репкин (снят), Ротенберг (поставлено на вид), работник АКО М. А. Сергеев (снят), В. А. Троицкий (снят), Энтин (поставлено на вид). Дело о взятке и присвоении Б. десяти бутылок вина прекращено 12 ноября 1930 г.

Богомолов Василий Дмитриевич (1887, с. Ясенки Ивановской волости Тульской губернии — начало 1930-х гг., Северный Кавказ), делегат первого Камчатского областного съезда 1917 г. от Нижнекамчатской волости, избран на нём членом облкома; с середины 1922 г. — командующий отрядами красных партизан КОНРК. Из крестьян. Называл себя великороссом. Образование: церковно-приходская школа, в 1918—1919 гг. — экономические кооперативные курсы при Владивостокском народном университете. Кандидат РКП(б) с 1920 г. До 1903 г. работал «дома по

хозяйству». В 1903—1905 гг. — работник у односельчанина. С 1905 по 1909 г. — рабочий московской красильно-апритурной фабрики Суряева и чугуно-литейного завода Густав-Листа, там же впоследствии был слесарем. В 1909—1912 гг. служил в армии, унтер-офицер 5-го Сибирского стрелкового полка в г. Никольске-Уссурийском. В 1912—1917 гг. — рабочий консервного завода Демби, рыбак в артелях и кооперации Усть-Камчатска. В 1918—1919 гг. — в Усть-Камчатске на кооперативной работе, до апреля 1920 г. — там же председатель ревкома. Затем выехал на уездный съезд долины реки Камчатки, где был избран председателем. В августе 1920 г. — член правления Союза камчатских кооператоров. С 12 февраля 1922 г. — в партизанах. В декабре того же года — председатель ревтрибунала. Из Камчатского ГРК выбыл автоматически 30 ноября 1923 г. «Считаю себя коммунистом, — писал Б., — билета не имею за неустановленностью стажа». В январе 1924 г. ушёл в месячный отпуск с выездом в с. Паратунку на лечение ушиба позвоночника. В декабре 1924 г. отстранён от заведования губкомхозом (вместо него назначен Вигефт) «за полную нераспорядительность, безынициативность и халатность». Решено перебросить его в Охотско-Камчатское акционерное рыбопромышленное общество (ОКАРО). С декабря 1926 г. — продавец магазина Петропавловской фактории. В 1930 г. П. Г. Ивашкин-Ларичев давал ему рекомендацию для вступления в ВКП(б). Переехав в 1931 г. на Северный Кавказ, работал в системе кооперации и вскоре умер.

Боднар Прокип Иванович (1894, слобода Турельче Борщивского повята в Галиции — предположительно, конец января 1934, район Берингова пролива), *перебежчик*. Все сведения о Б. досоветского периода — с его слов. Австро-венгерский подданный. Из крестьян-бедняков. По социальному положению рабочий. Украинец. В Америку выехал в 1908 г. Работал на рудниках, был грузчиком, безработным. За деятельность в профсоюзе грузчиков «Вонбег Юнин» осуждался к одному году лишения свободы, а в Канаде ему давали четыре месяца как ведущему антиправительственные разговоры. С 1918 г. состоял в партии «Интернейшен Лейбор Дефенц» в Ванкувере и Сан-Франциско, где жил до перехода советской границы. После отсидки в Америке он в 1929 г. вновь уехал в Канаду (Ванкувер). Перебраться в СССР решил в апреле 1933 г. От г. Хозельтень до Каркроса шёл пешком. 23 июня был задержан, но отпущен американским погранпостом на американско-канадской границе. 13 августа прибыл в г. Номе, откуда также пешком

отправился на мыс Принца Уэльского, где сел на шхуну «Гуд Хоп» и переехал на остров Крузенштерна. Оставалось пересечь Берингов пролив. С острова Крузенштерна (Малый Диомид) на остров Ратманова (Большой Диомид) его перевёз на лодке эскимос Френк. 10 октября 1933 г. Б. был задержан без документов сотрудниками морского контрольно-пропускного пункта (МКПП) «Лаврентий» Камчатского погранотряда ОГПУ, несущими службу на Чукотке. Переход границы Б. объяснял безработицей в Америке и разочарованием в революционной борьбе в условиях этой страны. Он подробно рассказывал пограничникам о своей революционной деятельности: как в 1929 г. в Ванкувере совместно с Кемпбеллом, Кестом и Сорджи создал первый партклуб и установил связь с организацией «Лейбор Дефенс» в Торонто, откуда получил партийные документы; как в 1933 г. в г. Фербенксе на Аляске на пару с Джимми Вильямсом также создал клуб и заложил основу вышеуказанной организации; как, состоя в ней, участвовал в митингах и демонстрациях, за что подвергался преследованиям и отбывал тюремное заключение; как, по заданию партии, распространял газеты «Дейли Вокер», «Москва Ньюс», «Раша Тудей» и другие, получаемые Ванкуверским партийным комитетом. Б. заявил, что выбрал СССР для постоянного жительства. Первое время на новой родине ему понравилось. Его поместили на культбазе в четырёх километрах от МКПП и предложили поработать на ремонте местной больницы за сто рублей в месяц плюс питание. Ремонтник из него не получился, переведён в истопники. Стал интересоваться, можно ли жить в СССР, не работая на постоянной основе. Получил ответ: труд в стране строящегося социализма является обязанностью каждого. Узнав о продовольственных затруднениях в Советском Союзе, Б. открыто заговорил о желании уйти обратно в Америку, так как там ему будет лучше. Руководство культбазы рассматривало его как своего рабочего и предъявляло к нему требования наравне с остальными. Жалобы на болезненное состояние и отлучки Б. на разведку льдов в Беринговом проливе расценивались как прогулы и отлынивание от работы. Его дважды увольняли, распорядились не кормить в столовой, не выдавать хлеба из пекарни. Когда же тот исчез, завкульбазой Хорошавцев, считая это очередной отлучкой, приказал забить комнату Б., а при возвращении его туда не пускать. Перебежчик покинул базу в ночь на 27 января 1934 г. Следующую ночь он провёл в скалах мыса Нуныгмо, затем в полдень, обогнув мыс, двинулся мимо селения Чинин к островам Диомиды.

Председателя сельсовета Эйнеутегина, вынудив большой нож, к себе близко не допустил, а тот применить винчестер не решился. («Остров Большой Диомид, находящийся на нашей границе с Америкой, — писал в мае 1934 г. заместитель начальника Камчатского ОО ОГПУ Лепин заместителю начальника АКО Торопову, — имеет четыре хозяйства с двадцатью двумя людьми населения, рядом с ним на острове Малый Диомид, находящемся на территории Америки, имеется двадцать одно хозяйство с населением 130—140 человек...») На переход от Чинина до островов Диомиды при тогдашнем состоянии льдов требовалось не менее двух дней. Вечером 28 января подул сильный северный ветер и разыгралась пурга, не прекращавшаяся четверо суток. После неё с Чинина увидели, что лёд от их берега оторвало и, судя по направлению ветра, унесло на юг в открытое море; на горизонте же, где находились острова Диомиды, виднелся плавающий лёд. Б. был одет в лёгкий резиновый полубок на меху, летние суконные брюки и такие же летние нерпичьи торбасы. В этой одежде он вышел на лёд, кутаясь от холода в одеяло, не имея ни запаса продуктов, ни огнестрельного оружия. По мнению местных жителей, Б. за несколько часов до пурги дойти до островов Диомиды не успел и, оставшись на оторванных от берега льдах, был вместе с ними унесён в открытое море, где, как легко одетый, замёрз.

Бодров Пантелеймон Алексеевич (1897, Забайкалье), с 21 августа 1925 г. председатель Усть-Камчатского ВРК, а затем РИК. Русский. Окончил два класса городского училища. Принят в ВКП(б) 30 августа 1924 г. В гражданскую войну партизанил в Забайкалье, на Дальнем Востоке. Вместе с милиционером Глинкиным производил обыск на квартире В. Кручины после его смерти. Из служебной характеристики 1926 г.: «Подход к населению правилен. Подобрать работников и руководить ими умеет. По партлинии работает, состоя членом ячейки. Использовать на должности председателя райрика целесообразно». По данным ОГПУ, «женат на дочери местного спекулянта Казачука (последний проходит по нашим разработкам как бывший агент японской контрразведки), слабохарактерный, добывающийся дешёвой популярностью, несдержан, легко поддаётся чужому влиянию, знает эту слабость за собой и всячески старается её не обнаруживать... Пьёт, на язык не сдержан, нетактичен и, наконец, болезненно самолюбив... Мог бы работать, если бы не его тесть, влияние этого последнего на Б. чрезвычайно сильно... Слишком много внимания уделяет семейной жизни». В январе 1927 г. получил выговор по партийной

линии «за содействие к совершению антисоветского и противозаконного поступка». В 1928 г. — фининспектор в том же районе. По одним данным, в 1931 г. отправлен в Москву, по другим — в Ленинград, на финансовые курсы при Наркомфине СССР, где умер от тифа. В 1967 г. в Новгороде жила его жена Вера Эрнестовна с сыном Валентином.

Бождай Семён Степанович (1904, Волынская губерния), согласно списку-приложению к приказу *Х. П. Бирича* от 1 марта 1922 г., опубликованному в «Камчатском листке» за 12 марта, *принимал участие в февральской охране Петропавловска от красных партизан*. Из крестьян. Хозяйство отца: дом, два быка, две десятины земли, плуг. В 1912—1918 — гг. пастух на Дальнем Востоке, продавец газет. С 1918 по 1925 г. — на Камчатке. Работал на рыбалках, ламповиком на Петропавловском маяке («этот маяк тогда в ведении белых не был, туда ко мне приходили партизаны») и с 1923 г. — в милиции. Вступил в ВКП(б) в 1925 г. Окончил Петропавловское высшее начальное училище, в 1927 г. в Хабаровске краевую школу среднего начсостава. В 1927 г. — заведующий учётно-воинским столом хабаровской милиции. Там же в 1928—1930 гг. — в Госбанке, в 1931 г. окончил курсы банковских работников. В 1932 г. послан на остров Врангеля, «ввиду непроходимых льдов» доехал только до Камчатки. С 31 октября того же года — управделами КОК ВКП(б). В 1933 г. — заведующий общим отделом КОК ВКП(б). 26 февраля 1935 г. утверждён заместителем заведующего областным финотделом. С 3 июня 1935 г. по 9 мая 1937 г. — заведующий особым отделом КОК ВКП(б), с 11 июля 1937 г. по октябрь 1938 г. — управляющий Ключевским отделением Госбанка. 18 декабря 1937 г. за участие в охране Петропавловска в 1922 г. исключен из партии Усть-Камчатским РК ВКП(б). 3 апреля 1938 г. КОК ВКП(б) отменил это решение. При обсуждении вопроса чекист Лепин заявил: «Мы опрашивали ряд лиц, участвовавших тогда в дружине. Один красный партизан, он оставался в городе по заданию партизанского отряда, и тоже вступил в эту дружину. Эта охрана города была создана по инициативе Думы для охраны подступов к городу. Было созвано население на площади, были разъяснены задачи и потом была произведена запись, записывалось очень мало, говорят, записалось всего девяносто человек (в списке-приложении девяносто семь. — *В. П.*), там же были записаны и старшекласники училища. Дружина эта существовала всего пятнадцать-двадцать дней, большинство из записавшихся и на постах не были. Три человека говорят, что

они были на постах, но Б. не видели, никто из опрашиваемых не видел его на посту. Он, конечно, записан-то был, но никто не подтверждает его участие в охране. Половина дружины, которой была объявлена благодарность в приказе, не были на посту, также не был и Б.». 5 марта 1941 г. утверждён управляющим Озерновским отделением Госбанка.

Болдырев Николай Иванович (1904, Ростов-на-Дону), с 9 октября 1942 по 31 октября 1945 г. ответственный редактор «Камчатской правды». Из рабочих. Русский. Окончил два курса пединститута, совпартшколу второй ступени. В ВЛКСМ состоял в 1920—1932 гг., в ВКП(б) — с августа 1937 г. В 1918—1921 гг. служил в РККА рядовым-телефонистом. С 1921 по 1940 г. жил в родном городе, за исключением 1925—1927 гг., проведённых в Пятигорске. В 1921—1923 гг. — подручный токаря на заводе «Красный Аксай», где всю жизнь трудился его отец. В 1923—1925 гг. — организатор рабкоров редакции газеты «Молот», в 1925—1927 гг. — ответственный секретарь газеты «Терек», в 1927—1928 гг. — в краевой организации юнкоров, редакции газеты «Большая смена». В 1928—1932 гг. — ответственный секретарь журнала «Партработник» Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). В 1932—1934 гг. — заведующий отделом, директор Северо-Кавказского партиздата. В 1934—1935 гг. — заведующий редакционным отделом Азово-Черноморского издательства. В 1935—1937 гг. — ответственный секретарь краевой газеты «Колхозная правда», затем инструктор Ростовского ОК ВКП(б), заведующий Ростовским отделением ТАСС. С сентября 1940 г. собкор ТАСС по КО. В сентябре-декабре 1941 г. — по совместительству ответственный секретарь «Камчатской правды» (в это время жена Валентина Петровна служила в НКВД, а их дочери было четырнадцать лет).

Болтенко Николай Иванович (1860 или 1869, с. Каменка Херсонской губернии), член облкома, избранного вторым Камчатским областным съездом 1918 г., кандидат к гласным третьей ПГД 1919 г. Из крестьян (рабочих). Русский. Образование — четыре класса гимназии. С 1889 г. — в Сибири на службе в Верхне-Амурской золотопромышленной компании. Работал ответственным управляющим всеми приисками Якутии. В 1908 г. переселился в Приморскую область. Вместе с семьёй занимался сельским хозяйством, имел паровую машину, молотилку, плуг, сеялку и сенокосилку. С 1918 г. — председатель Камчатского отдела Приамурского союза кооператоров. До 1923 г. работал в Усть-Камчатске в фирме «Торговый дом Чурина и К^о». В середине 1920-х гг.

работал в губернском и окружном земельном отделе. Из характеристики на него в Наркомзем от 28 ноября 1923 г., подписанной И. Е. Лариным: «Политические убеждения эсеровские, получившие перелом в связи с самороспуском эсерской организации. В настоящее время примыкает к сочувствующим советской власти на коммунистической платформе. Вполне своей политической физиономии не выявил. Порученное дело выполняет вполне добросовестно... Среди крестьян — местных жителей (камчадал) — пользуется авторитетом, но не настолько, чтобы представлять какую-либо опасность для советской власти». В. И. Картакай писал о Б.: «Втёрся в доверие... к бывшему председателю окрревкома т. Вольскому и был назначен заведующим окрзо». Из ларинской характеристики 1926 г. на Б.: «...чрезмерно самоуверен, имеет склонности к бахвальству, надменный. Всех окружающих рассматривает неизмеримо ниже себя стоящими по уму и опыту... Своих убеждений никогда не выдаст, но в работе и в отношениях к ответственным работникам-партийцам заметно скользит не советский дух. Как специалиста и опытного работника целесообразно использовать в хозяйственных и земельных органах под соответствующим наблюдением». В начале июня 1926 г. — заведующий Петропавловской сельхозфермой. До 1929 г. — заведующий Карагинским островом. Январём того же года датирован документ ОГПУ, в котором говорится, что в при царе Б., как управляющий золотыми приисками в Верхнеудинске, оставил о себе недобрую память жестокостью и суровым отношением к рабочим, особенно во время Ленских событий («последнее проверяется»), а будучи доверенным фирм Чурина и Гудзон-Бей на Камчатке, обманывал население, скупая у него пушнину за бесценнок. «По протоколам опроса жителей с. Ключи видно, что Б. участвовал в организации правового комитета, поддерживал власть Бирича. Агитировал против соввласти, предлагал населению воздержаться от признания соввласти, указывая, что власть — хулиганы-большевики. В бытность белых на Камчатке помогал вылавливать красных партизан и способствовал аресту большевиков (явная неправда: уж Ларин-то знал бы об этом! — В. П.). При соввласти занимал должности заведующего сельхозфермой и заместителя заведующего земотделом. Держится весьма скрытно, но иногда выявляет себя как эсэр. Зная свои прошлые грехи, умело выступает практическим работником в порученных ему делах. В настоящее время в своей работе на Карагинском острове проявляет ряд небрежностей, которые носят характер должностных преступлений.

Привезённый из Америки выхухоль для разведения, несмотря на имеющиеся указания о выпуске их в два глубоких озера, выпустил в одно мелкое, которое промерзает, и где они могут погибнуть. Указания о наблюдении за парой выхухолей, оставленных в клетке для изучения, не были выполнены, и выхухоль погиб. Чернобурые лисицы содержатся в узкой клетке, в то время как имеется много пустующих. Наблюдение за ними не ведётся, кормят их как попало. Отношение Болтенко к зверям грубое. Им была избита одна чернобурка, которая подохла, кроме того, подохли ещё две лисицы. Со слов очевидца, Болтенко задушил одного песца, который не давался ему в руки. Имеющаяся в питомнике лошадь (кобыла) была им зимой загнана, выкинула плод и вскоре подохла. Болтенко также очень грубо обращается с коряками, превышая свою административную власть, не разрешая им переселяться с места на место, обманывает их в торговле, эксплуатирует, платя им гроши. С рабочими обращается скверно, заставляет много работать, рассчитывается с ними по своему усмотрению деньгами или товарами, как ему вздумается. Среди коряк отмечается большое недовольство». На документе приписано от руки: «18 год на съезде выступал против соввласти» (видимо, имеется в виду второй Камчатский областной съезд). И резолюция — «Снять». На момент ареста 25 февраля 1932 г. работал в Петропавловске заведующим пригородным хозяйством. 8 июля 1932 г. Тройкой ПП ОГПУ ДВК лишён права проживания в КО сроком на три года по ст. 58-10 УК РСФСР. Реабилитирован прокуратурой КО 19 февраля 1990 г.

Большат Василий Власьевич (1900, с. Прохоры Спасского района Владивостокского округа), в конце 1920-х — начале 1930-х гг. критик практического социализма. Из семьи крестьянина-«кулака», раскулаченного в 1930 г. Русский или украинец. Образование среднее. В армии не служил, за исключением нескольких месяцев в партизанском отряде в Приморье в 1918 г. На Камчатке с 1926 г. Неимущий. Беспартийный. Сначала работал секретарём губернского отдела народного образования, а его жена Мария Фёдоровна была учительницей Елизовской школы первой ступени. На момент ареста 18 июля 1931 г. — паланский школьный учитель. Привлекался по ст. 58-10 УК РСФСР. Согласно материалам дела, убеждал население в нереальности большевистских темпов, неосуществлении социалистического строительства. На заседании музыкального кружка говорил: «Диктатуры пролетариата нет, это выдумка; на самом же деле есть диктатура партии —

кучка коммунистов, которая делает всё, что ей заблагорассудится. При таком положении пройдут и тысячелетия, всегда господствовать будет кучка меньшинства над большинством». Прокурор ДВК Андреев наложил резолюте: «Обвинения общи, собраны за разное время без достаточной проверки», предложил перевести на материк, установить наблюдение. Постановлением Тройки при ПП ОГПУ ДВК от 14 января 1932 г. выслан на три года в Западную Сибирь. Реабилитирован прокуратурой КО 21 февраля 1990 г.

Бондаренко Емельян Романович (август 1900), с 1 февраля 1954 г. председатель правления Камчатского облрыболовпотребсоюза. Образование: начальное и Высшая торговая школа Центросоюза. В ВКП(б) вступил в 1925 г. Награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Бондаровский Борис Аркадьевич (1898), со второй половины апреля и с начала мая по 21 октября 1937 г. секретарь Петропавловского ГК ВКП(б). Из рабочих. Русский. Образование низшее. В РКП(б) с 1917 г.

Борейша Константин Михайлович (1875), почётный гражданин. Из дворян. Окончил пять классов Смоленской классической гимназии. Основная профессия — кассир. До 1917 г. — бухгалтер 1-го разряда, с 1917 г. — кассир-казначей. 24 июля 1919 г. приказом Министерства финансов правительства А. В. Колчака переведён из Благовещенска, где был старшим кассиром местного казначейства, на Камчатку. Назначен казначеем Петропавловского казначейства. В декабре 1925 г. — заведующий приходно-расходной кассой и кассир камчатского губернского финансового отдела. Беспартийный. Характеристика из документа «Сведения об ответственных работниках, числящихся на работе в камчатском губернском финансовом отделе на 1 декабря 1925 г.»: «В губфинотделе работает с 1 января 1923 г. в должности заведующего кассой, с делом знаком хорошо, имеет тридцатилетний стаж, безукоризненно честен, трудолюбив, по характеру мягкий, спиртных напитков не употребляет, к возложенным на него обязанностям отношение самое добросовестное. К совласти и компартии отношение доброжелательное».

Борисов Виктор Иванович (27.07.1959, пос. Усть-Камчатск), историк-краевед, действительный член Русского Географического общества. Из рабочей семьи. Русский. В 1979 г. окончил Петропавловский морской рыбопромышленный техникум, в 1991 г. — исторический факультет КГПИ. Член КПСС с 5 июля 1984 г. Трудовую деятельность начинал на Усть-Камчатском РКЗ: слесарь,

инженер-технолог, старший мастер, освобождённый секретарь комитета ВЛКСМ. Был научным сотрудником, директором историко-культурного центра «Нижне-Камчатский острог», работал в пресс-службе АО «Камчатэнерго». С 2010 г. — главный редактор газеты «Абориген Камчатки», с 2013 — главный хранитель Петропавловского военно-исторического музея. Первая краеведческая публикация «Ительмены. Кто они?» вышла в 1987 г. в усть-камчатской районной газете «Ленинский путь». Автор пяти книг: «Козыревск», «Усть-Камчатск (начало XVIII — конец XX вв.)». Страницы истории», «Ключи (начало XVIII — конец XX вв.)». Страницы истории посёлка», «Ключевской деревообрабатывающий комбинат», «Усть-Камчатский район. Из истории населённых пунктов».

Борисоглебский Александр Аркадьевич (51 год на конец мая 1919), *гласный второй ПГД, делегат второго Камчатского областного съезда* 1918 г. Юрист. В конце ноября 1918 г. на время отъезда во Владивосток городского головы *Голубецкого* избран его заместителем и членом Петропавловской городской управы. В декабре 1918 г. — частный поверенный по ведению гражданских и уголовных дел. Секретарь коммерческого китайского агента в Петропавловске. В 1919 г. — заместитель председателя Петропавловской городской управы.

Бормантов Сергей Николаевич (1900, хутор Молчановский на Северном Кавказе — 1934), на момент ареста в 1933 г. — *бездомный и безработный*. Из крестьян. Русский. Образование высшее, специальность — агроном-животновод. С июля 1931 по сентябрь 1932 г. работал в АКО. Собирался бежать в Америку (английский язык ему два месяца преподавал П. Т. Новограбленов) с сослуживцем, уроженцем Командор А. Г. Паньковым: «До первого острова Алеутской гряды, а оттуда не более восьмиста морских миль на вельботе под хорошим парусом». Путешествие расстроилось из-за разногласий с напарником. В 1933 г. совершил попытку пересечения советско-турецкой границы, но был ранен турецкими пограничниками. Арестован при обратном переходе границы 10 сентября 1933 г. Судтройкой ПП ОГПУ ДВК 17 мая 1934 г. приговорён к ВМН по ст. 58-6 УК РСФСР. Реабилитирован прокуратурой КО 27 июня 1989 г.

Бороздин Дмитрий Ильич (1926, д. Бороздины Костромской области), с 9 января 1979 по 21 октября 1983 г. *начальник УКГБ по КО*. Из крестьян. Окончил Горьковский институт инженеров водного транспорта по специальности «инженер-кораблестроитель». В КПСС с сентября 1952 г. В 1949—1954 гг. — мастер,

начальник конструкторского бюро, и. о. главного инженера судоремонтного завода в г. Нижняя Ладога Ленинградской области. В 1954—1958 гг. — инструктор, заведующий промышленно-транспортным отделом, заместитель заведующего орготделом Новгородского ГК КПСС. В 1958—1960 гг. — слушатель ВПШ в г. Москве. В 1960—1962 гг. заведующий промышленно-транспортным отделом Новгородского ОК КПСС. В 1962—1967 гг. — первый секретарь ГК КПСС в г. Новгороде. В 1967—1978 гг. — начальник УКГБ по Новгородской области, подполковник. В 1979 г. — полковник. 11 декабря 1981 г. присвоено звание генерал-майора.

Боровских Павел Яковлевич (1888, с. Пристромы Минской губернии — 1.04.1938), *Георгиевский кавалер*. Из крестьян. Белорус. Образование низшее. Рыбак-единоличник с. Зуйково Усть-Болышеречского района. На Камчатке с 1923 г. Арестован 4 октября 1937 г. Обвинялся в японофильстве и восхвалении Троцкого. Осуждён по первой категории (ВМН) постановлением Тройки НКВД по ДВК от 1 февраля 1938 г., согласно представлению И. Я. Ломбака. Расстрелян. Реабилитирован прокуратурой КО 22 июня 1989 г.

Бородина Мария Павловна (1887, СПб. — 9.05.1939, г. Петропавловск-Камчатский), *до 1914 г. супруга А. А. Ненсберга, в 1922 г. — жена командира посыльного судна «Свирь» Салатко-Петрище*. Дочь полицейского пристава. Русская. Окончила семь классов гимназии, Бестужевские курсы в Петрограде. Впервые приехала в Петропавловск в 1910 г., вторично — в 1919 г. и поступила телеграфисткой на радиостанцию. В 1922 г. работала журналистом в канцелярии *Х. П. Бирича*. В 1923 и 1927 г. подвергалась чекистским обыскам. До 1928 г. — машинистка в губ(окр)ревкоме. Дело на неё было заведено формально по «сигналу» некоего Сойкина от 22 октября 1937 г.: «Гражданка Бородина Мария Павловна проживает по Партизанской улице в 1921 году вовремя (орфография оригинала. — *В. П.*) борьбы с белым террором на Камчатки, гр. Бородина М. П. была сожительницей одного ярого белобандита СолодкоПетрищев копитан ваенно корательнаго парохода “Свирь”. Гр. Бородина бывшая мещанка и сожительница врага трудового народа, котораго в 1923 году в г. Владивостоке лично мне пришлось снять с вогона на станьцей г. Владивостока. После шести дневного процесса Солодко Петрище был разстрелян. Совмесно сосвоей бандой тренадцат бандитами. Если гр. Бородина являлась женой ярого бандита то она и могла являться его агентом а если она служила агентом сваему супругу то кров трудящих пролита по ее вине. Гр. Бородина имеет сына от Соладко-Петрища

это доказывает тесную связь с врагом народа». На момент ареста 27 апреля 1938 г. — акушерка Петропавловской горбольницы. 13 января 1939 г. ВТ Камчатских пограничных и внутренних войск ДВО приговорил её по ст. 58-1а за шпионаж (переписывалась с бывшим мужем-эмигрантом) к ВМН. В это время она имела дочь (23 года) и двух сыновей (22 года и 14 лет). Реабилитирована Главным управлением по надзору за исполнением законов в Вооружённых силах прокуратуры РФ 30 января 1994 г.

Бородянский Яков Давидович (1900), с июня 1937 г. второй секретарь Олюторского РК ВКП(б). Из рабочих. Родной язык еврейский. Образование среднее. В ВКП(б) с марта 1931 г. Специальности нет. Снят вместе с Мирласом 25 июля 1939 г.

Борысевич-Порай Борис Константинович (1883), советский работник. Из дворян, бывший офицер. Белорус. Кандидат РКП(б) с января 1925 г. В июне 1926 г. — председатель Камчатского райсоюза кооперации. В ноябре 1926 г. — заведующий канцелярией Камчатского окрбюро ВКП(б). С 25 ноября 1926 г. — заведующий окрместхозом вместо *Дудко*. 16 февраля 1927 г. на общем партсобрании Петропавловска при рассмотрении вопроса о переводе в действительные члены ВКП(б) Бакалов заметил: «Раньше тов. Б. не вступал, а когда укрепились партия, он вздумал вступать. Раньше он был дворянин, а теперь, когда всё успокоилось, хочет быть коммунистом». Другой присутствовавший на собрании Уткин высказался более категорично: «Где работал Б. в Народном Собрании, нашей фракции, нужно в архивах справиться... У меня создаётся впечатление, что тов. Б. не являлся сочувствующим эсерам, а являлся сам эсером». Постановили: «Продолжить кандидатский стаж до шести месяцев». С 30 июня 1927 г. — председатель Чукотского райревкома, с апреля 1928 г. — инструктор Центросоюза.

Бохняк Иосиф Савельевич (1875, Варшавская губерния — 2.06.1922), красный партизан КОНРК. По словам командира одного из отрядов В. М. Чекмарёва, в Петропавловск прибыл в 1919 г. из Владивостока. Выполнял кузнечные работы по ближайшим селениям, работал в отделе коммунхоза КОНРК — «кузнец в обозе». После занятия города белыми казаками был арестован, но выпущен из-за недостатка улик. Ушёл на заимку, где заготавливал дрова для партизанской базы. Козырин запомнил его черноволосым и что он в 1922 г. работал конюхом на «Кошке». Из воспоминаний жителя Петропавловска с 1909 г., партизанского связного Штрадмана: «Весёлый был и весь как-то светился

внутренней радостью». В бою на Петропавловской сельхозферме «незаметным образом был окружён белобандитами (ночь, туман), сначала был ранен, но при всём желании нападавших взять его в плен, он не дался. Вступил в рукопашную, был ранен. Белобандиты добились его, изувечили труп штыками, надсмеявшись таким образом, увезли в город» (В. М. Чекмарёв).

Бочкарёв (Озеров) Валериан Иванович (21.08.1892 ст. ст. — 13.04.1923, с. Наяхан Гижигинского уезда Камчатской губернии), в 1921—1923 гг. начальник Северного экспедиционного отряда (СЭО) Временного Приамурского правительства. Полковник. Незаконнорожденный. Запись о появлении его на свет сделана в метрической книге Верхне-Уссурийской Ильинской церкви. Мать — дочь казака Уссурийского казачьего дивизиона поста Графского Назара Даниловича Бочкарёва Анна. По некоторым сведениям, служил на Камчатке у рыбопромышленника *Х. П. Бирича* катерным командиром, окончил мореходную школу, плавал помощником капитана на пароходе «Енисей» и перед объявлением Первой мировой войны уехал в Петербург оканчивать высшую мореходную школу. Другой источник утверждает, что в 1912 г. он учился в Владивостокском мореходном училище, но курса не окончил. С началом войны пошёл служить в армию. В 1917—1918 гг. — офицер на кораблях Сибирской флотилии, затем — у атамана Калмыкова. Есть версия, что Б. и его подчинённые сожгли в паровозной топке членов Военного совета Приморского революционно-демократического правительства Лазо, Луцкого и Сибирцева, отомстив за расстрелянных в районе Имана у станции Хор весной 1920 г. пленных офицеров белых армий. Был арестован правительственной милицией и доставлен во Владивосток. После переворота 26 мая 1921 г., хлопоча о снаряжении экспедиции в Охотско-Камчатский край для распространения на него власти Временного Приамурского правительства, посещает живущего в Седанке под Владивостоком *Х. П. Бирича*. Осенью того же года вместе с ним выступает из Владивостока на двух кораблях с воинским формированием численностью до пятисот человек. Захватив г. Охотск и другие населённые пункты, обосновывается сначала в Гижиге, а затем в Наяхане. Собирался бежать в Америку, но был убит при захвате Наяхана красным отрядом Г. И. Чубарова.

Бочкарёв Михаил Васильевич (1879, Средне-Волжский край), в 1918 г., будучи председателем Хайрюзовского продкома, послал поздравление участникам июльского антисоветского переворота в Петропавловске. Из крестьян. Малограмотный. На момент

ареста 6 сентября 1931 г. жил в пос. Козыревске. Обвинялся по ст. 58-10 УК РСФСР. Освобождён 5 октября 1931 г.

Брагин Андрей Дмитриевич (1870, д. Андросовка Николаевского уезда Самарской губернии), *гласный третьей и четвёртой ПГД*. Из крестьян. Русский. Самоучка. На момент ареста 24 апреля 1932 г. — житель с. Налычево Петропавловского района, член рыболовецкой артели. 26 августа 1932 г. приговорён Тройкой ПП ОГПУ ДВК к трём годам лишения свободы по ст. 58-10 УК РСФСР. Реабилитирован прокуратурой КО 19 февраля 1990 г.

Брагин Василий Кирьякович (1886, с. Ключи), *делегат первого и второго Камчатских областных съездов*. Камчадал. Образование сельское. Охотник-рыбак. До 1917 г. собственности не было. До 1929 г. имел три коровы, три лошади, две нарты собак, дом и надворные постройки. В 1931 г. лишён избирательных прав как кулак. На момент ареста 6 марта 1932 г. имел дом, три коровы, четыре лошади, нарту собак. Семеро детей: четверо сыновей и три дочери. В 1922 г. способствовал расколу населения Ключей на две части (сто сорок человек — за белых, и от тридцати до девяноста — за красных), после чего возглавил сторонников Приамурского правительства, участвовал в разгоне волревкома. Односельчанин Г. Порунов утверждал в ОГПУ, что «за ним пошло всё население, кроме русских. Партизаны за его активные действия и его близких лиц, как-то: Семишера (купец, проживает в Петропавловске), Крупенина В., уполномоченный биричевского правительства (Петропавловск или Охотск), Вавилина (арестован по ст. 58, п. 6, в 1931 г.) хотели арестовать, но они все сбежали под видом охоты». Из справки сельсовета от 8 марта 1932 г.: «...Хорошо грамотен и был учителем в с. Карага, развит, наблюдателен, предприимчив. При царском строе и во время интервенции Б. дружил с царскими чиновниками и реакционным начальством, а также духовенством... Пользовался среди камчадал репутацией учёного человека и имел большое влияние... как имеющий связь с начальством. Пользуясь своим влиянием, Б. развивал среди камчадал религиозный фанатизм, был защитником всяких религиозных мероприятий — сборов на нужды церкви, хлопотал по церковным делам, по устройству церковных ходов, молебствий и прочего. В период упадка религиозности с 1925 по 1931 г... употреблял много усилий на поддержку религиозного культа: был несменяемым членом церковного совета и общины верующих, заботился об украшении церкви, икон, утвари. Под его влиянием старики-плотники безвозмездно перекрыли под железо всё

здание церкви. Вёл агитацию среди населения о том, что не нужно отказываться от веры и христовой церкви, что всё равно вернётся старая власть или Камчатку заберут японцы, что японцы не будут преследовать православную веру, будут помогать камчадалам устраиваться самим без русских, и Камчатка будет только для камчадал, а японцы будут снабжать по-прежнему всеми товарами. Соболей будут ценить дороже, отменят норму на рыбу, юколу, японцы будут лучше уважать камчадал, нежели русские. Натравливал камчадал на приезжих русских, говоря, что русские “мурки” всегда притесняют камчадал... Благодаря агитации Б. община верующих в течение четырёх месяцев оттягивала вопрос о передаче церкви... На охоту Б. ездил часто и всегда очень удачно. Как во время охоты, так и в поездках, Б. всегда интересовался местностью и дорогами, он так хорошо изучил местность западного и восточного берегов, что считается лучшим знатоком местности, и все наиболее ответственные экспедиции всегда брали его проводником...» В 1931 г. Б. якобы говорил председателю сельсовета Г. Щенникову: «Какие-то лентяи-коммунисты захватили власть и издеваются над народом. Они вводят крепостное право. Сейчас живётся хуже, чем когда-либо жилось. При царе всё было». 8 июля 1932 г. Тройка при ПП ОГПУ ДВК приговорила его по ст. 58-10 УК РСФСР к трём годам концлагерей. Реабилитирован прокуратурой КО 21 февраля 1990 г.

Брагин Владимир Петрович (1888, с. Тигиль, Камчатка — 1933, Усть-Камчатск), *делегат мильковского трёхволостного съезда, избранный на съезде Завойкинской волости 27 марта 1922 г.* Сын купца второй гильдии. Русский. Образование незаконченное высшее. Зубной врач. На момент ареста 26 апреля 1933 г. жил в Усть-Камчатске. Обвинялся по ст. 58-2-6 как участник контрреволюционной организации «Автономная Камчатка». Покончил с собой под стражей. Постановлением Усть-Камчатского райотдела ОГПУ от 5 июня 1933 г. дело прекращено. Реабилитирован УКГБ по КО 25 апреля 1958 г.

Брагин Дмитрий Кирьякович (1879, с. Ключи — 22.08.1938, г. Петропавловск-Камчатский), *сторонник белой власти.* Из крестьян-середняков. Русский. Малограмотный. Занимался сельским хозяйством и охотой. Арестован 6 марта 1938 г. Обвинялся в принадлежности к «Автономной Камчатке», в антисоветской агитации. Якобы утверждал, что с захватом Японией Камчатки жизнь станет лучше. По представлению *Н. М. Давыдова* осуждён 10 августа 1938 г. Тройкой УНКВД по ДВК по первой категории

(ВМН). Расстрелян. Реабилитирован Камчатским областным судом 29 декабря 1960 г.

Брагин Емельян Иннокентьевич (1881, с. Тигиль), *псаломщик*. Из крестьян. Камчадал. Неграмотный (по другим сведениям, самоучка.) Холост. Имел дом с хозяйственными постройками, поле и сенокос, две коровы, телку, два амбара. С 1926 г. — псаломщик в местной церкви, заменял священника. Вырос в семье второго мужа матери рядового казака Феофилата Федотовича Косыгина. Родственники на момент ареста в Тигиле: мать Мария Михайловна (68 лет), братья Тимон (37 лет) и Конон Фиофилактович (33 года). Кроме того, что работал в своём хозяйстве — портняжничал. Арестован 2 июля 1931 г. Проходил по так называемому «Тигильскому делу». Обвинялся по ст. 58-2-11 УК РСФСР. 7 сентября 1932 г. приговорён Тройкой ПП ОГПУ ДВК к трём годам концлагерей. Реабилитирован ВТ ДВО 3 августа 1959 г.

Брагин Самуил Андреевич (1906), в 1922 г. был связан с *красными партизанами*; его отец утверждал, что он шесть месяцев находился у белоказаков под арестом в Петропавловске. Из крестьян. Образование: два класса высшего начального училища (ВНУ). Кандидат ВКП(б) с 1926 г., член с 5 сентября 1928 г. До 1917 г. и после учился, крестьянствовал. В июле 1924 г. — секретарь ячейки РКСМ в с. Налычево. Тем же летом вместе с Марком Львовым перегородил две трети речки и, «несмотря на постановление губревкома о пропуске рыбы, с шести вечера пятницы по шесть вечера воскресенья, этого не делали» (из заявления в бюро ячейки РКСМ № 1 при губревкоме о незаконном лове рыбы от 10 августа 1924 г.). В 1925—1926 гг. — караульный камчатского губфинотдела. Согласно служебной характеристики на 1 декабря 1925 г., честен, неподкупен, свои обязанности выполняет вполне добросовестно. Из протокола заседания проверочной тройки по проверке кандидатского состава городских ячеек ВКП(б) от 10 сентября 1928 г.: «...тов. Б. ...с годовичным стажем, просрочен по причинам болезни и выезда в Усть-Камчатск. Член ЛКСМ... Основная профессия не определилась... Участвовал в 1922 г. в партизанском движении — был арестован белыми, в Красной Армии не служил. В общественных организациях не работал, партсобрания посещает аккуратно, членские взносы платит, партработы не имеет...» На одни заданные ему вопросы ответил правильно, на некоторые «запутанно», а на один («Где организуются комфракции?») не ответил вообще. Постановлено: «Считать проверенным, предложить заняться политподготовкой, а ячейке обратить внимание

на руководство и проверку политподготовки». Во время партчис-тки 1929 г. — корабельный смотритель Петропавловской тамож-ни. Проверялся на открытом собрании ячейки ВКП(б) 15 июля 1929 г., где среди членов проверкома находился И. Е. Ларин. Характеристика ячейки: «Политическое знание имеет в преде-лах сокращённой школы, желание поднять политуровень имеет. Политически устойчив. В хозяйственных вопросах разбирается достаточно. Работу в массах ведёт. Моральное состояние здоровое. Взаимоот-ношение с сотрудниками таможни хорошее. По ведомственной работе с руководителем учреждения имеются трения, на что ячейка обратила внимание». В 1932 г. учился во Владивостоке в Рыб-вузе. Дальнейшая судьба неизвестна. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. на Камчатке с подачи партизанского повара В. Д. Зорина получил распространение миф о том, что Б. в 1922 г. замучили белобандиты, «изрубили его тело на куски, и Авачинская бухта стала могилой юного героя». Директор Корякского окружного Дома народного творчества Г. Г. Поротов написал на эту тему песню (1961).

Братков Сергей Леонидович (1958), с января 1990 г. заведую-щий отделом культуры Петропавловского ГИК. Русский. Обра-зование высшее: в 1980 г. окончил КГПИ, учитель истории, обще-ствоведения и английского языка. В КПСС с 1982 г.

Брегель Яков Семёнович (1915), 1 ноября 1946 г. назначен за-ведующим Петропавловским горфинотделом. Еврей. Образова-ние среднее. В ВКП(б) с июля 1943 г. Трудовой стаж с 1932 г. Награждён медалями «За доблестный труд в Великой Отечествен-ной войне 1941—1945 гг.».

Бречалов Алексей Петрович (1900, с. Большеерецкое), в 1920-е гг. председатель Большеерецкого церковного совета³. Из крестьян-середняков. Камчадал. Малограмотный. В 1934 г. привлекался НКВД за дезорганизацию колхоза. На момент ареста 10 октября 1937 г. — член рыболовецкого колхоза им. Сталина в с. Ленино. Женат, пятеро детей. Обвинялся в контрреволюционно-вредитель-ской деятельности. Определён начальником КОУ НКВД И. Я. Лом-баком к рассмотрению Тройкой УНКВД по второй категории, но 14 февраля 1940 г. освобождён из-под стражи постановлением Усть-Большеерецкого РО НКВД. В 1957 г. дело прекращено Кам-чатским УКГБ по ст. 4 п. 5 УПК РСФСР. Реабилитирован проку-ратурой КО 28 ноября 1989 г.

Брикман Эссель Моисеевич (1898), с 1 января 1925 по январь 1928 г. выпускающий редактор газеты «Полярная звезда», органа

Камчатского губбюро РКП(б). Мать — дочь сапожника, домохозяйка; отец портной, сослан из Варшавы в Сибирь за проступки на военной службе. Окончил восемь классов коммерческого училища. Кандидат РКП(б) с января 1923 г., член с 1926 г. С декабря 1923 г. — заведующий финчастью Камчатского губбюро РКП(б). В июне 1924 г. — врио заведующего типографией. Из доклада Б. на собрании коммунистической ячейки № 2 при КГРК 10 сентября 1924 г.: «Семьи как таковой в новом обществе будущего не будет: сожителство полов не будет иметь форм настоящего — воспитание детей будет иметь общественный характер. Домашнее хозяйство, домашние обеды умрут вместе с семьёй». В протоколе собрания отмечается, что отрицание докладчиком любви как ненормального явления, которое должно исчезнуть (его личное мнение), а также отрицание семьи, вызывает долгие споры. В январе 1925 г. назначен заведующим финчастью и казначеем Камчатского губбюро. В октябре 1926 г. — заведующий общим отделом Камчатского окрбюро ВКП(б). В этом качестве снял копию с письма от 15 декабря 1927 г., распространяемого, по неподтверждённым данным, среди ответственных работников-коммунистов Петропавловска. В этом письме защищались идеи троцкистской оппозиции, и среди прочего значилось: «...*Брикманы большие и маленькие* (выделено в тексте. — В. П.) с остервенением оплёвывают оппозицию и её руководителей, конечно, не стоящих и одного их, по-видимому, пальца (это их мнение — они гордятся, что могут под одобрительные аплодисменты аппарата изрыгать всякого рода бессовестные ругательства)...» 24 апреля 1928 г. по докладу ответственного секретаря окрбюро Кузнецова решено отпустить Б. на учёбу на материк, оказать содействие в поступлении в вуз, просить о стипендии ему как проработавшему на окраине, предоставить отпуск в соответствии с решением комиссии по «ремонту здоровья» партработников.

Броневиц Валентина Тадеевна (25.01.1956, с. Сопочное Тигильского района, Камчатка), с июля 1987 по сентябрь 1990 г. председатель Корякского ОИК. Из рабочей семьи. Ительменка. Образование высшее: в 1978 г. окончила Иркутский государственный университет, юрист. В КПСС с 1986 по 1991 г. В 1978—1983 гг. — адвокат Камчатской областной коллегии адвокатов. С июля 1983 по август 1986 г. — народный судья Тигильского района, после чего заместитель председателя Корякского окружного суда. В декабре 1989 г. переизбрана председателем ОИК на второй срок. Из автобиографии: «В сентябре 1990 г. по рекомендации Ассоциации

народов Севера Корякского автономного округа назначена заведующей отделом по народностям Севера и национальным вопросам Камчатского облисполкома, а в октябре 1991 г. ушла в отставку в связи с несогласием с решением сессии Совета народных депутатов Корякского автономного округа о выходе из состава Камчатской области». С ноября 1991 по октябрь 1995 г. — старший юрисконсульт ТПО «Камчатлес» и одновременно председатель избирательной комиссии КО (сначала на общественных началах, затем на постоянной основе). В ноябре 1996 г. избрана губернатором Корякского автономного округа, членом Совета Федерации Федерального собрания РФ, заместителем председателя комитета Совета Федерации по проблемам Севера и малочисленных народов. С мая 2000 г. — председатель попечительского совета фонда материнства и детства Корякии. В 2008 г. назначена министром по делам Корякского автономного округа. С марта 2011 г. — заместитель председателя правительства Камчатского края. Семья: муж Тимохов Виталий Михайлович, 1948 г. р., федеральный судья в отставке; дочь Янина, 1984 г. р.

Брызгалова Мария Никифоровна (1925, Алтай), комсомольский и партийный работник. Русская. Окончила Хабаровскую ВПП. В ВКП(б) с 1948 г. На Камчатке с 1933 г. В 1945 г. — второй секретарь Олюторского РК ВЛКСМ, в 1945—1951 гг. — инструктор, заведующая сектором КОК ВЛКСМ. В 1953—1956 гг. — второй секретарь Петропавловского ГК, секретарь ОК ВЛКСМ, в 1959—1967 гг. — инструктор орготдела ОК КПСС, в 1967—1973 гг. — заведующая орготделом Петропавловского ГК КПСС. В 1973—1977 гг. — заведующая отделом соцобеспечения КОИК.

Будкеев Пётр Яковлевич (1903), 22 февраля 1954 г. утверждён прокурором КО. Русский. Образование: пять курсов юридического института. В ВКП(б) с 26 декабря 1926 г. Воевал на Волховском и Ленинградском фронтах. Награждён орденом Красной Звезды, двумя медалями.

Буздин Михаил Авдеевич, с 10 декабря 1917 г. член исполкома Петропавловского горсовета. В феврале 1922 г., согласно официальному списку, участвовал охране Петропавловска от красных партизан. После окончательного установления советской власти — старший по охране кассы (бывшее Петропавловское казначейство). Отзыв о нём В. И. Картакая: «Характер устойчивый по отношению к работе. Он мне известен с 1913 по 1918 г. как честный революционер. Отношение к своим обязанностям удовлетворительное — усидчивый, не щадя здоровья. Всегда старательный.

Отношение к существующей власти доброжелательное. Политически благонадёжен. Беспартийный».

Бужин Дмитрий Семёнович (1887), с 8 октября 1923 по 31 августа 1926 г. ответственный секретарь Камчатского губбюро РКП(б). Дед имел три десятины земли. Великоросс. По профессии учитель, окончил Иркутскую церковно-учительскую семинарию. В РКП(б) с 1919 г. В 1907—1908 гг. в Иркутске участвовал в тайном кружке студентов-эсеров. Учительствовал в 1908—1915 гг. До 1917 г. служил в армии, рядовой, прапорщик, на германском фронте — поручик. По направлению полкового комитета присутствовал на Втором съезде Советов, встречался с руководителем левых эсеров Камковым. В 1918 г. состоял в партии эсеров. В 1919—1920 гг. — в партизанских отрядах на Амуре. В октябре 1919 г. «вошёл в организацию Павлова-Бойко, Тряпицына в Хабаровском районе, но вскоре занял командную должность... попал к Хабаровску, где работал вместе с Павловым в качестве начальника штаба партизанского отряда особого назначения... С оставлением японцами Хабаровска отряд был распущен, а частью вошёл в город и влился в один из полков дивизии тов. Флегонтова». С 1921 г. — в Чите: секретарь и член исполкома, управляющий канцелярией правительства ДВР, заведующий административным отделом МИД ДВР, заведующий подотделом общих дел в отделе управления Дальревкома. В декабре 1923 г. избран в состав Камчатского губернского бюро РКП-ВКП(б)⁴. В 1926—1930 гг. — заместитель председателя Дальсельсоюза, председатель Примсельсоюза, Дальколхозсоюза и Крайполеводсоюза. В октябре 1930 — марте 1931 гг. учился на московских курсах Зернотреста по подготовке директоров. В 1931—1933 гг. — директор Омского института зернокультур. С марта 1933 по январь 1934 г. — председатель КОИК. В 1934 г. — председатель Пригородного РИК (пос. Вяземский), член оргкомитета Зейской области. С мая 1935 г. — при арбитражной комиссии ДКИ. В октябре 1937 г. исключен из партии Кировским РК ВКП(б) г. Хабаровска как «враг народа». В апреле 1938 г. выездная сессия Военной Коллегии Верховного суда (ВК ВС) СССР приговорила его к ВМН. Реабилитирован посмертно в апреле 1957 г. В докладной записке заведующего отделом пропаганды и агитации КОК КПСС П. Я. Сидельникова председателю Петропавловского ГИК В. З. Мельникову от 24 декабря 1959 г. содержалось предложение назвать одну из улиц г. Петропавловска-Камчатского именем Б.

Бурк Иван Фёдорович (1883), с 10 марта по 2 июля 1923 г. председатель Анадырьского уездного ревкома, с 23 мая 1925 г.

вплоть до ликвидации — председатель Соболевского волревкома (член-секретарь Вас. Алексеевич Жезлов). Из крестьян. Образование: сельская школа. Беспартийный. До 1917 г. трудился на железной дороге, крестьянствовал и был на военной службе. После 1917 г. занимался охотой, партизанил. В 1926 г. — врид председателя Большещерецкого райревкома.

Бурнатов Арсений Лукич (1897), с 22 декабря 1924 г. управляющий Петропавловской таможней. Из крестьян. Образование: сельская школа и фельдшерские курсы. Член ВКП(б) с 1925 г. До и после 1917 г. — чернорабочий и канцелярист. Называя некоторых красных партизан поимённо, «Камчатский листок» от 14 мая 1922 г. поставил перед его фамилией слово «бродяга». В декабре 1922 г. — член ревтрибунала. В 1923—1924 гг. — делопроизводитель, секретарь КГРК. В декабре 1925 г. — заорг и заместитель секретаря КГРК. 7 октября 1926 г. освобождён от должности Камчатского ОРК как не вернувшийся из четырёхмесячного отпуска.

Бутаков Пётр Степанович (1906, Благовещенск), в 1933 народный следователь. Из бедняков (отец выбился в корчемники Благовещенской таможни, откуда в 1926 г. перешёл в 56-й погранотряд ОГПУ оперативником. Образование: три отделения школы первой ступени. В ВКП(б) с 1929 г. В 1929 г. уволен по болезни, до 1930 г. лечился, затем поступил в областной отдел ОГПУ). Сам Б. в 1917—1920 гг. — погонщик у кулака, в 1920—1921 гг. — рассыльный в штабе Амурского фронта, затем рабочий. В 1926—1928 гг. — топорник пожарной команды. 1928—1930 гг. служил в РККА, был завхозом водтехникума. После трёхмесячных владивостокских курсов по подготовке райпартрaboтников — завпарткабинетом в Охе до ноября 1932 г. По распоряжению крайпрокуратуры переброшен на Камчатку.

Буянов Иван Емельянович (1883, с. Барабаново Красноярского уезда Енисейской губернии), с 21 апреля 1918 г. секретарь Петропавловского горсовета, в 1922 г. — секретарь военного совета в партизанских отрядах Усть-Камчатска и Ключей. Из крестьян-середняков. Русский. Образование низшее. На момент ареста 18 июля 1938 г. — старший бухгалтер Ключевской базы АКОснаба. 17 июня 1939 г. Камчатский областной суд приговорил его по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР к десяти годам лишения свободы с конфискацией имущества. Отбывал наказание в Карлаге. Освобождён досрочно 30 октября 1942 г. Реабилитирован прокуратурой КО 27 сентября 1988 г.

Бучель Николай Христофорович (1905, Бобруйск — 16.03.1938, г. Владивосток), в мае 1931 г. врид ответственного редактора «Камчатской правды», с января того же года корреспондент РОСТА по Камчатскому округу. Из служащих. Литовец. Образование незаконченное высшее (Институт востоковедения). Бывал за границей. 26 декабря 1930 г. включён в состав редколлегии «Полярной звезды», которой поручено «проработать вопрос о формате и переименовании газеты». На момент ареста 8 мая 1937 г. — начальник планово-финансового отдела АКО. Приговорён 16 марта 1938 г. выездной сессией ВК ВС СССР по ст. 58-1а-7-8-11 к ВМН. Реабилитирован тем же органом 29 августа 1956 г.

Бучинский Тимофей Иванович (1872, с. Сухоженцы Терновской волости Изяславского уезда Волынской губернии), священник. Происходил из духовного сословия. Малоросс. Окончил четыре класса духовной семинарии. В 1891—1892 гг. — вольноопределяющийся 44-го Карпатского полка 11-й дивизии. В 1893—1903 гг. — псаломщик, в 1903—1905 гг. — дьякон, в 1905—1921 гг. — священник. На момент ареста 12 июля 1932 г. в с. Афанасьевка — вдовец, имел нарту собак, шлюпку, рыболовные сети, материал на дом, к строительству которого не приступил. После ареста показал в ГПУ: «С 1921 г. по настоящее время живу своим трудом и как священник ничего не делаю. В 1924 г., когда в Облуковино собралась община, я дал согласие временно занимать должность — исполнять обязанности, но затем отказался с ликвидацией общества от должности священника...» Проходил по «Тигильскому делу» по ст. 58-2-11 УК РСФСР. Виновным себя не признал. Приговорён к пяти годам лишения свободы. Реабилитирован ВТ ДВО 3 августа 1959 г.

Бушуев Степан Анисимович, или Анисифорович (1882, с. Толбачик Мильковской волости — 18.06.1942, Сиблаг), делегат второго Камчатского областного съезда от кочующих ламутов Гижигинской волости, в январе 1918 г. — член облкома, участник мартовского (неудавшегося) антисоветского переворота в Петропавловске. Из крестьян-середняков. Образование среднее: Владивостокская прогимназия, три курса Иркутского горного училища. В 1912 г. состоял в Иркутской подпольной организации РСДРП, работал завхозчастью золотосплавочной лаборатории. 1 июля 1918 г. поставил свою подпись за председателя Камчатского облсовета под постановлением о переходе с сего числа на западно-европейский календарь (основание — декрет СНК) всем камчатским советам, общественным учреждениям, «а равно част-

ным торгово-промышленным предприятиям и лицам, ведущим отчётность по своим операциям». Отказался ехать с Лариным и Олейником «в Хабаровск на созываемый съезд краевого СНК», вместо него поехал М. К. Попов. После июльского антисоветского переворота оставлен в облкомитете без права подписи; о деятельности Б. в Совдепе решено сообщить его избирателям (постановление чрезвычайного заседания Завойкинского волостного съезда 2/15 июля 1918 г.). В 1918 г. избирается делегатом второго Камчатского областного съезда. В начале апреля 1919 г. исключён из членов Петропавловского общественного собрания. На момент ареста 8 января 1938 г. работал инструктором-бухгалтером мельниковской машинно-тракторной станции (МТС). В 1939 г. осуждён по ст. 58-1а к ВМН с конфискацией имущества. 25 ноября 1940 г. ВТ 101-й горно-стрелковой дивизии изменил меру наказания на десять лет лишения свободы. Реабилитирован Камчатским областным судом 12 октября 1989 г.

Бычков Алексей Михайлович (ум. в 1961 в Москве), с 10 декабря 1917 г. член Петропавловского горсовета, с 1 января 1918 г. член его исполкома; в начале 1920-х гг. уполномоченный КОНРК по Чукотке. Из автобиографии 1957 г.: «Родился я 9 августа 1897 г. в г. Борисоглебске Воронежской области в семье рабочего-металлиста — строгальщика железнодорожных мастерских. Семья отца состояла из семи человек. Учился в железнодорожной школе. В 1913 г. отправлен во Владивосток... устроился к частнику в железно-скобяной магазин. 15 мая 1916 г. в возрасте восемнадцати с половиной лет был мобилизован в армию и отправлен в Петропавловск в местную команду...» После июля 1918 г. остался в городе и по совету Воловникова поступил продавцом в кооператив. Весной 1919 г. мобилизован в местную воинскую команду, «созданную прибывшими из Владивостока офицерами из жителей КО... Находясь в команде, я состоял в подпольном революционном комитете совместно с товарищами Маловечкиным, Фроловым (участие Фролова не подтверждается историком Б. И. Мухачёвым. — В. П.), Черепановым, Рудых...» Участник просоветского переворота 1920 г. в Петропавловске. С захватом власти командир отряда, комендант города. С июля 1920 г. — уполномоченный КОИК в Чукотском уезде. В 1922 г. выехал в Москву, где работал в хозяйственных организациях. В 1930—1933 гг. на материке проводил в жизнь планы ВКП(б) по коллективизации сельского хозяйства. В марте 1942 г. — мобилизован на фронт, провоевал до победы. После окончания войны — в Минсельхозе.

Прототип главного героя художественного фильма «Начальник Чукотки».

Вавилин Пётр Петрович (1887, с. Давыдовка Саранского уезда Самарской губернии), *бывший торговец*. Из крестьян. Русский. Образование незаконченное среднее. В 1910—1913 гг. работал в торговой фирме А. М. Огородникова младшим, старшим приказчиком. В 1914—1918 гг. содержал свою лавку третьего разряда в селении Ича с оборотом пять тысяч рублей в год. Затем стал домашним учителем. С апреля 1919 по март 1920 г. служил рядовым в Камчатской местной воинской команде. В 1923 г. был под следствием. 23 февраля 1923 г. — начальник пункта губотдела ГПУ Усть-Камчатского района Александров писал о нём в 1921—1922 гг. в Петропавловск в следственную комиссию: «Вместе с другими спекулянтами (Подпругиным, Кудяковым) травили, подстрекали население против власти трудового народа в лице Камчатского ОНРК, провозя прокламации Меркуловского правительства и распоряжения их между жителями Камчатки». До ареста 1 июля 1931 г. на пароходе «Пронит» при стоянке в Петропавловске — житель села Ключи, работал в личном хозяйстве, побочно занимался фотографией. Имел дом, огород в три тысячи квадратных саженей, корову. Родственники того времени: жена Елизавета Митрофановна, 1904 г. р., сын Валерий (1924) в Петропавловске, тёща Левина Параскева Яковлевна, 59 лет, шурины Левин Михаил Митрофанович, 1903 г. р., заведующий радиостанцией в Усть-Камчатске, и Георгий Митрофанович, 17 лет, в Петропавловске. Привлекался по «Тигильскому делу». 7 сентября 1932 г. Тройка ПП ОГПУ ДВК (обвинялся по ст. 58-2-11, вины не признал) постановила «освободить, зачтя в наказание срок предварительного заключения». Реабилитирован ВТ ДВО 3 августа 1959 г.

Ваганов Василий Константинович (1922), с 15 сентября 1958 г. преподаватель истории КПСС КГПИ. Русский. Образование высшее. В 1944 г. вступил в ВКП(б). В 1942—1945 гг. — на фронте. Награждён орденами Красной Звезды, Славы 3-й степени, медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

Валицкий Леонтий Куприянович (1872), кандидат к гласным пятой ПГД; согласно официальному списку, участник охраны Петропавловска от красных партизан в феврале 1922 г. Из крестьян Тобольской губернии. Малограмотный. Женат. Детей на начало 1923 г. нет. Имел дом, работал в личном хозяйстве.

В 1893 г. служил в армии. Беспартийный. В 1923 г. привлекался, но был оправдан, по «Думскому делу».

Ванин Георгий Львович (1903, г. Николаевск-наАмуре), *чекист*. Китаец. Образование неполное среднее. В ОГПУ в 1923—1938 гг. В 1931—1932 гг. — оперуполномоченный 4-го отделения особого отдела ПП ОГПУ по ДВК. Выезжал в командировку в Петропавловск старшим оперуполномоченным такого же отдела ПП ОГПУ при ОКДВА по «Тигильскому делу». Первым подписал обвинительное заключение по этому делу как оперуполномоченный 1-го отделения особого отдела. В 1938 г., будучи помощником начальника 11-го отдела УНКВД по ДВК, «занимался фальсификацией уголовных дел, арестовывал по ним невинных людей и применял к ним незаконные методы допросов» (из справки сотрудника следственного отдела УКГБ по КО лейтенанта Кочергина от 30 марта 1959 г.). Арестован в 1938 г. УНКВД по ДВК как участник правотроцкистской организации. Виновным в фальсификации дел себя не признал. 4 декабря 1939 г. ВТ войск НКВД Хабаровского округа приговорён к пяти годам лишения свободы без поражения в правах, с лишением звания «Почётный чекист» и спецзвания «старший лейтенант государственной безопасности».

Ваняев Николай Алексеевич (1911), в 1959 г. *председатель Камчатского совнархоза*. Русский. Образование высшее. В ВКП(б) с мая 1939 г. В период ВОВ воевал на многих фронтах, награждён десятью орденами и медалями.

Варнавальская Надежда Ефимовна (1908), в 1940 г. *уполномоченная комитета по делам искусств при КОИК*. Из рабочих. Русская. Образование неполное среднее. В ВКП(б) с 1931 г. С уполномоченных снята в начале октября 1940 г. со строгим выговором по партийной линии с занесением в учётную карточку. «Совместно с кандидатом партии т. Сугробкиным систематически занималась пьянством и браговарением», будучи секретарём парторганизации, «не обеспечила руководства партийной организации». Летом 1947 г. выбыла в г. Гергиевск(ий ?) Ставропольского края.

Варна Владимир Карлович (1896, Курляндская губерния, Гондин-Генский уезд, Грос-Эзернская волость — 14.04.1938), в начале 1930-х гг. *оперуполномоченный экономического отдела ПП ОГПУ по ДВК*. Ему в Хабаровске дал первые признательные показания о существовании контрреволюционной организации «Автономная Камчатка» Кириллюк. Весной 1933 г. прибыл на Петропавловск в составе спецбригады для расследования дела в помощь местным чекистам. С 15 апреля по 31 мая проводил допросы

П. Т. Новограбленова. 20 января 1934 г. исключён из списков личного состава в связи с передачей в распоряжение крайкома ВКП(б). 10 ноября 1934 г. решением Далькрайкома откомандирован в Москву в представительство Главного управления лесной промышленности. На суде 20 февраля 1935 г. В. И. Огородников заявил, что во время следствия Г. И. Кареву «угрожали арестом жены, пять суток подряд почти не давали спать. Уполномоченный Варпа говорил ему, чтобы он выбирал арест жены или признавался в участии в контрреволюционной организации. Он дошёл до неменяемого состояния и в таком составе дал первые свои показания о том, что он участвовал в контрреволюционной организации, а затем уже продолжал давать ложные показания и дальше, оговаривая не только себя, но и других». Уволен из органов госбезопасности. Работал экономистом в наркомате лесной промышленности. Арестован в конце 1937 г. Обвинён в шпионаже и диверсиях. Расстрелян.

Васильев Василий Иванович (1890, Курская губерния), *чекист*. Из крестьян. Образование домашнее. Великоросс. В РКП(б) с 1920 г., в других партиях не состоял. Основная профессия — «канцелярист-конторщик». С 1911 по 1917 г. на военной службе в крепостном полку во Владивостоке. С 1917 г. — на частной конторской службе. На Камчатке с 21 сентября 1923 г. — казначей, начальник контрольно-пропускного пункта, секретарь-делопроизводитель и уполномоченный информационно-агитационного отдела и врид военкома дивизиона ОГПУ. С 1926 г. — уполномоченный Камчатского окротдела ОГПУ. Оставаясь за начальника погранотряда, присутствовал на заседании Окргбюро ВКП(б) 18 апреля 1928 г. Две характеристики на него за подписью И. Я. Ломбака от 20 мая 1924 г. и 13 июля 1926 г. Первая: «...достаточно энергичный работник, тактичный и умеющий влиять на подчинённых иногда проявляет излишнюю горячность. Выпивает, но очень осторожно». Вторая: «Имеет достаточную инициативу, умеет подбирать себе работников и руководить ими. В работе настойчив и тактичен. Около трёх лет до июля с. г. был комиссаром дивизиона по совместительству и проявлял себя как хороший воспитатель красноармейцев. Занимаемой должности соответствует». Женат. Супруга Ольга Семёновна, дочь Нина.

Васильев Иван Михайлович (1886, д. Куналай Верхнеудинского уезда Иркутской губернии), *основатель с. Николаевка Усть-Камчатского района*, где и жил, ведя личное хозяйство. По определению чекистов, «религиозный фанатик, старовер, кулак». Из

крестьян. Русский. Малограмотный. Семейный. «Лишенец». Прибыл на Камчатку из Амурской губернии в 1911 г. Бывший царский унтер-офицер. Якобы говорил в 1930 г.: «Советская власть хороша для лодырей, а имущего крестьянина старается задавить, но на этом долго не продержится»; в 1931 г.: «В Петропавловске стоит японский миноносец, за бухтой ещё два, в городе ГПУ разогнали, скоро японцы займут Камчатку, будем жить свободно». Арестован 2 июля 1931 г. Привлекался по ст. 58-10 УК РСФСР. Постановлением Тройки при ПП ОГПУ ДВК от 20 ноября 1931 г. выслан с Камчатки с лишением права проживания в погранзоне. Реабилитирован прокуратурой КО 27 июня 1989 г.

Васильев Пётр Иванович (1882, с. Николаевка Ивановского района Амурской области — 8.03.1938, 14.00, г. Петропавловск-Камчатский), в 1922 г. *красный партизан*. По материалам НКВД, участник неудавшегося мартовского антисоветского переворота 1918 г. в Петропавловске. Из крестьян-«кулаков». Русский. Малограмотный. Житель селения Сероглазка. На момент ареста 8 октября 1937 г. — боцман моторно-рыболовной станции. Обвинительное заключение подписано 16 декабря 1937 г. полковником И. Я. Ломбаком с выводом: наказать «по первой категории» (то есть приговорить к ВМН), что и было сделано без указания статьи УК РСФСР Тройкой УНКВД по ДВК 1 февраля 1938 г. Расстрелян врио начальника 4-го отделения УГВ КОУ НКВД лейтенантом Страховым, помощником начальника 2-го отделения Морского пограничного отряда (МПО) НКВД старшим лейтенантом Лисициным, помощником оперуполномоченного 11-го отделения КОУ сержантом Устиновым в присутствии областного прокурора Свиридюка. Реабилитирован Камчатским областным судом 27 февраля 1958 г. В архивном уголовном деле В. есть собственноручное подтверждение Ларина и Фролова от 16 ноября 1957 г., что он в 1921—1922 гг. на Камчатке «принимал участие в партизанской борьбе в качестве связного и в снабжении партизан продовольствием». Документ составлен во время пребывания указанных лиц в КО в связи празднованием сорокалетия Великой Октябрьской социалистической революции.

Васильев Пётр Яковлевич (1882, д. Трубниково Богородицкой волости Кирсановского уезда Тамбовской губернии), *делегат первого и второго Камчатских областных съездов от Ключевской волости*, избранный на первом съезде членом облкома. Из крестьян. Русский. Малограмотный, окончил одно отделение ЦПШ. До того работал в хозяйстве, где имелось восемь десятин земли, корова,

двадцать овец. В 1893 г. отдан учеником в лавку купца Ольховского в г. Моршанске Тамбовской губернии, где находился шесть лет. Затем переехал в Саратов, поступил продавцом в магазин купца Дружинина и работал до 1905 г. На Дальнем Востоке, куда отправился на заработки, поступил продавцом в фирму братьев Скоблиных (Харбин), а в 1906 г. перешёл в магазин компании «Зингер» (Владивосток). В 1907 г. прибыл на Камчатку в надежде перебраться в Америку, так как после русско-японской войны заработок стал снижаться. То же самое замыслили и его товарищи Похлебаев, А. В. Горбунов, С. О. Бейнарович, Пётр Иванов (ходили слухи, что в Америке платят в день по четыре-пять долларов). Из всех туда попал один Иванов. В 1908—1913 гг. — разъездной продавец Камчатского торгово-промышленного общества. Торговал с ламутами и эвенами. В 1913 г. «открыл собственную лавку в Ключах, где производил скуп пушнины, каковую перепродавал коммерсанту Чурину», который кредитовал его товарами. Продавал пушнину японцам. До 1917 г. имел дом, амбар, баню, до четырёх коровы, до пяти телят, три лошади, двадцать ездовых собак. Торговал до 1920 г.: курс денег упал, триста тысяч романовских рублей, что имел В., обесценились. С тех пор работал в личном хозяйстве, имел огород до семиста квадратных метров. В 1928 г. держал хозяйство вместе с братом жены Алексеем Васильевичем Коллеговым. В 1929 г. оба продали катер с мотором в восемь лошадиных сил Мильковскому кооперативу. В 1930 г. напарники разделились, В. продал лошадь. Корову зарезал на мясо в 1932 г. Перед арестом 5 июня 1934 г. работал ассенизатором Ключевского лесокомбината. Постановлением ОСО при НКВД от 22 декабря 1934 г. «за причастность к контрреволюционной шпионской организации и за антисоветскую агитацию» заключён в ИТЛ на три года. «Меморандумом проходящего по делу» к вербовке и дальнейшему использованию не рекомендован как «двойник» и «скрывший свою деятельность на следствии». Реабилитирован Камчатским областным судом 22 апреля 1960 г.

Васильев Пимен Меркурович, или *Меркулович* (1895, с. Демикан Амурской области — 22.09.1938, Петропавловск-Камчатский), *рыбак-охотник* села Николаевка Усть-Камчатского района. Из крестьян. Русский. Малограмотный. В 1925 г. судим «за избивание комсомольца». Арестован (ст. 58-10-13 УК РСФСР), но освобождён в 1934 г. Вторично арестован 3 апреля 1938 г. Обвинён в причастности к расстрелам красных партизан в период гражданской войны на Дальнем Востоке. 10 августа 1938 г. Тройка

УНКВД по ДВК приговорён к ВМН с конфискацией имущества. Реабилитирован прокуратурой КО 30 июня 1989 г.

Васильев Рафаил Семёнович (1867, г. Акша Забайкальской губернии), *благочинный архимандрит Камчатской епархии*. Русский. Холост. Жил в Усть-Камчатске. Арестован 28 апреля 1928 г. за распространение содержания контрреволюционной книги С. Нилу-са «Великое в малом», проведение бесед, «в которых говорил, что существование советской власти есть результат заговора масонов». Следователь А. Домман обратил внимание на пометки, сделанные в книге: «На странице 62-й подчёркнутого текста “Народ саморазрушается партийными раздорами”, Васильев написал “Очень удалось”; на странице 64-й возле текста “В политике надо уметь брать чужую собственность без колебаний, если ею мы добьёмся покорности и власти”, Васильев написал “Уже добились”; на странице 78-й возле текста “Вынудим их предложить нам международную власть” — комментарий “Страшилище”. Подобные идеи проводились также в приготовленных к отправке и изъятых при обыске письмах. В одном из них, адресованном “Обновленческому синоду”, автор причисляет к масонской организации Международную организацию помощи рабочим, а управление Хабаровской епархии убеждает, что “в России... ограбили и увезли на постройку храма Соломона”». Следователь видит в этом намёк на изъятие церковных ценностей и на то, «что социализм — это масонская выдумка и что правительству необходимо отказаться от социализма». Приговорён вместе со своим подельником о. Александром из Ключей постановлением ОСО при коллегии ОГПУ от 16 ноября 1928 г. к одному году лишения свободы. Реабилитирован прокуратурой КО 19 февраля 1990 г.

Васильева Антонина Петровна (1903), *на сентябрь 1929 г. заведующая общим отделом Камчатского окрбюро ВКП(б)*. Из рабочих. Вступила в РКП(б) в 1922 г.

Васильченко Макар Евлампиевич, *13 ноября 1937 г. утверждён заведующим Камчатским обллитом* (цензура).

Васин Сергей Андриянович (1905, д. Поелово Тульского уезда Тульской губернии — 28.05.1944, Камчатка), *с 30 декабря 1939 по 21 ноября 1942 г. — председатель КОИК, после чего первый секретарь ОК и одновременно с 16 февраля 1943 г. Петропавловского ГК ВКП(б)*. Русский. Образование среднее. В ВКП(б) с 1929 г. До сентября 1927 г. был чернорабочим в своей деревне на мельнице Костина, землекопом в Туле, мостовщиком в Москве. В 1927—1929 гг. служил в РККА, младший командир арtpолка. В 1929—

1931 гг. учился на московском рабфаке. С 1931 по 1933 г. — курсант пехотной школы в Москве, Сталинградского лётно-технического училища. В 1933—1935 гг. — уполномоченный по обороне от парторганизации одного из заводов Москвы, там же заведующий райкомвузом 22-го завода, а затем до июня 1937 г. на этом же заводе председатель, секретарь цехпарткома. С июля 1937 по февраль 1938 г. — в Комсомольске-на-Амуре, председатель завкома, секретарь парткома 126-го завода. Затем по сентябрь того же года — секретарь Комсомольского-на-Амуре ГК ВКП(б). В этом городе в сентябре 1938 — августе 1939 г. — председатель горсовета, после чего по декабрь 1939 г. — секретарь президиума оргкомитета Верховного Совета РСФСР по Хабаровскому краю. 10 декабря 1939 г. Хабаровским крайкомом ВКП(б) командирован на Камчатку. 23 августа 1942 г. за образцовое выполнение заданий правительства по снабжению РККА и спецзаданий командования награждён орденом Трудового Красного Знамени⁵. Погиб в авиакатастрофе. Имел жену и дочь.

Васина Вера Алексеевна (1913, г. Бугуруслан), жена предыдущего. Вышла замуж в 1932 г. Из семьи священника, умершего в 1923 г. Русская. С 1924 г. после смерти матери и до 1930 г. пребывала в детдоме г. Балакова Саратовской области, где окончила восемь классов, после чего поступила в Сталинградский химико-фармацевтический техникум, каковой окончила в 1932 г. В 1933—1938 гг. — на 22-м заводе в Москве. В 1930—1938 гг. — комсомолка. Принята в кандидаты ВКП(б) в июле 1938 г. в Москве, с июля 1939 г. — член партии. В Комсомольске-на-Амуре работала технологом гальванических покрытий на 126-м заводе. С августа 1939 г. — домохозяйка. С августа 1940 г. — инструктор сектора статистики и единого партбилета оргинструкторского отдела КОК ВКП(б). В 1942 г. — заведующая кадрами Петропавловского ГИК (домашний адрес в Петропавловске: ул. Ленинская, 86). Партийная карточка выбыла в Москву в ноябре 1944 г.

Вассергисер Алексей Григорьевич (1902, мест. Кодымо в Молдавии), в 1938 г. прокурор погранвойск на Камчатке. Из служащих. Родной язык русский. Образование: общее низшее, специальное юридическое, политическая совпартшкола. В РКП(б) с июня 1923 г. В 1933 г. поставлено на вид за утерю партбилета (обокрали). При выдвижении в члены пленума Петропавловского ГК ВКП(б) в мае 1938 г. на третьей горпартконференции сообщил о себе: «Отец кустарь-портной. Я тоже кустарничал по портняжному делу с отцом. С 1919 по 1921 г. был добровольцем в РККА.

В 1922 г. демобилизовался по возрасту. Работал в сельских советских органах, учился в совпартшколе. Работал народным судьёй, учился в юридической школе. В 1932 г. вторично добровольно вступил в РККА. Работал в различных войсковых частях прокурором... Есть мать, она ничем не занимается. За границей родственников нет, по национальности еврей».

Вахрин Григорий Павлович (1892, с. Салатко Ишимской волости Тобольской губернии — 25.05.1938, Петропавловск-Камчатский), до 1920 г. рядовой армии генерала В. О. Каппеля. Из крестьян-середняков. Русский. Малограмотный. Семья имела дом, завозню, баню, двор для скота, три-четыре лошади, столько же коров, «четыре подростка», семь-восемь овец, свиней, шестнадцать десятин пахотной и до четырёх луговой земли, жнейку-лобогрейку, молотилку, одного батрака. В 1913—1915 гг. — на действительной военной службе. На Камчатке с 1921 г. На момент ареста 27 декабря 1937 г. в с. Николаевка Усть-Камчатского района — член рыболовецкого колхоза. Жена Ульяна Демьяновна, двадцать девять лет, сыновья: Степан, двадцать пять лет, в Благовещенске, Пётр (четырнадцать лет), Иван (одиннадцать лет), Владимир (восемь лет) — в Николаевке. Обвинение, в том числе, в карательных акциях против красных партизан в Сибири, отверг. Дело направлено на рассмотрение Тройки УНКВД по ДВК «по первой категории» (ВМН) Лепиным. 26 марта 1938 г. приговорён к расстрелу с конфискацией личного имущества. Реабилитирован прокуратурой КО 20 июня 1989 г. Его внук, *Вахрин Сергей Иванович* (15.07.1954, с. Тиличики), — член Союза кинематографистов и Союза писателей России, автор книг «Покорители Великого океана», «Встречь солнцу», «Потомки остроклювого бога (камчадалы)». Область творческих интересов: камчатские династии; история освоения Северной Пацифики.

Вацурин Владимир Михайлович (1903 — март 1980, Тула), с 31 мая 1939 до 1 ноября 1940 г. начальник КОУ НКВД. Из семьи почтальона. Русский. Окончил Тульское высшее городское училище, вечерний механический техникум, два курса механического института. В ВКП(б) вступил 5 апреля 1928 г. В 1919—1929 гг. — ученик конторщика, конторщик, кладовщик, завскладом на Тульском оружейном заводе. С июня 1929 по июль 1937 г. там же, техник-планировщик. С июня по 20 декабря 1937 г. — курсант при УНКВД по Тульской области, затем оперуполномоченный 1-го отделения 2-го отдела УГБ в том же управлении. С середины января по конец мая 1939 г. — оперуполномоченный, старший

следователь следственной части, помощник начальника 3-го отделения УГБ, следователь следственной части УНКВД по Тульской области. 7 сентября 1940 г., будучи главой КОУ НКВД, говорил на партсобрании управления о своём ведомстве: «Всех, кто опаздывает на пятнадцать-двадцать минут, необходимо судить, а у нас нет контроля за этим». После Камчатки служил в УНКВД Хабаровского края, в системе ИТЛ НКВД СССР, начальником оперативного отдела лагерей для военнопленных НКВД и МВД СССР. С марта 1950 по апрель 1953 г. — заместитель начальника управления строительства № 247 и ИТЛ МВД, начальник военизированной охраны (ВОХР) в г. Челябинске-40. С апреля 1953 по январь 1957 г. — начальник ВОХР управления Кузнецкого Минюста-МВД СССР, затем по май 1962 г. — командир войсковой части 6616 в г. Челябинске-40. Один год был дежурным заместителем коменданта центральной комендатуры 3-го отдела ВОХР Минохраны общественного порядка РСФСР в г. Челябинске. С мая 1963 г. на пенсии. До кончины жил в Туле. Звания: капитан ГБ (1.07.1939), подполковник ГБ (11.02.1943), полковник внутренней службы (17.12.1952). Награждён орденами Красной Звезды (28.08.1944), Отечественной войны 2-й степени (21.06.1945), девятью медалями.

Вдовин Сергей Иванович (1905), в 1926—1928 гг. — секретарь Камчатского окружкома комсомола. Из рабочих. Мордвин. Кандидат ВКП(б) с 1925 г., член с 1927 г. Окончил Шимоновское ВНУ, Благовещенскую губпартшколу. В 1929—1931 гг. — заворготделом КОИК, в 1932—1933 гг. — заместитель директора Владивостокского политехнического института. В 1934 г. — председатель комитета радиофикации и радиовещания КОИК до 4 мая 1935 г. Состав комитета: В., заместитель председателя и ответственный редактор областной радиоредакции Виктор Николаевич Жилин (1906 г. р., в ВКП(б) с 1931 г.), инструктор обкома ВКП(б) Страхов, *Амтус*, от ОК ВЛКСМ Ким, Садовой (облоно), *Дайн*. В. был председателем Петропавловского ГИ. Отозван в распоряжение Далькрайкома ВКП(б).

Ведев Георгий Митрофанович (1925, г. Железноводск), с июля 1965 по 1969 г. председатель КОИК. Из рабочих. Русский. Образование высшее: очно окончил Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта. В КПСС вступил в феврале 1954 г. В рядах РККА и СА с 1943 по 1946 г., участник ВОВ. В 1946—1947 гг. — начальник горжилуправления г. Железноводска. После окончания вуза прораб, старший инженер, началь-

ник производственно-технического отдела СМУ, начальник Руженской дистанции и строительно-монтажного поезда ДВ железной дороги. В 1957—1960 гг. — председатель Уссурийского ГИК, в 1960—1961 гг. руководил Приморстройуправлением, в 1961—1962 гг. — председатель Владивостокского ГИК, в 1962—1965 гг. там же первый секретарь ГК КПСС. В 1965 г. направлен на Камчатку в порядке укрепления кадров. По возвращению в 1969 г. во Владивосток работал в строительных организациях, в Минсельхозе РСФСР. Награждён орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией».

Вейхман Владимир Вениаминович (1934, Хабаровск), в 1989—1994 гг. председатель правления Камчатского областного добровольного историческо-просветительского общества «Мемориал». Еврей. Сын репрессированного в 1935 г. ответственного секретаря газеты «Тихоокеанский комсомолец». Образование высшее, окончил Ленинградское высшее инженерное морское училище им. адмирала С. О. Макарова. Преподавал в Петропавловск-Камчатском высшем инженерном морском училище. Кандидат технических наук. Автор нескольких книг. Живёт в Израиле.

Велицкий Анатолий Философич (1906), с 13 марта 1948 г. директор Камчатского областного драматического театра. Образование среднее техническое. В комсомоле с 1923 г., в ВКП(б) — с марта 1945 г. Трудиться начал в 1925 г. В июле 1948 г. получил выговор по партийной линии, вынесенный Усть-Камчатским РК ВКП(б). Награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Вельможный Георгий Константинович (1892, Хабаровск — 8.03.1938, Петропавловск-Камчатский), *противник советской власти*. Русский. Образование среднее. Беспартийный. Арестован 2 октября 1937 г. Из обвинительного заключения, подписанного начальником КОУ НКВД И. Я. Ломбаком: «...происходит из семьи дворянина, его отец полковник царской армии, сам В. во время империалистической войны был офицером, Георгиевский кавалер. В 1916—1917 гг. находился в плену в Германии. За границей в Шанхае имеет родственников: мать, сестру, с которыми поддерживает связь. На Камчатке в Микояновском рыбокомбинате в должности финансиста работает с 1932 г.». Отмечалось, что В. являлся инициатором сочинённых вместе с И. С. Евдокимовым песен («в исключительно циничной форме») о руководителях партии и правительства. По словам одного из свидетелей,

В. принадлежит выражение: «Советская власть и компартия хуже, чем любая фашистская власть, грабит народ, разоряет всё хозяйство, расстреливает и сажает честных людей, а дерьмо остаётся». Тройка УНКВД по ДВК от 1 февраля 1938 г. постановила: за контрреволюционную агитацию приговорить к ВМН. Реабилитирован Камчатским областным судом 16 апреля 1957 г.

Вергезов Василий Михайлович (января 1895, с. Новосёлки Нижегородской губ.), до революции — торговец, рыбопромышленник. Из крестьян. Мордвин. Малограмотный. На Камчатке с мая 1913 г. Житель Петропавловска. В 1921—1922 гг. занимался развозным торгом. В феврале 1922 г. участвовал в охране областного центра от красных партизан. По данным ОГПУ, спекулировал: «покупал у японской фирмы Фукуда-Гуми спирт и товар и возил на собственных собаках по западному и восточному берегу Камчатки и менял среди туземного населения на мясо и пушнину. В декабре 1931 г., боясь раскулачивания, распродал своё имущество (за исключением дома, который был конфискован финотделом), второй дом и... пристройку, находящиеся в Солеварке, кроме того, продал две коровы, три телки, восемьсот пудов сена и уехал на материк со своей семьёй на своё прежнее местожительство, где оставил семью в собственном доме в деревне Новосёлки и в 1932 г. возвращается один на Камчатку, где вступил в рыболовецкий коллектив “Камчадал”». Говорил: «С материка люди бегут куда попало — лишь бы спастись от голодной смерти. Вот до чего довели Россию коммунисты. Из такой богатой страны сделали страну нищеты и голода». Арестовывал и производил обыск 29 апреля 1933 г. чекист Степан Ким. Привлекался по ст. 58-10 УК РСФСР. 17 июля 1933 г. приговорён Судтройкой ПП ОГПУ ДВК к пяти годам концлагерей. Реабилитирован прокуратурой КО 23 февраля 1990 г.

Веремей Владимир Иванович (1938), в 1980 г. — председатель Камчатского областного комитета народного контроля. Русский. Кандидат экономических наук. В КПСС с 1958 г. В 1983 г. — первый заместитель председателя КОИК. Награждён орденом «Знак Почёта».

Верещагин Кирьяк Васильевич (1877, с. Облуковино — 22.08.1938, Петропавловск-Камчатский), потомственный гражданин, псаломщик, выполнял обязанности священника. Камчадал. Образование: Тигильская ЦПШ. В пятнадцать лет возвратился в родное село, был псаломщиком Облуковино-Воскресенской церкви с 1893 по 1924 г. Во время русско-японской войны поступил добровольцем в большеперецкую дружину, участвовал во

взятии и уничтожении восьми японских шхун. С 1924 г. занимался сельским хозяйством и рыбной ловлей, однако в группе верующих, по его словам, продолжал состоять «до ликвидации церкви, то есть до 1930 г. июня месяца». В 1927 г. переселился в с. Крутогорово, где крестьянствовал и рыбачил. До 1917 г., живя в церковно-приходском доме, имел: амбар, четыре коровы, три лошади, нарту собак, огород, бат и запор на рыбу. До 1929 г. — дом, амбар, балаган, три коровы, нарту, огород и запор; на момент ареста 3 марта 1932 г. — дом, сарай, стайку, огород, корову и нарту. Был лишён избирательных прав как церковнослужитель. Семья: жена Марья Ильинична, сорока восемь лет, работающий по хозяйству сын Николай (четырнадцать лет), дети-школьники Фёдор, Серафим, Акулина. Слова Верещагина из обвинительного заключения НКВД: «Еретиками, что ли, хотите быть, связываясь с колхозами? Это ведь дьявольское наущение, так они могут и церковь забрать. Если мужики начинают дуреть, то вы, женщины, должны их удержать... Нам, камчадалам, остаётся одно: или лезть в петлю или с оружием идти против. Не стало никакого житья, издеваются над нами!» Привлекался по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Освобождён. Вторично арестован в 1938 г. Без предъявления обвинения приговорён к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован Камчатским областным судом в 1958 г.

Верещаков И. А., в 1918 г. член Камчатского облсовета. Вместе с Лариным и другими направлен на конференцию совдепов ДВ. 18 августа 1918 г., после антисоветского переворота в Петропавловске, возвратился в областной центр на пароходе «Монгугай» вместе с высланными на материк совдеповцами. Был арестован. Ходатайствовал о его освобождении *И. Ф. Голованов.*

Верцинская Анна Николаевна (1908), с 1937 г. директор Петропавловского медицинского училища. Русская. Образование высшее медицинское, врач-педиатр. В ВКП(б) с 1943 г.

Виноградов Василий, направлен на Камчатку Далькрайкомом, на пост *председателя КОИК рекомендован окружным бюро ВКП(б) 5 октября 1930 г.* Тогда же кооптирован в члены окружкома и бюро.

Виноградов Николай Петрович (1909), с января 1938 г. третий секретарь КОК ВЛКСМ. Из служащих. Русский. Образование низшее. В ВКП(б) с апреля 1931 г.

Винокуров Николай Петрович, избран *первым секретарём ОК ВЛКСМ 26 декабря 1938 г., освобождён «в связи с переходом на другую работу» 22 июня 1939 г.*

Винокуров Яков Михайлович (1899, с. Завойко, Камчатка — 25.05.1938, Петропавловск-Камчатский), *после июльского переворота в Петропавловске 1918 г. милиционер в своём селении*. Из мещан. Русский. Образование низшее. На момент ареста 7 января 1938 г. работал в личном хозяйстве. 17 марта 1938 г. приговорён Тройкой УНКВД по ДВК к ВМН с конфискацией имущества. Расстрелян. Реабилитирован прокуратурой КО 22 июня 1990 г.

Витер Василий Сергеевич (1920, с. Жеребец Ореховского уезда в Запорожье — 23.11.1955, Петропавловск-на-Камчатке), *с 1954 г. секретарь КОК КПСС по промышленности*. Из крестьян. Украинец. Образование неполное высшее: окончил четыре курса Харьковского авиастроительного института. В 1937—1948 гг. — в ВЛКСМ, с апреля 1946 г. — член ВКП(б). С сентября 1941 по декабрь 1942 г. — технолог, старший мастер, заместитель начальника цеха завода № 126 Наркомата авиационной промышленности в Комсомольске-на-Амуре. В 1943—1944 гг. — комсорг ЦК ВЛКСМ на том же предприятии. В 1944—1945 гг. — секретарь Хабаровского крайкома ВЛКСМ по пропаганде и агитации, в 1945—1948 гг. — первый секретарь Хабаровского ГК ВЛКСМ. В 1948—1949 гг. заместитель заведующего отделом, заведующий отделом Хабаровского ГК ВКП(б). С октября 1949 по сентябрь 1950 г. — второй секретарь Кировского РК ВКП(б) г. Хабаровска. Затем — двухгодичная Хабаровская крайпартшкола. С мая 1952 г. по января 1954 г. — первый секретарь Кировского РК КПСС. В 1946 г. награждён орденом Красной Звезды за мобилизацию молодёжи на борьбу с империалистической Японией, награждён медалями «За победу над Германией», «За победу над Японией». Умер от онкологического заболевания. Жена Витер Екатерина Григорьевна (1920, г. Андринополь Псковской губернии), из рабочих, русская, с марта 1954 г. работала членом Камчатского областного суда. Дочь *Витер Ирина Васильевна* (1944) — историк, ведущий камчатский краевед. Окончила историко-филологический факультет КГПИ. Главный специалист Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова. Почётный гражданин г. Петропавловска-Камчатского (2011). Автор книги «Хроника строительства города Петропавловска (1740—1923)».

Витько Прокопий Михайлович (1916, с. Райчиха в нынешней Амурской области), *с 29 января 1948 по 25 февраля 1949 г. первый секретарь КОК ВЛКСМ*. Из крестьян. В ВЛКСМ с 1931, в ВКП(б) с 1939 г. Отец служил в Народно-революционной армии ДВР, участник партизанского движения на ДВ. Из автобиографии от

27 мая 1948 г.: «Родители проживают на станции Завитая. Родственников и суждённых за границей не имею». 25 февраля 1949 г. пленум ОК ВЛКСМ по докладу первого секретаря ОК КПСС *Грачёва* принимает постановление: «Снять с работы первого секретаря обкома тов. Витько за пьянку и дебош, одновременно вывести его из состава членов бюро обкома». В 1945 г. награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». В Петропавловске в мае 1948 г. жил с семьёй (жена, дочь, сын) в доме № 28 по ул. Советской.

Вичиркин Тимофей Григорьевич (1868, Воронежская губерния), кандидат к гласным пятой ПГД; согласно официальному списку, в феврале 1922 г. участник охраны Петропавловска от красных партизан. Из крестьян. По профессии бондарь. Неграмотный. Беспартийный. Служил в армии. Основное занятие рыболовство. Имел дом, корову, тёлку, моторный катер, кунгас. В первой половине июля 1917 г. вошёл в состав комиссии по благоустройству Петропавловска. 27 июля 1922 г. схвачен красными на рыбалке и уведён в партизанский стан. Привлекался по «Думскому делу», но был оправдан. На 1923 г. женат, трое детей.

Власкин Александр Степанович (22.11.1904, г. Астрахань), с 31 октября 1937 г. по май 1938 г. председатель КОИК. Сын кустика. Русский. Образование высшее, экономист-плановик. Вступил в ВКП(б) в августе 1926 г. В январе 1938 г. исполнял обязанности секретаря КОК ВКП(б) с правом распорядителя кредитов. В мае 1938 г. — заместитель начальника АКО. Арестован в конце ноября 1938 г., исключён из партии в начале декабря того же года. Привлекался по ст. 58-1а-8-9-11 УК РСФСР. 28 июля 1941 г. дело прекращено по ст. 204-б УПК. Освобождён из-под стражи. Восстановлен в ВКП(б) 9 июля 1941 г. Реабилитирован прокуратурой КО 31 января 1990 г.

Власов Виктор Тимофеевич (1909), с января 1938 г. второй секретарь КОК ВЛКСМ. Из рабочих. Русский. Окончил семилетку. В ВКП(б) с октября 1930 г. С 1925 г. — рабочий, с 1934 г. — служащий.

Власов Феоктист П., младший урядник 1-й сотни СЭО. Убит ранним утром 2 июня 1922 г. в бою с красными партизанами в районе Петропавловской сельхозфермы.

Внучков Юрий Арсентьевич (1932, г. Щучинск Кокчетавской области), чекист. Из семьи служащего. Русский. Образование высшее, окончил Томский университет. В августе-ноябре 1957 г. — преподаватель истории в школе села Володарского Кокчетавской

области. В 1957—1961 гг. — первый секретарь Аиртауского РК ЛКСМ Казахстана (в той же области), в 1961—1962 гг. — заместитель заведующего отделом комсомольских организаций Томского ОК, первый секретарь Томского РК ВЛКСМ. В 1962—1963 гг. — комсорг ОК ВЛКСМ по Томскому производственному колхозно-совхозному управлению. В 1963—1964 гг. — инспектор-парторганизатор парткома того же управления. С ноября 1964 по 1971 г. — оперуполномоченный УКГБ по Томской области, в 1971—1976 гг. — в УКГБ по КО. С марта 1975 по ноябрь 1977 г. — секретарь парткома УКГБ. Жена Валентина Моисеевна (1936 г. р., русская, в КПСС с апреля 1963 г.) в начале 1970-х гг. заведующая кафедрой марксизма-ленинизма КГПИ, избиралась секретарём партбюро института.

Водопьянов Фёдор Яковлевич, в 1922 г. вахмистр 1-й сотни СЗО. По неподтверждённым данным, в конце июля 1922 г. принимал участие в нападении на паратунских партизан, когда погиб Г. И. Елизов. Выезжал (или выехал) во Владивосток на пароходе «Охотск» 29 апреля 1922 г.

Войцешек (умер 2.06.1922), красный партизан КОНРК. По словам Н. П. Фролова, «ещё в царские времена он служил в Сибирской военной флотилии, после Февральской революции 1917 г. служил на судне “Якут”, по-видимому, с него и демобилизовался». Убит в 1922 г. в бою на Петропавловской сельхозферме. Решением Петропавловского горсовета от 26 октября 1967 г. именами всех четырёх погибших там партизан — *Бохняка, Войцешка, Давыдова* и *Тушканова* — названы городские улицы.

Волин Николай Васильевич (1898), с февраля 1941 г. по май 1942 г. председатель Петропавловского горсовета. Русский. Образование высшее, окончил лесной факультет Харьковского сельскохозяйственного института. В РКП(б) с 15 декабря 1920 г. С 1930 по 1941 г. — на руководящей административно-хозяйственной работе, возглавлял отдел местной промышленности управления АКО. 4 февраля 1941 г. утверждён председателем Петропавловского ГИК, в мае 1942 г. освобождён по личной просьбе в связи с состоянием здоровья. Вновь назначен начальником отдела местной промышленности АКО. С ноября 1942 по ноябрь 1943 г. — секретарь Петропавловского ГК ВКП(б) по промышленности, затем заместитель секретаря ГК и заведующий промышленным отделом.

Волков Андрей Николаевич (1899), в 1937—1938 гг. начальник маневренной группы 60-го Камчатского пограничного отряда НКВД. Русский. Окончил Военно-политическую академию им. Толмачёва. В РКП(б) с октября 1919 г. В 1938 г. ему были

предъявлены следующие обвинения: «В прошлом активный участник кулацкого восстания против советской власти. В бою с коммунистами и комсомольцами при восстании В. ранен. Восстание было подавлено прибывшими регулярными частями Красной Армии. Работая на Камчатке в должности начальника мангруппы, всю свою работу строил на развале военной дисциплины и боевой подготовки. Пьянствуя сам, он всячески поощрял процветание пьянства среди комсостава и красноармейцев. В результате пьянства был такой факт, когда один командир батареи, напившись, пришёл на занятия красноармейцев пьяным, в результате чего занятия были сорваны...» Дальнейшая судьба неизвестна.

Волков Василий Евсеевич (1916), с 16 декабря 1961 г. по 1966 г. начальник УВД, Управления охраны общественного порядка КОИК. Русский. Образование высшее. В ВКП(б) с октября 1941 г. В боевых действиях участия не принимал. Награждён орденом Красной Звезды и шестью медалями.

Волков Владимир Иванович (12.01.1939 — март 1997), в 1987—1992 г. ректор КГПИ. Русский. Кандидат исторических наук. В КПСС с мая 1963 г. Трудовую деятельность начинал в 1961 г. учителем и воспитателем Козыревской школы-интерната. Работал в Усть-Камчатском РК КПСС. В начале 1970-х гг. — заведующий лекторской группой КОК КПСС. В 1979—1980 гг. — председатель Камчатского областного телерадиокомитета. С 1980 г. — заведующий отделом науки и учебных заведений КОК КПСС. Награждён четырьмя медалями.

Волкодав Никандр Арсеньевич (1878), во второй половине 1930-х гг. председатель Петропавловского горсовета. Из рабочих. Профессия — стекольщик. В большевистской партии с 1907 г. До 1918 г. трудился на железной дороге. По 1920 г. — красный партизан. С 1921 г. работал на разных должностях. На Камчатке с 1929 г. В 1932 г. заместитель председателя Петропавловского горсовета. Партчистку прошёл в августе 1933 г. Мнение товарища по партии (Лесков): «Закалённый и преданный большевик, за дело болеет, работает хорошо... Недостаток в том, что он неудовлетворительно развит, надо ему в этом подтянуться». В 1937 г. — врид ответственного секретаря Камчатской областной партколлегии. При разборе его дела на бюро ОК ВКП(б) выдвигались обвинения в том, что, заведя Амурским окрсобесом в 1928 г. распродал за бесценку самому себе, своей родне, знакомым, друзьям принадлежащие собесу золотые часы, хромовую кожу, мебель и т. д., а на Камчатке организовал колхоз «Амурский партизан», завезя

с Амура «десять кулацких семейств, которые впоследствии оказались разоблачёнными как шпионы и контрреволюционные элементы, ныне изъяты». Из партии исключён.

Волович Иосиф Павлович (1902), в конце 1930-х инструктор политотдела Камчатского морского пограничного отряда. Из служащих. Еврей. Родной язык русский. Образование низшее. В ВЛКСМ не состоял. В ВКП(б) вступил в июле 1927 г. (пребывал в ней с 1920 по 1921 г., выбыл механически). Специальности нет. В 1937 г. избирался делегатом партконференции НКВД Московской области. Награждён ценными подарками. Был арестован КОУ НКВД. 11 августа 1938 г. выведен из состава членов бюро и пленума Петропавловского ГК ВКП(б) как «враг народа».

*Воловников Марк Петрович (ум. 1948), революционер. Большевик с 1917 г. Прибыл на Камчатку в 1918 г. как представитель Союза Приамурских кооперативов. По свидетельству Чекмарёва, создал Союз кооператоров Камчатки (СКК) и был его председателем при членах Кириллове и Суконникове. Сразу же после июльского переворота в Петропавловске вошёл в редакционную комиссию газеты «Камчатский вестник». За подрывную антиправительственную деятельность выслан во Владивосток. Выехал 17 июля 1919 г. на пароходе «Астрахань». После его отъезда председателем СКК стал Кондратьев, а членами Грызлов, Тюменцев, Черняев, *Богомоллов*. В 1920 г. — уполномоченный Камчатского облвоенревкома и Совета трудового народа во Владивостоке. 25 июня 1920 г. с женой Свиридовой снова приехал в Петропавловск как член совета Рыбного управления, принимал участие в перерегистрации камчатской организации РКП(б). 5 сентября 1920 г. избран депутатом в Народное собрание ДВ, а зимой 1921 г. — в Учредительное собрание ДВР от Петропавловска, вышел из его состава весной того же года в связи с переходом КО «в ведение Советской России». Работал при МВД правительства ДВР. Осенью 1921 г. — один из руководителей советской Камчатской экспедиции комиссара Кларка, направлявшейся из Шанхая в Петропавловск, но задержанной японцами. По сведениям А. А. Пурина, ехал со штатом чекистов, чтобы возглавить госполитохрану КО. Белые именовали его двойной фамилией: Фрумкин-Воловников (газета «Камчатский листок» за 1 марта 1922 г.). После гражданской войны — на ответственной работе на Китайско-Восточной железной дороге, в столичных наркоматах. В 1937 г. репрессирован. Отбывал срок на Колыме и в Читинской области, где и умер.*

Волокитин Александр Фёдорович (1868), делегат первого Камчатского областного съезда 1917 г. от острова Беринга, избран на нём членом облкома. Три года учился, не окончив, в Читинской военно-фельдшерской школе. По собственному признанию, неверующий с девятнадцати лет. В РКП(б) вступил 1 августа 1921 г. Приказом управляющего КО В., временно допущенный к должности командорского уездного фельдшера, с 1 августа 1919 г. увольняется с неё и вовсе от службы. В июне 1924 г. получил строгий выговор с предупреждением об исключении ВКП(б) без права вступления в случае повторения варки «зюйды» членами его семейства. В 1929 г. — член агитационно-пропагандистского отдела Камчатского окрбюро ВКП(б) и Беринговской партячейки.

Волчков Степан Тимофеевич (46 лет в конце мая 1919 г.), согласно официальному списку, в феврале 1922 г. участник охраны Петропавловска от красных партизан. С марта по май 1923 г. — сторож-уборщик Камчатского губернского отдела ГПУ.

Вольский Михаил Петрович (настоящая фамилия Мышкин) (1897 — 1938), в 1923—1926 гг. председатель Камчатского ГРК. Из рабочих. Окончил реальное училище. В большевистской партии с 1917 г. В 1918 г. воевал на Самарском фронте, затем в начале 1920-х гг. командовал отрядом красных партизан в Сучанском районе Приморья, награждён орденом Красного Знамени. Прибыл на Камчатку 21 декабря 1922 г. в качестве командующего советским экспедиционным отрядом войск Охотско-Камчатского края. 1 февраля 1924 г. возглавил организованный в этот день на Камчатке отряд частей особого назначения⁶. Оклад В. в 1924 г. в должности председателя ГРК составлял 440 руб. в месяц при средней зарплате рабочих и служащих 95 руб. В 1926—1930-х гг. — председатель Амурского окрисполкома, Владивостокского городского и Приморского исполкомов, заместитель председателя Далькрайисполкома. Репрессирован. Жена Валентина с февраля 1923 г. — машинистка-переписчица в губотделе ГПУ, а 6 марта освобождена «ввиду её болезни» и исключена из списков этого ведомства.

Воробьёв Владимир Георгиевич (1937), в 1968—1972 гг. редактор газеты «Камчатский комсомолец». Русский. Образование высшее педагогическое заочное. Вступил в КПСС в октябре 1962 г. В середине 1960-х гг. — сотрудник «Камчатской правды», в 1980-х гг. — собственный корреспондент «Правды».

Воробьёв Фёдор Семёнович (1903, Москва — январь 1934, Хабаровск), согласно официальному списку, в феврале 1922 г. участвовал в охране Петропавловска от красных партизан. Из служащих.

Русский. Образование низшее. По профессии радист. Арестован 17 марта, освобождён 8 апреля 1933 г. Вторично арестован 3 мая 1933 г. Привлекался по делу «Автономная Камчатка». Судтройкой ПП ОГПУ ДВК приговорён 1 января 1934 г. к ВМН с конфискацией имущества по ст. 58-2-6-7-11. Реабилитирован в 1957 г. вместе с другими «автономистами».

Воронин Андрей Яковлевич (1877, Тамбовская губерния), кандидат к гласным пятой ПГД 1922 г. Из крестьян. Малограмотный. Плотник по профессии. Работал в личном хозяйстве. На службу призывался в 1900 г. *За оборону Порт-Артура награждён Георгиевскими крестами*. В начале ноября 1916 г. «Камчатский листок» сообщал: В. и его сестра Марья оштрафованы (по двадцать рублей с каждого), а в случае неуплаты получают семь суток ареста за продажу браги. Имел дом, кунгас. На 1923 г. женат, детей не было.

Воронцов, делегат второго Камчатского областного съезда 1918 г. от Облуковинской волости. Произнёс речь перед его открытием после молебна — благодарил завойкинцев за свержение советской власти.

Воротников Иннокентий Петрович (41 год на конец мая 1919 г.), чиновник. В 1916 г. — делопроизводитель канцелярии губернатора КО. Коллежский регистратор. В августе 1918 г. — делопроизводитель технического отдела при ОК. В ноябре того же года — техник при городской управе, городской аукционист. В 1919 г. — архивариус, делопроизводитель областного управления (4 июня получил строгий выговор от управляющего КО Н. Н. Червянского за несоставление ему справки о призыве на службу инородческого населения), затем с 19 июля — начальник Ольской участковой милиции Охотского уезда.

Ворошилов Александр Александрович (1890, с. Большерецк, Камчатка), в 1920-е гг. председатель Большерецкой религиозной общины. Сын торговца. Камчадал. Образование низшее. На момент ареста 17 апреля 1933 г. являлся председателем рыболовецкой артели «Заря». Проходил по делу «Автономная Камчатка»: ст. 58-2-11 УК РСФСР. Приговорён к десяти годам лишения свободы с конфискацией дома, скота, ездовых собак. Бежал из Дальлага 20 декабря 1935 г. Дальнейшая судьба неизвестна. Реабилитирован ВТ ДВО 27 апреля 1957 г.

Ворошилов Александр Алексеевич (1882, Петропавловск-на-Камчатке — начало января 1934, Хабаровск), делегат второго Камчатского областного съезда, гласный второй ПГД 1918 г.

Из мещан. Окончил учительские курсы в Хабаровске. Беспартийный. Военскую повинность не отбывал. Неимуций. В 1923 г. — надсмотрщик Петропавловской радиостанции. Женат, пятеро детей. На момент ареста 19 марта 1933 г. — бухгалтер конторы связи. Осуждён по делу «Автономная Камчатка» к ВМН. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. ВТ ДВО.

Ворошилов Гавриил Афанасьевич (1871, с. Хутор Петропавловского уезда), *делегат первого Камчатского областного съезда 1917 г. от Завойкинской волости, с 1917 по 1920 г. — председатель Завойкинского волостного комитета.* Из мещан. Русский. Окончил городское училище. Начиная с 1905 г. почти три года учительствовал на материке в селе Авдеевке, затем в селе Коряки и около двух с половиной лет в ЦППШ села Завойко (ныне Елизово). В 1913 г. занялся своим личным хозяйством. В 1916—1930 гг., вплоть до закрытия церкви в Елизово, по просьбе верующих исполнял обязанности *псаломщика*. По словам М. П. Сметанина, призывал верующих не отдавать церковь и не подводить священников — не рассказывать коммунистам о содержании проповедей. В марте 1918 г. был на стороне участников неудавшегося антисоветского переворота в Петропавловске. «В 1918 г. мною было получено распоряжение от областного комитета о высылке в Сероглазку всех людей, способных носить оружие, для борьбы с организовавшимся в городе Советом. Я это распоряжение разослал по селениям». От имени Завойкинской волости прислал поздравительную телеграмму «июльцам», свергшим совдеп в Петропавловске. «При власти Советов (с января 1920 г. — *В. П.*) я был смещён... лишён избирательных прав, за что не знаю, восстановлен был в 1924 или 1925 г., затем опять лишён как церковнослужитель». Председательствовал на Завойкинском (июль 1918 г.) волостном съезде, объявившем на Камчатке диктатуру местного населения⁸. На момент ареста 31 августа 1931 г. имел в селе Хутор дом, корову, одну голову «молодняка». Обвинялся по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Признался только, что был против самообложения, ссылаясь на то, что сумма большая, а дохода мало. 14 января 1932 г. осуждён Тройкой при ПП ОГПУ ДВК на пять лет лишения свободы. Реабилитирован прокуратурой КО 19 февраля 1990 г.

Ворошилов Иннокентий Павлович (8.11.1897, с. Мильково, Камчатка), *в 1923 г. псаломщик.* Из семьи священника. Русский. Образование: ВНУ и двухгодичные педагогические курсы. В 1915—1924 гг. — мильковский учитель. Затем вёл своё хозяйство. Имел дом, крытый корой, два амбара, баню, сарай, две лошади, две коровы,

две головы «молодняка», две свиньи, восемь собак. Женат, пятеро детей. Арестован вместе с отцом *П. М. Ворошиловым*. В один день и приговорён Тройкой, и тоже к десяти годам. Как и отец, реабилитирован в 1964 г.

Ворошилов Николай Александрович (1878, с. Апача, Камчатка), *псаломщик*. «Не помню, в каком году я вступил в члены религиозно-церковного культа». Камчадал. Малограмотный. Отец торговец. В 1892 г. семья переехала в с. Большерецк. В 1903 г. женился и жил там до 1908 г. С восемнадцати лет занимался охотой и рыболовством. С 1908 г. жил в селе Привольном, в 1918 г. обосновался в селе Соболево, взял в семью воспитанником Харлампия Смирнова, который затем был у него работником. В 1922 г. — врио председателя Соболевского волкома. С 1924 по 1925 г. работал сторожем на японском заводе № 12. В 1925—1927 гг. жил в селе Воровском (впоследствии переименовано в посёлок рыбокомбината им. С. М. Кирова). Держал два-три работника. В 1927 г. вернулся в Соболево. С 1928 г. — «лишенец» как служитель культа. По характеристике Саввы Самборко, «очень хитрый и осторожный человек». 1927 июня 1929 г. президиум КОИК отклонил ходатайство В. о восстановлении в избирательных правах как ничем не проявившего лояльности к советской власти. Будучи противником коллективизации, в 1931 г. вступил в колхоз. В 1933 г. арестован по ст. 58-10, но через три месяца выпущен. В 1934 г. вновь арестован (ст. 58-10-2). На заседании спецколлегии ДВ краевого суда в ноябре 1935 г. заявил: «Все показания свидетелей ложны». Осуждён на десять лет лагерей с конфискацией всего имущества. Имел дом, пристройку, стайку, корову, две лошади, восемь собак, лодку, рыболовную сетку. К 1935 г. женат, двое сыновей и две дочери. Реабилитирован Президиумом Верховного суда РСФСР 14 февраля 1990 г.

Ворошилов Мартемьян (39 лет в 1924 г.), в 1924 г. *председатель селькома села Крутогорово Соболевской волости*. Неграмотный. Беспартийный. Согласно Н. П. Фролову, «человек рассудительный и благодаря хорошему секретарю тов. Кочетову канцелярия поставлена удовлетворительно».

Ворошилов Павел Михайлович (1873, с. Мильково), в 1914—1923 гг. — *мильковский священник*. Из мещан. Русский. Образование низшее. С 1 октября 1919 г. — законоучитель мильковского ВНУ. При обыске в сентябре 1924 г. у него на квартире чекисты обнаружили несколько листовок «контрреволюционного характера». Посажён в ИТД в Петропавловске. Постановлением

уполномоченного Камчатского ГО ОГПУ от 2 октября 1924 освобождён, так как не подтвердилось, что найденное принадлежит ему. Тогда же, в Петропавловске, дал подписку о прекращении богослужения и написал (или кто-то написал за него. — В. П.) в газете, что религия дурман и обман народа. Но, по словам односельчанина, председателя колхоза «Безбожник» Бобряка, вернувшись, начал отказываться от написанного, «боясь, что потеряет своих приспешников и кулаков для дальнейшей работы и наживы... начал подпольно крестить детей, давать женщинам молитвы после родов. Но об этом дознались деревенские комсомольцы и произвели обыск, и были найдены требы и разные другие вещи, нужные для проведения тайного богослужения». На момент ареста на рыбалке 24 августа 1931 г. — рыбак-охотник села Мильково. Имел дом, крытый оцинкованным железом, два амбара, сарай, четыре лошади, «четыре штуки молодняка до трёх лет», двух свиней, три нарты с двадцатью четырьмя собаками. 14 января 1932 г. постановлением Тройки при ПП ОГПУ ДВК приговорён к десяти годам заключения. Реабилитирован Камчатским областным судом 15 июля 1964 г.

Ворошилов Федот Павлович (1871, с. Завойко), *противник советской власти*. Русский. Малограмотный. На момент ареста 15 сентября 1931 г., живя в Елизово, имел семью из пяти душ, деревянный дом с крышей из оцинкованного железа, два амбара, сарай, лошадь, две коровы, восемь штук «молодняка до трёх лет», три нарты, одиннадцать собак и три четверти десятины земли. В 1928 г. имел четыре коровы и двенадцать штук «молодняка». Работал в своём хозяйстве, занимался охотой и рыбной ловлей. «В 1931 г. весной, когда нам, единоличникам, отвели земли под посев, то по прибытии на этот участок я говорил, что здесь земля плохая, и я считаю, что мы здесь только вложим труд напрасно и здесь всё равно ничего не получится... я говорил, что в коллектив записываться не надо, что из колхозов ежедневно выписываются...» Один из свидетелей по делу В. приводил его слова: мол, в 1918 г. плохо сделали, не разогнав и не постреляв всех большевиков, а то бы «жили по-старому». Камчатский окружной прокурор Шаркевич согласился с направлением дела в Тройку, которая 14 января 1932 г. по ст. 58-10-11 УК приговорила В. к пяти годам концлагерей. Семью отправили на спецпоселение. Реабилитирован прокуратурой КО 21 февраля 1990 г.

Востриков Александр Степанович (1894), в 1932—1935 гг. *председатель Камчатского облпрофсовета*. Из крестьян. Рабочий-

шахтёр. Образование: начальная школа и высшая школа профдвижения. В РКП(б) с августа 1918 г. С апреля 1918 г. на советской работе: секретарь волостного исполкома, член президиума уездного исполкома. В 1919—1921 гг. служил в РККА. С 1921 г. — на профсоюзной работе: инструктор, секретарь и председатель губотделов профсоюзов, председатель окрпрофсовета, руководитель одной из групп ВЦСПС. 16 декабря 1932 г. КОК ВКП(б) утвердил оргбюро окружного совета профсоюзов в составе: председатель Востриков, члены Корзинин, Мурашко, Гейман, *Дайн*, Куклин, Тюменцев. На первой Камчатской областной партконференции в декабре 1933 г. избран членом бюро КОК ВКП(б), из которого выбыл 15 октября 1935 г. Из рабочих сводок милиции за 1934 г.: «По Никольской, дом № 12, проживает Востриков, которому 14—15 августа один куль белой муки, пятнадцать килограммов сахара, пятнадцать банок консерв, с совхоза возят яйца, сметану, творог и разные овощи, всё это со слов Пеношковой, незаконно, часто у В. собираются ответработники, пьянствуют». Имел жену, ребёнка.

Вострикова Софья Наумовна (1898, г. Бердянск), *жена предыдущего*. Из рабочих. Еврейка. Образование домашнее (самоучка). В большевистской партии с 1917 г. До 1917 г. — работница по найму. В 1919—1920 гг. заведующая бердянским партклубом. В 1924—1925 гг. работала в кооперации. В 1927—1928 гг. — в г. Глухове, секретарь Добровольного общества «Друг детей». В 1928—1930 гг. — там же председатель комитета помощи пострадавшим от контрреволюции. В 1930—1931 гг. — фасовщица химического завода в Москве. На Камчатке с 1933 г., судья в Петропавловске. В 1934 г. — председатель Камчатского областного комитета МОПР.

Врублевский Станислав Романович (1901—1934), *политэмигрант-самоубийца*. В 1924 г. вступил в компартию Польши. Был там секретарём РК, информатором ЦК компартии Польши. Пройдя обе партчистки в СССР, не имея взысканий, покончил с собой в должности председателя Камчатского областного комитета МОПР. На заседании КОК ВКП(б) 26 июля 1934 г. констатировалось: «Считать установленным факт комиссии, что самоубийство т. В. произошло в силу глубокого болезненного физического и морального состояния... Похоронить в обычном порядке».

Выборнов Алексей Егорович (1887, Рязанская губерния), *с августа 1926 до марта 1928 г. управляющий Петропавловской таможней, в 1934 г. заведующий Петропавловским горздравом*. Из крестьян-бедняков. Отец — ломовой извозчик. Общее образование:

сельская школа. В РКП(б) вступил в 1920 г. В 1904—1906 гг. работал в деревне, в частности у огородника Сорокина. С мая по декабрь 1913 г. — домашний фельдшер у паралитика. В 1910 г. окончил школу ротных фельдшеров. Участник Первой мировой войны. В гражданскую войну служил в РККА, в том числе политруком, воевал с белополяками и махновцами. В 1924—1925 гг. — в погранвойсках ОГПУ. В Петропавловск прибыл 1 августа 1926 г. Подозревался в причастности к троцкистской группе, главой которой считался *Григорьев*. На опросе у следственной комиссии заявил: «...Григорьев стал доказывать, что, как бы то ни было, а вина ЦК в тех излишних жертвах, которые несёт пролетариат в процентном отношении китайских революционеров в связи с изменой Чан Кайши... Сковородько мне сказал, что Г. ему сказал, что у меня имеется литература оппозиции, остался и шифр, что меня крайне возмутило, и я сказал Сковородько своё мнение о Г., что в его присутствие в Петропавловске понял его как афериста или имеющего цель нажить капитал. Сковородько также сказал мне, что Г. передавал ему, что он меня оставил как организатора, на что мною Сковородько было сказано, что никогда на это не соглашусь, и своё мнение на подпольную работу сказал Г., осуждая тактику оппозиции». Вопрос: «Не говорил ли Григорьев, что пришлёт литературу с материка?» Ответ: «Он даже говорил, что придёт литература из Усть-Большерецка, но я этому не придавал значения, так как знал, что он это всё врёт». Вопрос: «Почему ты не сообщил об этом в Окрбюро?» Ответ: «Боялся, что меня могут посчитать за доносчика. Будучи уверен, что оно ничего не сможет сделать». Вопрос: «Не примыкал ли к группам и фракциям в прошлом?» Ответ: «Всегда активно поддерживал линию партии и ЦК». Снят с должности управляющего таможней в 1928 г. и по ст. 111 УК РСФСР осуждён на один год условно с запретом занимать эту должность. За укрывательство уголовно наказуемого преступления получил строгий выговор по партийной линии. Далее, по одним сведениям, работал в АКО, по другим — в Камчатском окрздраве. При партчистке 1933 г. Пошехонов попросил его поподробнее остановиться на участии в оппозиции, на что тот ответил: «По своему партийному убеждению я в оппозиции не был и не буду. Вся история с этим вопросом была вызвана неким Григорьевым, сказавшимся троцкистом, который искажил мои разговоры с последним по политическим установкам». 23 ноября 1935 г., в должности заврайфо, исключён из ВКП(б) Усть-Камчатским РК партии за сокрытие участия в троцкистской оппозиции: «Будучи начальником

таможни, предоставлял в распоряжение троцкистов пишущую машинку для размножения троцкистских листовок, вёл вместе с другими троцкистами разлагательную работу внутри партийной организации». В райфо допустил перерасход по бюджету четырёх тысяч рублей. Следствие установило, что В. в 1905—1907 гг. был эсером. В 1936 г. областной суд приговорил его по ст. 58-14 УК РСФСР к пяти годам лишения свободы без конфискации имущества.

Выломов Николай Васильевич (1897, г. Лысьва на Урале), советский и хозяйственный работник. Из рабочих. Русский. Образование «нисшее». По профессии литейщик-формовщик. В РКП(б) вступил в Томской губернии в 1920 г. В 1916—1918 гг. — рядовой на Юго-Западном фронте. Окончил артиллерийские курсы, в 1918—1923 гг. служил в РККА, воевал против Колчака, Унгерна, Дитерихса. В 1923—1924 гг. — уполномоченный губревкома по Командорскому уезду. С октября 1924 по август или сентябрь 1925 г. — председатель Мильковского волревкома. Местная партиячейка разбирала, но прекратила дело об обольщении В. девушки. В 1926—1927 гг. — председатель Командорского райревкома (член-секретарь Крупенин, члены беспартийные Волокитин и Паньков), а в 1928—1929 гг. — председатель Карагинского РИК. В 1929—1931 гг. — на Командорских островах, помощник начальника пушных промыслов. В мае-июле 1931 г. в Петропавловске, директор управления островных хозяйств АКО. В 1931—1932 гг. возглавляет Алеутский национальный РИК, в 1932—1934 гг. работал директором зверосовхозов Командорских островов. В 1934 г. направлен на учёбу в Хабаровск.

Выходцев Поликарп Ефимович (1908), в первой половине 1942 г. оперуполномоченный КОУ НКВД. Русский. Образование среднее. В 1940 г. принят в кандидаты ВКП(б). 3 июля 1940 г. утверждён оперуполномоченным Тигильского райотдела НКВД. В июле 1942 г. утеряти кандидатскую карточку. Из постановления бюро КОК ВКП(б) от 14 декабря 1942 г.: «...в Палане в окротделе НКВД допускал нарушения воинской и чекистской дисциплины, за что трижды подвергался аресту. Работая в ОУ НКВД, будучи уже исключен первичной партийной организацией, т. В. также имел десять суток ареста. В. не хотел работать в органах НКВД, поэтому пытался обманным путём, под предлогом болезни, уволиться из органов НКВД и выехать с Камчатки». За это и утерю карточки, а также «за нарушение конспиративной чекистской работы» исключен из партии 31 августа 1942 г. Петропавловским ГК

ВКП(б). КОК ВКП(б) подтвердил данное решение. В это время В. трудился в АКОтехснабе чернорабочим.

Вяткин Михаил Васильевич (1907), в 1943—1948 гг. начальник КОУ НКВД — МВД. Из крестьян. Русский. Образование низшее. В ВКП(б) с апреля 1927 г. Специальности нет. В 1943 г. имел орден «Знак Почёта», в 1948 г. — Красной Звезды. В ВОВ не участвовал.

Гаврилин Иван Петрович (1893, Нижегородская губерния), убийца белого генерала Фёдорова в селе Ивашка в 1922 г. Из крестьян. Русский. Образование низшее: ЦПШ. После школы девять лет занимался крестьянским хозяйством и отхожим промыслом. В Первую мировую войну в 1915—1918 гг. находился в германском плену на территории Голландии, Бельгии, Франции. Несколько раз бежал из-за плохого содержания и обращения. По возвращении домой до декабря 1919 г. — в отряде по борьбе с контрреволюцией и дезертирством. Был взводным пулемётного батальона, сопровождающим эшелона на Польский фронт. В 1920 г. окончил военно-пехотные курсы в Симбирске, после чего — комвзвода и начальник пулемётной команды при запасном полку в Казани. До августа 1921 г. учился в высшей военной школе. Встретил знакомых по плену и поехал на ДВ. По пути во Владивостоке задержали белые. В столице Приморья оказался безработным. Добровольно поступил в формирующуюся на Первой речке конвойную команду — водил арестованных на допросы. Уволился в мае 1922 г. На Камчатку попал, нанявшись к торговцу Фокину. С 1923 г. работал в ОКАРО. Портрет Г., нарисованный краеведом Р. Юшиным, скорее всего, со слов отчима П. И. Юшина: «Этот высокий, стройный, с офицерской выправкой, человек вёл большую агитационно-пропагандистскую работу среди местного населения, проводил беседы о советской власти, разъяснял брошюру “Азбука коммунизма” (авторы Н. Бухарин и Н. Преображенский. — В. П.) и т. п. Старожилы припоминают, что Г. был членом большевистской партии». Из допроса охотника-рыбака села Дранки П. Н. Примака 4 апреля 1934 г. в ОГПУ: «Генерал-майор Фёдоров вызвал к себе на квартиру Гаврилина И. П. и спрашивал его, кто он такой, где учился, где служил и как попал на Камчатку. Гаврилин говорил ему, что он якобы учился в юнкерском училище в г. Чите. Генерал Фёдоров ему задал вопрос, а кто был начальником училища, на что Гаврилин И. Н. назвал какую-то фамилию, поле чего у генерала с Гаврилиным произошла ссора, и Гаврилин генерала в доме Панкарина Сидора убил из

револьвера. После убийства, боясь репрессий со стороны белых, Гаврилин организовал отряд из жителей с. Ивашки, Дранки, частично из Караги. Отряд был организован, человек двадцать. Начальником был выбран Гаврилин, помощником был Панкаринов Павел и Панкаринов Сергей. Отряд никаких действий не принимал, а стоял в Дранке на охране...» В середине 1930-х гг. Г. уверял, будто ссора с Фёдоровым произошла из-за того, что тот угрозами заставлял его вступить в отряд *Бочкарёва*. По словам ивашкинского охотника Н. Я. Загороднего, труп застреленного генерала бросили в озеро близ села (долгое время, пишет Р. Юшин, местные жители называли это озеро Генеральским). А «Гаврилин И. П. боялся белых и находился всё время в лесу на охоте». В письме П. В. Лонгинова Р. Юшину от 23 октября 1967 г., говорится, что Г. показывал ему и другим браунинг убитого им в Ивашке бочкарёвца. «Был он спокойный и исполнительный человек. Когда ликвидировали отряд белых, наш мухинский отряд оставался в Наяхане и командиром у нас был Г., а Мухин стал его помощником. После нашего отъезда с севера Г. остался в Наяхане». Лонгинов утверждал, что в сентябре 1934 г. он ехал с ним в Хабаровск, и тот был с женой. «Г. в тридцатых годах работал в торговле в системе АКО в Каменском... Советовал выехать на жительство в Минусинск Красноярского края, видимо, сам он был родом из тех мест». Р. Юшин: «В селе Ивашка он убил в декабре 1922 г... бочкарёвского посланца — Дмитриева (участники событий называют его генералом Фёдоровым. — В. П.), по документам действительный статский советник, лейб-медик императорского двора Крамник, который был уполномочен собирать ясак с местных жителей, налоги с торговцев, мобилизовать в белогвардейские банды население, составлять списки “неблагонадёжных”. Гаврилин... явился и организатором боевых дружин в сёлах Дранка и Ивашка, состоявших из тридцати пяти человек». Эти сведения о Г., добавляет Р. Юшин, сообщил ему красный партизан В. И. Семёнов, с которым краевед переписывался. Г. взяли под стражу 19 декабря 1933 г. в селении Каменском. Обвинялся по ст. 58-2-6-10-11. Доставлен в Хабаровск 22 декабря 1934 г. Постановлением Тройки УНКВД по ДВК от 2 февраля 1935 г. лишён права проживания в тридцати девяти режимных местностях. На следующий день получил обратно изъятые документы, в том числе воспоминания о партизанстве и «фотокарточки банды Бочкарёва». Реабилитирован в 1993 г.

Гаврилов Октябрь Вячеславович (1.11.1928, г. Владивосток), с 21 октября 1983 по 27 мая 1991 г. начальник УКГБ СССР по

КО. Из служащих. Русский. Образование высш.: в 1968 г. окончил историческо-правоведческий факультет ДВГУ (заочно) по специальности «юрист». В КПСС с 1956 г. В 1943 г. окончил среднюю школу во Владивостоке, с мая 1945 г. по август 1946 г. — матрос парохода «Родина» Дальневосточного морского пароходства. В 1946—1950 гг. — учащийся Владивостокского судостроительного техникума. С августа 1950 г. — старший технолог завода № 105 Министерства судостроительной промышленности в Советской Гавани. 25 августа 1953 г. зачислен на службу в органы МВД СССР, в августе 1955 г. окончил школу № 307 КГБ при Совмине СССР в Хабаровске. В 1955—1966 гг. — помощник оперуполномоченного, оперуполномоченный отдела УКГБ по Приморскому краю, затем начальник отделения аппарата УКГБ по Приморскому краю в городе и порту Находка. С 1 сентября 1967 г. — там же заместитель начальника отдела, с 12 октября 1973 г. — заместитель начальника отдела, с 9 апреля 1975 г. — начальник водного отдела УКГБ по Приморскому краю. 11 сентября 1978 г. назначен заместителем начальника того же управления. После Камчатки 27 мая 1991 г. исключен из списков личного состава в связи с увольнением с действительной военной службы в запас КГБ (по возрасту) с правом ношения формы. В 1999 г. уволен в отставку. В 2003 г. — председатель совета ветеранов органов ГВ Приморья. Звания: младший техник-лейтенант (30.04.1953), лейтенант (29.07.1955), старший лейтенант (7.09.1958), капитан (4.11.1962), майор (16.12.1966), подполковник (16.02.1971), полковник (19.04.1976), генерал-майор (28.04.1985). Награждён орденами Красной Звезды (13.12.1977) и Отечественной войны 2-й степени (6.04.1985), медалями «За боевые заслуги» (30.10.1967), «За отличие в охране государственной границы СССР» (9.09.1974), «40 лет Вооружённых Сил СССР» (22.02.1958), «20 лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (7.05.1965), «50 лет Вооружённых Сил СССР» (26.12.1967), «За воинскую доблесть. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (5.11.1969), «60 лет Вооружённых Сил СССР» (28.01.1981), «Победа на Халхин-Голе» (1984), «60 лет Вооружённых Сил МНР» (29.12.1981), «Ветеран Вооружённых Сил СССР» (28.04.1984), «70 лет Вооружённых Сил СССР» (28.01.1988); ведомственными наградами — нагрудным знаком «Почётный сотрудник госбезопасности» (29.04.1980), медалями «За безупречную службу» 3-й (4.12.1963), 2-й (10.12.1968) и 1-й (12.12.1973) степеней, юбилейными нагрудными знаками «50 лет погранвойскам СССР»

(28.05.1968), «60 лет ВЧК-КГБ» (13.12.1977) и «70 лет ВЧК-КГБ» (2.12.1987); нагрудным знаком «Почётный работник Морского флота СССР» (14.12.1982). Занесён в Книгу почёта УКГБ СССР по КО (20.12.1988).

Гайдамак Василий Илларионович (1881, Малороссия, с. Великие Бубны Роменского района, ныне Сумская область — январь 1934, Хабаровск), согласно официальному списку, *в феврале 1922 г. участник охраны Петропавловка от красных партизан*. Из крестьян. Русский. Малограмотный. Унтер-офицер царской армии. В 1917—1928 гг. — смотритель Петропавловского маяка, экспедитор горместхоза. Согласно утверждению некоторых жителей Петропавловска, 29 октября 1921 г. встретил хлебом-солью высадившуюся в городе казачью сотню генерала Н. А. Полякова. Ордер на первый арест Г. при советской власти подписал Н. П. Фролов, произвёл арест в тот же день 28 декабря 1922 г. Докало. В 1931 г. лишился должности заведующего пекарней АКО, где хлеб, по мнению ОГПУ, выпекался недоброкачественный, а Г. относился к работе халатно. Вторично арестован 10 марта 1933 г. Проходил по делу «Автономная Камчатка». Обвинялся по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР. Приговорён Судтройкой ПП ОГПУ ДВК 1 января 1934 г. к ВМН. Дом, скот, охотничье оружие конфисковано. Реабилитирован ВТ ДВО 27 апреля 1957 г.

Гайман Михаил Николаевич (1906), *с 13 февраля по 7 апреля 1935 г. председатель Союза госторговли и кооперации Камчатки*. Из служащих. В ВКП(б) с 1929 г. Был электромонтёром, кассиром облсуда в Ижевске, конторщиком уездного фининспектора, затем снова электромонтёром во Владивостокском коммунальном тресте. На Камчатке с 1932 г. Тогда же утверждён председателем Окрживсоюза. При партчистке 1933 г. *Дайн* заявил: «Знаю Г. по Биробиджану. Его работа в профсоюзах была образцовой. Г. перебросили на Камчатку как одного из лучших профработников. Он всегда старался помочь низовке». *Давкиас*: «Знаю с 1918 г. по Владивостоку. Участия его в революционной работе не замечал. Будучи в союзе молодёжи, он держал себя обособленно». Чистку прошёл. С 7 апреля 1935 г. уполномоченный областного совета профсоюзов по Усть-Большеречскому району.

Галайда Виктор Анатольевич (11.03.1957, г. Вяземский Хабаровского края), *с 6 сентября 1986 г. первый секретарь КОК ВЛКСМ (двадцать восьмой по счёту)*. Из рабочих. Русский. Образование высшее: Хабаровский институт народного хозяйства, планово-экономический факультет по специальности экономист

материально-технического снабжения. На комсомольской работе с 1983 г. В феврале 1988 г. рекомендован на трёхгодичное очно-заочное отделение Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Галимов Анас Хатимович (1939), в 1980—1987 гг. председатель Камчатского облтелерадиокомитета. Татарин. Образование высшее. В КПСС с июня 1970 г. До назначения был заместителем редактора «Камчатской правды».

Галкин Георгий Иванович (1919), в 1960—1970-х гг. секретарь Петропавловского ГК КПСС. Русский. Окончил педагогическое училище. В ВКП(б) с 1944 г. В ВОВ не участвовал. В 1954 г. — первый секретарь Олюторского РК КПСС. Награждён орденом Трудового Красного Знамени, двумя медалями.

Галкина Олимпиада Герасимовна (1907), 5 марта 1954 г. утверждена начальником Петропавловского городского отдела культуры с освобождением от заведования отделом писем «Камчатской правды». Русская. Образование среднее, окончила высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу. В ВКП(б) с 1928 г.

Ганцев Семён Васильевич (1887, д. Тархановка Самарской губернии — начало января 1934, Хабаровск), с 19 марта 1917 г. кандидат к членам Петропавловского городского комитета и помощник Петропавловского уездного комиссара; гласный пятой ПГД 1922 г. Из крестьян. Русский. Малограмотный. С 1909 г. служил писарем в суде Иркутского военного округа, с 1917 г. — в Камчатской местной воинской команде. 12 марта 1917 г. на общем собрании граждан Петропавловска избран в комиссию по выяснению наличия предметов первой необходимости. 19 марта городской комитет избирает его помощником уездного комиссара А. М. Пименова, в июне становится помощником секретаря Петропавловского окружного суда. До 1920 г. служил у Колчака. В 1920 г. — областной комиссар юстиции. В феврале 1922 г., согласно официальному списку, участвовал в охране Петропавловска от красных партизан. Привлекался, но был оправдан, по «Думскому делу». На следствии высказал свою позицию по поводу бело-красного противостояния 1921—1922 гг. на Камчатке. «Вопрос: “Какая цель была посылки делегации во главе с *Артюхиным*, *Кобцевым* и *Косыгиным*?” Ответ: “Я понимал исключительно с той целью, чтобы помирить красных с белыми”. Вопрос: “Для какой цели помирить?” Ответ: “Я считал, что на Камчатке война между русскими людьми бесцельна”. Вопрос: “Между какими русскими людьми?” Ответ: “Между белыми, хотя и бандитами, и между красными”. Вопрос: “Какая участь постигла бы

коммунистов, если бы они сложили оружие?” Ответ: “Я не знаю. Не могу ответить”. Вопрос: “Чем вы объясняете вмешательство Думы в политику?” Ответ: “...решено послать делегацию по предложению Артюхина и уговорить народно-революционный комитет отказаться от кровопролития”. С 11 января 1924 г. — помощник бухгалтера в городском финотделе. Из его служебной характеристики: «Работу знает практически удовлетворительно, теоретически подготовки не имеет, усидчив, настойчив. К возложенным на него обязанностям отношение честное и выполняет вполне удовлетворительно, к соввласти и компартии отношение безразличное. Службой дорожит». Затем занимал должность счетовода в окрфо. На момент ареста 22 июня 1933 г. — старший бухгалтер в г. Сочи. Проходил по делу «Автономная Камчатка» (ст. 58-2-6-7-11). Приговорён Судтройкой ПП ОГПУ ДВК 1 января 1934 г. к ВМН. Реабилитирован ВТ ДВО 27 апреля 1957 г.

Гапанович Иван Иванович (21.07.1891, Санкт-Петербург — 27.01.1983, Канберра, Австралия), участник *неудавшегося переворота 1921 г. в Петропавловске*. Из семьи чиновника. Образование высшее, в 1913 г. получил диплом первой степени историко-филологического факультета Петербургского университета. В Первую мировую войну воевал прапорщиком, участвовал в «Брусиловском прорыве». С лета 1918 г. — на Камчатке, где «ещё не утвердилась власть советов и жизнь, по слухам, была легче, чем в голодном Петербурге». 21 августа 1918 г. газета «Камчатский вестник» писала: «Принятый на службу гражданин Г. прикомандирован к бюро по созыву второго Камчатского областного съезда». В эмиграции Г. вспоминал: «Мне было поручено составление доклада о регламентации пушного промысла на Камчатке. Не зная ни этого промысла, ни самой страны (области. — В. П.), я смело составил доклад на основании проектов бывшей губернаторской канцелярии; делегаты слушали и одобряли...» За две недели до начала съезда та же газета сообщила о составленном милицией протоколе на некоторых лиц за появление в публичных местах в пьяном виде. Среди них оказался Г. Сразу же после съезда он увольняется «по собственному желанию» и уезжает учительствовать в с. Кахтану (Корякия), но в 1919 г. управляющий областью Н. Н. Червлянский и заведующий училищами П. Я. Сусляк издают приказ о лишении с 1 сентября Г. места «за непредоставлением документов об образовательном цензе и ввиду преступно-небрежного... отношения к своим обязанностям в истекшем учебном году». Атиколчаковский переворот в Петропавловске в янва-

ре 1920 г. резко меняет положение Г., испытывавшего тягу к науке и с интересом изучавшего Север. Эти знаниягодились ему за границей при работе над книгой «Россия в Северо-Восточной Азии» (вышла в Пекине в 1933—1934 гг.). Весной 1920 г. Г. снова попадает в Петропавловск уже делегатом Первого чрезвычайного уездного съезда. «Учёный человек. Представительный. Хорошо поставленный голос...» Говоря на съезде о японской рыбной оккупации Камчатки, он приводит в пример Паланскую волость, где две реки (на одной два, на другой пять селений): «Японцы на своих участках, кроме лова рыбы, самым бессовестным образом эксплуатируют местное население. Мелкие японские рыбалки исключительно занимаются скупкой пушнины на спирт. Не мешало бы привлечь их к ответственности по русским законам». До приезда Ларина занимал его место член Совета трудового народа. 20 апреля 1920 г. медицинские и ветеринарные работники Петропавловска известили власти, что с первым же парходом покинут Камчатку «вследствие невозможности работать с врид комиссара (народного здоровья и ветеринарии. — В. П.) Гапановичем, не могшим на собрании 20 апреля ясно ответить на вопросы о взаимоотношении их и комиссариата и даже позволившем себе оскорбить их». Был председателем следственной комиссии для предварительного расследования дел, подсудных трибуналу (члены П. С. Савинский и Ф. Н. Попов). На праздновании 1 мая 1920 г. Г., в частности, сказал: «Трудовой народ свергнул тиранию Колчака, пытавшуюся снова повергнуть его в рабство и не остановившегося перед призывом иноземцев в родную страну. Япония грозит нам не открыто, но и не тайно». 11 июня 1920 г. после отъезда П. С. Маловечкина — исполняющий обязанности комиссара продовольствия и снабжения. По словам Б. И. Мухачёва, Г. не воспринимал Ларина как руководителя и не скрывал этого. На Третьем Камчатском областном съезде при выборах председателя КОИК И. Е. Ларин опередил Г. всего на один голос. Как признавался последний в мемуарах, опубликованных в 1967 г. на русском языке в Нью-Йорке, хотя ему и соблазнительно было стать во главе управления, а не только критиковать таковое, он отказался от этой должности. Прожив три года на Севере, чувствовал, что отстал от событий на материке и хотел видеть сам, куда шло их развитие. «Кроме того, я мог быть полезен для области и во Владивостоке, где находился золотой ключ ко всем нашим планам. Съезд, согласившись с этим, поручил мне отправиться туда в качестве уполномоченного по

делам Камчатской области...» При содействии камчатских депутатов Приморского Народного собрания *А. Д. Батурина* и *И. Д. Добровольского* Г. удалось с трудом (особенно по части денег) уговорить Владивостокское правительство оказать помощь КО. Пока он вёл переговоры в Приморье, в Петропавловске «возобладала группа с коммунистическими симпатиями, которая провела постановление о подчинении Камчатки непосредственно советскому правительству. Очередной переворот во Владивостоке ещё более подлил масла в огонь». «Местные власти (по возвращению в Петропавловск. — *В. П.*) встретили меня враждебно, — вспоминал Г., — мешали дать отчёт в работе...» 20 июня 1921 г., на третий день после возвращения, делегация Г. созвала митинг. К концу доклада он указал на необходимость выделить Камчатку в такую единицу, которая могла бы все государственные вопросы решать самостоятельно, независимо от центральной власти. После этого, пишет Г., власти прибегли к прямому нападению. «Большой дом, в котором я жил со своими знакомыми, подвергся осаде, которая длилась две недели и если не привела к плачевному для нас концу, то только благодаря тому, что мы были вооружены, хотя и меньше, чем наши противники, которые не отличались храбростью». 11 июля 1921 г. представители селений Завойкинской волости заявили, что берут «авантюристов» на поруки и будут содержать их как арестованных. Обнарявком, во избежание кровопролития, согласился. 12 июля их обезоружили и обязали дать подписку об отказе от агитации и вмешательства в политическую жизнь края. В тот же день Г. отправили в Паратунку, *А. Попова* — в Микижу, *Бабкина-Байкалова* — в Завойко. Там им предстояло находиться впредь до высылки их с Камчатки. Двое других бунтовщиков (*П. Попов* и *Кумпан*) были оставлены на свободе. В 1923 г., по сведениям историка *А. Хисамутдинова*, Г. организовал на нижнем Амуре предприятие по снабжению заброшенных приисков. Затем работал в исследовательском институте, во Владивостокском отделе Русского Географического общества. В 1925 г. бежал в Китай. Сначала занимался педагогической деятельностью в Шанхае, затем с 1931 г. преподавал древнюю и русскую историю в Национальном Цинхуаском университете в Пекине. После Второй мировой войны эмигрировал в Австралию. Автор фундаментальных трудов об историческом синтезе и палеоазиатах. Вспоминая о годах русской смуты, Г. писал: «У меня была вера, которую я разделял со всей русской демократической интеллигенцией, вера в возможность третьего

пути для русской революции. Вера эта не оправдалась в самой России, и тем более это было невозможно на далёкой Камчатке. Для меня лично следом, оставшимся от четырёхлетней там жизни, осталась одна книга...» Он имеет в виду издание «Россия в Северо-Восточной Азии», вышедшее в 1933—1934 гг. в Пекине в двух частях: «Колонизация Севера в прошлом и настоящем», «Богатства Севера, их эксплуатация и возможности».

Гарднер Иннокентий Константинович (1880, Петропавловск-на-Камчатке — начало января 1934, Хабаровск), *брат последующего*. Русский. Малограмотный. Рыбак-охотник. Кто-то из Гарднеров, возможно, он, нашёл при разработке своего огорода «в разное время» (но объявил о том только летом 1921 г.) старинные медные монеты: пять копеек 1774 г., одну деньгу 1745 г. и две копейки 1814 г. Арестован 27 апреля 1933 г. Проходил по делу «Автономная Камчатка». Обвинялся по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР. Приговорён Судтройкой ПП ОГПУ ДВК 1 января 1934 г. к ВМН. Реабилитирован ВТ ДВО 27 апреля 1957 г.

Гарднер Константин Константинович (1875, Петропавловск-на-Камчатке), *в 1926—1928 гг. диакон Петропавловского собора*. Из крестьян. Камчадал. Образование низшее. До двадцати лет жил при отце. Затем — на разных работах, «на выгрузках». Заработал на дом и купил его в 1901 г., отделился. В 1914 г. поступил сторожем в церковь, одновременно был псаломщиком. С 1928 г. и на момент ареста 29 февраля 1932 г. — рыбак. Признался, что в 1931 г. в присутствии Сычёва говорил: «...советская власть арестовывает всех попов и высылает на материк. Она, наверно, скоро и меня арестует, как бывшего дьякона. Теперь нам, церковнослужителям, жить стало плохо, на службу никуда не принимают, и живи, как хочешь, продуктов никаких не дают, даже и хлеба, и то не дают...» Привлекался по ст. 58-10 УК РСФСР. Выслан постановлением Тройки ПП ОГПУ ДВК от 19 мая 1932 г. в Западную Сибирь на три года с конфискацией дома. Реабилитирован прокуратурой КО 21 февраля 1990 г.

Гарднер Павел Константинович (1906, Петропавловск-на-Камчатке — начало января 1934, Хабаровск), *сын предыдущего*. Камчадал. Малограмотный. В 1925—1927 гг. состоял в ВЛКСМ, исключён. Разнорабочий, затем безработный. Был судим по ст. 74 УК РСФСР, получил два года принудительных работ. На воинском учёте не состоял. Арестован 9 марта 1933 г. Обвинялся в шпионаже в пользу Японии и других политических преступлениях. Приговорён Судтройкой ПП ОГПУ ДВК 1 января 1934 г.

к ВМН. Реабилитирован в 1957 г. вместе с другими проходившими по делу «Автономная Камчатка».

Гаднер Пётр Константинович (1905, Петропавловск-на-Камчатке — начало января 1934, Хабаровск), брат предыдущего. Камчадал. Образование низшее. Разнорабочий, затем без определённых занятий. Дважды судим за хулиганство. Холост. Арестован 1 марта 1933 г. Привлекался по делу «Автономная Камчатка» по ст. 58-2-6-8-9-11 УК РСФСР. Осуждён Судтройкой ПП ОГПУ ДВК 1 января 1934 г. к ВМН. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. ВТ ДВО.

Гарелик Семён Адольфович (1915), 12 апреля 1961 г. утверждён начальником Петропавловской городской милиции. Из рабочих. Еврей. Образование среднее. В ВКП(б) с сентября 1938 г. Из анкеты делегата 13-й Камчатской областной партконференции (сентябрь 1961 г.): «Участвовал на фронтах с первого до последнего дня». 9 декабря 1965 г. докладывал первому секретарю Петропавловского ГК КПСС Д. И. Качину: в 1964 г. в медицинском вытрезвителе побывало 4 644 чел., а к 1 декабря 1965 г. — 4 835, число членов партии среди них снизилось с 80 до 62 при одновременном увеличении комсомольцев с 39 до 53. «Матрос СРТ “Портовик” Д. допился до такого состояния, что на днях явился в милицию и попросил, чтобы его посадили в “камеру смертников” и был помещён в психоневрологический диспансер». Награждён орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, Красной Звезды, восемью медалями.

Гарсов Фёдор Семёнович, до и после 1917 г. адвокат. Из раздела «Шпионаж» информационной сводки ОГПУ от 16 апреля 1927 г.: «Находящееся в Петропавловске японское консульство проявляет заинтересованность в торговой деятельности японских фирм путём участия в прибылях на комиссионных началах с последними. Имеет связь с антисоветскими лицами города Гарсовым и Проскуряковым, причём первый — адвокат, по непроверенным сведениям, выполняет консулу какие-то юрисконсульские обязанности в русско-японских вопросах за некоторое вознаграждение. Осенью прошлого года Гарсов занимал у консула 1 600 иен...»

Герасимов Яков Авакумович (1919), со 2 марта 1952 г. первый редактор рыбацкой многотиражки «За высокие уловы». Русский. Образование неполное высшее. В ВКП(б) с апреля 1943 г. В 1961 г. — главный редактор книжной редакции газеты «Камчатская правда». Участник ВОВ, командовал взводом. Награждён медалью «За боевые заслуги».

Геращенко Анатолий Георгиевич (1928), в 1970-х г. секретарь КОК КПСС по сельскому хозяйству. Русский. Образование высшее. В КПСС с сентября 1957 г. Награждён двумя орденами «Знак Почёта», медалью «За трудовую доблесть».

Герц Гурий Ильич (6.07.1915, Иркутск), с октября 1958 г. освобождённый секретарь парторганизации УКГБ по КО. Русский. Из рабочих. Образование неполное среднее. В ВКП(б) с сентября 1942 г. Отец Илья Петрович — слесарь железнодорожных мастерских — после смерти в 1921 г. жены Ядвиги Герц-Бочковской лишился рассудка и кончил жизнь в психбольнице (1936). Г. в 1921—1924 гг. беспризорничал, до 1930 г. воспитывался в детском доме «Юный транспортник». В 1930—1932 гг. — ученик школы фабрично-заводского ученичества в Чите-1. Там же в 1932—1933 гг. — слесарь 6-го разряда паровозо-вагоноремонтного завода. В 1933—1936 гг. — слесарь 7-го разряда, бригадир, сменный мастер Иркутского завода № 104. В 1936—1937 гг. — во Владивостоке, курсант учебного отряда ТОФ. В 1937—1940 гг. — инструктор-преподаватель отряда, в 1940—1941 и 1941—1942 гг. — старшина группы мотористов бригады подводных лодок ТОФ, старшина группы мотористов. В 1942—1947 гг. — оперуполномоченный, старший оперуполномоченный особого отдела ТОФ во Владивостоке. Участник войны с Японией. С 1947 по 1951 г. там же заместитель начальника отделения водного отдела МГБ. С 1951 г. — в Петропавловске. До 1953 г. начальник такого же отделения. В январе 1953 г. — начальник отделения охраны МГБ в Петропавловском порту, затем — заместитель начальника 6-го отдела УКГБ по КО. В ноябре 1958 г. имел ежемесячной денежное содержание 7 590 руб. плюс компенсация продовольственного пайка по 13 руб. 32 коп. в сутки. Жена Елена Владимировна не работала. Сыновья 1948 и 1953 г. р. Награждён орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги». Согласно данным анкеты делегата 7-й областной партконференции (с совещательным голосом) от 2 сентября 1952 г., принимал участие в ВОВ.

Гиренко Татьяна Николаевна (1949), с 1987 г. первый секретарь Мильковского РК КПСС. Русская. Образование высшее. В КПСС с 1980 г. В 1985 г. — заместитель заведующего отделом сельского хозяйства и пищевой промышленности КОК ВКП(б).

Главацкий Сергей Николаевич, в конце 1940-х гг. директор Камчатского областного краеведческого музея. 3 февраля 1948 г. на бюро Петропавловского ГК ВКП(б) отказано в приёме в кандидаты

партии «как недостаточно проявившему себя в практической общественной работе и не работающему над повышением своего идейно-политического уровня».

Глаголевский Василий Евгеньевич (1898, г. Чита — январь 1934, Хабаровск), *проходил по делу «Автономная Камчатка»*. Сын лесничего. Русский. Образование среднее: окончил Читинское коммерческое училище. В 1916—1917 гг. — гардемарин в Петрограде. В армии Колчака с 5 апреля 1919 по 28 января 1920 г. В материалах дела «Автономная Камчатка» значится: «Служил у Колчака 1919—1921 г. гардемарином и юнкером Ноковской школы на Русском острове... В 1922 г. судился за кражу, в 1923 г. как участник Гайдовского восстания был вычищен из советского аппарата по первой категории, в 1924 г. привлекался к ответственности по делу злоупотреблений в Петропавловской таможне...» На момент ареста его *Заярным* 4 мая 1933 г. заведовал Камчатской областной страховой кассой. Жене Надежде Ивановне, домохозяйке, было 34 года, дочери — семь лет, сыну — четыре года. Приговорён к ВМН по ст. 58-2-6-7-11 УК РСФСР. Вину признал частично. Реабилитирован ВТ ДВО 27 апреля 1957 г.

Глебов Дмитрий Дмитриевич (1907), *чекист*. Из рабочих или крестьян-бедняков. Русский. Образование среднее. В комсомоле с 1923 г., в ВКП(б) с декабря 1932 г. В конце 1930-х гг. — сотрудник УГБ УНКВД по КО. В 1937 г. — комсорг управления. В 1939 г. — оперуполномоченный НКВД Усть-Камчатского района.

Гловацкий Георгий Николаевич (1907, Одесса), *с июля 1939 г. директор Камчатского областного драматического театра*. Из семьи офицера. Образование среднее. 11 апреля 1940 г. принят кандидатом ВКП(б). В 1926—1929 гг. на станции Могоча трудился бухгалтером-экономистом «Дальзолота». С мая 1929 по ноябрь 1930 г. служил в РККА, младший командир. С декабря 1930 по май 1931 г. — бухгалтер Главного лесного управления в Хабаровске, затем до февраля 1932 г. — член агитгруппы крайкома ВЛКСМ «КИМ» на Камчатке. Постановлением комфракции Камчатского облсовпрофа от 28 мая 1933 г. с работы завклубом снят «как выходец из классово-чуждой среды». 8 июня 1933 г. выведен также из состава путинной агитбригады (был руководителем). С июня 1934 по ноябрь 1938 г. — директор Петропавловского парка культуры и отдыха. До июля 1939 г. — в культотделе обкома рыбаков.

Глотов Григорий Степанович (1913), *в 1938 г. оперуполномоченный КОУ НКВД*. Русский. Образование среднее. Беспартийный. Принимал участие в расстреле приговорённых к ВМН.

Глухарёв А. В., в 1921—1922 гг. — красный партизан КОНРК. До ухода в сопки партизанить — народный охранник (милиционер). С возвращением в Петропавловск в ноябре 1922 г. был делопроизводителем коменданта города Н. П. Фролова. В январе 1928 г. находился на материке.

Глухов Михаил Сергеевич или Кузьмич (1897), в 1938—1939 гг. управляющий Камчатской областной конторой Госбанка, в 1938 гг. врид начальника областного финансового отдела. Из служащих. Русский. Образование неполное высшее. В марте 1918 г. вступил в большевистскую партию. Начал трудиться с семнадцати лет. 25 марта 1939 г. снят с работы и исключён из ВКП(б) «за неправильную информацию в телеграммах товарищу Сталину и товарищу Молотову и присвоение рационализаторских предложений по реорганизации хозяйства Камчатки, за клевету на горком ВКП(б) о смазывании вопросов, поставленных о работе банка, за дачу обобщённых секретных цифр об экономическом состоянии хозяйства рыбной промышленности Камчатки в эфир, неискреннее признание своих ошибок и недоверие всей первичной партийной организации».

*Глуховецкий Владимир Михайлович (30 лет в 1926 г.), с декабря 1923 по май 1924 г. врид заведующего агитационно-пропагандистским отделом Камчатского губернского бюро РКП(б). Сын молдавана-наборщика. Образование низшее: двухклассное училище. Профессия — наборщик. В большевистской партии с 1919 г. Во время Первой мировой войны рядовой, в гражданскую — в РККА на низших командных должностях. Участвовал во взимании продналога. 6 марта 1924 г., в связи с решением губбюро РКП(б) о желательности организации на Камчатке «Лиги времени», вошёл в её оргбюро вместе с *Вольским*, *Лариным*, *Туриловым*, *Горбачёвым* и *Бузиным*. Из закрытого письма чекиста Одяницкого партийному руководству Камчатской губернии: «Почему завагит т. Г., старый партиец, женился, сделав под секретом незаконный аборт, на проститутке Новограбленовой, всё время смотревшей на красных как на врагов, с смаковым удовольствием вспоминавшей времена интервенции и своё бесплатное путешествие в Японию за счёт командиров японских миноносцев?» В ответе Одяницкому значилось: «Если Г. женился на проститутке Новограбленовой, то этим поступком он хотел перевоспитать её и сделать вполне хорошего человека» (14 июля 1924 г. Анна Трифоновна Глуховецкая была принята в члены профсоюза). В секретном докладе на имя ответственного секретаря губбюро *Д. С. Бузина*, не называя*

его предшественника В. Кручину, Г. писал: «Несмотря на сравнительно большой период времени существования здесь, на Камчатке, губбюро РКП, как целый год, работа такового не двинута была не на йоту, если не считать издание бульварной газеты “Полярная Звезда”». С 1 ноября 1924 г. Г. — контролёр контрольно-бухгалтерского подотдела Камчатского губфинотдела. В «Сведениях об ответработниках, числящихся в Камчатском губфо на 1 декабря 1925 г.», отмечалось, что Г. «с работой знаком удовлетворительно... не в меру самолюбив».

Глушков Николай Константинович (1895), с 1 января по 1 июня 1923 г. начальник Камчатского губотдела ГПУ. «Из крестьян-служащих». Учился в частном реальном училище И. Т. Баженова и школе живописи и ваяния в Москве. В РКП(б) с 29 марта 1921 г. До этого, в 1911—1912 гг., — анархист. Мобилизован в армию в 1916 г., в том же году попадает в дисциплинарный батальон «за антиправительственную агитацию и оскорбление помощника адмирала Грейга в Николаеве». В апреле 1917 г. в звании пехотного прапорщика дезертирует с германского фронта. В РККА с 1918 г., инспектор Всеобуча в Москве, адъютант для поручений, начальник исполнительного отряда ревтрибунала 8-й армии. В 1920 г. — комендант и военрук Николаевского военкомата, в 1921 г. — помощник военрука Московского военкомисариата, помощник начальника охраны лагерей принудительных работ РСФСР. В декабре 1922 г. прибыл на Камчатку в составе батальона М. П. Вольского. После освобождения от работы в ГПУ со 2 июля по 30 августа 1923 г. — председатель Анадырского уревкома. Уволен в связи с психическим заболеванием. В январе-феврале 1924 г. — ответственный секретарь губпрофбюро. Постановление губбюро РКП(б) от 8 декабря 1924 г.: «Отправить тов. Г. (по его заявлению) в распоряжение Дальбюро ЦК РКП с просьбой в порядке плановой переброски отправить его в Москву». Владел немецким языком.

Голованов Иван Фёдорович (1876 — начало января 1934, Хабаровск), депутат Второй Государственной Думы от социал-демократической фракции; кандидат в члены Всероссийского Учредительного собрания от той же партии на выборах 29 октября 1917 г.; с 6 января по 4 марта 1918 г. Камчатский областной комиссар; 7 апреля 1918 г. избран членом облсовета, гласный Пятой ПГД 1922 г. Из астраханских крестьян. Русский. Образование среднее сельскохозяйственное. В ВКП(б) с 1925 г. Прапорщик запаса. 12 марта 1923 г. писал о себе: «Мои полити-

ческие взгляды более или менее ясно стали выявляться в 1896 г., ещё... на школьной скамейке. По прослушивании курса политической экономии (в 1894 г.) и чтения по экономическим вопросам у нас — учеников земледельческого училища — шли непрерывные споры по аграрному вопросу. Одни из нас стояли за общественное пользование (эсерствующие), другие — за частную собственность на землю, ведущую к раскрепощению (эсдекствующие). Но до первой революции 1905—1906 гг. я не вступал в партию, хотя к этим годам определённо стал последователем Маркса. В конце 1905 г... я приехал в г. Омск... это было, как мне помнится, уже после заключения перемирия с японцами в русско-японскую войну, когда мы, я и несколько запасных солдат, провели протест-требование в своём батальоне, стоявшем в г. Сызрани, о демобилизации нас. Каковое требование было удовлетворено — нас распустили. Вот после этой демобилизации я поехал в Омск в Переселенческое управление, в котором служил до призыва меня во время войны. Кажется, в этом году я и вступил в члены Социал-демократической партии в Омскую организацию её, повторяю, точного года не помню. В выборную кампанию членов в Государственную Думу второго созыва, а таковая в Тургайской области, куда я был назначен Переселенческим управлением из Омска заведующим складом сельскохозяйственных машин и орудий, проходила в конце 1906 и начале 1907 г., я вступил как уже социал-демократ. В это время из Омской организации был командирован в г. Кустанай Тургайской области, где я проживал, один из партийных работников, тов. Рябков, чтобы провести в Думу партийного кандидата. Кампания наша увенчалась успехом — я был выбран в члены Государственной Думы второго созыва от Тургайской области как социал-демократ. В Думе я вошёл в социал-демократическую фракцию, принадлежа к левому её крылу — большевиков. После разгона Думы — 3 июня 1907 г. — я в числе других товарищей-депутатов был арестован, судим и приговорён четырём годам каторги. Каторгу отбывал, как и большинство нас, депутатов, часть в Петроградской пересыльной тюрьме, а затем мы в числе шести человек (я, Вагжанов, Юдин, Чашин, Петров, Миронов) были отправлены в Нерчинскую каторгу, а именно в Акатуевскую каторжную тюрьму. С каторги на поселение вышел в 1911 г. и был назначен в ссылку в Посольскую волость Верхнеудинского уезда Забайкальской области, куда прибыл 20 июля 1911 г. С выходом на поселение я, оставаясь по убеждениям социал-демократом, в партийную организацию не вступал

вследствие того, что всё время был, как политический ссыльный, под надзором полиции и жандармерии. Вследствие этого... принимать более или менее деятельное участие в политической работе не рискую, только своими посещениями провалить партийную организацию, с одной стороны, и оказаться в новой ссылке уже в Якутской области — с другой. Пришлось работать как специалисту-агроному. С 1 октября 1914 по 1 января 1916 г. был младшим земским инструктором по молочному хозяйству — работа была чисто консультативная, ибо права отлучки из Читы, как политический ссыльный, не имел. С 1 января по 1 июля 1916 г. включительно был инспектором по сельскохозяйственной части Департамента земледелия... В Чите с апреля 1912 по 1 сентября 1916 г. (время приезда на Камчатку) мы, ссыльные, группировались около Союза забайкальских кооперативов, где и принимал то или иное участие. Кроме того, во время проживания в Чите я, примерно, с 1 декабря 1914 г. по день выезда на Камчатку, был секретарём Забайкальского сельхозобщества, секретарём редакции журнала “Забайкальский хозяин” и фактическим редактором этого журнала, официально же редактором, как ссыльный, не имел права быть. За время проживания в Чите я сотрудничал в местной газете “Забайкальская новь”, в кооперативном журнале “Наше дело”, в котором в первое время был одним из членов редакционной комиссии. Сотрудничал в специальном журнале “Молочное хозяйство и скотоводство” (г. Москва). Принимал деятельное участие в организационной работе по созыву Забайкальского областного кооперативного съезда в марте месяце 1916 г., на каковом мною прочитан доклад “Кооперативное маслоделие”... С приездом на Камчатку (19 сентября 1916 г.) до февральской революции я исключительно работал как специальность-агроном в должности заведующего Петропавловской сельхозфермой». По словам Г., как социал-демократ, 19 марта 1917 г. был избран кандидатом к членам Петропавловского горкома и секретарём Первого Камчатского областного съезда. Поддерживал Временное правительство России. С 3 мая по 13 июля был правителем канцелярии камчатского областного комиссара. С 31 мая являлся сначала членом, а с 1 июля по 11 августа — председателем строительной комиссии. С 25 июля того же года на областном съезде единогласно избран помощником областного комиссара и 28 августа вступил в эту должность (исполняя её также 13—19 декабря). В связи с отъездом К. П. Лаврова 1 сентября во Владивосток исполнял должность областного комиссара. Выставлял свою

кандидатуру в Учредительное собрание, но не прошёл «вследствие некоторых нарушений моими противниками-эсерами и эсерствующими, группировавшимися около эсера Лаврова». От должности областного комиссара освобождён по личному настоянию 5 января 1918 г. В декабре 1917 г. без приказа организовал комитет по введению земства, распущенный в конце февраля 1918 г. совдепом. Переход власти от облкома к советам называл переворотом, который «свершился здесь без каких бы то ни было жертв, сравнительно тихо, механически, если не считать наши бурные митинги». 23 марта 1918 г. был избран представителем Рабочего союза в Петропавловском горсовдепе, 25 марта — таковым в облсовете. Председатель горсовета 1918 г. большевик А. С. Топорков-Олейник отзывался о нём так: «Это был довольно простодушный, симпатичный бородатый человек, и только». 5 февраля 1923 г. заявил в губотделе ГПУ: «Как социал-демократ, работал в первом Камчатском облсовете в 1918 г., после разгона которого был арестован домашним арестом. Наши же черносотенцы в чрезвычайной заседании Завойкинского волостного съезда от 15 июля 1918 г. (ст. ст. — В. П.) совместно с приглашёнными представителями островов Медного, Беринга, Охотского уезда и некоторыми жителями города Петропавловска вынесли постановление: “Ввиду того, что И. Ф. Голованов, стоя на стороне (в протоколе заседания *на точке зрения*. — В. П.) советской власти, помогал таковой, выразить ему недоверие...”» Предложение о высылке его вместе с другими советскими работниками за пределы области не получило поддержки большинства, по мнению Г., из-за отсутствия специалиста, способного принять от него ферму. С 13 декабря 1918 по 17 июня 1919 г. исполнял обязанности областного агронома, затем с 23 октября 1919 г. вновь в той же должности. 10 января 1920 г. в Петропавловске произошёл просоветский переворот. «Я, — писал Г., — первое время по чисто личной неприязни ко мне одного Маловечкина, одного из деятелей по перевороту... (местная склока, как это раньше называлось среди партийных работников) тоже работал как специалист, но затем по приглашению некоторых членов комитета я снова принял участие в политической работе комитета и 8 июня 1920 г. был командирован комитетом по его делам в г. Владивосток. По возвращению из командировки работал совместно с комитетом до самого последнего времени... правда, работа моя в это время была большей частью консультативная». 23 февраля 1921 г. назначен заведующим земельным отделом КОНРК. При этом с 1916 до осени 1922 г.

оставался заведующим Петропавловской сельхозфермой. «С занятием Петропавловска белыми... я остался... на ферме, обещав комитету в лице тов. Ларина, тов. Савченко и тов. Фролова оказывать всяческое содействие, — отвечал Г. на анкету Камчатского губбюро РКП(б) от 12 марта 1923 г. — В чём моя была помощь — а была она в поддержке связи с городом, информации, снабжении продуктами — знают все почти партизаны, а в особенности тов. Фролов и тов. Чекмарёв, как наиболее часто посещавшие ферму за всё время занятия Петропавловска *Биричем*, бочкарёвцами и другими белыми до 14 ноября 1922 г. (хотя белые оставили г. Петропавловск 2-го ноября, комитет же занял город 14 ноября 1922 г.)». С 18 ноября 1922 по 15 января 1923 г. — председатель Петропавловского горревкома. С 31 декабря 1922 г. — заведующий финансовым и земельным отделами губревкома. На следствии по «Думскому делу» взял косвенно под защиту председателя ПГД, его товарища и городскую управу, говоря, что «им, быть может, подчас приходилось действовать только страха ради иудейска под давлением приезжих бандитов. Вернее, и ближе к истине будет сказать, что идейными руководителями были приезжие в лице Н. М. Соколова, Миховского, жены Бирича...» В начале 1923 г. Г. имел жену, сына восьми лет, брата, жившего в Астраханской губернии. 7 февраля 1923 г. назначен председателем выставочного бюро (в него вошли также *Богомоллов*, Святой, Магаринский), отбиравшего экспонаты для Всероссийской сельхозвыставки в Москве. 1 октября 1924 г. утверждён заведующим партийно-профсоюзным клубом⁸. 18 августа 1926 г. вместо *Н. И. Болтенко* становится заместителем председателя Камчатского окркресткома. 20 октября 1927 г. сменил Григорьева на посту председателя Камчатского окрсвета СВБ, секретарём совета был Соловьёв, членами остались Мариманов, Новограбленов П. Т. и Фролов Н. П. В конце 1927 — начале 1928 г., подобно другим советским работникам, подозревался в принадлежности к троцкистской группе, возглавляемой якобы *К. Григорьевым*. 4 апреля 1929 г. заведующий окружным земельным управлением Г. ставит перед окрбюро ВКП(б) вопрос об организации на Камчатке маслоделия. 15 февраля 1933 г. откомандирован для работы в Камчатский погранотряд. На момент ареста 16 апреля 1933 г. — агроном, беспартийный. Проходил по делу «Автономная Камчатка» (ст. 58-2-6-7-11 УК РСФСР). Приговорён к ВМН с конфискацией имущества Судтройкой ПП ОГПУ ДВК 1 января 1934 г. Расстрелян. Реабилитирован ВТ ДВО 27 апреля 1957 г.

Головань Тарас Ефремович, или Евграфович (1882, с. Чечилёвка Кисляцкой волости Гайсинского уезда Каменец-Подольской губернии), *гласный четвёртой* 1920 г. и *кандидат к гласным пятой ПГД* 1922 г. Из крестьян. Украинец. Малограмотный, два года учился в сельской школе. Основная профессия — портной. Согласно меморандуму ОГПУ от 1932 г., в 1903—1907 гг. служил в армии. По свидетельству командира 10-й Восточно-Сибирской горной батареи, датированному 14 апреля 1907 г., отличался усердием и любовью к службе, всегда пользовался полным доверием всех начальствующих лиц. В 1910 или 1911 г. приехал на Камчатку. Арендуя землю, огородничал, в 1914 г. открыл квасоваренный и фруктовых вод завод с использованием наёмного труда, который закрыл в связи с большими налогами в 1927 г. Спустя несколько лет, указывая на плакат, где при царе за налоги забирают со двора корову, сказал прилюдно: «Раньше хоть одну корову брали — сами они показывают, а теперь всё хозяйство забирают. Выходит, при царе народу жить намного лучше, чем при коммунистах». В 1914 г., как дружинник, призван в армию, был закройщиком 275-й Казанской дружины в Шкотово. Затем вернулся в Петропавловск. 12 марта 1917 г. избран в комиссию по выяснению наличия предметов первой необходимости, в июле — в комиссию по благоустройству города. С начала 1920-х гг. занимался сельским хозяйством, портняжничал. В феврале 1922 г. участвовал в охране Петропавловска от красных партизан. На момент ареста 25 февраля 1932 г. имел дом, крытый железом, сарай, корову, три свиньи. Женат, четверо детей. По мнению чекистов, ярый националист, ратовал за отделение Украины в самостоятельное государство, что на допросах отрицал. Постановлением ПП ОГПУ ДВК от 19 мая 1932 г. за подписью Дерибаса из-под стражи освобождён, так как «материалами следствия не установлена виновность для привлечения его по вышеупомянутой статье» (58-10). В том же меморандуме значится: «Г. чрезвычайно хитрый, скрытный, себе на уме. Вербовка возможна, Г. чрезвычайно озлоблен, непримирим к советскому строю. Мог бы при нажиме на него освещать антисоветский элемент. Необходимо наблюдение в плоскости не дать его возможности повести организаторскую антисоветскую работу».

Головченко В. И., до февральского переворота 1917 г. председатель Петропавловского окружного суда. Действительный статский советник. В конце мая 1918 г. было объявлено об организованном 3 июня «аукционе домашних вещей на судебном участке в доме № 2 в квартире гражданина Головченко».

Голодец Самуил Григорьевич (1912), в 1934 г. помощник уполномоченного Камчатского областного отдела ОГПУ. Из мелких торговцев. В ВКП(б) с 1932 г. Вёл дело гласного пятой ПГД Н. В. Савина. В июле 1936 г. отозван из спецотдела Петропавловской судоремонтной верфи в распоряжение КОК ВЛКСМ. При утверждении 3 июля 1937 г. заведующим хозяйством Дома партпроса объявлен строгий выговор с занесением в личное дело «за сокрытие социального происхождения при вступлении в партию, за связь с троцкистами-братьями и за защиту троцкиста Разгонова». Исключён из ВКП(б) 21 августа 1937 г.

Гололобов Нестор Григорьевич (1924, д. Рагозино Сидельниковского района Омской области), с 3 июля 1951 по декабрь 1953 г. первый секретарь Петропавловского ГК ВЛКСМ. Из рабочих. Русский. Образование среднетехническое (техник-технолог), окончил авиационный техникум в г. Комсомольске-на-Амуре. В ВКП(б) с июня 1951 г. В 1945—1946 гг. — помощник прокурора Центрального района г. Комсомольска-на-Амуре. С 1946 по 1951 г. — помощник прокурора Олюторского района. С декабря 1953 г. — секретарь ОК ВЛКСМ, затем по 1958 г. — слушатель Хабаровской ВППШ. В 1958—1961 гг. — второй секретарь Тигильского РК КПСС. В 1961 г. — главный инспектор по закупкам сельхозпродуктов по Тигильскому району, в 1961—1963 гг. — второй секретарь Корякского окружкома КПСС. С 1963 по 1969 г. — заместитель заведующего организационно-инструкторским отделом КОИК. В 1969—1972 гг. — председатель Соболевского РИК. В 1972—1973 гг. — начальник отдела кадров Камчатского производственного объединения совхозов. С 1973 по 1977 г. — руководитель группы по народностям Севера, заведующий организационно-инструкторским отделом КОИК. В 1977—1984 гг. — там же, заведующий отделом по народностям Севера.

Голомидов Андрей Зотович (1910), в 1959 г. прокурор КО. Русский. Образование высшее юридическое. В ВКП(б) с марта 1940 г. Награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Голубев Александр Иванович, или Ильич (1899), в начале 1930-х гг. уполномоченный Камчатским ОО ОГПУ и областной контрольной комиссии. Из семьи слесаря. В ВКП(б) с 1925 г. Начинал «рабочим-носильщиком». В РККА с 1918 г. Воевал с Врангелем, после чего в Таврической губернии вместе с дивизионной школой попал в плен к Н. И. Махно, где у него забрали партбилет. Бежал. В 1920-х гг. служил в ЧОН Первой Конной армии, коман-

дир взвода отделения Дагестанского полка ОГПУ. В 1923 г. болел тропической малярией. До 1925 г. служил на побережье Чёрного моря, затем в Высшей пограншколе и управлении погранотряда полномочного представительства ОГПУ ДВК. На Камчатке с 1927 г. Причастен к фабрикации дела «Автономная Камчатка».

Голубев Алексей Константинович (1875, Вологда), *дворянин, полковник царской армии*. Русский. Из протокола допроса его сотрудником ОГПУ Темновым 15 сентября 1931 г.: «Я родился в духовной семье. Дед (по отцу) был сельским священником в Вологодской губернии. Моц отец был протоиереем одной из церквей г. Вологды... Я же в 1897 г. окончил Вологодскую духовную семинарию (проучился шесть лет). Несмотря на желание отца, чтобы я был священником, отказался, поступил в 105-й Оренбургский полк в г. Вильно вольноопределяющимся. Пробыл вольноопределяющимся только несколько месяцев и был командирован там же в юнкерское училище, которое окончил в 1899 г. в чине прапорщика. В начале 1901 г. был переведён в Заамурский округ, находился на станции Важе в чине корнета, там же выслужился штабс-капитаном. Участвовал в русско-японской войне. В империалистической войне участвовал во 2-м Заамурском пехотном полку, где за боевые заслуги и ранения получил чин подполковника, затем полковника и командовал этим полком. При Временном правительстве осенью 1917 г. был командирован в составе группы из четырнадцати офицеров в г. Харбин для замены офицеров, не бывших на фронте. Приехал в декабре 1917 г., когда Заамурский полк был переформирован в охранную стражу. Остался на КВЖД... где прослужил до конца 20-го или 21-го года (точно не помню), до момента, когда китайцы разоружили нас и охрана перешла к ним. Прожил несколько месяцев, переехал в Харбин, вступил в общество заамурских офицеров, которое имело свои производственные мастерские и предприятия. Я служил в обществе разносчиком газеты (издавалась обществом) примерно около года и в апреле 1922 г. переехал во Владивосток, где приобрёл себе дом. Как до прихода Красной армии (советизации), так и в дальнейшем, я занимался домашним хозяйством, научившись кладке печей. Я часто зарабатывал на стороне... В 1922 г. мне отдельные представители гражданской власти... предлагали уехать за границу во избежание преследований со стороны Советской власти, но я, не чувствуя никакой вины за собой, отказался и остался. Средствами для дальнейшего существования служили: дом, половина которого сдавалась (комната с кухней), продажа молока от

коровы и частично заработок по кладке печей. Весною 1929 г. рыбопромышленник Козлов Ник. Ник. (проживал на Бородинской, № 47), которому носил молоко, предложил мне поехать сторожем на арендуемый им рыбучасток по восточному побережью Камчатки возле селения Калыгерь. Я согласился и к концу мая 1929 г. вместе с женой приехал туда. Осенью промысел свернулся, и я с женою остались одни зимовать... В конце марта или в начале апреля 1930 г. приехал другой рыбопромышленник, Вейнерман, предложил остаться сторожем у него, я согласился. Не знаю по каким причинам, но 15 июня, когда фактически закончился срок договора с Козловым, а я уже остался на новой службе, меня Вейнерман уволил. Считаю, что действительной причиной послужило то, что администрация участка была исключительно из евреев и, узнав, что я бывший полковник царской армии, обвинила в антисемитизме. Об этом говорили мне русские рабочие (фамилий не помню)... За всё время моего проживания в селении Колыгерь я ни с кем не вёл разговоров по политическим вопросам... к тому же я вообще далёк от политики. В середине ноября 1930 г. приехавшим сотрудником ГПУ (фамилии не помню) я с женой были увезены в Петропавловск, как не имеющий права проживания в погранполосе (ранее бывшее у меня удостоверение срок истёк)». Жили Голубевы вначале у священника Л. Яковлева, выделившего им комнату в своей квартире. «...Проживая в Петропавловске, я в местной церкви исполнял чёрные работы, то есть подметал, топил печи, расчищал дорожки к церкви и прочее, за что церковный совет мне платил двадцать пять рублей в месяц, кроме того, состоял в церковном хоре, читал на клиросе при служении, а на Рождество и Крещение ходил вместе с Яковлевым по городским приходам, которому помогал совершать обряды. Так как в городской приход входит и селение Сероглазка, то на эти православные праздники ходили и туда. В Сероглазке мы были в большинстве домов, так как там много верующих... Я подыскал себе отдельный домик в Сероглазке, куда и переселился... кажется, в середине февраля (арендовал дом Селивановой)... В середине июня я поехал в Колыгерь, чтобы привезти оттуда свои вещи и корову, а затем приехать обратно и выехать во Владивосток. Так как парохода обратно не было, поселился за рекой в заброшенном домике, всё лето жители находились на рыбалке, часть лета в бухте Малая Медвежка, в двенадцати километрах от деревни. С ними не общался, да к тому же от оставшихся в деревне женщин нас отделяла река, лодки у меня не было...» Арестован 2 сентября 1931 г. Обви-

нялся по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Один из свидетелей *И. Д. Дыптан* заявил: «Проживающий в селении Колыгирь гражданин Г. со своей женой... ведут... монархическую агитацию». П. А. Крупенин приводил слова Г.: «В такое тяжёлое время русскому народу надо сохранить веру в Бога, не допускать глумления над церковью, оказывать помощь духовенству, а когда придёт пора, то нужно будет встать на защиту религии, чтобы свергнуть насильников». Виновным себя не признал. 28 ноября 1932 г. Судтройка ПП ОГПУ ДВК приговорила его к пяти годам концлагерей. Реабилитирован прокуратурой КО 30 июня 1989 г.

Голубев Игорь Васильевич (1909, г. Мелекес Самарской губернии), журналист. Русский. Окончил два курса Кавказского комвуза, один курс института журналистики. На журналистской работе с 1924 г. В 1933—1934 гг. — ответственный секретарь журнала ЦК ВКП(б) «Большевистская печать». В 1941—1950 гг. в РККА и СА. Фронтовик. В 1950—1951 гг. — ответственный редактор «Последних известий» Всесоюзного радио, в 1951—1953 гг. — там же, ответственный секретарь главной редакции политического вещания. В 1954—1956 гг. — редактор многотиражки «Моряк Камчатки». С октября 1956 по ноябрь 1959 г. — начальник областного отдела радиоинформации — председатель областного комитета радиовещания. Освобождён «за неудовлетворительное руководство, систематическое нарушение финансовой дисциплины, злоупотребление служебным положением». В 1956—1960 гг. — корреспондент «Камчатской правды», в 1960—1962 гг. — директор облкниготорга, в 1962—1963 гг. — редактор газеты «Корякский коммунист». Переведён на вторую группу инвалидности. Награждён орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За освобождение Москвы», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», «За освобождение Кореи», «За победу над Японией».

Голубецкий Николай Дмитриевич (40 лет на конец мая 1919), кандидат к членам Петропавловского городского комитета первого состава (6 марта 1917 г.), гласный первой-четвёртой ПГД, Петропавловский городской голова в 1917—1919 гг. Агент Добровольного флота. В марте 1917 г. избран кандидатом к членам городского комитета, в октябре — в комиссии по проверке правильности получения пайкового довольствия семьями призванных по мобилизации. 30 июля 1917 г. избран председателем комиссии по выборам ПГД. Участник мартовского (неудавшегося) и июльско-антисоветских переворотов 1918 г. в Петропавловске. Осенью

1920 г. баллотировался в члены Временного Народного собрания ДВ. Из доклада начальника Командорских пушных промыслов Карнаухова заведующему пушным отделом АКО Попову о личном составе острова Беринга от 25 апреля 1929 г.: «Счетовод Г... своей аккуратностью, прилежанием и знанием... дела является очень ценным сотрудником. Работает не за страх, а за совесть. Со временем не считается, иногда прихватывает от вечеров и праздников». С. А. Бушуев в 1938 г. на вопрос о нём ответил: выбыл с Камчатки давно, неизвестно куда. Жена Г. — Татьяна Васильевна — была на десять лет младше его.

Гольдберг Борис Исаевич (1884, Томск), революционер, в 1929—1933 гг. директор-распорядитель АКО. Из семьи рабочего-стекольщика (отец разбился на строительстве, упав со второго этажа). Еврей. С семи лет «в мальчиках» на посудной и кондитерской фабриках, в шапочной мастерской, парикмахерской. Работал в типографии сначала учеником, потом разборщиком, наладчиком и печатником-машинистом (до ссылки). Называл себя самоучкой, говорил, что «нигде, ни в какой школе не учился». Вступив в 1902 г. в Читинскую организацию РСДРП, печатал прокламации. В 1903 г. впервые арестован казаками, но тут же освобождён. В 1905 г. состоял в Томской боевой дружине, «с которой сидел в железнодорожном управлении во время пожара вследствие поджога чёрной сотней. И случайно, совместно с другими, спасся». В 1905 г. — товарищ председателя Сибирского союза печатников, избирался в Первую Государственную Думу. В 1906 г. выслан в Вятскую губернию. Из ссылки бежал в 1907 г., находился на нелегальном положении в городах Сибири и ДВ, «работая под руководством Губельмана, Николая Большого (Беранский)». Призванный в армию в 1915 г., служил рядовым в запасной батарее. В феврале 1917 г. избран председателем горной батареи и товарищем председателя Томского Совета солдатских депутатов. В 1918 г. — комиссар финансов Томской губернии, организовывал красноармейские части и партизанский отряд. В 1919 г. — начальник и комиссар управления особых формирований Восточного фронта. В 1920 г. — командующий войсками Приволжского военного округа и одновременно запасными армиями республики. В 1921 г. — заместитель председателя Главного комитета госсоружений, в 1922 г. — председатель комиссии по реорганизации военнo-хозяйственных учреждений РККА, помощник начальника Главного управления Военно-Воздушного флота СССР. В 1924 г. — член правления Москуста, директор обувной фабрики «по совмес-

тельстве с военной работой». В 1925 г. — коммерческий директор треста «Моссуко», торговый представитель в Персии (Иране), где пробыл два года. 9 июля 1930 г. кооптирован в состав Камчатского окружкома и окрбюро ВКП(б). Имел поддержку в Кремле на самом высоком уровне. Среди жителей полуострова было распространено мнение — «Г. ногой открывает двери к Сталину и Микояну». Постоянно конфликтовал с партийно-советским руководством Камчатки, и когда дело доходило до выбора между ними, Москва в 1930—1932 гг. трижды меняла камчатское руководство. Из постановления бюро КОК ВКП(б) от 15 июня 1931 г. «О тов. Гольдберге»: «1. Обязать тт. *Виноградова*, *Якобсона* и *Кривошеева* принять меры к систематическому осмотру врачами состояния здоровья тов. Гольдберга. 2. Тт. *Якобсону* и *Кривошееву* немедленно организовать диетическое питание и установить постоянный уход за ним. 3. Предложить тов. *Якобсону* не допускать к тов. Гольдбергу лиц для разрешения вопросов текущей работы, обеспечив в течение десяти-двенадцати дней полный отдых». 13 января 1932 г. — председатель Камчатского окрсвета Осоавиахима на общественных началах. На партчистке 1933 г. председатель КОИК *Д. С. Бузин* убеждал собравшихся: самый старый большевик Камчатки не случайно пошёл работать в АКО — «чтобы отойти от центра, от крайкома, быть на Камчатке единоначальником... Г. очень самонадеян и убеждён, что почти непогрешим. В 1930 г. тов. Сталину докладывал, что на Камчатке расти ничего не будет — разве может коммунист так информировать, тогда, как я был здесь (ответственным секретарём РКП(б) в 1923—1926 гг. — *В. П.*), имели картофель, молоко и прочее...» «Три года работы Г. на Камчатке, — говорил коммунист *Каплунов*, — это три года борьбы против партийного руководства, три года очковитательства... три года потери классовой бдительности, сращения с классово чуждыми и вредительскими элементами». Другой оратор вспомнил о намерении директора Петропавловской сельхозфермы сделать беседку для Г. — «подмазать» ему, несмотря на жилищный кризис. «Лошадей не хватает, но для сына Г. нашли и катали его долго». Следующий чистильщик возмущался выпиской товаров врачу, которая раскатывалась с главой АКО на пароходе по побережью и заботилась лишь о его здоровье и фотографа, бывшего при них, а свои непосредственные обязанности — лечить простых тружеников — не выполняла. «Она была так привязана к тебе, что не поехала в Корф, а ведь там была эпидемия цинги, и туда она была откомандирована по приказу...» Когда по

регламенту пришло время вопросов, Г. спросили и об этом: «Почему был дебош на пароходе “Смоленск” между Уманской и Вами, и другими, после чего было поломано много вещей?» На что он ответил: «Я думаю, всё равно, кто с кем живёт». И вновь: «Как реагировал на заметку в “Камчатской правде” о тебе и враче?» Ответ: «О ней никак не реагировал, так как она совсем плоха». Г. сказал, что работает в сутки по восемнадцать часов и привык работать по своему методу, имея не одну стенографистку, а три. Товарищи по партии задали ему двести двадцать восемь вопросов. Такого количества на чистке не получал никто. Вопрос: «Почему ушёл из ГУМа?» Г. объяснил, что ЦК предложил выехать в АКО. Исключён за оппортунистическую практику, «неискреннее поведение на чистке» и слабую политическую грамотность, «как перерожденец». В середине 1930-х гг. до камчатцев доходили слухи, будто Г. работает в наркомате пищевой промышленности у своего приятеля А. И. Микояна, члена Политбюро ЦК ВКП(б). Восстановили его в партии или нет, неизвестно.

Гольденберг И. Д., делегат второго Камчатского областного съезда. Студент. В середине августа 1918 г. назначен секретарём бюро по его созыву. С 22 августа (по 22 сентября) вместе с П. М. Ключковым являлся ответственным редактором «Камчатского вестника». 27 августа 1918 г. избран председателем комитета служащих областной канцелярии (заместитель Ключков). В начале сентября назначен секретарём съезда, а в конце сентября 1918 г., по сообщению газеты, оставил службу и уехал во Владивосток.

Гончаренко Владимир Дмитриевич (1937), в 1990 г. заместитель председателя КОИК. Из рабочих. Русский. Образование высшее. Трудиться начал в конце 1950-х гг. сменным мастером на Октябрьском рыбокомбинате. Тогда же принят кандидатом в члены КПСС. В 1985 г. — первый секретарь Усть-Большерецкого РК КПСС, в 1988 г. — секретарь КОИК. Награждён орденом «Знак Почёта», медалью «За трудовую доблесть».

Горбачёв Александр Алексеевич (1896, Самарский уезд), в 1923 г. нарсудья Петропавловского участка. Русский. В 1924 г. принят в кандидаты РКП(б). Дед, отец и мать — хлебопашцы. В 1912 г. окончил двухклассную Самарскую акушерско-фельдшерскую, а затем Астраханскую военно-фельдшерскую школы. С августа 1915 г. — военный фельдшер. В боях не участвовал. В Белой армии с августа 1918 по февраль 1920 г.: фельдшер санитарного поезда № 7. Убежал в Харбине в Николаевск-Уссурийский и посту-

пил в госпиталь, где служил до 5 апреля 1920 г., после чего был в красных партизанских отрядах Приморья. Прибыл на Камчатку в декабре 1922 г. с экспедиционным отрядом *М. П. Вольского* в должности ставврача штаба войск Охотско-Камчатского края. 16 февраля 1924 г. назначен врио председателя губпрофбюро Камчатки. С 7 октября 1924 по 1 октября 1925 г. — председатель Анадырьского уревкома.

Горбенко И., в 1921—1922 гг. красный партизан КОНРК. До ухода в сопки партизанить — народный охранник (милиционер). К январю 1928 г. находился на материке.

Гордейчук Анатолий Нестерович (1929, с. Будовки Шашковского или Жашковского района Киевской области), с 19 сентября 1957 по 24 декабря 1959 г. первый секретарь КОК ВЛКСМ (двадцатый по счёту). Из крестьян-бедняков. Украинец. Образование неполное высшее. В ВКП(б) с апреля 1952 г. На Дальний Восток приехал в 1938 г. с отцом. В 1950 г. окончил Дальневосточный морской рыбопромышленный техникум, распределён в Петропавловск. В 1950—1951 гг. — помощник мастера, производитель работ по судоремонту на Петропавловской судовой верфи. С марта 1951 по январь 1952 г. — инструктор, до апреля 1953 г. — заведующий военно-физкультурным отделом КОК ВЛКСМ. Затем избран первым секретарём Милюковского РК ВЛКСМ. Освобождён от должности первого секретаря ОК ВЛКСМ в связи с переходом на партийную работу.

Горелов Леонид Васильевич (1911), с апреля 1944 г. прокурор Петропавловска. Из рабочих. Русский. Образование среднее, окончил мореходное училище. В ВКП(б) с 1942 г. В ВОВ не участвовал.

Горицков Георгий Иванович (1925), с середины 1950-х гг. директор Камчатского областного драматического театра. Русский. Образование высшее. В ВКП(б) с 1947 г. Воевал на 1-м Украинском фронте.

Горноста́й Николай Иванович (1936), в 1985 и вплоть до 2006 г. начальник Камчатского производственно-технического узла связи, Камчатского филиала ОАО «Дальсвязь». Украинец. Образование высшее. В КПСС с 1973 г. Награждён орденом «Знак Почёта». Заслуженный связист РСФСР.

Грачёв Иван Иванович (1909, Москва), с 17 марта 1948 по 2 августа 1949 г. первый секретарь КОК и Петропавловского ГК ВКП(б). Родители из крестьян: отец до революции то ли курьер, то ли кучер, мать домохозяйка. Русский. Образование неполное среднее. Основная профессия — рабочий. В 1916—1921 гг.

учился в школе первой ступени. В 1924—1930 гг. — в ВЛКСМ, с сентября 1929 г. — в ВКП(б). В течение трёх лет занимался физическим трудом, в 1929—1933 гг. учился на курсах мастеров химической промышленности, химико-фармацевтический факультет. Со 2 апреля по 17 мая 1937 г. находился за границей в составе бригады «по установке статуи на советский павильон Парижской выставки». Был мастером химического цеха. С декабря 1946 по октябрь 1947 г. — слушатель курсов переподготовки партработников ВПП при ЦК ВКП(б)⁹. Освобождён от работы на Камчатке и отправлен в распоряжение Хабаровского крайкома ВКП(б) решением Секретариата ЦК от 15 июля 1949 г.

Гречко Алексей Митрофанович (19.04.1938, с. Тишковка Марковского района Луганской области), с сентября 1963 по декабрь 1964 г. первый секретарь Петропавловского ГК ВЛКСМ. Из колхозников. Отец (1913 г. р.) погиб в 1942 г. под Ленинградом. Украинец. Образование среднее специальное, окончил Лисичанское педагогическое училище; учитель начальных классов. В ВЛКСМ с марта 1953, в КПСС — с декабря 1960 г. Призван в СА в 1958, служил по 1960 г. в Петропавловске в погранвойсках; инструктор политотдела части по комсомольской работе. В 1960—1962 гг. — секретарь комитета комсомола Камчатского морского пароходства. Из характеристики за подписью секретаря КОК ВЛКСМ Сорокина: «...проявил себя только с положительной стороны». 29 января 1963 г. утверждён вторым секретарём Петропавловского ГК ВЛКСМ, 3 января 1964 г. — первым (фактически работал с 19 сентября 1963 г.). В бюро ГК, помимо других, в конце апреля 1964 г. входили секретари комитетов ВЛКСМ И. П. Худин (УТРФ), В. Байлюченко (автотрест), В. Е. Королёв (СРМЗ), Четвертаков. 12 декабря 1964 г. назначен заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации КОК ВЛКСМ.

Григорьев Борис, представитель Дальбюро РКСМ, прибывший на Камчатку в мае 1923 г. вместе с В. Соловьёвым. Произвёл следующее впечатление на чекиста Одляницкого: «Будучи комсомольцем, я встретился с одним из первых камчатских пионеров комсомольцем Григорьевым, который достиг в пьянстве полного апогея, напившись пьяным в Народном театре и оставленным посреди своего пьянства в первых рядах во время действия спектакля. Такой проступок Г. явился предметом обсуждения на общегородском собрании РКСМ, он раскаялся и дал собранию обещание впредь больше не пить». Точно не известно, он или *Конкордий Григорьев* возглавил организованный 17 июня 1927 г. в Петро-

павловске окружной совет СВБ, в который вошли: Мариманов, Новограбленный (так в протоколах), Панов, Фролов.

Григорьев Василий Михайлович (1906, Санкт-Петербург), в 1938 г. оперуполномоченный КОУ НКВД, лейтенант РККА. Из рабочих. Русский. Образование: семилетняя школа и Центрошкола ОГПУ, окончил в 1931 г. В ВКП(б) с 1930 г. С 1923 по 1926 г. — разно-рабочий в «Севзаплесе» и Ленинграде, затем до 1928 г. — на ленинградских предприятиях общепита. Служил в РККА. С 1932 г. — уполномоченный комендатуры ОГПУ Посьетского района ДВК, МКПП, морпогранотрядов и УГБ. В 1936 г. исключался из ВКП(б) за бытовое разложение. Его коллега *Е. П. Алексеева* говорила на партсобрании 26 июня 1937 г.: «Нервность, которую Г. допускает здесь, на собрании, излишняя. Г. надо понять, что мы его не допрашиваем, а указываем лишь на недостатки, чтоб он мог исправиться, причём недостатки эти граничат с прямым разложением как коммуниста, с элементами загнивания... Дело ведь не только в вашем пьянстве, а в том, что вы не разбираетесь в своих связях, допуская их с антипартийными людьми, которых мы репресслируем. Эти связи могут вас завести далеко от партии. Вы оторвались от нашего коллектива, избегаете общества чекистов, это поведение — не здоровое...» Постановление: указать Г. На закрытом партсобрании коллектива выяснилось, что он после голосования в Верховный Совет СССР 12 декабря 1937 г. в Петропавловском Доме партийного просвещения встретил жену репрессированного и имел с ней связь — она по его приглашению заходила к нему на квартиру. Кроме того, продемонстрировал «безобразно сверное поведение и цинично пошлую брань, ударил допрашиваемого белобандита револьвером по голове». 11 февраля 1938 г. ГК ВКП(б) утвердил исключение из партии. 14 апреля 1938 г. арестован, находился под следствием до 22 июля 1939 г. Дело прекращено по ст. 204-б УПК РСФСР. 1 августа того же года ГК восстановил его в рядах ВКП(б). На 1965 г. продолжал работать в КГБ. Реабилитирован постановлением прокурора КО 31 января 1990 г.

Григорьев Конкордий Васильевич, «главный троцкист» Камчатки 1927—1928 гг. Приехал сюда в июне 1927 г., то ли по собственному желанию, то ли будучи выслан за оппозиционные настроения. Сначала работал секретарём окружной стаховой кассы, завкультуротделом окрпрофбюро, затем инструктором Усть-Больше-рецкого РИК. В ВКП(б) с 1924 или с июня 1925 г. Якобы вёл разговоры с некоторыми совслужащими в духе троцкистской оппозиции в ВКП(б). В конце декабря 1927 г. Камчатское окрбюро

ВКП(б) предположило, что им создана оппозиционная группа из местных работников в составе: А. Я. Бабенко, А. Е. Выборнова, Г. М. Ионова, В. П. Коробовского, В. И. Мокроуса, А. С. Пестова, Н. С. Павленко, П. И. Пискуна, В. А. Пряникова и В. Д. Сквородько-Федотова. Г. к моменту расследования был «выслан в распоряжение Пермского прокурора (откуда он и приехал на Камчатку. — В. П.) как растратчик». 16 января 1928 г. из Далькрайкома ВКП(б) пришла телеграмма: «Срочно решайте дело гражданина Г. зависимости имеющихся материалов деректив XV съезда. Решение сообщите телеграфно. Сообщите конкретные действия фракционности гражданина Г. и куда выехал *Бабенко*». Обвинив в «организации оппозиционной группы на Камчатке, печатании и распространении антипартийных документов», Дальпартколлегия под председательством ответсекретаря Бейзаса 31 января 1928 г. исключила Г. из ВКП(б) без права вступления.

Громов Иннокентий Михайлович (умер в декабре 1919), *делегат второго Камчатского областного съезда 1918 г. от Петропавловска*. В 1917 г. — комиссар Командорских островов. В сентябре 1918 г., будучи преподавателем Усть-Камчатского приходского начального училища, огласил на втором съезде камчатских учителей от лица группы педагогов приветственный адрес П. Я. Сусляку с выражением благодарности «за его полезную деятельность в деле управления школами области и за заботу об учителях». Приказом комиссара КО от 31 октября 1918 г. утверждён товарищем председателя отдела народного образования. В мае 1919 г. стал исполнять обязанности управляющего Петропавловским, а через месяц — Анадырским уездом. Свергнут во время переворота, руководимого Мандриковым. Жена Г. — Евдокия Павловна Иванова вспоминала о тех событиях: «16 декабря к нам на квартиру, мы помещались в казённом доме, пришли Берзинь и Кулиновский. Было семь часов вечера. Берзинь сказал мне, чтобы я вышла из комнаты, я вышла в кухню и в окно заметила, что наш дом окружён вооружёнными людьми... Вскоре привели в наш дом и мирового судью Суздалева. Суздалев ночевал в нашем доме, а на другой день его и Громова перевели в квартиру Суздалева. Там пробыли они два дня, а затем их перевели в арестное помещение». По решению общего собрания жителей Анадыря от 20 декабря 1919 г., инициированного новой властью, расстрелян вместе с Суздалевым и секретарём управляющего уездом Иннокентием Толстихиным.

Гронский Алексей Михайлович (1916), *с октября 1957 г. председатель Усть-Камчатского РИК*. Образование: финансово-эконо-

мический техникум. В ВКП(б) с августа 1939 г. В апреле 1952 г. утверждён заместителем заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов КОК ВКП(б). В 1954 г. — заведующий отделом КОК КПСС. 1 октября 1958 г. ему и первому секретарю РК КПСС Семухину ОК указал на безразличное отношение к факту смерти в результате отравления уксусной эссенцией ученицы девятого класса Первозаводской школы вследствие издевательств над ней матери и её сожителя (райнарсуд вынес ему оправдательный приговор). КОК КПСС обязал правоохранительные органы «довести до конца дело и передать в суд конкретных виновников», а РК КПСС — «улучшить воспитательную работу среди населения района и пресекать малейшие факты унижения человеческого достоинства...» Награждён орденом «Знак Почёта», тремя медалями.

Гросман Татьяна Трифоновна (1914, Петропавловск-на-Камчатке), в начале 1953 г. юрисконсульт Камчатского облсобеса. Русская. Образование среднее. В компартии с 1947 по 20 мая 1953 г. Из постановления бюро КОК КПСС: «Тов. Г. при приёме её в члены партии подробно не описала социальное положение своего отца и братьев, а партийная организация и Петропавловский ГК не проверяли данные, указанные в анкете и в автобиографии т. Г. Как сейчас установлено, отец её Новограбленов Трифон Иннокентьевич жил зажиточно, пользовался наёмной рабочей силой, являлся городским церковным старостой Петропавловска, четыре брата занимались контрреволюционной деятельностью, за что все они в 1934 г. осуждены. Кроме этого, в 1943 г. была осуждена за прогул на шесть месяцев с вычетом пятнадцати процентов из зарплаты... Постановление бюро Петропавловского ГК партии от 8 мая 1953 г. утвердить... из членов КПСС исключить, как случайно принятую».

Грундульс Константин Петрович (предположительно, 1879 — 18.03.1923), в конце 1921 г. начальник Охотского военного района. Капитан. Подчинённый начальника СЭО В. И. Бочкарёва. Продвигаясь с группой белых в составе девяти человек в направлении бухты барона Корфа, попал в засаду, организованную красноармейцами на середине пути между рекой Никол и селением Каменским. Был убит ординарцем Чубарова А. Д. Черновым, который затем женился на его супруге, взяв её вместе с сыном Г.; дальнейшая судьба которого неизвестна.

Грушко Владимир Ильич (1898), с марта 1944 г. заместитель секретаря КОК ВКП(б) по рыбной промышленности. Из служащих.

Еврей. Образование высшее техническое — рыбохозяйственное. В ВКП(б) с июля 1939 г. В 1919—1922 гг. участвовал в гражданской войне. В 1943 г. награждён орденом Трудового Красного Знамени за образцовое выполнение заданий Народного комиссариата обороны по снабжению РККА.

Грызлов Иван Дмитриевич (1882, д. Дубки Пословской волости Тульской губернии), кандидат к гласным третьей и четвертой и гласный пятой ПГД. Из крестьян. Образование домашнее. Ратник 1-го разряда. На Камчатке с 1910 г. После просоветского переворота 1920 г. — заведующий петропавловским продовольственным складом. В 1923 г. — секретарь Петропавловского горревкома. Женат, есть сын. Имел дом в Петропавловске. На 1 декабря 1925 г. — старший бухгалтер контрольного бухгалтерского подотдела городского финотдела, где работал с 10 мая 1924 г. Из служебной характеристики: «...с бухгалтерской работой знаком хорошо, работу любит, усидчив, настойчив, упрям, к совласти и компартии отношение скрытно враждебное». Произведённым 23 января 1931 г. обыском обнаружено: серебряных монет советской чеканки достоинством 50 коп. — на 158 руб.; мелкой разменной монеты той же чеканки — 70 коп.; царской чеканки один серебряный полтинник; золотых монет той же чеканки достоинством 5 руб. — 32 шт. Из обвинительного заключения от 11 февраля 1931 г.: «Всё серебро было упаковано в жестяной банке и тряпке и закопано во дворе дома в снегу на глубине полуметра. Золотые монеты были зашиты в пояс женской юбки. На первом допросе Г. не сознался, что у него имеются серебряные деньги, заявив, что никаких денег у него не имеется. Таким образом, Г. совершенно сознательно укрывал разменную серебряную монету, чем нарушил правила о валютных операциях. И лишь после его ареста и ряда последующих вопросов Г. признал, что у него имеется серебро, закопанное в снегу, каковое раньше у него хранилось дома, но после того, как начались производиться обыски органами ГПУ на предмет изъятия серебра, его жена якобы перепрятала в снег. Виновым себя в скрытии серебра обвиняемый... не признал, мотивируя тем, что в этом он ничего не видит преступного...» Привлекался по ст. 58-12 УК РСФСР. 18 июля 1931 г. ОСО при коллегии ОГПУ постановило: «Войти с ходатайством в Президиум ЦИК СССР о конфискации... отобранного серебра. Подписку (видимо, о невыезде. — В. П.) аннулировать. Дело сдать в архив». 18 августа того же года ходатайство удовлетворено. Арестован 26 февраля 1932 г. Осуждён 19 мая 1932 г. Тройкой ПП ОГПУ ДВК к ссыл-

ке в Западную Сибирь по ст. 58-10 УК РСФСР. Реабилитировал прокуратурой КО 19 февраля 1990 г.

Гуревич Аврам Яковлевич (1904), с февраля 1948 г. секретарь Петропавловского ГК ВКП(б) по пропаганде. Из служащих. Еврей. Образование высшее педагогическое. В комсомоле в 1922—1929 гг., в декабре 1927 г. вступил в ВКП(б). Трудовой стаж с 1920 г. В 1937 г. — преподаватель Камчатского педагогического училища. 9 мая 1937 г. назначен заведующим отделом агитации и пропаганды КОК ВКП(б). С 1945 г. — заведующий отделом пропаганды Петропавловского ГК ВКП(б). 29 декабря 1949 г. избран третьим секретарём Елизовского РК ВКП(б). Из протокола заседания бюро КОК ВКП(б) от 16 января 1951 г.: при вступлении в партию, а также при утверждении его на работу в партийный аппарат «скрыл от партии, что два брата его отца иммигрировали от Октябрьской революции в США, где и проживают в настоящее время... сообщил обкому ВКП(б) только 27 августа 1950 г. после того, когда узнал, что его брат, находящийся на партийной работе в Советской Армии, был привлечён к партийной ответственности и уволен... за скрывание биографических данных о родственниках... За скрывание биографических данных о своих родственниках — объявить выговор». Награждён медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За победу над Японией».

Гурин Иван Афанасьевич (1905, ст. Иннокентьевская), чекист. Русский. В РККА с 1927 г. В ВКП(б) вступил в 1928 г. С 1930 г. служил в погранвойсках. На Камчатке с 1930 по 1935 г. Контролёр, начальник МКПП в Петропавловске. В 1935 г. откомандирован в 7-й железнодорожный полк НКВД. При пересмотре «Тигильского дела» 22 апреля 1959 г. свидетель Емельянов показал: «Участвовали в следствии также Лапин, Гурин... Гурин — контролёр МКПП. Это человек, не имеющий ни достаточной подготовки в юридическом отношении, ни достаточно времени, чтобы вести следствие. Ему поручали отдельные действия и в то же время отрывали на другие задания. Естественно, эти люди делали своё дело, как умели, а умели они мало».

Гурьянов Фёдор Михайлович (1879, Пензенская губерния), согласно официальному списку, в феврале 1922 г. участвовал в охране Петропавловска от красных партизан. Из крестьян. Русский. Малограмотный. Чернорабочий. Женат на Федоре Константиновне Сидоровой. На Камчатке с 1910 г., работал по найму на строительстве телеграфной станции. До 1917 г. — сторож, почтальон,

затем по 1921 г. служил на почте, после чего грузчиком на пристани. В 1924 г. трудился на рыбалке, в 1924—1927 гг. — на ремонте почтово-телеграфной линии, в 1928 г. возил на своих лошадях почту, с 1929 г. — извозчик. Арестован 25 февраля 1932 г. Обвинялся по ст. 58-10 УК РСФСР. Высказывания Г. 1932 г., по словам свидетелей: «Теперь жить в десять раз хуже стало, чем при царизме. Раньше в России было всего много, всем хватало, а теперь ничего нет. Довели коммунисты до того, что с такой богатой страны, как Россия, сделали страну нищую, страну голода...»; «Власть взяли жида и, что хотят, то и делают с русским народом и жаловаться некому... Бедный народ, как он терпит, так дальше жить нельзя... Выдумывают какие-то займы, я на этот займ писаться не буду, лучше пропить эти деньги, эти деньги идут на жалование коммунистам, пусть они сами пишутся». Утверждал, что в 1919 г. во Владивостоке помогал прятаться от белых камчатскому большевику И. Е. Ларину. После 1917 г. имел дом, корову, лошадь, свинью. При обыске в 1931 г. у него дома обнаружили сорок серебряных советских полтинников и столько же полтинников царской чеканки. Заявил: «Жена могла от меня об них скрыть, так как я часто выпиваю, и она от меня деньги скрывала». Постановлением секретно-политического отдела Камчатского ОО ОГПУ от 4 апреля 1932 г. дело прекращено. Из-под стражи освобождён.

Давкшас Альфред, или *Альфонс, Францевич* (1893, г. Либава Курляндской губернии), на момент снятия и исключения из ВКП(б) и ареста как «врага народа» 5 сентября 1938 г. — *петропавловский городской прокурор*. Из рабочих. Литовец. Образование низшее. Слесарь. Вступил в ВКП(б) в 1925 г. В апреле 1933 г. — заместитель, а с 20 августа 1933 г. врид Камчатского областного прокурора, тогда же член областной контрольной комиссии. 23 марта 1934 г. снят с должности прокурора Усть-Большецкого района, переведён в народные следователи со строгим выговором с пред-упреждением и занесением в учётную карточку. Обвинялся по ст. 58-1а-7-8-11 УК РСФСР. Постановлением 440-й военной прокуратуры от 4 ноября 1939 г. дело прекращено, из-под стражи освобождён. 14 декабря 1989 г. реабилитирован прокуратурой КО.

Давыденко Юрий Константинович (1922), в 1974 г. директор *Петропавловского горпищеторга*. Русский. Образование высшее. В ВКП(б) с апреля 1945 г. Участник ВОВ. Награждён орденом Богдана Хмельницкого 3-й степени, двумя медалями «За отвагу», медалями «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией».

Давыдов Борис, красный партизан КОНРК. По словам партизана И. Ф. Черепанова, Д. родился в Казани, там же окончил городское училище. Почтово-телеграфный служащий. Холост. Роста малого. «Перебежчик от белых». В партизанском отряде с апреля 1922 г. Было ему приблизительно двадцать четыре года. Погиб 2 июня 1922 г. в бою на Петропавловской сельхозферме. И. Ф. Черепанов рассказывал: «В ночь на 3 июня Д. принимал телеграммы по телеграфу. Выскочил из дома, когда дом был уже окружён белобандитами. Отстреливаясь, направился в лес, но был тяжело ранен...» Другой партизан Козырин вспоминал: «Белые расстреляли его в упор уже раненого...»

Давыдов Николай Михайлович (20 или 24.11.1901, г. Колпино Петербургской губернии — 22.09.1938, Петропавловск), с 28 марта по 22 сентября 1938 г. врид начальника УНКВД по КО. Из семьи рабочего-вальцовщика. Русский. Окончил ЦПП и в 1917 г. шесть классов Колпинского реального училища. В комсомоле с 1919 г., в РКП(б) вступил 16 апреля 1920 г. В 1917 г. — рабочий в родном городе. В 1917—1919 гг. жил с отцом на станции Петухово в Сибири. До августа 1919 г. — кочегар железной дороги, затем скрывался от мобилизации в колчаковскую армию. После освобождения Кургана красными — там же помощник машиниста. С сентября 1919 г. — информатор транспортной Чрезвычайной комиссии (ТЧК). С августа 1920 г. — помощник, уполномоченный Петропавловской уездной ТЧК Омской железной дороги. Принимал участие в ликвидации Ишим-Петропавловского антисоветского восстания. С марта 1921 г. — уполномоченный по тяговому хозяйству ТЧК Николаевской железной дороги в Петрограде. Участник подавления Кронштадтского мятежа. 15 января 1922 г. назначен уполномоченным отделения Сибирской окружной ТЧК в Омске. 3 июня 1922 г. мобилизован в РККА, красноармеец 258-го Советского стрелкового полка 29-й стрелковой Вятской дивизии. 30 августа 1922 г. демобилизован. Затем на разных должностях в ТЧК и транспортном отделе ОГПУ в Омске и Томске, начальник особого отдела 21-й стрелковой Пермской дивизии, начальник особого отдела Ново-Николаевского губотдела ГПУ, служил в Белорусском военном округе, центральном аппарате ОГПУ, заместитель начальника особого отдела полномочного представительства ОГПУ по Крыму и одновременно начальника особого отдела 3-й кавдивизии. В сентябре 1934 г. отозван в отдел кадров НКВД СССР и направлен в распоряжение УНКВД по ДВК. С 10 ноября 1934 г. заместитель начальника, а с 22 октября 1937 г. — врид

начальника особого отдела Главного УГБ НКВД Приморской группы войск и начальник отдела УГБ УНКВД Уссурийской области. В сентябре 1937 г. — заместитель начальника, а 17 октября врид начальника УНКВД по Уссурийской области. С 28 марта 1938 г. — врид начальника УНКВД по КО. На 3-й облпартконференции избирался в президиум, а также вместе с *А. В. Дуболазовым* в члены пленума (9 октября 1938 г. 4-й пленум Петропавловского ГК ВКП(б) вывел Д. из своего состава «как врага народа»). Вторым пунктом резолюции той же конференции, составленной в августе 1938 г., значилось: «Мобилизовать парторганизацию области на дальнейшее повышение бдительности и на беспощадную борьбу по разоблачению и выкорчёвыванию всех гнёзд и последышей троцкистско-бухаринских шпионов, диверсантов и вредителей, как бы они не маскировались». 21 сентября 1938 г. Д. выстрелил себе в висок. На следующие сутки умер в больнице, похоронен в Петропавловске. При осмотре квартиры и служебного кабинета самоубийцы не обнаружено «ни одной бумажки, ни одного дела, ни одной записки на календаре или где-либо». Вывод военного прокурора: к этой акции Д. готовился. Некоторые пытались придать самоубийству хмельной привкус. Так, 22 сентября на заседании бюро КОК ВКП(б) председатель КОИК М. А. Миронова заявила: «Д. не выпивал, как говорит тов. *Дуболазов*, а пил. Взять, к примеру, такой случай его выезда “отдыхать” за город в район дома отдыха, где он углубился в лес, напился пьяным, завязил машину, которую вытаскивали наши шофера, и отдыхающие после говорили: вот нализался начальник...» Секретарь парткома НКВД *Дуболазов*, понятно, не оправдывал своего бывшего начальника, он сообщил, что тот «пользовался противозаконными методами работы, очевидно, полученными им при инструктаже при отправке на Камчатку (к отдельным подследственным на время допроса применялись наручники)». Чекиста больше заботило иное — как предотвратить быстрое проникновение слуха о самоубийстве главы КОУ НКВД к арестованным, что «вредно может отозваться на дальнейшей работе». Постановление бюро КОК ВКП(б) трактовало поступок Д. в духе времени — «акт вражеского выступления, направленного против партии и советской власти». В книге «Во благо Державы... 80 лет органам государственной безопасности Камчатки» отмечается, что Д. застрелился, «ожидая ареста». Как докладывал на бюро КОК ВКП(б) 16 октября 1938 г. военный прокурор *Вассергисер*, «он что-то ожидал, видимо, знала и его жена, так как она писала своей девочке, оставшейся здесь: “Если

папу арестуют, то телеграфируй в Москву бабушке «папа заболел», продай вещи и сама выезжай в Москву»...» Звания: капитан ГБ (27.06.1936). Ведомственные награды, боевое именное оружие (19.12.1927; 1932).

Давыдов Павел Иванович (1916—2002), с апреля 1969 по 1980 г. председатель парткомиссии КОК КПСС. Русский. Образование неполное высшее. В ВКП(б) с августа 1941 г. Участник войны с Японией. В 1960-е гг. — заведующий отделом партийных органов КОК КПСС. С 1980 г. — заведующий Камчатским учебно-консультационным пунктом Хабаровской ВПП. С 1983 г. до середины января 2000 г. — председатель областного совета ветеранов. Награждён орденами «Знак Почёта», Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За трудовую доблесть». Пенсионер союзного значения.

Давыдова Евдокия Ивановна (1905, г. Лубны на Харьковщине — 31.08.1942, Петропавловск-Камчатский), *противница советской власти*. Отец рабочий, мать из дворянской семьи. Украинка. Образование среднее. До Петропавловска жила в Ленинграде. На момент ареста 20 сентября 1941 г. — старший бухгалтер Сельхозснаба. Словесный портрет, находящийся в деле: худощавая, тонкая, плечи опущенные, шея длинная, цвет волос тёмно-русый, лицо овальное, лоб низкий, нос большой, спинка носа выпуклая, с горбинкой, рот маленький, губы тонкие, на правом плече родинка. На допросах не отрицала негативного отношения к политическому режиму, компартии и порядкам в СССР. 13 мая 1942 г. написала на стене камеры: «Красив и дивен советский герб,/ В нём есть и молот, есть и серп./ Жни и куй,/ А заработаешь лишь рыбий...» С 20 мая объявила голодовку. В составленном 5 июня 1942 г. заключении говорилось: «...систематически проводила в резко враждебной форме антисоветскую агитацию, направленную на дискредитацию существующего советского строя, жизни трудящихся СССР, при этом восхваляя жизнь в дореволюционной царской России. В резко враждебной форме высказывалась по отношению членов Политбюро ЦК ВКП(б) и правительства, плевала на портреты, клеветала на советские законы. Будучи под стражей, написала антисоветские лозунги...» Один из них: «ВКП(б) — это Всероссийское крепостное право большевиков». В следственном деле Д. зафиксировано её пророчество: «Пройдёт несколько десятков лет, и история заклеит, как инквизиторов, виновников этих жестокостей, бесчеловечного отношения к людям, этих бедствий советской страны, и люди, читая об этом, будут возмущаться,

подобно тому, как возмущаемся мы в настоящее время, читая историю средних веков, когда сжигали на кострах...» Камчатский областной суд удовлетворил просьбу прокурора Зубова, вынеся приговор (за подписями председательствующего Дочкина, народных заседателей Аристарховой и Кислова), где после меры наказания следовала конфискация имущества. Подавать кассационную жалобу подсудимая отказалась. Но ходатайство о помиловании Москва всё же рассмотрела и приговор оставила в силе. Из акта УНКВД от 31 августа 1942 г.: «Я, комендант КОУ НКВД Кашин, в присутствии помощника областного прокурора Левшина, начальника специального отделения УНКВД по КО младшего лейтенанта *Андреева* и ст. ВТК УНКВД Камчатской области Гончарова сего числа в 22 ч. 30 м. — на основании Постановления Президиума Верховного Совета СССР от 20 августа с. г. — привёл приговор во исполнение на Давыдову Евдокию Ивановну, 1905 г. р., осуждённой Камчатским облсудом 25/VI-42 г. по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР к ВМН — расстрелу». Реабилитирована судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда РСФСР 30 мая 1989 г. Дело прекращено «за отсутствием в её действиях состава преступления».

Давыдова Нина Николаевна (1931, Свердловск), с 1967 г. второй, а затем первый секретарь Усть-Камчатского РК КПСС (по предложению В. И. Алексеева на пленуме РК 16 ноября 1969 г.). Русская. Образование высшее: окончила Московский финансовый институт, в 1967 г. — ВПП при ЦК КПСС. В 1956—1959 гг. — кредитный инспектор Елизовского отделения Госбанка. По 1962 г. — управляющая Олюторским отделом Госбанка. В 1967 г. — инструктор орготдела КОК КПСС. В 1972—1973 гг. — заместитель заведующего орготделом КОК КПСС. В 1973—1975 гг. — секретарь КОИК. В 1975—1987 гг. — заместитель председателя КОИК. С 1 апреля 1987 г. — пенсионер союзного значения. Награждена орденами Трудового Красного Знамени (1971), «Знак Почёта» (1976), медалью «За трудовое отличие» (1960).

Дайн Исаак Иосифович (1906, Вознесенск), с 17 ноября 1937 г. председатель Камчатского облрадиокомитета. Из рабочих. В 1917—1921 гг. учился, окончил «шесть групп». Член ВКП(б) с 1930 (и с апреля 1939 г.). В 1921—1924 гг. — помощник мастера и мастер-мыловар. В 1925 г. принят в комсомол, по 1927 г. — на профработе в Первомайске и Гайвороне. В 1928—1930 гг. — боец, командир отделения РККА. В 1930—1931 гг. — в ДВК на профработе в Биробиджане и Хабаровске: председатель райпрофсовета, секретарь крайправления Союза сельхозрабочих. С октября 1931 г. на

Камчатке. Председатель окрсовета животноводческих совхозов, зав-культуротделом, секретарь окрсовета профсоюзов. Из протокола партчистки 1933 г.: «Гейман: “Авторитетом пользуется, членом партии быть достоин”». Чистку прошёл, оставлен кандидатом партии. С мая по сентябрь 1937 г. — директор парка культуры и отдыха в Петропавловске. В июне 1940 г. отказано в просьбе послать на учёбу. В октябре того же года исключен из ВКП(б) «за дезертирство с Камчатки». Восстановлен Хабаровским крайкомом. Учётная карточка отправлена во Фрунзенский РК ВКП(б) г. Куйбышева.

Данько Трифон Дмитриевич (1884, слобода Кривоносова Россельшанского района Воронежской губернии), в 1934 г. член петропавловской баптистской общины, возглавляемой Блунштейном и Шамриным. Из крестьян-бедняков. Украинец. Малограмотный. Беспартийный. Кузнец пожарной команды АКО. Женат. Жил по адресу: Петропавловск, Акоград, землянка № 56. До революции имел землянку, корову и свинью. Арестован и судим в один день с Блунштейном тем же органом по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Приговорён к трём годам концлагеря. Дата реабилитация та же.

Дарузе Гай Владимирович (1925), с 1969 г. по декабрь 1974 г. начальник Камчатского УВД. Русский. В КПСС с октября 1952 г. Участник ВОВ. Награждён десятью медалями.

Дауберт Андрей Андреевич (1936), с января 1989 г. заведующий Петропавловским городским отделом народного образования. Немец. Окончил Омский педагогический институт (учитель немецкого языка). В КПСС с мая 1971 г. На советскую работу принят в 1982 г.

Девяткин Геннадий Петрович (29.08.1948, Владивосток — 28.04.2002, Петропавловск), с 1986 г. председатель Быстринского РИК, затем глава администрации этого района. Из рабочих. Русский. В 1971 г. окончил Петропавловск-Камчатское мореходное училище, в 1977 г. — с отличием Хабаровскую ВППШ. В КПСС с февраля 1971 г. Прозаик, член Союза писателей СССР с мая 1991 г. Автор книг «Держим курс на вулканы» (1980), «За месяц до весны» (1989), «Камчатские рассказы» (1998).

Дедков Василий Родионович (20.03.1907, г. Добруш, Белоруссия), с 5 ноября 1947 по 2 августа 1949 г. председатель КОИК. Русский (белорус). Образование среднее. В ВКП(б) с марта 1927 г. Начинал чернорабочим, служил на флоте, в 1931—1933 гг. — на комсомольской работе в Керчи, там же до 1938 г. начальник морского порта, директор рыбокомбината. С 1938 по 1939 г. — директор рыбокомбината им. Микояна на Камчатке, в 1939—1943 гг. —

заместитель начальника АКО. В 1943—1945 гг. — командирован в США как уполномоченный Наркомрыбпрома по закупке и отгрузке снабжения для рыбной промышленности. В 1945 г. в Вашингтоне окончил три курса техникума английского языка. В 1945—1947 гг. — заместитель начальника Главкамчатрыбпрома.

Дельсаль Юрий Михайлович, с 30 апреля по 27 августа 1922 г. редактор газеты «Камчатский листок». Во время конфликта между Н. А. Поляковым и Х. П. Биричем принял сторону последнего и даже стрелял в адъютанта генерала Полякова Татаровского, который обличал Д. в самозванстве: проехав в 1921 г. всю Советскую Россию под видом военнопленного, он в среде белых представлялся сначала офицером Ахтырского гусарского полка, потом корниловцем, затем петлюровцем. Служил чиновником для особых поручений особоуполномоченного Приамурского Временного правительства в Охотско-Камчатском крае и заведующим милицией. Покинул Камчатку на пароходе «Томск» вместе с Биричем 2 сентября 1922 г.

Дементьев Николай Николаевич (25.02.1937, г. Саратов), с февраля 1985 г. уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по КО. Из служащих. Образование высшее: окончил Саратовский педагогический институт, по профессии преподаватель физики и основ производства средней школы. В ВЛКСМ с 1953 г., в КПСС — с марта 1963 г. В 1959—1960 гг. — учитель физики в школе в с. Петровка Луганской области. В 1960—1961 гг. — в Ялтинской школе рабочей молодёжи № 1. В 1961—1963 гг. служил в СА. С 1963 по 1968 г. — снова в Ялте, трижды избирался секретарём школьной парторганизации. В 1968—1971 гг. — учитель физики и одновременно секретарь партийной организации Тиличикской школы-интерната. С июля 1971 г. — инструктор, а с июля 1972 г. — заведующий отделом пропаганды и агитации Олюторского РК КПСС. В 1973—1975 гг. учился в Хабаровской ВППШ. С июля 1975 по декабрь 1978 г. — заведующий агитационно-пропагандистским отделом Ленинского РК КПСС г. Петропавловска-Камчатского, затем по январь 1981 г. — инструктор, до февраля 1985 г. — заместитель заведующего отдела пропаганды и агитации КОК КПСС.

Демус Марк Николаевич, в середине 1920-х гг. начальник Охотской уездной милиции. Член ВКП(б) с 1925 г.

Демченко Владимир Васильевич (1939), в 1980-е гг. заведующий Домом политического просвещения, заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации КОК КПСС. Украинец.

Кандидат исторических наук. В КПСС вступил в августе 1956 г. Область научного интереса — политические репрессии на Камчатке периода культа личности И. В. Сталина.

Денисов Пётр Фёдорович (1898), в 1937—1938 гг. камчатский областной военный комиссар. Из рабочих. Русский. Образование низшее. Окончил курсы усовершенствования комсостава «Выстрел». В большевистской партии с марта 1919 г.

Денно Виктор Владимирович (18.08.1950, г. Очаков Николаевской области), в 1979—1982 гг. первый секретарь Петропавловского ГК ВЛКСМ (тридцать девятый по счёту). Из рабочих. Украинец. Окончил Одесский институт инженеров Морского флота в 1972 г. На комсомольской работе с 1973 г.

Дергунов Василий Андреевич (1932), в начале 1970-х гг. первый секретарь Алеутского РК КПСС. Русский. Образование высшее. В КПСС с ноября 1960 г. В 1983 г. — председатель Ленинского районного комитета народного контроля г. Петропавловска.

Деревянко Пантелеймон Викулович (1910), с конца июля 1950 г. заместитель начальника КОУ милиции. Украинец. Образование семиклассное. Вступил в ВКП(б) в декабре 1941 г. Награждён орденами Красного Знамени, Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За победу над Германией», «За победу над Японией».

Деркачёва Прасковья Михайловна (1916), с ноября 1953 г. заведующая отделом школ КОК КПСС. Русская. Образование высшее педагогическое. В ВКП(б) вступила в марте 1942 г. В ноябре 1963 г. — заместитель заведующего идеологическим отделом КОК КПСС. Награждена орденом «Знак Почёта», четырьмя медалями.

Диордиенко Елена Васильевна (1912), с августа 1949 по 18 апреля 1956 г. заведующая Камчатским областным отделом народного образования. Переведена на другую работу по личной просьбе. Из крестьян. Русская. Образование высшее: в 1937 г. окончила исторический факультет Московского педагогического института. Вступила в ВКП(б) в марте 1944 г. Трудовой стаж с 1937 г. На посту завоблоно заменила И. Ф. Вихляева, освобождённого по состоянию здоровья. В октябре 1952 г. вынесен строгий выговор как «зажимщице критики» и за непреодоление угодничества и подхалимства. В ноябре 1963 г. — директор областного института усовершенствования учителей. Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За победу над Японией».

Дмитриев Василий Петрович (1922), с 11 января 1962 по 23 мая 1973 г. редактор газеты «Камчатская правда». Русский. Образование высшее. В ВКП(б) с октября 1944 г. Участник войны с Японией. В 1970-х гг. работал главным редактором областного Дома радио. Награждён двумя медалями.

Дмитриченко Владимир Иванович. (15.09.1937, Астрахань), с 3 декабря 1961 г. первый секретарь Петропавловского ГК ВЛКСМ (тридцать второй по счёту). Русский. Образование высшее, в 1960 г. с отличием окончил факультет промышленного рыболовства Астраханского технического института рыбной промышленности и хозяйства, инженер-механик. В КПСС с марта 1963 г. В 1960—1961 гг. — инженер отдела спецработ теплоэнергетической группы института «Дальгипрорыбпром». В начале 1970-х гг. — заведующий промышленно-транспортным отделом Петропавловского ГК КПСС. В конце 1970-х — начале 1980-х гг. — председатель Ленинского РИК г. Петропавловска. Награждён орденом «Знак Почёта».

Добровольский Иннокентий Дмитриевич, с 19 марта 1917 г. помощник областного комиссара, делегат первого и второго Камчатских областных съездов, избранный на них членом областного комитета; председатель третьей 1919 г. и четвёртой ПГД 1920 г. В 1916 г. исполнял обязанности областного агронома. Коллежский секретарь. В воскресенье 13 ноября 1916 г. сыграл студента Радикалова в одноактной миниатюре Чуж-Чуженина «Танцулька». 5—7 июля 1918 г. во Владивостоке вместе с А. Д. Батуриным и И. Г. Подпругиным при участии представителей Командорских островов Ткаченко и Кияшко произвёл торговлю пушниной, заготовленной островитянами. 5 октября 1918 г. вместе с Н. И. Болтенко был уполномочен представлять КО на краевом соединённом заседании уполномоченных земств и городов, организованном Приморским Земством и Владивостокской городской управой из представителей Приморской, Амурской, Забайкальской, Сахалинской и Камчатской областей. В конце 1918 г. издал приказ, объявляющий ранее выпущенные распоряжения облкома недействительными. 6 июня 1919 г. по приказу Верховного уполномоченного Российского правительства на ДВ освобождён от должности помощника управляющего КО с препровождением следующего: «При этом считаю своим долгом выразить от лица службы Иннокентию Дмитриевичу благодарность за труды его по управлению Камчатской областью, которое в столь тяжёлое время являлось особо ответственным и трудным. Верховный уполномочен-

ный *Хорват*». 18 января 1920 г. ВВРК приглашает его на службу, «поручив заведование канцелярией». 24 января 1920 г. восстановлен в должности областного агронома, упразднённой при Н. Н. Червлянском. Осенью 1920 г. избран в Народное собрание ДВ, зимой 1921 г. — в Учредительное собрание ДВР, а летом того же года — в Учредительное собрание Приамурского края от Петропавловска. В 1938 г. С. А. Бушуев говорил о высылке Д. с Камчатки после окончательного установления советской власти. По сведениям приморского историка А. Хисамутдинова, последние дни провёл в Хабаровске и Владивостоке. Автор многих работ (вплоть до 1936 г.) по экономике. Сотрудник «Энциклопедии ДВК» (раздел «Рыбная промышленность»). Возможно, репрессирован.

Добровольский Семён Лукич (1894, с. Степановка Иркутской губернии — январь 1934, Хабаровск), согласно официальному списку, в феврале 1922 г. участвовал в охране Петропавловска от красных партизан. Из крестьян. Русский. Малограмотный. Рыбак из Усть-Камчатска. Арестован 25 мая 1933 г. по делу «Автономная Камчатка». Приговорён по ст. 58-2-11-12 УК РСФСР к ВМН с конфискацией имущества (денег). Расстрелян. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. ВТ ДВО.

Докало Семён Михайлович, красный партизан КОНРК. На Камчатке с 1918 г. В большевистскую партию вступил в 1920 г. При власти КОНРК старший народный охранник (милиционер), помощник Н. П. Фролова. В октябре 1921 г., по данным историка А. П. Пирагиса, помогал ему перевозить оружие, боеприпасы и продовольствие на партизанскую базу в районе Халактырского озера. В 1923 г. — начальник Усть-Большерецкой волости милиции. Вскоре выехал на материк.

Долган Николай Семёнович (1865, р. Гижига, Пенжинский район Камчатской области на 1940), *шаман*. Из оленеводов. Ламут. Жил в с. Аянка. Арестован в январе 1940 г. На заседании Корякского окружного суда 13 апреля 1940 г. обвинялся по ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР. Обвинения отверг. «Виновным себя признаю в том, что я занимался шаманством до советской власти, также и при советской власти, начал шаманскую деятельность с малых лет. Шаманство заключается в том, что я вылечивал больных при помощи бубна. Если шаманю у богатых и вылечиваю больного, то беру два оленя за работу шаманства, иногда беру только камуса оленьи, готовые вещи не брал, потому что у меня жена шила сама. Были такие случаи при моём шаманстве, что некоторые больные, мной лечимые, умирали, а большинство вылечивалось. Плату за

лечение больного брал тогда, когда уже пошаманю. Местному населению я не говорил, что в больницу не ходите, а я сам буду лечить, этого я никому не говорил. Я себя не считаю кулаком. Батраки сами ко мне приходили, и я их не звал, как, например, Долган Павел Ильич, Делянский Василий Ильич, Долган Павел Васильевич, Тоненькевьев, последний работает в настоящее время...» В приговоре суда (восемь лет лишения свободы) записано: «До возбуждения настоящего дела имел четырёх батраков, но в настоящее время имеет только одного, который отрабатывает себе бесплатно жену». Из кассационной жалобы Д. в Верховный суд РСФСР: «...В 1939 г. в сентябре я съел мухоморы и допустил анти-советские слова о том, что не подчинялся советской власти, не подчиняться издаваемым законам... Работавшие батраки у меня — эти люди были, как бродячие. Зная, что у меня всегда бывает хлеб, сахар, масло, крупа и частенько бывает выпивка (бреска), эти люди примкнулись к моему хозяйству и начали работать по своей собственному желанию. Те батраки, которые у меня работали, ели мою пищу. Ихние запросы я всегда удовлетворял — давал им ездовые олени, а также шкуры оленей для одежды. При убое оленей я делил всем, кто нуждается, мясом. А также шкурами для обуви. Я не считаю себя кулаком, когда у меня всего триста голов оленей. С сыновьями пятерьми всего насчитывается триста голов, которые живут самостоятельно». Жалоба оставлена без удовлетворения. Реабилитирован Верховным судом РСФСР 6 июня 1990 г.

Долгов Николай Дмитриевич (1903), в 1929 г. начальник Анадырского контрольного поста ОГПУ. Из рабочих. Вступил в ВКП(б) в 1927 г. На партсобрании затронул вопрос о тяготах службы: «Лёд для воды из-за отсутствия собак возить не на чём было, приходилось пользоваться снегом, который смешан с золой и шерстью. Солонина нам надоела. Свежего мяса доставалось мало. Привезённые овощи погнили из-за климатических условий. Из круп была привезена только гречневая. Смазки для сапог не было».

Долгов Семён Александрович (1903), в 1938—1941 гг. председатель Камчатского областного суда. Образование: три класса сельской школы, высшие юридические курсы. В ВКП(б) с 1926 г. Состав областного суда при нём, утверждённый КОК ВКП(б) 22 февраля 1941 г.: заместитель председателя Н. С. Александров, члены П. Н. Дочкин, Е. П. Егорова, К. Ф. Ткачук, М. Я. Коровникова, А. А. Сумароков.

Домман Александр, или (как он самоназвался в начале 1920-х гг. Интернационал) Александрович, сотрудник ГПУ—НКВД. 9 фев-

раля 1924 г. в автобиографии рядового члена гражданской ячейки горрайорганизации РКСМ писал: «Родился я в 1902 г. в августе месяце числа 18-го в Москве в семье пианиста, бывшего немецкого подданного, уроженца г. Бронницы, прописавшегося затем в Москве Александра Григорьевича Доммана. Дед мой, уроженец Пруссии А. К. Домман был скрипач, кончивший консерваторию. В моём роде, по словам отца, все были музыканты: люди музыки. Сам я страшно люблю музыку. Ни дед мой, ни отец на государственной службе не служили. Дед умер давно. Отец служил у Александра III в полковой музыкантской команде капельмейстером. Названия полка не знаю. По словам матери, отец в 1905 г. якобы попал под военно-полевой суд за устроенное им возмущение и за причастность к каким-то кружкам, но почему-то до сих пор жив — с ним ничего не сделали. Семья моя сейчас находится на станции Ундол Московско-Нижегородской железной дороги. Там моя мать Евдокия Тимофеевна, шестидесяти семи лет, происходившая из крестьянок Коломенского уезда, безграмотная, занимается по дому. Сестра Люба, двадцати лет, служит машинисткой на фабрике Лакина на той же станции. Отец Александр Григорьевич, около семидесяти лет, до сих пор не может расстаться с пианино — служит пианистом на той же фабрике при клубе. С семи лет я начал учиться в разных начальных школах. Закон наследственности моего рода “алкоголизм” не отразился на моём интеллекте — я учился хорошо. С 1914 г. я, переехав с семьёй в г. Владимир, так как в Москве было трудно жить, по инициативе отца поступил в реальное училище и, как шедший вторым или третьим учеником, вступил в отряд “бойскаутов”. К началу революции получил звание скаут-мастера». Подробнее об этом Д. рассказывает в анкете от 21 января 1924 г.: «...Являясь скаут-мастером г. Владимира в 1916—1917 гг., я подал заявление в краевую дальневосточную штаб-квартиру в г. Чите в апреле 1923 г. по её объявлению в прессе об учёте скаут-мастеров. Получил анкету от таковой и по заполнении её передал в штаб-квартиру, но работать не пришлось, так как в мае месяце уехал в губотдел ГПУ на Камчатку. Связи с квартирой не имею. Могу вести во всём объёме работу с отрядом юных пионеров, так как хорошо знаком с системой “Скаутинг” (известного генерала английского Баден-Поуэлла) и программой “ЮКИ” от 1920 г. и брошюрой “Бой-скаутизм” и “РКСМ” Крупской, издания 1923 г.». В этой же анкете Д. оговаривается, что основной профессии у него нет. «Работал на Рязанской-Владимирской железной дороге простым

чернорабочим. Имею в силу своего образования (четыре класса реального училища в г. Владимире) некоторые познания по канцелярской волоките. Знаком немного с электротехникой (теоретически)... Особливый интерес проявляется к изучению марксизма». Большая часть автобиографии посвящена служению делу революции. «С 18-го года я пошёл добровольцем в Красную Армию: вступил в Минске в 16-й Советский смоленский полк. Это было 1 февраля 1919 г. В этом же полку был и мой двоюродный брат Коля Рябков. Второй двоюродный брат Александр Зубкевич был комиссаром полка. Через несколько месяцев я заболел тифом, сперва возвратным, а затем сыпным. В начале 1920 г. я уже был в г. Иркутске и в рядах армии, вышедши из лазарета, снова дрался под деревней Усть-Куда, вышибая каппелевцев. В то время я был в конной команде, как её в то время называли “Команда анархистов”. Начальником команды был тов. Нога, по убеждениям анархист, и его помощник тов. Рожко Дмитрий, тоже по убеждениям анархист. Мы имели знамя своё: половина чёрного (вверху) и половина красного (внизу). В рядах этой команды я участвовал во многих операциях с дедушкой Каландаршвилилем, которого я хорошо знаю. У него я находился во 2-м эскадроне. Не помню, сколько боёв было у нас, но белогвардейцам досталось здорово. Иркутский район, Манджурские степи и другие районы деятельности Деда говорят сами за себя. Затем я попал в г. Багузин карроту (караульную. — В. П.), там был пункт № 4 госполитохраны. В конце 1920-го я вступил в организацию РКСМ по предложению товарищей-однослуживцев Мити Васильева, Васи Антонова и других. Приняли меня без стажа членом организации. Дали билет за № 19, от числа, не помню. Вскоре приехал инструктор краевого комитета РКСМ Сеня Крылов, каковой находился в г. Верхне-Удинске. От него я много понял и узнал, что такое РКСМ, так как ранее до него у нас работники были слабоваты. Вступил я, хорошо сознавая, что не всё же время будет длиться фронтовая полоса, где я могу себя активно отдать за освобождение рабочего класса путём уничтожения буржуазии. Нужно, следовательно, получить более твёрдые политубеждения, нежели я имел в команде анархистов, где мы говорили только одно: буржуазию надо уничтожать не словами, не разговором, а штыком и пулей. С ней нельзя говорить салонным языком, с ней надо говорить лишь языком стали и свинца. Я от организации несколько раз ездил по ближайшим деревушкам, организовывая ячейки РКСМ. В 1921 г. в марте месяце я получил назначение ехать в г. Читу на командные

курсы краскомов». С мая 1921 г. служил в Читинском караульном полку, «неся очень много обязанностей... принимал две роты, конные заводы, пешие взводы». Приехавший туда в 1921 г. «инспектор пехоты по Сибири» приказал полковому командиру отправить его на курсы в Омск, но, пишет Д., этого нельзя было делать «по особым на то причинам». Далее в автобиографии значится: «в 1922 г. полк расформировался в батальон и влился в пришедший Читинский советский стрелковый полк. Последнюю должность в батальоне и полку я занимал секретаря военкома и делопроизводителя по секретной части. В августе месяце я стал служить в ПП ГПУ ДВО (видно, описка: не ГПУ, а госполитохрана. — В. П.), оттуда в мае месяце выехал на Камчатку». Среди читанного Д. в анкете упоминает брошюру А. Коллонтай «Новая мораль и рабочий класс». 21 августа 1923 г. на него возложили обязанности ответственного секретаря Петропавловского горрайкома РКСМ, но уже в феврале 1924 г. Д. именуется рядовым членом комсомола. 15 марта 1924 г. руководитель камчатских коммунистов Д. С. Бузин телеграфирует в Читинский Далькрайком: «Прошу сообщить, состоит ли в организации РКСМ Домман Александр, вносящий разложение в местную организацию... Временно ответственным организатором выдвинут Шавшуков...» 14 августа 1924 г. Д. назначен оторгом РКСМ по Усть-Камчатскому району. Что касается партийности, то, как он признавался сам, ходил в кандидатах РКП(б) с 6 июня 1921 по апрель 1923 г. и «механически выбыл за неуплату членских взносов». В 1923 г. развернулась дискуссия, «навязанная партии Троцким», участие в которой Д. отрицал. Из письма члена ВКП(б) Бодрова (Усть-Камчатск) от 27 апреля 1926 г. «Д. население ненавидит... Причины... в нетактичных поступках. Д. по несколько человек вызывал к себе в канцелярию для прострачивания, иной раз по ничему не значащему делу... Оставаясь заместителем уполномоченного губревкома, не утвердил кандидатуру в председательств ревкома, выдвинутую на общем собрании, а назначил по своему усмотрению некто Алекко, которого население не терпело. Население запротестовало о назначении Алекко и в силу необходимости т. Д. пришлось своё постановление отменить. Вообще своим неумелым подходом отношение у него и населения обострено...» Тогда же награждён грамотой КОИК. В 1926—1927 гг. служил в комендатуре погранотряда «помощником по секретно-оперативной части». Спустя десять лет Д. отверг обвинения в защите «контрреволюционных взглядов Троцкого» и недовольстве по поводу его высылки за границу. В 1930-х гг. некоторое

время — старший уполномоченный Лениноканского погранотряда. В ноябре 1935 г. в Баку демобилизован из 169-го полка НКВД. Переехал в КО. На момент ареста 8 июля 1938 г. — инспектор отдела актов гражданского состояния Чукотского окротдела НКВД. Обвинён по ст. 58-1а УК РСФСР: шпионаж в пользу Японии. 11 марта 1939 г. дело прекращено «за недостаточностью улик для предания суду». Известно, что в это время имел дочь Нонну. В мае 1940 г. работал в с. Мильково на авиаметеостанции Гражданского воздушного флота. Прожил в этом селе до смерти одиноким затворником, держа у дома на цепи собак. Был регулярным и аккуратным читателем местной библиотеки.

Домман Мария Лавровна (1904), супруга предыдущего с 1923 г. Ранее начальница скаутов. Беспартийная. 13 марта 1924 г. в полночь замечена в компании, нарушавшей тишину Петропавловска нетрезвыми голосами. Кроме неё, пели песни и всё время падали некий Бадаев и Христина Лосева, в доме у которой они справляли именины. В 1926 г. учительствовала в Усть-Камчатской волости.

Дроздовский Викентий Людвигович (19.03.1887, с. Конечно Влощевского уезда Кельецкой губернии), спиритист. Из крестьян. «До революции мои родители имели один дом деревянный, одну лошадь, одну корову, земли пахотной три гектара...» Поляк, но связи с Польшей не имел. Образование низшее. В 1915 г. воевал на Западном фронте рядовым, у Колчака — унтер-офицером в Ново-Николаевске с осени 1918 по июль 1919 г. В армии получил познания фельдшера, по специальности нигде не учился. Служил в качестве фельшера-дезинфектора. На Камчатке и в Усть-Камчатке с апреля 1920 г. Имел дом, коптилку и свинью. На момент ареста 2 января 1936 г. работал в своём хозяйстве. В числе изъятого у него находились шесть книг и тетрадей по теософии, тетрадь с записями по Евангелию, записные книжки-псалмы, записи сеансов спиритизма. При обыске у Т. Н. Чехлатовой обнаружено: «1) одна книга Феософия, 183 страницы, 2) одна книга Теософия для начинающих, 3) одна книга Теософия Новые мысли новые пути за № 6, 4) две тетради с записями по теософии, 5) евангельское стихотворение. Гражданка Ч. заявила, что три книги и две тетради по теософии принадлежат гражданину Дроздовскому, имя-отчество она не знает, он принёс гражданке Ч. почитать в ноябре 1935 г.» Д. показал в НКВД: «Спиритизмом я занимался для забавы, но не систематически, как это сказано в обвинении, и не придавая этому значения. Два или три раза у меня кое-кто собирался — несколько человек. Для забавы я им показывал спери-

тические приёмы. Правда, однажды был задан вопрос: будет ли война, блюдец ответило: война будет, победят союзники». На очной ставке с бывшей сожительницей Егоровой он уточнил: «...был ответ, что Советский Союз победят Япония, Америка, и Камчатка достанется Японии». Следователь спросил его о Сталине: «Говорили ли вы в присутствии Егоровой, что вы его не можете видеть, потому что он сволочь и глаза у него нехорошие, рабочие и крестьяне голодают, а на него смотри, и вы сожгли портрет т. Сталина?» Дроздовский: «Такого случая не было...» Егорова: «Д. мне говорил, что Сталин подлец, сволочь... сжёг со словами “пусть горит, кровосос”. У меня было несколько открыток Сталина, Молотова, Калинина, Куйбышева, которые он, Дроздовский, также сжёг в печи со словами: “Они в нашем доме не нужны”». На суде Д. себя виновным не признал. «Сознательно я против советской власти не шёл, если же были какие-нибудь разговоры, то по неосознанности. На меня все наклеветали, я вообще политикой не занимаюсь. Я сошёлся с одной женщиной, Егоровой, но она оказалась очень развратной и распущенной, поэтому я он её отказался, а она по злобе на меня насплетничала, в этом ей ещё помогала её приятельница». Выездная сессия Спецколлегии ДВ краевого суда по КО под председательством *Д. И. Бобыкина* провела три заседания: 16 мая, 26 июля и 3 августа 1936 г. Первое слушание отложили, на второе не явились свидетели, и среди них посудница Усть-Камчатской комендатуры НКВД Е. И. Егорова. На третьем заседании она вспомнила: «При мне Д. занимался спиритизмом четыре раза. Когда я была на курорте, говорили — ежедневно». Приговор: десять лет тюрьмы по ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР, за то, что «под видом спиритизма вёл систематическую антисоветскую агитацию против советской власти и вождя партии тов. Сталина». Хотя Д. и оправдывался на заседании 16 мая: «Был такой случай с портретом Сталина: в комод на месте зеркала был вставлен портрет Сталина. Уборщице Егоровой больше нравился портрет какой-то женщины, поэтому она вставила его в комод, а Сталина убрала. Портрет Сталина я не ругал и не жёг — это клевета. Я — человек верующий, от этого я не оказываюсь и сейчас, но вреда этим никому не причиняю. Выписки из духовной книги я делал в свободное от работы время. В этой же тетради у меня записи о болезни сына и его смерти». Реабилитирован в 1992 г.

Дубков Александр Фёдорович (1876, мест. Давид-городок Минской губернии), *гласный четвёртой ПГД* 1920 г. В конце января того же года — *заведующий училищами КО*, кандидат в члены

комиссии по установлению прожиточного минимума и месячного оклада, избран на межведомственном совещании представителей правительственных учреждений Петропавловска совместно с ВВРК (члены комиссии: *Борейша*, *Добровольский*, Кириллов, Кодылев). Окончил учительскую семинарию и Виленский учительский институт. В 1918 г. заведовал Тигильским ВНУ. В середине июня 1921 г. привлечён к ответственности народной охраной (милицией) «за появление в публичном месте в пьяном виде». В служебных документах 1923 г., когда он был врио делопроизводителя отдела народного образования, о его отношении к советской власти говорилось: «До падения Колчака — выжидательно-неопределённое, после падения вполне сочувственное, и с готовностью оказать поддержку». И далее: «Д., как человек с серьёзным образовательным цензом, имеет громадный педагогический опыт, в совершенстве знает канцелярское дело и, безусловно, заслуживает назначения на более высокий и ответственный пост». В декабре того же года вычищен как «чуждый элемент».

Дуболазов Николай Васильевич (1908, на территории нынешней Нижегородской области), в 1938—1939 гг. помощник начальника отдела УГБ КОУ НКВД, лейтенант. Из рабочих. Русский. Образование среднее. В 1924—1930 гг. — член ВЛКСМ. С октября 1930 г. член ВКП(б). Отец умер в 1916 г., после чего семья выехала в Нижегородскую губернию, где Д. находился до 1923 г. Трудовой стаж с этого года. С 1924 по 1928 г. — на производстве, в 1928—1930 гг. на руководящей комсомольской работе. С 1931 г. — на хозяйственной работе. В 1932 г. поступил в ОГПУ, служил в Москве, на Украине. С 8 июля 1937 г. — член парткома КОУ, с 9 сентября 1937 г. — заместитель секретаря парткома, с мая 1938 — секретарь. Из выступлений на партсобраниях. 4 июня 1937 г.: «Вина работников УГБ... в том, что вопросы остро не ставились... доходили до обкома и дальше не шли. “Больших” людей не брали, боялись его “заслуг”. Примером этого явился Рябов. У нас в организации был морально разложившийся *Балкус*... Работали мы очень плохо и оправданий на нет». 30 октября 1937 г.: «Высокая политическая грамотность чекиста больше обеспечивает успешность его борьбы с врагами народа, повышает его бдительность, которая должна быть особо острой в период идущей подготовки к выборам в Верховный Совет и в ходе самих выборов». В июне 1946 г. откомандирован в НКВД СССР.

Дубровин Владимир, с 25 января 1934 г. председатель Камчатского областного совета Союза воинствующих безбожников.

В совет вошли: *Акшинский*, профсоюзный работник Кокурин, Куницын, Садовой. В начале 1930-х гг. — директор педагогического техникума. В 1936 г., в период проверки партдокументов, выяснилось, что он не тот, за кого себя выдаёт. Его настоящая фамилия Акулинин. Будучи белогвардейцем, попал в плен к красным, где взял чужую фамилию, скрыв своё прошлое казачьего сотника, «зверски расправлявшегося с большевиками». С документами Дубровина в 1925 г. вступил в кандидаты, а в 1927 г. — в члены ВКП(б). В списках жертв политических репрессий КО не значится.

Дудко Пётр Иванович (1887), 19 марта 1917 г. избран кандидатом к членам Петропавловского городского комитета, с конца 1917 г. по июль 1918 г. член Петропавловского городского и с 7 апреля 1918 г. кандидат в члены Камчатского областного совдепов. Из крестьян. Окончил четыре класса реального училища. Основная профессия — радиотелеграфист. В РКП(б) с 1920 г. До 1917 г. работал на Петропавловской радиостанции. 12 марта 1917 г. избран в комиссию по выяснению наличия предметов первой необходимости, через неделю — кандидатом в члены Петропавловского городского комитета. В марте 1918 г. — в редколлегии «Известий Советов...» *Бушув* говорил о Д.: «...состоя членом областного Совета, с самого начала высказывался на заседаниях о непрременной организации Красной гвардии... о деятельности Лаврова, называя его на общих собраниях и в частных домах провокатором, а относительно Пурина, Сусяка, Рыбкина и других лиц даже высказывался о казни их. Участвовал в организации охранного отдела и военного комиссариата». При свержении совдепа в июле 1918 г. арестован и по постановлению чрезвычайного заседания Завойкинского волостного съезда от 2/15 июля 1918 г. выслен за пределы Камчатки. В 1920 г. — предствитель Камчатки в Центросибири. С 27 августа 1923 по 18 июля 1925 г. — председатель Охотского уездного ревкома, с октября 1925 г. — заведующий отделом местного хозяйства. И. Е. Ларин писал в 1926 г.: «Административные и организаторские способности у т. Д. имеются, которые при тяжеловатости и медлительности характера как бы ступёвываются. Инициатива есть. Подобрать работников умеет, но при камчатских условиях это сделать затруднительно. Деловое сотрудничество с работниками местхоза имеется... У т. Д. имеется стремление выехать на материк». Установить, когда Д. был заведующим собесом и председателем ревтрибунала, не удалось. В 1927 г. вместе с Лариным (председатель) и Слободчиковым входит в Комитет

содействия северным народностям. В конце 1920-х гг. — председатель Нерчинского горсовета.

Дудоров Порфирий Иванович (1909), в июне 1940 г. врио начальника УНКВД по КО в звании младшего лейтенанта ГБ. Из рабочих. В ВКП(б) с 1928 г. Окончил строительный техникум. Заместитель начальника УНКВД, депутат Петропавловского горсовета. Выступая 3 марта 1940 г. на 4-й областной партийной конференции, привёл факты политических опечаток в «Камчатской правде». Из статьи т. Папанина в номере за 21 декабря 1939 г.: «...вдруг раздался новый взрыв аплодисментов невиданной силы. Под бурю оваций в зал вошли товарищ Сталин и члены Политбюро. Я дрожал от волнения. Радость переполнила моё сердце». Наборщица Корнеева вместо *радость* набрала *гадость*. Всё в том же декабре 1939 г. наборщик Череданцев в извещении, где состоится лекция «Марксизм и идеализм» набрал последнее слово её названия *идеатизм*. В речи т. Вышинского (Прокурор СССР) также искажение. Должно быть «всепобеждающая сила великих идей социализма», а набрали *всепобеждённая*. Постановлением бюро КОК ВКП(б) от 11 января 1941 г. (по письму о конфискации начальника экономического отдела, секретаря партбюро А. Л. Иванова и сообщению начальника КОУ Вацурина) Д. объявлен виновор. 20-го или 21 октября 1941 г. на 8-м пленуме Петропавловского ГК ВКП(б) выведен из состава бюро горкома в связи с выездом за пределы области. Награждён радиоприёмником от оргкомитета ВЦИК по Тульской области.

Дулёбов Вениамин Анатольевич (1916), в 1940 г. заведующий канцелярией КОК ВКП(б). Из служащих. Русский. Образование неполное среднее. Принят в кандидаты ВКП(б) в 1940 г., в члены — в июне 1941 г. С сентября 1943 г. — заведующий сектором информации КОК ВКП(б).

Дунаев В. И., с мая 1940 г. начальник Корякского окружного отдела НКВД. 13 августа того же года принял по акту от оперуполномоченного Гавриленко дела, в том числе агентурной сети (личные и рабочие). Двенадцать из семнадцати осведомителей проживали в Палане, все проходили под псевдонимами: «Юшин», «Алексеев», «Сергеева», «Архипыч», «Чайка», «Оседлый», «Быстрый», «Орёл», «Иванов», «Коробкин», «Оленевод», «Саша», «Лебедь», «Васин», «Барс», «Мотор», «Машинка».

Дунай Григорий Васильевич (1906), в марте 1940 г. камчатский областной военный комиссар. Украинец. Родной язык русский. Образование среднее. В ВКП(б) с 1931 г.

Дусеев Константин Константинович (1902), в 1929 г. начальник Усть-Камчатского МКПП. Из служащих. До 1917 г. учился. Образование среднее. В РКП(б) и РККА — с 1920 г. В ОГПУ поступил в 1921 г. Титаренко характеризовал его как настоящего аскета: «...ел всухомятку, никаких удобств в квартире. Коммунисту так жить нельзя, надо озаботиться жить более культурно, щадить хотя бы своё здоровье... Один из самых дельных коммунистов... В нарушении коммунистической этики не замечен... связи с чуждым элементом не наблюдалось». То же в характеристике при партчистке 1929 г.: «С чуждым элементом не якшается». Отмечалось, что иногда употребляет спиртные напитки, «временами находит пассивность, как к служебным, так и партийной работе, обуславливается тягой на материк».

Дьяконов Гурий Парфёнович, кандидат к членам Петропавловского городского комитета первого состава от 6 марта 1917 г., гласный второй ПГД, делегат второго Камчатского областного съезда 1918 г. от селения Коряки. В начале 1917 г. — доверенный фирмы «И. Я. Чурин и К°».

Дьячков Иван Михайлович (1899, с. Марково на Чукотке — 8.03.1938, Петропавловск-Камчатский), участник июльского анти-советского переворота 1918 г. в Петропавловске, делегат мильковского трёхволостного съезда, избранный на съезде Завойкинской волости 27 марта 1922 г. Чуванец-кочевник. Окончил Петропавловское ВНУ. Отцовская собственность: дом в Анадыре, двадцать четыре собаки. 2 декабря 1922 г. Н. П. Фроловым был выписан ордер на его арест как «видного контрреволюционера». Вскоре освобождён. В 1933 г. осуждён на девять месяцев за пьянство. Жена (Крупенина Мария Васильевна) развелась с ним в 1929 г. По показаниям В. Г. Крупенина 1933 г., принимал участие в аресте совдеповцев вместе с ним самим, В. А. и А. В. Крупениными, охранял красных в тюрьме. Взят под стражу 8 октября 1937 г., будучи жителем села Сероглазка. Обвинён в контрреволюционной агитации, принадлежности к организации «Автономная Камчатка» и тесной связи (с 1931 г.) с японской резидентурой. Приговорён к ВМН с конфискацией имущества Тройкой УНКВД по ДВК 1 февраля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 20 ноября 1963 г. Камчатским областным судом.

Дыптан Иван Дементьевич (43 года в 1931), в 1918 г. советский работник, в 1922 г. красный партизан КОНРК. Украинец. Грамотный. По словам Бушуева, во время поездки по восточному побережью Камчатки «производил агитацию против областного

комитета и раздавал всевозможные воззвания советской власти». После переворота в июле 1918 г. выселен вместе с другими «советчиками» за пределы Камчатки. Вернулся в Петропавловск 18 августа 1918 г. на пароходе «Монгугай» по пропуску Приморской Земской управы, был задержан, но бежал. С приходом к власти ВВРК, 3 марта 1920 г. избран в его политколлегию. В начале 1930-х гг. жил в с. Колыгирь, занимался рыбной ловлей. Семья из трёх человек.

Дюпин Степан Афанасьевич (1876, с. Починок Ледненцевской волости Глазовского уезда Вятской губернии), *противник советской власти*. Русский. Образование: ВНУ экстерном. Неимущий. На Камчатке с 1914 г., с июля — заведующий почтово-телеграфным отделением «Тигиль». В последующие (до 1917) годы за усердную работу произведён в чиновники 3-го разряда. Оказывал помощь белоказачьему отряду полковника Алексеева во время пребывания такового в Тигиле в 1922 г. С приходом советской власти снят и переведён в Утхолок, где почтово-телеграфным отделением заведовала его дочь Мария. Восстановлен в должности, в которой проработал до 1928 г., затем — рядовым служащим «за неимением почтово-телеграфных работников». Арестован 17 марта 1933 г. в Петропавловске. Обвинялся по ст. 58-10 УК РСФСР. Согласно показаниям свидетелей, в начале марта 1932 г. после ареста зятя Кирилюка говорил: «Сейчас сажают безвинных людей и мучают. Раньше этого не было. Сейчас даже опасно чего-либо иметь, ибо расчистят быстро...»; в августе 1932 г.: «До каких пор ГПУ будет издеваться над народом, у нас в Петропавловске многих арестовали, а за что неизвестно... Крестьян арестовывают, считая их кулаками за то, что нажитое своим трудом. Всё это у них отбирают, а семьи оставляют на произвол судьбы, и живи, как хочешь...»; в конце того же года: «Раньше при царском строе жилось лучше, а теперь нам, чиновникам, жизни при этой советской власти не стало. Жалование дают очень маленькое, а цены на товаро-продукты с каждым днём поднимаются...»; в январе 1933 г.: «Ну и жизнь настала, нигде ничего нет, кушать нечего. Если так будет продолжаться, то совсем подохнешь... Сейчас хорошо живётся партийцам и ответработникам...»; в конце февраля 1933 г.: «Камчадалам достаётся ездить на охоту, переносить страдания, и до того доходит, что свою жизнь губят и возвращаются домой усталые и измученные, а между тем, за пушнину платят какие-то гроши, тут поневоле у человека появится досада. Не было правды и не будет». Постановлением Судтройки ОО ОГПУ ДВК от 11 июня

1933 г. по ст. 58-10 УК РСФСР сослан в Западную Сибирь на три года. Реабилитирован 21 февраля 1990 г. Камчатским областным судом.

Дягилев Георгий Александрович (1900, с. Горный Щит Уральской области), в 1926 г. заведующий Камчатским губ(окр)архивом. Из крестьян. Русский. Образование высшее. На момент ареста 29 мая 1933 г. — научный работник. Проходил по делу «Автономная Камчатка». Обвинялся по ст. 58-2-7-11 УК РСФСР, приговорён к десяти годам лишения свободы. Реабилитирован ВК ВС СССР 4 июня 1955 г.

Евлахов Александр Владимирович (1909, г. Серпухов), в мае 1938 г. начальник 3-го отдела КОУ НКВД. Из рабочих. Образование низшее. В комсомоле в 1921—1931 гг., в ВКП(б) с 1928 г. До 1921 г. учился, начал трудиться в 1923 г. В 1924 г. окончил ФЗУ. В 1926—1928 гг. — московский слесарь, с 1928 г. — на руководящей работе в комсомоле. В 1929—1930 гг. — следователь прокуратуры. С 1933 г. — в органах ГБ. В 1938 г. — начальник 3-го отдела и член парткома КОУ НКВД. Использовал физические методы воздействия на арестованных (пытки). Привлечён к ответственности в должности начальника отделения Хабаровского краевого управления НКВД. 12 октября 1940 г. ВТ войск НКВД СССР по КО приговорил его по ст. 193-17 УК РСФСР к семи годам ИТЛ с поражением в избирательных правах на три года, лишением спецзвания «сержант госбезопасности» и знака «Почётный чекист».

Евсеев П. Р., с 20 апреля 1918 г. член Петропавловского горсовета, с 30 апреля того же года врио заведующего Петропавловской городской милицией.

Егоркин Семён Иванович (18.02.1918, д. Нефёдово Спасского района Рязанской области), с 10 октября 1942 по 5 февраля 1945 г. первый секретарь КОК ВЛКСМ (тринадцатый по счёту). Из крестьян-середняков. Русский. Образование среднее. В ВКП(б) с апреля 1940 г. Окончил в 1937 г. фельшерскую школу в Рязани и работал по специальности до июля 1938 г. в с. Лесное КО. В 1938—1939 гг. — заведующий отделом политучёбы и заместитель секретаря КОК ВЛКСМ. С февраля по декабрь 1939 г. — заведующий Корякским окрздравотделом. С января 1940 г. по июль 1941 г. — первый секретарь Пенжинского РК ВЛКСМ. В августе-октябре 1941 г. — старший фельдшер 101-й горно-стрелковой дивизии. С октября 1941 г. — секретарь КОК ВЛКСМ по военной работе. В 1945 г. направлен на учёбу в Высшую центральную комсомольскую школу.

*Егоров Дмитрий Александрович (1903), с 28 августа по 26 декабря 1930 г. ответственный редактор «Полярной звезды». Из рабочих. В комсомоле с 1920 г., в РКП(б) с 1924 г. С двенадцати лет продавал газеты, был «мальчиком» у столяра и крестьян на разных работах. С 1920 г. — на комсомольской работе (секретарь ГК в Нижегородском крае и т. д.). В 1924 г. направлен в совпартшколу. В 1926—1930 гг. — в редакциях изданий Нижне-Волжского края «Нижегородская коммуна», «Красная Керчь», «Приокский рабочий». На Камчатке с 1930 г. С 31 августа в составе бюро КОК ВКП(б). Состав редколлегии «Камчатской правды» от 17 декабря 1930 г.: Репёва, Егоров, заведующий колонизационным управлением АКО *Авербах*, *Вдовин*. Снят с редакторства «за правый оппортунизм на практике, выразившейся в замалчивании важнейших решений партии (решения XVI съезда и сентябрьского обращения ЦК)» и «до сих пор не признал своих политических ошибок». Выведен из состава окрбюро. Вместе с ним освобождена от работы секретарь газеты *Сергиенко*, откомандирована в распоряжение культпропа окружкома. В июне 1931 г. Е. — секретарь окрисполкома. В июне 1933 г. вместе с *Бучелем*, *Слободчиковым*, *Дубровиным* и *Петровым* входил в областной оргкомитет краеведческого общества. На партчистке 1933 г. заявил, что не слышал о получении его женой в 1932 г. «двойной нормы», что «жена продавала муку по спекулятивным ценам, велосипед и прочее», не знал, что она покупала товары с целью спекуляции на материке, но, что покупала, знал. На собрании, где чистили Е., возникла перепалка беспартийных женщин *Егоровой* и *Громовой*. Первая: «У меня с *Громовой* были трения, вылившиеся в склоку. Продовольствия двойных норм не получала. Спекуляцией не занималась, это ложь *Громовой*». Вторая: «*Егорова* сама говорит, что в деревне свечку можно променять на фунт масла. Если *Егоров* и хороший человек, то, безусловно, плохой коммунист, не знавший спекуляции жены». На чистке Е. не объяснил теории *Мальтуса*, исторических корней марксизма, не смог дать определение ленинизму. На вопрос № 28: «Говорилось ли вами когда кому-либо в компании о дохлой кошке, брошенной в портрет *Ильича*?», отвечал: «Я слышал в *Сормовском* районе, мне рассказывали, когда один антисоветский рабочий в портрет *Ленина* бросил кошку. Я тогда же указал на это как на выходку недопустимую». Чистку не прошёл. Исключен из ВКП(б).*

Егоров Иван Поликарпович (январь 1904), председатель Петропавловского ГИК с 27 мая 1942 по 6 апреля 1945 г. Из семьи сибирского крестьянина, погибшего на русско-японской войне. Русский.

Образование среднее: Ново-Николаевская мужская гимназия и совпартшколы второй ступени. В ВКП(б) с июня 1939 г. До 1923 г. — заведующий библиотекой районного отдела народного образования (роно) и секретарь комитета комсомола в родном селе. В 1923—1925 гг. — учитель начальной школы. С сентября 1925 по сентябрь 1926 г. — председатель уездного союза (упроса) г. Каргат. В 1926—1929 гг. — заведующий Пролетарской начальной школы Чулымского района. В 1929—1931 гг. — заведующий роно того же района. С 1931 по август 1937 г. — инструктор, заведующий сектором Западно-Сибирского отдела народного образования, затем до июня 1939 г. — заведующий Топканским роно Новосибирской области. По одним данным, *заведующий Камчатским облоно* с июня 1937 по октябрь 1941 г., по другим — с 3 августа 1939 по май 1942 г. В 1941 г. — заведующий областным отделом искусств, секретарь КОИК.

Егоров Лев Николаевич (1.04.1942, Владивосток — август 2000), с 8 февраля 1984 по август 1986 г. *председатель Петропавловского ГИК, а затем по август 1991 г. первый секретарь ГК КПСС.* Из служащих. Русский. Образование высшее, окончил Дальрыбвтуз (инженер-механик машин и аппаратов пищевого производства) и Хабаровскую ВППШ. В КПСС с января 1969 г. В 1959 г. — электронадсмотрщик радиостанции № 1 Приморского краевого радиоцентра. В 1959—1961 гг. — электромонтажник Владивостокского судоремонтного завода № 178. С 1967 по 1968 г. — механик завода на судах Управления тралового и рефрижераторного флота (УТРФ) в Петропавловске. В 1968—1970 гг. — там же и в том же качестве на судах Управления океанического рыболовства (УОР). В 1970—1971 гг. — первый помощник капитана в УОР. С 1971 по 1973 г. — инструктор промышленного отдела, в 1973—1974 гг. — отдела организационно-партийной работы Петропавловского ГК КПСС. В 1974—1976 г. — первый секретарь Октябрьского РК КПСС г. Петропавловска. В 1976—1980 гг. — секретарь, затем до 1984 г. — второй секретарь ГК КПСС. Награждён орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта».

Егорова Вера Николаевна (1914), с 3 августа 1938 г. *директор Камчатской областной библиотеки.* Русская. Образование высшее: окончила политико-просветительский институт. В ВЛКСМ с 1931 г., кандидат ВКП(б) с февраля 1940 г. Председатель агитационно-пропагандистской комиссии Петропавловского ГК ВЛКСМ.

Езерский И. Н. (восемнадцать лет на момент гибели 4.04.1922), *старший урядник местной воинской команды. Убит в окрестностях*

Петропавловска красными партизанами, обстрелявшими из засады казачий дровяной обоз.

Елисеев Иван Иванович (1892), кандидат к гласным четвертой ПГД 1920 г. Из крестьян. Образование низшее: окончил городское училище. Кандидат ВКП(б) с апреля 1923 г. До революции — чернорабочий. На Камчатке с декабря 1918 г. После январского переворота 1920 г. избран товарищем председателя ВВРК (П. С. Маловечкина) и членом следственной комиссии. Канцелярский служащий. Перерегистрацию в качестве члена РКП(б) 4 августа 1920 г. не прошёл. В июне 1921 г. избран председателем правления Трудового союза. Перед высадкой в Петропавловске белоказацкого отряда вместе с И. Е. Лариным и другими представителями советской власти ушёл партизанить в сопки. В 1923 г. — секретарь отдела управления КГРК. Холост. Из служебной характеристики: «Добросовестный, толковый, но пьяница». Уполномоченный ДВ краевой контрольной комиссии РКП(б) Якимов в феврале 1925 г. отмечал, что его склонность к спиртным напиткам «является периодичной потребностью отравленного алкоголем организма». Допущенный к врио завучстата губбюро ВКП(б), с 1 августа того же года уволен и исключён из списков сотрудников как не возвратившийся из двухмесячного отпуска по болезни. По сведениям на январь 1928 г., убит в Хабаровске. Подробности неизвестны.

Елисеев Пётр Фёдорович (1907), в марте 1945 г. второй секретарь КОК ВКП(б). Из рабочих. Русский. Учился в комвузе, но не окончил. Трудовой стаж с 1923 г. Специальность — радист. В ВКП(б) принят в 1930 г. Награждён орденом «Знак Почёта» (1943).

Емельянов Александр Дмитриевич (1901, Енисейская губерния), чекист. Из крестьян. Русский. Образование среднее. В РККА с 1919 г., в погранвойсках — с 1920 г., в ВКП(б) с 1927 г. В начале 1930-х гг. — уполномоченный по охране границы, начальник отделения особого отдела Камчатского ОО ОГПУ. Принимал участие в фабрикации «Тигильского дела» (1931). В 1933 г. — в должности начальника КПП «Гродеково» 58-го Уссурийского погранотряда. 25 октября 1934 г. откомандирован в распоряжение начальника Управления пограничной и внутренней охраны Азово-Черноморского края (г. Ростов-на-Дону). В 1950 г. уволен по личному желанию из УИТЛ и строительства № 560 МВД (г. Москва).

Емельянов Константин Александрович, 6 марта 1917 г. единогласно избран председателем Петропавловского городского комитета, 19 марта — камчатским областным комиссаром.

Переведён осенью 1916 г. на Камчатку из Читы, где был мировым судьёй. Входил в состав Петропавловского окружного суда. В июле 1917 г. «сделал попытку провести упрощённое земское управление, но встретил противодействие со стороны К. П. Лаврова» («Камчатский вестник», 3 января 1919 г.). Осенью 1918 г. назначен врио мирового судьи Петропавловско-Командорского и Анадырско-Чукотского участков.

Ерёменко Александр Семёнович (1891, с. Пелипче Переяславской волости/уезда Полтавской губернии), *священник из Ключей*. Украинец. Холост. Неимуций. В 1927 г. был под следствием, освобождён. Арестован 14 апреля 1928 г. Проходил по одному делу с *Р. С. Васильевым*. По ст. 58-10 УК РСФСР приговорён 16 ноября 1928 г. ОСО при коллегии ОГПУ СССР к одному году лишения свободы. В мае 1930 г. Л. Я. Яковлеву сообщали из Владивостока, что Е. сидел снова, был выслан на восемь лет, но потом помилован и возвращён из Читы и «сейчас на приходе около Спасска». Но в августе того же года опять оказался под судом, будучи арестованным во Владивостоке ОГПУ. По делу 1928 г. реабилитирован прокурором КО 19 февраля 1990 г.

Ермаков Ион Иннокентьевич (1903, Иркутск), *чекист*. Из служащих. Образование среднее. В ВКП(б) с января 1927 г. В органах ГБ с июня 1921 г. по май 1938 г. В 1935 г. — оперуполномоченный экономического отдела УНКВД по КО и с 8 августа 1937 г. — член, секретарь парткома УГБ НКВД. По словам Непомнящего, «чрезвычайно ленивый, флегматичный, очень тяготила его работа в наших органах, часто высказывал желание уйти...» Арестован в Хабаровске после откомандирования его туда. Освобождён по прекращении дела 19 октября 1939 г. Из ВКП(б) не исключался, что было подтверждено на бюро Петропавловского ГК партии 1 сентября 1939 г. Имеются сведения об исключении Е. при партчистке в 1933 г. «за сокрытие соцпроисхождения».

Ермолин Анисим Александрович (1902, Сретенский округ, Котукская волость — 8.04.1933), *чекист-самоубийца*. Из крестьян. Русский. Образование: двуклассная школа. С июня 1931 г. до конца жизни служил на Камчатке в ОГПУ. По заявлению *А. Д. Емельянова* от 22 апреля 1959 г., именно Е. больше других участвовал в фабрикации «Тигилского дела», в производстве которого оно находилось в 1931 г. «Ермолин, хотя и был знаком со следствием, не мог сам переварить всю массу материалов, полученных в связи с многочисленными арестами. Кроме того, он, очевидно, и недостаточно добросовестно исполнял свои обязанности.

Только этим можно объяснить объединение материалов в одно производство... Помнится, что довольно грубо обращались с арестованными Ермолин и Стрекалов. Особенно отличался этим Ермолин, который мог пойти на любые действия, чтобы получить нужные ему показания...» В 1933 г. зарплата Е. составляла 450 руб. в месяц, он имел квартиру с паровым отоплением. Из материалов областной партколлегии: «...в ноябре 1927 г. бросил жену с двумя малолетними детьми и сошёлся со второй женой... К моменту самоубийства у второй жены было тоже двое детей. Тов. Е., живя со второй женой, не прекратил связь с первой и, кроме того, стал ухаживать и за посторонними женщинами. Видя всё это, вторая жена... создавала непрерывные семейные ссоры — тов. Е. оказался неустойчивым членом ВКП(б), не сумел справиться с интригами — 8 апреля 1933 г. покончил жизнь самоубийством, при этом... выстрелом ранил вторую жену... и вторым выстрелом ранил постороннюю женщину». В ноябре 1956 г. следователь Камчатского УКГБ старший лейтенант Молоканов взял показания у Дерябиной Н. Е., на тот момент Сосниной, жившей в Петропавловске по ул. Набережной, 58. Она представила иную версию самоубийства Е. Он, по её словам, застрелился «на почве того, что в тот период сгорело арестное помещение, а также массовые аресты. Это он всё переживал, был очень нервным... С работы возвращался поздно, рассказывал, что он участвует в арестах “автономистов”, при этом упоминал, что он принимает участие в арестах невинных советских граждан. Кого конкретно он арестовывал, я не знаю. Необходимо отметить, что Е. при этом сильно переживал... Вот на этой почве он и покончил жизнь самоубийством. В тот период был арестован Курмояров, по его аресту Е. говорил, что он является продолжением дела “Промпартии”. По вопросу поджога арестантского помещения в то время не могли установить причины его поджога, сгорели арестованные, этот случай сильно был воспринят Е., так как он отвечал за это помещение».

Ермолина-Дерябина Нина Ермолаевна (1905, Владивосток), жена предыдущего. Писала, что «из мещан», хотя отец чернорабочий, мать — домохозяйка. Русская. Образование: начальная школа, семь лет училась в женской гимназии, но не окончила, шесть месяцев училась в школе второй ступени, на курсах машинописи по слепому методу. В комсомол вступила в 1923 г, в ВКП(б) — в 1927 г. С 1923 по 1925 г. — машинистка Приморского ОГПУ, затем там же до 1931 г. — помощник уполномоченного. Вместе с мужем

переехала в Петропавловск. Заведовала секретной частью КОИК. С 25 июля 1935 г. утверждена заведующей особым сектором ГК ВКП(б). В 1927 г. премирована ОГПУ грамотой и «серебряной сумкой». В августе 1933 г. объявлен выговор партколлегией «за несвоевременную сигнализацию об упадничестве мужа-коммуниста». На допросе в УКГБ 13 ноября 1956 г. заявила: «О методах ведения следствия по делу “Автономная Камчатка” Ермолин мне ничего не рассказывал».

Ерохин Михаил Евсеевич, или о. Михаил (1871, Тамбовская губерния), *почётный гражданин, священник Петропавловского собора*. Из крестьян. Образование: городское училище и музыкальная школа. На Камчатке с 1915 г. В конце мая 1919 г. — благочинный камчатских церквей. С 1 сентября 1919 г. — законоучитель и учитель пения Петропавловского одноклассного начального училища. 2 мая 1920 г. избран председателем церковно-приходского совета¹⁰. С 1 июля по 1 августа 1922 г. исполнял обязанности гарнизонного священника. Дело против него начато 26 ноября 1922 г. следственной комиссией Камчатского губревтрибунала по обвинению в контрреволюции («в попомогательстве и способствовании белой банде») и шпионаже. Под стражей находился с 23 ноября 1922 г. по 25 января 1923 г. Ходатайствовал о его освобождении перед КОНРК и лично И. Е. Лариным (24—25 ноября 1922 г.), а также перед губернским отделом ГПУ (16 января 1923 г.) епископ Охотский Даниил Шерстенников. Поручителями за него выступили Александр Павлович Колмаков, *А. И. Бакулова* и *А. А. Ворошилов*. Освобождён по болезни под подписку о невыезде. На момент ареста имел шестерых детей и земельный участок «сажень семь». Привлекался по ст. 68 УК РСФСР. 31 июля 1923 г. выездная сессия Приморского губернского суда дело прекратила, подписку сняла.

Ерохин, корнет, сын предыдущего. По неподтверждённым данным, служил в контрразведке. В июне 1922 г. вместе с Н. А. Поляковым выехал на Охотское побережье к *Бочкарёву*. Если верить одному из советских источников, 13 апреля 1923 г. Е. находился в здании Наяханской радиостанции и сдался в плен красным вместе с женой. Её отправили в посёлок. Вечером вместе с ней к станции привезли жену Полякова, чтобы уговорить прекратить сопротивление. Судьба корнета неизвестна.

Ерошек Григорий Леонтьевич (1903), с 27 августа по 31 октября 1937 г. *заведующий отделом руководящих парторганов КОК ВКП(б)*. Русский. Образование высшее. В ВКП(б) с 1924 г.

С 1934 г. — инструктор, с 1 сентября 1935 г. — ответственный инструктор КОК ВКП(б). 31 октября 1937 г. исключён из партии. «Имел тесную связь со шпионкой Шамардиной... Держал себя крайне замкнуто и ни одного заявления по разоблачению врагов народа не подал. Партактив выразил Е. недоверие». Восстановлен в рядах ВКП(б) 31 января 1938 г.: «обвинения о его связи с Грибановым (учёным-ихтиологом. — *Ред.*) и поддержка его вредительской теории — чётные и нечётные года (хода лосося. — *Ред.*), а также связи его с Шамардиной... не подтвердились».

Ерошкин Сергей Степанович (1883 или 1884, с. Николаевка Чернопасеньской волости Тамбовской губернии — 8.03.1938, Петропавловск-Камчатский), по материалам НКВД, в 1922 г. имел связь с СЗО В. И. Бочкарёва. Из крестьян-бедняков. Русский. Малограмотный. На Камчатке с 1910 г. Кустарничал и охотился в Тигиле. До 1917 г. имел кузницу, к 1929 г., кроме неё, дом, амбар, баню, стайку и две коровы. В справке Тигильского сельсовета от 19 марта 1934 г. за подписью заместителя председателя Григорьева и секретаря Чертовского уточняется: «...дом размером 4 на 5 сажен, покрытый железом, амбар 3 на 3... кузница 3 на 3... столярная мастерская... Коров от одного года до двух одна штука, свыше двух лет две штуки. Частично ползуется наёмной силой. Прав голоса не лишён. В период интервенции имел тесную связь с белыми бандами». В 1934 г. имел жену Глафиру Ксенофоновну Юшину, 32 лет; троих сыновей от четырёх до шести лет, двух дочерей, девяти и одиннадцати лет. На момент ареста 28 сентября 1937 г. — рабочий по ремонту плавсредств рыболовецкой артели в Тигиле. По утверждению М. С. Манакова, в 1922 г. был тесно связан с полковником *Алексеевым*, доносил ему на бедноту села Тигиль, «и та избивалась, и самого М. избивали». Е. на допросе заявил противоположное: «Участие моё в партизанском движении было незначительное — выполнял роль в поисках белобандита полковника Алексеева, который проживал временно в Усть-Тигиле. О месте нахождения я информировал местную партизанскую дружину, больше никаких непосредственных участия в разгроме белой банды не принимал, за свою работу в поиске полковника Алексеева имею книжку партизана, выданную Тигильским РИКом». Тройкой УНКВД по ДВК 1 февраля 1938 г. приговорён к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован Камчатским областным судом 23 апреля 1958 г.

Есауленко Константин Евгеньевич (23.11.1910, г. Ташкент — 18.01.1987, Москва), с 1 января 1956 по февраль 1963 г. председатель КОИК. Родился в семье крестьянина-бедняка, ставшего в граж-

данскую войну красным командиром и убитого белыми. Образование среднее. В ВКП(б) с июня 1939 г. Из его автобиографии 1947 г.: «... ушёл от матери, беспризорничал, был в нескольких детских домах и в 1922 г. вновь попал к матери, с которой прожил у её родных в посёлке Ракитянского сахарного завода... В связи с тяжёлым материальным положением бросил школу (окончил восемь классов), ушёл работать...» В 1927—1929 гг. — помощник машиниста на сахарном заводе в Курской области. В 1929—1930 гг. — курсант годичных курсов подготовки в вуз в Узбекистане. В 1930—1931 гг. — бригадир бетонщиков в Ташкенте. С 1931 по 1933 г. — на комсомольской работе, заорг РК ЛКСМ Узбекистана, инструктор ЦК. В 1933—1934 гг. — заместитель председателя крайсовета автодора в г. Самаре, начальник Самарского краевого Дома обороны. С 1934 по 1935 г. — комсорг ЦК ВЛКСМ на Куйбышевском судоремонтном заводе. В 1935—1937 гг. — инструктор политотдела по комсомолу, помощник начальника политотдела Средне-Волжского пароходства. В 1937—1939 гг. — там же инструктор, в 1939—1941 гг. — начальник культмассового, организационно-инструкторского секторов политотдела Верхне-Амурского пароходства. С июля 1941 по апрель 1946 г. — служил в РККА (ответственный секретарь партбюро батальона курсантов, Дальневосточный фронт), пребывал в Хабаровском техническом училище. Затем до мая 1947 г. — заместитель заведующего транспортным отделом Хабаровского крайкома ВКП(б), после чего по апрель 1949 г. — первый секретарь Чукотского окружного комитета ВКП(б). С апреля 1949 по март 1950 г. — второй секретарь КОК ВКП(б). На бюро КОК в феврале-апреле 1950 г. разбиралось «дело Е.». 23 февраля председатель КОИК И. И. Сорокин обвинял его в том, что он себя считает властью, «он — высота, а остальные все исполнители». «Е. разбаловался, распоясался, диктаторствует, ведёт себя недостойно...» Генерал А. Р. Гнечко: «После выезда в командировку т. Калининкова (первый секретарь обкома. — В. П.) Е. чувствовал себя хозяином, он никого не признавал и не хотел слушать... Тов. Е. ведёт себя, как вождь, у него много самомнений и очень мало скромности». М. А. Орлов: «У него нет скромности... Тов. Е. должен сделать выводы из замечаний, высказанных в его адрес на бюро. Если он их правильно воспримет, он скорее избавится от своих грубостей и невежества... Мы не говорим, что Е. не должен быть секретарём обкома, но он может и не быть им, если он дальше пойдёт по этому пути». Черных: «Трансляция доклада т. Е. по радио из драмтеатра и другие

факты говорят о том, что Е. возомнил себя вождём...» Есауленко: «Недостатков у меня много, я их изживаю, но не знаю, зачем сейчас всё на меня навалили...» Калининков: «Основные недостатки у тов. Е. — это очень поспешные выводы о людях. Нет такта в работе. Е. болезненно реагирует на критику...» В постановлении бюро КОК от 23 февраля говорилось о бестактности, администрировании Е., о том, что он не считается с мнением других и что, если он «не устранит серьёзные недостатки в своём поведении, то встанет вопрос о его дальнейшей работе в качестве секретаря обкома ВКП(б)». В 1950 г. Е. направлен на учёбу в ВПШ. До середины 1950-х гг. работал секретарём ОК КПСС Еврейской АО, начальником политотдела Амурского речного пароходства, председателем Нижне-Амурского ОИК. В январе 1956 г. при выборах членов ОК делегатами 9-й Камчатской областной партконференции против него было подано двадцать три голоса. Избирался депутатом Верховного Совета РСФСР. В 1963 г., после партийного разбора его «дела», инициированного Орловым и Алексеевым, потерял пост председателя КОИК и переехал в Москву. С 1965 по 1971 г. — начальник главка Минрыбхоза РСФСР, заместитель начальника управления материально-технического снабжения Московского экономического района. Награждён орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта» (в связи с двадцатилетием Чукотского национального округа), медалью «За трудовую доблесть», «За победу над Германией», «За победу над Японией». Автор книги «Богат и красив Камчатский край» (М., 1962).

Жаворонков Василий Матвеевич (1878, д. Пнёва Калужской губернии — 1.04.1938, Петропавловск-Камчатский), *противник советской власти*. Из крестьян. Образование низшее. Прибыл в Палану с материка в 1924 г. Вывозился ОГПУ в 1934 г. Отбывал срок в Петропавловске. Вернулся в Палану в 1935 г. Работал в личном хозяйстве, занимался каюрством. Имел дом, корову, нарту, был женат на корячке. В 1936 г., согласно рабочей милицейской сводке, в пьяном виде говорил, что советская власть плохая, раньше было лучше, Пасха — праздник хороший, праздник 1 мая только нервы портит. Арестован 24 сентября 1937 г. Постановлением Тройки УНКВД по ДВК (Хабаровск) от 1 февраля 1938 г. приговорён к ВМН. Расстрелян 1 апреля 1938 г. в 19.00. Реабилитирован Камчатским областным судом 23 апреля 1958 г.

Жеребцов Александр Васильевич (1899, с. Знаменское Беловского районана Курской области), *чекист*. Русский. В 1919—1921 гг. служил в уездном управлении Курской губернской ЧК. С июня

1932 по апрель 1937 г. — в УНКВД ДВК. При расследовании обстоятельств фабрикации дела «Автономная Камчатка» на допросе 23 ноября 1955 г. дал собственноручные показания, из которых следовало, что поводом для возникновения дела послужил поджог арестного помещения НКВД в Петропавловске в 1933 г. В город прибыла бригада ПП ОГПУ по ДВК, уехавшая ранней весной 1933 г., а «летом были доставлены сто пятьдесят с лишним привлечённых по делу обвиняемых, до двадцати человек в Хабаровск для дальнейшей работы с ними». В числе доставленных был П. Т. Новограбленов. «Случаев оговоров, отказов от ранее данных показаний не было. Если кто из обвиняемых и пытался что-либо путать, Новограбленов на очной ставке таких лиц быстро уличал и заставлял вспомнить, как было дело...» Ж. утверждал: возникновение дела «Автономной Камчатки», ход следствия и дальнейшее оперирование связей «проводилось при контроле, который осуществлялся работником Москвы Чайковским, который работал в японском секторе НКВД», добавляя, что до ВОВ «Ч., кажется, работал в особом отделе в Чите». Ж. был уволен из НКВД 1 сентября 1937 г. «за невозможностью дальнейшего использования», по другим, уточнённым данным, с мая 1938 г. командирован в УНКВД Приморской области, где трудился оперуполномоченным особого отдела. В апреле 1937 г. — феврале 1938 г. работал на Камчатке по делу АКО в составе бригады под началом заместителя начальника экономического отдела УНКВД Чернышева. В том же 1938 г. — начальник УНКВД по Приморскому краю направил его на работу помощником директора Дальзавода по кадрам «с исполнением ряда функций органов НКВД». В этой должности Ж. пробыл десять лет, а затем ушёл «по состоянию здоровья».

Жилин Николай Васильевич (сент. 1961), с 3 ноября 1989 по 14 ноября 1990 г. первый секретарь Петропавловского ГК ВЛКСМ (сорок четвёртый по счёту). Из служащих. Русский. Образование высшее, инженер-механик. В КПСС с 1978 г. Был заворгом КОК ВЛКСМ. В ноябре 1990 г. уволен переводом в молодёжный жилищный кооператив.

Жирков Корнил Софронович (1891, с. Сопочное, Камчатка — 14.10.1938), в 1924—1926 гг. председатель Сопочного сельсовета Хайрюзовской волости. Из семьи рыбаков-охотников. Ительмен. Образование: два года ЦППШ. До 1928 г. — торговец. Немного занимался столярным делом. Имел дом, лошадь, корову и девять ездовых собак. Впервые арестован 14 мая 1931 г. по «Тигильскому

делу». Вернулся из мест заключения в 1933 г., вступил в колхоз плотником. На момент второго ареста 5 апреля 1938 г. — член охотничье-рыболовецкой артели. Обвинялся по ст. 58-6-10-11 УК РСФСР в «систематической вредительской деятельности», агитации против колхозов, чем вызвал «групповые выходы в Морощечном и Сопочном». Якобы с 1926 г. — японский шпион. 10 августа 1938 г. приговорён Тройкой УНКВД по ДВК к ВМН с конфискацией имущества. Расстрелян. Реабилитирован ВТ ДВО 22 июня 1959 г.

Житник Алексей Андреевич (1905), на январь 1966 г. председатель Камчатского облплана. Украинец. Образование высшее. В ВКП(б) с мая 1940 г. В гражданскую войну состоял в ЧОН. Участник ВОВ. Награждён орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, Богдана Хмельницкого 2-й степени, Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «XXX лет Советской Армии и Флота», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией»; польскими наградами Крест Грюнвальда 2-го класса, «За победу над Германией», «За освобождение Польши».

Жолобов Алексей Тимофеевич (1907, по советскому административно-территориальному делению, в г. Ленинске Сталинградской области), с 15 ноября 1947 по 23 июля 1949 г. председатель Петропавловского ГИК. Из рабочих, отец — плотник. Русский. Образование неполное среднее, окончил два курса электротехникума и один курс заочного комвуза. В ВКП(б) с марта 1932 г. В 1917—1924 гг. — батрак у кулака. С ноября 1924 по февраль 1925 г. работал в хозяйстве отца. Затем до 1929 г. — плотник у частных лиц и на государственных предприятиях. В 1929—1931 гг. электромонтер в Сталинграде. В 1931—1932 гг. — секретарь комитета ВЛКСМ, начальник отдела кадров на «Сталэнергокомбинате». С 1932 по 1937 г. — секретарь РК ВЛКСМ в Саратовской области. В 1937—1939 гг. — диспетчер автопарка завода № 91 в Сталинграде, в 1939—1940 гг. — там же редактор многотиражки. В 1940—1944 гг. — редактор районной газеты «Алеутская звезда», в 1944—1945 гг. — пропагандист Алеутского РК ВКП(б). Неоднократно ставил вопрос о выезде в Петропавловск по состоянию здоровья в связи с длительным пребыванием на Командорских островах. В 1945—1946 гг. — инструктор КОК ВКП(б). С апреля 1946 г. — председатель президиума облпромсоюза. В 1949 г. направлен на учёбу в Хабаровскую краевую партшколу. Награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Загоруй Пётр Илларионович (21.06.1925, с. Мельниковцы Виноградской области), с декабря 1967 г. председатель Петропавловского ГИК, затем с 28 октября 1968 по 11 октября 1983 г. первый секретарь Петропавловского ГК КПСС. Из крестьян. Украинец. Образование неполное высшее. В ВКП(б) с 1946 г. В 1940—1941 гг. — ученик помощника машиниста железнодорожного училища в Хабаровском крае на станции Вяземской. С августа 1941 по декабрь 1942 г. — слесарь по ремонту авиационных двигателей станции Красная речка Хабаровского края. С декабря 1942 по октябрь 1945 г. служил в армии в Амурской области. В анкете делегата 14-й Камчатской облпартконференции (ноябрь 1963 г.) указал участие в боевых действиях, по-видимому, с Японией. В 1945—1948 гг. — старший инспектор отдела соцобеспечения Железнодорожного РИК г. Хабаровска. С 1948 по 1949 г. — там же заведующий отделом кадров и организатор работы Железнодорожного РК ВЛКСМ. В 1949—1950 гг. — секретарь комитета ВЛКСМ завода им. Горького. В 1950—1951 гг. — заведующий отделом Хабаровского ГК ВЛКСМ. С 1951 по 1952 г. — первый секретарь Железнодорожного РК ВЛКСМ. В 1952—1954 гг. — слушатель Хабаровской двухгодичной партшколы. В 1954—1955 гг. — заведующий отделом Соболевского РК КПСС. С июня 1955 по февраль 1961 г. — второй, а затем первый секретарь этого райкома. С января 1966 по декабрь 1967 г. — заведующий отделом административных и торгово-финансовых органов КОК КПСС. Избран первым секретарём Петропавловского ГК КПСС по представлению В. И. Алексеева. Освобождён «в связи с уходом на пенсию по достижению возраста и состоянию здоровья». Пенсионер союзного значения. Награждён орденами «Знак Почёта» (1957), Трудового Красного Знамени (1963 и 1976) и Октябрьской революции (1971).

Загоруйко Григорий Леонтьевич (1879, с. Ивановка на Днепропетровщине), кандидат к гласным третьей ПГД 1919 г.; в феврале 1922 г. участник охраны Петропавловска от красных партизан. Из крестьян. Украинец. Самоучка. По профессии слесарь. Служил в армии рядовым в 1901—1906 гг. Приехал на Камчатку в 1910 г. на пароходе «Великий князь» купца Мердина. По некоторым данным, владел немецким, английским, китайским и японским языками после плавания на торговых судах с заходом в иностранные порты до 1914 г. Затем работал в почтово-телеграфном ведомстве, Петропавловском казначействе присяжным счётчиком (1920). В 1923 г., будучи сочувствующим РКП(б), переехал в Усть-Камчатск. В 1931 г. вступил в колхоз им. Сталина.

Зимой 1936/37 г. — сторож на японском заводе № 3 фирмы «Ничиро» в Усть-Камчатском районе. 9 августа 1939 г. Камчатский областной суд приговорил его по ст. 58-10, ч. 1, УК РСФСР к пяти годам ИТЛ. 13 ноября 1939 г. судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР приговор отменила, направив дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. 14 апреля 1940 г. отправлен на лечение в Усть-Камчатскую больницу. По показаниям некой фельдшерицы, якобы называл чекистов фашистами. Постановлением райотдела НКВД от 28 мая 1940 г., утверждённым *П. И. Дудоровым*, освобождён, так как свидетели по делу оказались дезорганизаторами производства, не внушающими политического доверия.

Загребаев, с осени 1925 г. заведующий Большерецким волревкомом. Член ВКП(б). В 1926 г. — заведующий отделением медпомощи. Из административного отдела окрревкома уволен по несоответствию. В характеристике на него врид председателя окрревкома И. Е. Ларина от 19 июля 1926 г. говорилось: «...груб, нетактичен с сотрудниками, чрезмерно самоуверен, упрям и не пользуется авторитетом как на службе, так и вообще. К делу относится легкомысленно... не имеет элементарных медицинских познаний... не признаёт своих ошибок, проявляет бюрократизм и изображает из себя “большое начальство”. К ответственной работе не пригоден. По партийной линии работает активно». 26 октября 1926 г. на совещании секретарей комячеек при уполномоченном ДВ краевой контрольной комиссии ВКП(б) в его адрес прозвучало — «закомиссаривание, извращение партийной линии, дискредитация партии, пьянство».

Задорожный Николай Родионович (16.12.1941, с. Хижна Маньковского района Черкасской области), с 20 апреля 1989 и в августе 1991 г. председатель Петропавловского ГИК. Украинец. Образование высшее, окончил Дальрыбвтуз. Вступил в КПСС в сентябре 1970 г. На Камчатке с 1962 г. Начинал слесарем-монтажником. В 1983 г. — начальник Камчатского территориального производственно-распорядительного управления. В 1988 г. — первый заместитель председателя Петропавловского ГИК. 17 августа 1991 г. совместный пленум КОК и Петропавловского ГК КПСС временно приостановил его членство в составе ОК в соответствии с личным заявлением и в связи с вводом в действие Закона РСФСР «О местном самоуправлении».

Заев Алексей Егорович (1887, с. Утхолок, Камчатка — 10.04.1932), предположительно, член утхолокской дружины самообороны

П. Е. Суздалова, участвовавшей в убийстве отряда полковника *Алексеева* на реке Тигиль 8 сентября 1922 г. Ительмен. Малограмотный. Рыбак-охотник. В 1907—1909 гг. — староста села. На момент ареста 2 июля 1931 г. имел дом, баню, балаган, три рабочих лошади, нарту, восемь ездовых собак, два винчестера. Привлекался по «Тигильскому делу» по ст. 58-2-11 УК РСФСР. Умер под следствием. Дело прекращено 16 августа 1932 г.

Заев Василий Митрофанович (1886, с. Морошечное, Камчатка), в 1924 г. *председатель Морошечного селькома*. Камчадал. Малограмотный. Потомственный рыбак-охотник. Арестован 12 мая 1931 г. по «Тигильскому делу» по ст. 58-2-11 УК РСФСР. 7 сентября 1932 г. приговорён Тройкой ПП ОГПУ ДВК на срок предварительного заключения. Реабилитирован ВТ ДВО 3 августа 1959 г.

Заев И., в сентябре 1918 г. *председатель Утхолокского селькома*; совместно с секретарём комитета подписал наказ второму Камчатскому областному съезду, текст которого их делегат Руф Слободчиков отказался передать съезду («Камчатский вестник», 25 сентября 1918 г.).

Заев Николай Фёдорович (1892, с. Утхолок, Камчатка — ноябрь 1932), в 1922 г., предположительно, *член утхолокской дружины самообороны П. Е. Суздалова*. Потомственный рыбак-охотник. Самоучка. Одно время был *председатель колхоза*. На момент ареста 15 июля 1931 г. работал в своём хозяйстве. До 1928 г. держал двух-трёх работников. Имел дом, восемнадцать лошадей, тринадцать коров, три нарты. Проходил по «Тигильскому делу» по ст. 58-2-6-7 УК РСФСР. Тройкой ПП ОГПУ ДВК 31 октября 1932 г. приговорён к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован прокуратурой КО 30 июня 1989 г.

Зайцев Анатолий Лазаревич (1939), в 1985 г. *первый секретарь Тигильского РК КПСС*. Русский. Образование высшее. В КПСС с февраля 1964 г. В 1974 г. — *заместитель заведующего сельскохозяйственного отделом КОК КПСС*. В 1975—1979 гг. — *первый секретарь Быстринского РК КПСС*. Награждён медалью «За освоение целинных земель».

Зайцев В. Н. (21 год на момент гибели 4.04.1922), *старший урядник местной воинской команды*. Убит вместе с *Езерским* красными партизанами, обстрелявшими из засады в окрестностях Петропавловска казачий дровяной обоз.

Зайцев Георгий Петрович (1894), в 1932 г. *секретарь Петропавловского РК ВКП(б)*. Из крестьян. Русский. Образование:

сельская школа, шестимесячные курсы райпартактива. В ВКП(б) вступил в апреле 1927 г. На Камчатке с 1931 г. В июне 1934 г. стал оргинструктором КОК ВКП(б).

Зак Ефим Яковлевич (1916), в 1950-е гг. самый известный на Камчатке врач-гинеколог. Из служащих. Еврей. Образование высшее медицинское. В апреле 1939 г. вступил в ВКП(б). 25 июля 1945 г. снят с должности заведующего Петропавловским горзд-равотделом с выговором по партлинии, занесённым в учётную карточку как «необеспечивший руководства». С 1943 г. — хирург областной, в марте 1949 г. — городской больницы, депутат Петропавловского горсовета. Награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Закржевский Владимир Ульянович, или Юлианович (12.02.1887, д. Буга Кошеватской волости Таращанского уезда Киевской губернии — начало января 1934, Хабаровск), делегат первого и второго Камчатского областного съездов от Завойкинской волости, избран членом облкома; первый милиционер Камчатки. Из крестьян. Русский. Окончил двухлетнее церковное училище. По его словам, батрачил на богатеев и помещика за пятнадцать-двадцать копеек в день. «Жили очень скверно... Отец был тяжело ранен в турецкую войну и к тяжёлому труду не пригоден. Мать всегда была при доме... Хозяйства совершенно почти не было никакого, если не считать, когда изредка была чушка, куры и гуси». После училища учительствовал в первом классе. В 1907 г. завербовался на ДВ, куда доставил его за свой счёт один из крестьян-попутчиков. Слез с поезда на станции Шмаковка. Благодаря работам в лесу и на покосе рассчитался за проезд. Во Владивостоке выполнял разные подённые работы в порту, на пристани. В Петропавловск в 1908 г. приехал рабочим. «Имея опыт управлять церковным хором, я поступил в церковь регентом и псаломщиком». Через полтора года уехал в Паратунку, занимался развозным торгом, пользуясь небольшим кредитом. С большим трудом купил маленький дом. В 1914—1917 гг. служил во Владивостоке в крепостном полку рядовым. По другим данным, демобилизовался унтер-офицером. 6 июня 1917 г. включён в комиссию по созыву первого Камчатского областного съезда. На следующий день после его завершения на заседании облкома избран начальником милиции города (двенадцать голосов «за», один — «против»). В начале 1918 г. на Завойкинском волостном съезде избран заместителем председателем волкома. На пути со съезда домой, версты за четыре до села, его нагнал посыльный, передавший секретное распоря-

жение председателя волостного комитета *Г. А. Ворошилова* от- править вооружённых людей в Сероглазку на защиту облкома от большевиков, которые «всё грабят в городе». Прибыв туда с сель- чанами, З., как вспоминал он позднее, не мог понять, что происхо- дит. В Сероглазке, по его словам, едва удалось избежать столкно- вения между местными казаками и теми, кто с ним приехал из Завойкинской волости. «Я возвратился вместе с крестьянами об- ратно в село Паратунка после выявления положения в Сероглаз- ке и сразу отказался от должности заместителя волостного пред- седателя... Казачье население, особенно Сероглазки, никогда не мирилось с тем, чтобы управлял кто-либо Камчаткой из людей пришлых с материка; они всегда питали к ним страшное недове- рие и зло, и у них не было иного названия, да и у многих из крестьян, русский человек, как слово “мурка”, в переводе это соба- ка». Как участник июльского антисоветского переворота 1918 г. в Петропавловске и начальник гормилиции при Колчаке был арестован в январе 1920 г. революционной властью. 9 февраля того же года Камчатский областной ВРК отклонил просьбу граж- дан Петропавловска Коновалова, Колмакова, Ревацкого, Вичирки- на и других об освобождении З. из-под стражи «до разбора дела». В начале мая следственная комиссия Гапановича постановила: «Ввиду бедственного положения семьи З., мерой пресечения вза- мен заключения под стражу избрано взятие подписки о невыезде из Петропавловска». Амнистирован в связи приостановкой совети- зации Камчатки. В 1921 г. уехал в с. Хутор, где занимался в лич- ном хозяйстве. Имущество на момент ареста 14 января 1932 г.: дом, два амбара, баня, три коровы, три молодняка, лошадь с жере- бёнком. Приговорён за контрреволюционную пропаганду и агита- цию к пяти годам ИТК. Семья из восьми человек отправлена на спецпоселение. В 1933 г. привлечён по делу «Автономная Камчат- ка» (ст. 58-6-11 УК) и постановлением Судтройки ПП ОГПУ ДВК от 1 января 1934 г. расстрелян. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. ВТ ДВО за отсутствием состава преступления.

Закирничный Яков Степанович (1915), в 1954 г. заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Петро- павловского ГК КПСС. Русский. Образование неполное высшее. В ВКП(б) с 1939 г. С января 1957 г. — первый секретарь Быст- ринского, в сентябре 1961 г. — Тигильского РК КПСС. В конце 1963 г. — начальник отдела кадров Петропавловской судоремонтной верфи. Награждён медалью «За трудовую доблесть», «За доблест- ный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Засухин Сергей Фёдорович (3.10.1949, Хабаровск), в 1990 г. *народный депутат РСФСР*. Образование высшее: в 1976 г. окончил Хабаровский государственный институт физической культуры. На Камчатке с 1951 г. До армии — рабочий-геолог, слесарь войсковой части. Отслужив в СА, в 1971 г. был принят в рыболовческий колхоз им. В. И. Ленина матросом-обработчиком БМРТ «Сероглазка». В 1973 г. перевёлся на заочное отделение института, стал преподавать физкультуру в Петропавловском рыбопромышленном техникуме. В 1979—1984 гг. — водитель автоколонны № 1958, после чего вернулся на работу по специальности в Петропавловскую среднюю школу № 30. В 1990 г. перешёл на постоянную работу в комитет по делам молодёжи Верховного Совета РСФСР. Участвовал в создании и деятельности камчатской общественной организации «Инициатива». Входил в политсовет движения «Выбор России» (1994); был членом Совета Национальностей Верховного Совета РФ (1990—1993), фракции «Радикальные демократы», оргкомитета парламентской «Коалиции реформ». В последующем — вице-губернатор Корякского автономного округа, управляющий делами окружной администрации.

Захаров Логвин Евстафьевич (1874, с. Квивское Квивской волости Шадымского уезда Пермской губернии), *кандидат к гласным третьей и четвёртой 1919 г. и гласный пятой ПГД 1922 г.* Из крестьян. Образование низшее. Рыбак. Занимался в личном хозяйстве. В своё время отбывал воинскую повинность. 27 июля 1922 г. уведён красными в партизанский стан. Паратунская волость письменно ходатайствовала о его освобождении. В документах «Думского дела» значится: 3. благодарны жёны Фролова и Ларина, так как той и другой дал брезент, под которым они спасались от дождя в лесу, а также бочонок икры и пупков. Когда податель сего (подпись неразборчива) находился в лесу за селением Авача в отряде, он получал ещё и тёплое бельё. «А брезент и сейчас в лесу, не привезён». В январе 1923 г. ревсельком выдал 3. благодарность за снабжение провиантом села Микижи — спасение его жителей от голода; город им продуктов, говорилось в документе, не отпускал ввиду того, что они выступали против белых. На начало 1923 г. домовладелец. Жена Мелания Перфильевна, четверо детей.

Захаров Пётр Алексеевич (1904), до 1 мая 1935 г. *секретарь Петропавловского ГК ВКП(б)*. Русский. Образование низшее. В большевистскую партию вступил в 1920-е гг. С августа 1934 г. — заведующий Домом партийного просвещения в Петропавловске. Выбыл из бюро обкома ВКП(б) 29 ноября 1934 г.

Заярный Максим Ануфриевич (1901), чекист. Украинец. Окончил семь классов. Член ВКП(б) с 1928 г. Участвовал в фабрикации «Тигильского дела» и «Автономной Камчатки». Партчистку 1933 г. прошёл. С августа 1934 по март 1938 г. — комендант КОУ НКВД. Приводил в исполнение смертные приговоры в отношении «врагов народа». На допросе 12 марта 1959 г. З. показал: «В 1938 г. к нам на должность начальника УНКВД прибыл Давыдов... с группой работников и в частности со сменившим меня комендантом Ушаковым... В конце 1937 г. или в начале 1938 г., даже и в другое время имущество арестованных привозили на склад АКО, но куда его после отвозили, мне неизвестно». 21 марта 1937 г. Петропавловский ГК ВКП(б) утвердил решение первичной парторганизации о снятии с З. взыскания от 11 марта 1932 г. «за халатное отношение к работе». 3 мая 1938 г. З. жаловался на партсобрании, что по своему политическому уровню стоит на низком уровне, ни один раз не удалось окончить школу по истории ВКП(б), каждый год начинал с начала и не оканчивал, «а на Камчатке вот уже живу семь лет. Всё это отрицательно отразилось на практической работе». При пересмотре сфабрикованного чекистами дела «Автономная Камчатка» на вопрос о применении на следствии методов физического воздействия бывший работник ОГПУ Калашников ответил: «Из случаев воздействия на арестованных знаю только один случай, когда помощник уполномоченного Заярный, допрашивая... Рязанцева — сына кулака из Авачи, по два дня держал на допросе в комнате, не отпуская в камеру на отдых...» По «Автономной Камчатке» проходили братья Рязанцевы — Захар Николаевич (1900 г. р.) и Николай Николаевич (1903) — рыбаки-охотники, русские, малограмотные. Первый арестован 30 марта 1933 г., второй 7 апреля 1933 г. в с. Авача. 1 января 1934 г. оба приговорены к ВМН и через несколько дней расстреляны в Хабаровске. 13 марта 1956 г. майор З. написал пояснение на имя заместителя начальника УКГБ по КО подполковника Лапшина. «Дело “Автономная Камчатка” было вскрыто управлением ОГПУ по Хабаровскому краю. Основания для вскрытия... мне неизвестны. Личное участие в допросе я принимал одного арестованного за умышленную выдачу им управлению ОГПУ бензина вместо керосина с учинением им на бочке маркировки “керосин”, в результате чего при заправке фонаря “Летучая мышь” бойцами погранотряда получился взрыв, вследствие чего сгорело арестное помещение и арестованные. Фамилию арестованного я не помню, он работал до ареста заведующим складом гражданского порта... Этот же заключённый

проходил как соучастник расстрела ревкома в Анадыре...» В УГБ КОУ НКВД вместе с Полоумовым З. отвечал за работу стрелковой секции, организованной в январе 1939 г. «Было намечено девять упражнений по стрельбе с целью, чтобы занимающиеся полностью освоили стрелковое дело». За пять месяцев из двадцати восьми человек двадцать два, а также одна женщина-домохозяйка сдали нормы «Ворошиловского стрелка». На партсобрании своего подразделения 8 июля 1939 г. докладывал: секция имеет десять мелкокалиберных винтовок, тысячу патронов к ним, часть израсходована на сдачу норм, другая часть используется во время поездок на тренировку. «Неплохо, если бы оборудовать свой тир». 3 сентября 1939 г. утверждён начальником 3-го спецотделения КОУ НКВД в звании младшего лейтенанта ГБ. На 1 января 1940 г. — начальник 5-го секретного спецотдела. Откомандирован в распоряжение НКВД по Горьковской области приказом НКВД СССР № 1511 от 29 октября 1940 г. В 1970 г. был жив.

Зборжевецкий Емельян Павлович (44 года в начале 1923, с. Бузовка Таращанского уезда Киевской губернии), *протоиерей*. Из крестьян. Воинскую повинность отбывал в 1900—1904, затем в 1904—1905 гг. До антисоветского переворота 1918 г. в Петропавловске служил у комиссара народного просвещения делопроизводителем, затем с октября 1918 г. — в той же должности в отделе народного образования. В 1923 г. проходил свидетелем по «Думскому делу». Имущества не имел. Был женат. Ближайшие родственники находились в пос. Венцелевском Амурской губернии.

Зверев Арсений Мартемьянович (1895), с августа 1935 *камчатский областной прокурор*. В 1918 г. вступил в большевистскую партию. 9 мая 1936 г. направил с грифом «совершенно секретно» письмо в адрес КОУ НКВД: «На основании определения Верховного суда, в котором категорически воспрещается включать фамилии вождей партии и правительства в обвинительные заключения по делам контрреволюционной агитации. Составленное вами обвинительное заключение по делу Дроздовского, Лимбах, Григорьева и Щеглакова, в котором имело место указание на имя вождей партии и правительства прокуратурой переделано, копию посылаю для сведения. Впредь при составлении обвинительных заключений подобные явления необходимо избегать. Все, не подлежащее включению в обвинительном заключении моменты, необходимо вносить в отдельных документах и прилагать в особом закрытом пакете “для суда”».

Зверев Михаил Семёнович (1900, Нижний Новгород), сторонник царской власти и Троцкого. Из рабочих. Русский. Прошёл программу за пять классов самоучкой. До 1936 г. в ВКП(б), исключён «за моральное разложение». В августе 1938 г. «судим Тройкой на один год по ст. 192». В августе 1940 г. — «по Указу от 26 июня — три месяца лишения свободы». С февраля 1943 по декабрь 1944 г. — в запасном артиллерийском полку. На момент ареста 24 мая 1948 г. — житель с. Елизово, электромонтёр, вольнонаёмный воинской части. Говорил в присутствии солдат: «В царской России народ работал меньше, а жили все очень хорошо, всего было много, что пожелаешь, то и бери... Захотел поступить на работу — идёшь к помещику, он тебя принимает без всяких разговоров, одевает, обувает и кормит хорошо, а также выплачивает зарплату. Была полная свобода, не захотел работать у одного помещика, идёшь к другому, где более выгодней. А вот сейчас зажали, поступишь на производство — не уйдёшь, а если самовольно уйдёшь — поймают, судить будут... Раньше, при царском режиме, было хорошо, видных революционеров, которые боролись за свержение царской власти («назвал имя вождя» — так в обвинительном заключении. Речь о Сталине. — В. П.), слабо наказывали, только ссылали, а сейчас скажи что-нибудь против советской власти, сразу приберут». Из того же документа: «Восхваляя Троцкого, популяризировал в окружающей среде его заслуги, одновременно унижал достоинство организаторов партии и советского государства... распространял в анекдотической форме враждебную гнусную клевету на руководителей партии и советского правительства». Привлекался по ст. 58-10 УК РСФСР. 1 июля 1948 г. приговорён ВТ МВД Камчатского погранокруга к восьми годам лишения свободы. Реабилитирован судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда РСФСР 21 мая 1990 г.

Зимин Александр Игнатьевич (1884, с. Михайловское на Амуре), в 1924 г. управляющий Петропавловской таможней. Из казаков-хлеборобов. Русский. Отец был станичным писарем в канцелярии генерал-губернатора. Сам З. служил в армии «земгусаром, нестроевой». Окончил Хабаровское техническое железнодорожное училище в 1903 г. по специальности «дорожное строительство». В большевистскую партию вступил в январе 1920 г. в Хабаровске. Исключён в 1923 г. и осуждён на один год условно за превышение власти. Восстановлен в феврале 1924 г. Снова исключён в сентябре того же года «за нарушение бюджетной дисциплины», но восстановлен ДВ краевой контрольной комиссией в феврале

1925 г. В 1903—1906 гг. работал на Китайско-Восточной железной дороге техником, затем городским техником в Хабаровске до 1909 г., после чего один год на Камчатке техником по дорожному строительству. Далее в биографии восьмилетний пробел. В 1918—1920 гг. — техник угольных копей на Сахалине. Красный партизан в Николаевске-на-Амуре в январе-октябре 1920 г. С августа 1921 по 1922 г. — главный полевой контролёр в Чите. В январе-ноябре 1922 г. — особоуполномоченный Военсовета, военком на снабжении на Восточном фронте. В начале 1923 г. — архитектор-инженер Приморского губсовнархоза (Чита — Владивосток). Запись в личном листке номенклатурного работника: Петропавловск, управляющий таможней с мая 1923 по май 1925 г. (по документам КГРК, отстранён 22 декабря 1924 г.). В январе 1925 г. губбюро РКП(б) отложило вопрос о предоставлении ему должности в одном из учреждений «в связи с затяжной следствия» и поручило «тов. Ломбаку ускорить следствие». С мая 1925 по ноябрь 1926 г. — заместитель заведующего владивостокским горкомхозом. Затем до августа 1927 г. — в Хабаровске, заведующий техническим подотделом. Привлекался к судебной ответственности в 1924 г. за нарушение бюджетной дисциплины, в 1929 г. — за бесхозяйственность; в обоих случаях дела прекращены. Вновь нет сведений по 1932 г. С мая 1932 по январь 1933 г. — в Благовещенске, начальник дорожного отдела, затем в зернотресте. В январе 1933 г. снова получает место на Камчатке: начальник облдортранса и по совместительству начальник дорожного строительства АКО.

Зиновьев Павел Павлович (21.09.1932, с. Владимиро-Мономахово Тетюхинского района Приморского края), с декабря 1988 по 30 мая 1990 г. — первый секретарь КОК КПСС, в мае-октябре 1990 г. председатель Камчатского областного совета народных депутатов. Из крестьян. Отец трагически погиб в родном селе в 1932 г. Русский. Образование высшее: в 1955 г. окончил Дальневосточное высшее инженерное морское училище им. Г. И. Невельского. В КПСС вступил в 1960 г. С 1955 по 1961 г. — инженер-механик, старший инженер-механик энергохозяйства Петропавловской судоремонтной верфи. С августа 1961 по август 1963 г. — секретарь парткома верфи. С 1963 по 1966 г. — заведующий промышленно-транспортным отделом Петропавловского ГК КПСС. После окончания ВПП при ЦК КПСС в сентябре-ноябре 1968 г. — инструктор КОК КПСС. Затем до декабря 1971 г. — первый секретарь Олюторского РК КПСС. В 1971—1973 гг. — заведующий

промышленно-транспортным, а в 1973—1976 гг. — отделом организационно-партийной работы КОК КПСС. С июля 1976 по декабрь 1988 г. — секретарь КОК КПСС. Подал в отставку с поста председателя областного совета под давлением «демократического блока» во главе с А. И. Усовым. В октябре 1990 г. *В. Я. Абаев* ходатайствовал об установлении ему персональной пенсии союзного значения. Награждён орденами Трудового Красного Знамени (1971), «Знак Почёта» (1976).

Зорин Василий Дорофеевич (61 год на день кончины 13.08.1959), в 1922 г. *красный партизан КОНРК*. Из некролога в «Камчатской правде» за 15 августа 1959 г., подписанного товарищами по оружию Е. Макаровым, Г. Чужих, В. Семёновым, П. Метальниковым, А. Пузырёвым, К. Штрадманом: «...в 1920 г. участвовал вместе с членами военно-революционного комитета П. С. Маловечкиным и Н. П. Фроловым в свержении колчаковской власти в г. Петропавловске. В дальнейшем в составе народной охраны города участвовал в ликвидации попытки белогвардейцев свергнуть власть облнарревкома, а также действий японских наймитов *Гапановича*, Кумпана и других, пытавшихся отделить Камчатку от Советской России... Тов. З. в числе первых влился в партизанский отряд Камчатского облнарревкома, в котором активно участвовал в вооружённой борьбе против белогвардейцев. До самых последних дней жизни Василий Дорофеевич был скромным товарищем и неутомимым тружеником в колхозе “Красный партизан” Елизовского района...»

Зубаков Алексей, или Александр, Митрофанович (1899), с декабря 1924 по 1926 г. *заведующий Камчатским губ(окр)здравом*. Из крестьян. Образование высшее. Принят в ВКП(б) в 1925 г. До Камчатки был врачом, начальником военно-санитарного транспорта, здравоохранения дивизии, завгубздравом, завгубтруда. И. Е. Ларин в 1926 г. отзывался о нём как о слабохарактерном, недостаточно развитом, не имеющим ни административных, ни организаторских способностей, неумело и небрежно обращающимся с находящимися в его распоряжении денежными средствами. Вывод: для работы в занимаемой должности не пригоден.

Зубков Александр Тихонович (1871, д. Прокопьево Степуринской волости Грязовятского уезда Вологодской губернии), *бывший торговец*. Из мещан. Русский. Образование: сельская школа. О себе рассказывал: «До одиннадцати лет жил при отце, затем был отдан мальчиком в Санкт-Петербург, в рыбную лавку, где пробыл три года с месяцами, в последние годы работал приказчиком

в рыбных магазинах, а затем работал на архангельских рыбных промыслах служащим. В 1886 г. приехал на жительство на Камчатке, работал в Камчатском торгово-промышленном обществе котиковых промыслов засольщиком до 1898 г., потом уволился, поехал во Владивосток, где поступил на службу в фирму Поляковых и проработал года полтора. В 1900 г. прибыл в Петропавловск, купил три дома, занялся рыбными промыслами и торговлей до 1911 г. В 1913 г. за оскорбление уездного начальника был выслан в г. Владивосток, где находился четыре месяца... затем был оправдан. В 1914 г. уехал в Вологодскую губернию. В 1916 г. вернулся в Дальневосточный край, где работал в Иркутске и Николаевске-на-Амуре. К осени 1917 г. прибыл обратно на Камчатку, имел деньги, ничем не занимался, почти каждый год ездил во Владивосток. В 1918 г. подал прошение в совдеп о выдаче ему 1 590 руб. за взятые у него в 1905 г. во время русско-японской войны лошадь, кунгас и невод. Прошение было направлено в 3-ю секцию с поручением собрать все нужные справки и со своим заключением решить вопрос через суд. В 1923 г. работал на промыслах Грушецкого засольщиком. До 1930 г. жил в Петропавловском районе, жил на деньги, полученные от продажи домов. В поисках постоянного местожительства всё ездил по Долине (реки Камчатки. — В. П.) и избрал место вблизи селения Толбачик, где и думал доживать последние дни». Как бывший торговец, лишился избирательных прав, но был восстановлен в 1930 г. В том же году привлекался к ответственности ОГПУ за антиколхозную агитацию, однако дело было прекращено, а сам он освобождён под подписку о невыезде «в силу неполноты собранных против него материалов». Впервые при советской власти проявил себя почти сразу после её окончательного установления в Петропавловске, о чём свидетельствует нижеприводимый документ. «Коменданту г. Петропавловска. Рапорт. 1922 г. декабря 17-го дня 19 час. был доставлен в пьяном виде в арестное помещение гр. Зубков, которого посадили в одиночную камеру, через некоторое время З. стал проклинать всё правительство, всех красных и все губревкомы, называя разбойниками, картёжниками, грабителями и т. д., говорит, что раньше у нас были правители белые образованные, а эти правители из-под метлы. Я его посадил в тёмную камеру, а потому просив вас, гражданин комендант, обратить внимание и не оставлять без наказания, кроме того оскорбил и весь караул. Подлинный подписали: начальник караула *Метальников, Рыкин, Знамеровский*». Арестован 12 сентября 1931 г. Привлекался по ст. 58-10

УК РСФСР. Свидетели утверждали: З. пользуется авторитетом и уважением в селениях Камчатки как религиозный и щедрый человек. А. К. Пальчинский из Ключей показал: «Все местные жители считают З. за благодетеля, так как в старое время, когда он торговал, то он жертвовал на церкви, приюты... один раз сразу пятьсот рублей на церковь... В Верхне-Камчатске жители по религиозным убеждениям никого не пускают ночевать и не продают продуктов. З. всегда принимают и снабжают продуктами... Последний раз я встречался с З. 24 июля (видимо, 1931. — В. П.). Он был у меня в гостях. Во время обеда в присутствии моей жены и её родственника, находившегося за стеной, он говорил: “Сейчас ГПУ производит аресты наших людей, но им недолго осталось жить, скоро будет переворот на материке, кругом восстания, нужно объединяться и поддержать крестьян на материке, которые сражаются с коммунистами. Я хожу часто по сёлам меня часто спрашивают, и я их просвещаю, всё равно мне старику ничего не сделают. Вот Вавилина забрали за правду, арестовали за то, что о коммунистах говорил, ну ничего, скоро всему конец. Заём выпускают, всё равно деньги пропадут, это нужно разъяснять крестьянам и рабочим. Церковь забрали, но я сам пойду к Петренко (чекист. — В. П.), все меры прийму, а церковь не отдам. Коммунисты карманы набивают, а потом разбегутся”». А. П. Тулупов, также из с. Ключи: «...он мне говорил, что коммунистов надо резать, жечь, вешать и т. д. Об этом он говорил не стесняясь». Член ВКП(б) П. Д. Кияниченко встретил З. в Усть-Камчатске «в степени слабого опьянения. Он начал с того, что перво-наперво напустился на коммунистов, обвиняя их в продаже “России”, её разрушении...» Ерофеев, житель с. Толбачик, приводил слова, принадлежащие З.: «В царское время жилось хорошо и вообще крестьянству. Эти большевики не дают покоя крестьянам». З. по существу предъявленного обвинения сказал: «Никогда против гужповинности и самообложения я не говорил, и сам не уклонялся, всё, что на меня в этом отношении говорят — ложь. Никогда я также не агитировал против колхозного строительства, ибо я этим делом никогда не интересовался. Также никогда и никого я не запугивал японцами, ибо в этом деле совершенно заинтересован не был...» 25 сентября 1932 г. он заявил на допросе: «В мирное время на Камчатке занимался торговлей, ездил по селениям, скупал пушнину и продавал всевозможные товары, как кочующим, так и местные камчадалам. В настоящее время определённую профессию не имею, занимаюсь домашним хозяйством. К тому

же я стар по возрасту, и считаю вообще, что наша жизнь уже спета, а поэтому, решив вести спокойный образ жизни, я остановился после долгих скитаний в деревне Толбачик. Меня хорошо знают на Камчатке, ибо, будучи купцом, я часто жертвовал на нужды церкви, а также всевозможным религиозным обществам материально и деньгами. Я остался и останусь религиозным, ибо я верю в Бога и поэтому в будущем также думаю при благоприятных условиях всячески оказывать содействие для существования церкви. Я до сего времени придерживаюсь к старым обычаям и порядкам, так как раньше никого не обижали... Для меня безразлично, какая будет власть, так или иначе без власти жить нельзя, кто-то должен править людьми. В настоящий момент я вижу везде и всюду... жизнь сама по себе, несомненно, стала в этом отношении хуже, для меня лично, как одинокого всё достаточно. Будучи религиозным, возможно, я, разъезжая по деревням, мог при разговоре сказать о том, что по священному писанию, что человечество идёт к гибели через восстание, всё припомнить не могу... Вообще я против соввласти ничего не говорил». 26 февраля 1932 г. ОСО при коллегии ОГПУ приговорило его к лишению свободы сроком на один год. Реабилитирован прокуратурой КО 19 февраля 1990 г.

КОММЕНТАРИИ

¹ Состав бюро ОК КПСС, избранного 28 ноября 1990 г.: В. Я. Абаев, Л. Д. Дзалаева, Е. В. Етылкут, Л. Н. Егоров, С. А. Качура, В. И. Кравченко, В. В. Кустин, В. И. Лихно, Ю. Н. Львов, Г. П. Марков, А. С. Плюснин, В. А. Попов, В. П. Потапенко, С. Г. Придворев, Б. П. Синченко, О. М. Фалеев, К. Р. Федотов, Г. С. Чернов. На 1 августа 1990 г. зарплата ответственных работников аппарата ОК составляла: оклад первого секретаря — 750, второго секретаря — 650 (с районным коэффициентом и надбавками — 1 010); секретарей — 600 (960), заведующих отделами — 500 (855), инструкторов — 330 (755—760).

² Ст. 58 УК РСФСР (в редакции 1926 г.):

1а — за измену Родине (действия в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство за границу) предусматривается ВМН, то есть расстрел, с конфискацией всего имущества или, при смягчающих обстоятельствах, десять лет лишения свободы с такой же конфискацией; 1б — то же преступление, совершённое военнослужащим, карается ВМН с конфискацией всего имущества; 1в — совершеннолетние члены семьи военнослужащего, убежавшего за границу, способствовавшие этому или знавшие о том, но

не донёсшие властям, наказываются лишением свободы от пяти до десяти лет с конфискацией всего имущества, а остальные, совместно с ним проживавшие или находящиеся на его иждивении к моменту преступления совершеннолетние, лишаются избирательных прав и ссылаются в отдалённые районы Сибири на пять лет; 1г — за недонесение властям о готовящейся или совершённой измене со стороны военнослужащего — десять лет лишения свободы, других граждан — не меньше шести месяцев.

2 — вооружённое восстание, захват власти в контрреволюционных целях в центре или на местах карается ВМН или лишением гражданства, изгнанием из страны навсегда...

3 — помощь иностранному государству в контрреволюционных целях наказывается тем же, что в п. 2;

4 — помощь международной буржуазии, стремящейся к свержению коммунистической системы, карается лишением свободы от трёх лет и вплоть до расстрела, лишением гражданства, изгнанием из страны навсегда, с конфискацией имущества;

5 — склонение иностранного государства к вооружённому вмешательству, захвату госимущества влечёт то же, что в п. 2;

6 — за шпионаж (передачу, похищение или сбор сведений, представляющих собой государственную тайну, с целью передачи иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам) предусматривается лишение свободы от трёх лет до расстрела или объявление врагом трудящихся, изгнание из пределов СССР навсегда, с конфискацией имущества;

7 — подрыв государственной промышленности, финансов, использование в контрреволюционных целях государственных учреждений, предприятий влечёт за собой то же, что в п. 2;

8 — точно такое же наказание за террористический акт в отношении представителей власти, деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций;

9 — то же самое за повреждение или разрушение государственного или общественного имущества: взрыв, поджог и т. п.;

10 — пропаганда или агитация к свержению или ослаблению советского государства или к действиям, предусмотренным пунктами 2—9 ст. 58, или распространение или хранение литературы такого содержания наказывается лишением свободы не ниже шести месяцев;

11 — организационная деятельность по подготовке или совершению преступления, предусмотренного этой статьёй, участие в организации, созданной для подготовки или совершения одного из преступлений, влекут меры социальной защиты, указанные в соответствующих пунктах настоящей статьи;

12 — за недонесение о достоверно известном готовящемся или совершённом контрреволюционном преступлении лишение свободы от шести месяцев;

13 — активная борьба против рабочего класса и революционного движения на ответственной или секретной (агентурной) должности при

царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны наказывается по аналогии с п. 2.

14 — контрреволюционный саботаж, то есть сознательное неисполнение или умышленно небрежное исполнение кем-либо определённых обязанностей с целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата карается лишением свободы на срок не ниже одного года с конфискацией части или всего имущества, а при особо отягчающих обстоятельствах вплоть до расстрела с конфискацией имущества.

³ По словам *Г. М. Коллегова*, секретаря совета, членом совета был дьякон Николай Константинович Логинов, а кандидатами — церковный староста, бывший казачий вахмистр Селиванов Василий Максимович (или Иннокентий Николаевич, псаломщик) и торговец Пётр Алексеевич Сторожевский.

⁴ Состав Камчатского губбюро РКП-ВКП(б) во главе с Бузиным (декабрь 1923 г.): Вольский, Ларин, Ломбак, Кручина; декабрь 1924 г.: Вольский, Ломбак, Соколов, Якимов. Оклад Бузина (как и Ларина) в 1924 г. составлял 340 руб. в месяц; служащие получали 107, советские работники — 95, рабочие — 83 руб. Прожиточный минимум в марте 1924 г. — 34 руб. 65 коп. 30 декабря 1924 г. губбюро РКП(б) утвердило редколлегию газеты «Полярная звезда» в составе: Б., Якимова, Иванова, Брикмана и Малькова. 26 мая 1925 г. Президиум Далькрайпарткомиссии отменил решение Камчатского губбюро о снятии Б. с поста ответственного секретаря по инициативе председателя ГРК Вольского и уполномоченного ДВ краевой контрольной комиссии Якимова за злоупотребление служебным положением — присвоение казённых денег при переезде в 1923 г. на Камчатку (проезд пароходом во втором классе к месту службы с использованием 170 руб. на билеты для детей, не отпущенных матерью, санкционирован задним числом секретарём ДВ крайкома партии Гамарником; деньги обращены в доход Камчатского губбюро).

⁵ Бюро КОК ВКП(б) при В. на 1 января 1943 г.: А. Г. Кожевников (избран 25 сентября 1942 г.), Подозёров, Мальцев, Павлов, Кулаженко, командир 101-й стрелковой дивизии генерал-майор Можаяев (избран 25 сентября 1942 г.), начальник 60-го ордена Ленина Камчатского морского пограничного отряда генерал-майор Г. Ф. Филиппов, Г. А. Черных, К. М. Чуйко.

⁶ Именной список отряда: Георгий Александров, Павел Барабанов, Берсенёв, Бождай, Брикман, Артемий Булатов (18 лет), Бурнатов, Александр Васильев, Василий Иванович Васильев, Выломов, Михаил Вольский, Глинкин, Глуховецкий, Глушков, Голованов, Порфирий Гончаренко (19 лет, комхоз), Павел Держачёв, Фёдор Дигай (18), Николай Дмитриев (18), Елисеев, Иван Ефимович Ефимов, Зимин, Семён Зорин, Всеволод Зуевский (20), Иван Игрушечкин (19, ученик), Александр Иванов, Илья Егорович Иванов (23, караульный финотдела), Картакай, Степан Ким (18, без службы), Коробко, Королёв, Копылов, Кочкин, Крайзельман, Степан Крупенин (22, комхоз), Василий Куренков (23, губфо), Ластовский, Ломбак, Лукашевский, Пётр

Могутин (20), Моцарт, В. Новограбленов, Павел Новограбленов, Нацковский, Николай Одляницкий (23), Пеньков, Василий Пивинский, Понятаев, Проскуряков, Константин Сементовский, Святой, Пётр Яковлевич Слободчиков (22, караульный финотдела), Иван Сойнов, Соколов, Виктор Соловьёв (19, губфо), Михаил Стовас, Сторожев, Сергей Селиванов, Георгий Сычёв, Евгений Сычёв, Михаил Трифонов (23, караульный финотдела), Александр Уваров, Фролов, Пётр Цой, Черепанов, Шпагин.

⁷ Его товарищем (заместителем) был Г. М. Бибилов. Селения волости представляли: Завойко Даниил Заочный, Коряки Полуэт Слободчиков, Хутор Евгений Машихин, Авачу Порфирий Наянов, Тарью Андрей Антошкин, Паратунку Тимон Шевцов, Микижу Герасим Яковлев, Тихую Семён Леонов.

⁸ В правление клуба вошли: председатель Сторожевский, члены Ильин, Подгур, Успенский, Крайзельман, Брикман. 30 декабря 1924 г. в состав правления входили: члены Бузин, Сторожевский, Пнёв, Успенский, кандидатами военком Васильев и завклубом Г., представители губбюро РКП(б) Мальков и Мефодьева.

⁹ В марте 1948 г. при нём: второй секретарь ГК Никифор Семёнович Черных, третий — Николай Романович Складенко, по кадрам Вера Тимофеевна Харченко, заведующий агитационно-пропагандистским отделом А. Я. Гуревич, заведующий военным отделом Григорий Самойлович Дьяченко. Бюро ГК от 22 июня 1949 г.: Г., Черных, Михаил Георгиевич Лаёк, Н. А. Космачёв, В. П. Севостьянов, Лев Григорьевич Струков, А. Г. Дмитриченко, М. Б. Мориц, С. С. Прокофьев; секретари: второй — Черных, Лаёк, Космачёв; завагитпроп Струков.

¹⁰ В качестве членов в совет вошли: А. А. Бакулова, А. А. Борисоглебский (товарищ председателя), Т. Бучинский — священник, К. Гарднер, Е. Зборжевецкий, Н. П. Корякин (церковный староста), П. Т. Новограбленов, И. Г. Подпругин, П. К. Шерстенников (секретарь совета); кандидаты в совет — А. П. Колмаков (он же кандидат в церковные старосты), И. И. Косыгин, М. К. Соколов и П. И. Фёдоров.

Продолжение следует.

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

В. В. БРАГИН

БОЛЬ ДУШИ — ПОТЕРЯННАЯ РОДИНА

В излучине реки Камчатки, где впадает река Белая, стоит крест, поставленный Владимиром Атласовым, землепроходцем, присоединившим полуостров к России. Здесь река Камчатка поворачивает с запада на восток. Ниже в полутора километрах некогда стояло селение Кресты, теперь его нет на карте. Здесь в 1910 г. родилась моя мать Ирина Владимировна Кречетова. В семье Кречетовых, кроме неё, было ещё пятеро детей: Варвара, Степан, Владимир, Пётр, Антонина. Мать вышла замуж в шестнадцать лет. Когда моего отца арестовали, у них уже было четверо детей, а мать носила пятого. В Крестах, кроме Кречетовых, жили Артёменко, Бобылевы, Коллеговы, Чудиновы, Тетерины, Власовы, Удачин, Баженовы, Ключевы, Третьяковы, Рыковы.

А ниже по течению в тридцати пяти километрах стояло знаменитое селение Ключи. Название оно получило оттого, что по всей его округе били ключи. Река в районе Ключей не замерзала круглый год. Места здесь очень красивые. На юге — гряда Ключевского вулкана, по-местному — сопка. На севере — Ключевской хребет и Шивелуч. Природа богато наградила этот край. Здесь и леса разных пород, и озёра, речушки с протоками, тундра, заболоченные места, хребты, горы. Ещё в пятидесятые годы водоёмы кишели от рыбы. Было несложно поймать гольца или карася. Камчадалы ещё в марте наблюдали, как рыба мечет икру. Много зимовало уток, лебедей, в лесу водились глухарь, куропатка, соболь, лисица, заяц, россомаха, выдра, олень, баран, медведь.

Вот фамилии ключевских камчадалов: Ушаковы, Удачины, Коллеговы, Брагины (пять семей), Бобряковы, Юрьевы, Столяровы, Сновидовы, Кречетовы, Васильевы, Михайловы, Селивановы, Портнягины, Маковецкий, Тюменцевы, Яскевы, Григорьевы, Богомолы, Пузаковы, Жиганцины, Курдюмские, Поповы, Греченинины, Буяковы, Толстихины, Грузных, Галямовы, Москвины, Чудиновы.

Дома, построенные ими в начале двадцатого века из лиственницы, были крыты оцинкованным железом или древесной корой. Камчадалы — приветливые, гостеприимные и честные люди, вели коллективный образ жизни. Их дома не закрывались на

замок. Воровства и мошенничества тогда ни в селении, ни в тайге не было и в помине.

Все камчадалы до 1930 г. занимались охотой и рыбалкой, больше никакой работы не было. Когда привезли рабочих строить Ключевской деревообрабатывающий комбинат (ДОК), то выяснилось, что их нечем кормить (строительство комбината началось в 1930, завершилось в 1932 г. — *Ред.*). Тогда власти попросили камчадалов В. В. Селиванова, В. В. Брагина и Грудных заготовить для них мясо. Они втроем в течение октября убили девяносто медведей. Туши вывезли верхом на лошадях. Зверя заготавливали в Маимле. Там на мысу поставили баню, теперь это место называется «У бани». Об этом мне рассказывали Василий Григорьевич Селиванов и в 1963 г. мой отец.

Если бы сейчас эти старики увидели, что сделали с их родиной за семьдесят лет леспромхозы! Без леса обмелела река Камчатка, не стало проток, речушек, заболоченных мест. Это ведь трагедия для Камчатки, для всей дикой дичи, которую надо увидеть и понять.

Семья моего деда, жившая в селении Ключи:

Брагин Василий Кирьякович, 1884 г. р., камчадал

Брагина Валентина Алексеевна, камчадалка.

У них было семеро детей:

Брагин Василий Васильевич, 1910 г. р. (мой отец)

Брагин Мей Васильевич, 1915 г. р.

Брагин Кирьяк Васильевич, 1918 г. р.

Брагина Александра Васильевна, 1920 г. р.

Брагина Евдокия Васильевна, 1927 г. р.

Брагина Лилия Васильевна, 1929 г. р.

Брагин Николай Васильевич, 1932 г. р.

Дед Василий Кирьякович и его старший сын Василий Васильевич имели крупное хозяйство. По рассказам матери, в 1927 г. у них было четырнадцать голов рогатого скота, а в 1929 г. — уже только шесть. Имелись лошади, две нарты собак, свой добротный дом размером девять на пятнадцать метров, крытый оцинкованным железом (стоит до сих пор, я в нём родился. Даже когда я женился, забор, поставленный дедом, ещё стоял).

В хозяйстве имелись скотный двор, амбар, коптилка, баня, рабочий кунгас, два бата, три рыболовных сети, молочный сепаратор. И всё это оказалось уничтоженным. Что мог чувствовать человек, который всё это создал и столько сделал, а потом испытывал на себе все «прелести» раскулачивания? Он ведь осознавал, что его родных разорят, а следующие поколения Брагиных ничего

не получают, кроме унижений. 25 марта 1932 г. деда арестовали и увезли на материк, раз и навсегда (по сведениям, изложенным в Книге памяти жертв политических репрессий Камчатской области, В. К. Брагин 8 июля 1932 г. приговорён Тройкой при полномочном представительстве ОГПУ Дальневосточного края к трём годам лишения свободы по ст. 58, п. 10 Уголовного Кодекса РСФСР. Реабилитирован прокуратурой Камчатской области 21 февраля 1990 г. — *Ред.*). Дед написал, что виновным себя ни в чём не признаёт.

После его ареста, моего отца, Василия Васильевича, записали в «лишенцы». Как раскулаченным, нам не продавали продуктов в местном магазине, приходилось ездить за ними в Харчино за двадцать пять километров от Ключей. В правах отца восстановили в 1936 г. по настоянию Софьи Ивановны Набоко, работавшей тогда на Ключевской вулканостанции.

Дед Василий Кириякович до революции слыл в селе уважаемым человеком, считался самым богатым. Состоял в церковном совете, жертвовал на содержание церкви. Будучи грамотным, учительствовал в школе на Севере, в Вывенке потом некоторое время в Ключах. Хорошо знал Камчатку, в 1929 г. был проводником экспедиции, разведывавшей нефть. Говорят, что тогда из-за его отсутствия в Ключах сорвалась летняя рыбалка.

Он был хорошим охотником и рыбаком. Охотился вместе со старшим сыном зимой, а летом они занимались рыбалкой. Охотились так. С осени ездили верхом на лошади в Осиновку, за Козыревск, завозили на зиму продукты. Зимой уезжали налегке на собаках в Чажму, добывали за сезон до тридцати пяти штук соболей. А те, кто охотился недалеко от дома, брали не больше пяти зверьков. Но и продав только их, можно было прокормить семью до следующего сезона. Дед с отцом добывали и лисицу. Ездили далеко, вплоть до Тигиля. Хорошо знали местность, переваливали через Срединный хребёт и доезжали до западного побережья.

Дед скончался в день Победы в 1945 г. в Красноярске. Туда его отправили на вечное поселение после трёхлетнего заключения. Он так и не увидел и не узнал, как живут его потомки. А они не уронили фамильную честь Брагиных.

После «раскулачивания» наш дом отдали поселковому совету, потом там поселили приезжего учителя Крамкова, ещё и другие семьи. Позже пришлось побывать в своём же доме на новой ёлке. Его все так и называли: «Брагинский», и колодец также назывался, его в своё время дед выкопал. Вся округа ходила к нему по воду.

Переселились мы в баню. Она состояла из двух частей: верхняя сторона по реке Камчатке — сама баня, а нижняя — сушилка. Баниться же ходили к Ушаковым, в их каменку, она и сейчас стоит. Всего в бане жили двенадцать человек: дед, бабушка, семеро детей, моя мать, сестра Анна и я. Здесь родились ещё четверо Брагиных: Николай, 1932 г. р., дедов сын, Николай, 1934 г. р., и Анатолий, 1935 г. р., мои братья, Людмила, 1938 г. р., моя сестра.

Так начался отсчёт новой жизни Брагиных. Помню, мама говорила: «Если бы дед знал, что придётся в ней жить, разве бы он такую баню построил?» Когда у семьи всё отбирали, одного жеребёнка нам удалось отдать Бобряковым с таким расчётом, что они его зимой вернут обратно, на мясо. Так оно и вышло. Об этом мне сначала рассказал сам Бобряков, а потом подтвердил отец — через двадцать шесть лет, уже в 1963 г.

Мой отец, Василий Васильевич Брагин, трудился на Ключевской вулканостанции старшим рабочим. Первыми поднявшимися на Ключевской вулкан в 1936 г. были: начальник станции А. А. Меняйлов, С. И. Набокова, проводник В. В. Брагин и ещё один рабочий. Отца спускали в кратер для взятия проб газа. Об этом он рассказал нам в 1963 г., когда мы впервые встретились после долгой разлуки. Как-то за хорошую охоту отец получил премию — патефон с одной пластинкой про Ленина. На следующий год, снова за охоту, был награждён самоваром. Я с ним ездил на рыбалку.

Отец потерял семью, отсидел десять лет, но остался человеком. После лагерей в 1947 г. был сослан в Краснодарский край в станцию Камышеватскую Ейского района на вечное поселение. Там работал рыбаком в колхозе. Находился под милицейским надзором, ежемесячно отмечался. Когда мы были у него в 1963 г., видели это сами. Приходит лейтенант, спрашивает: что за люди? Отец отвечает: это мои дети, приехали с Камчатки, встретились через двадцать шесть лет...

В 1937 г. отец, оправившись от раскулачивания, поставил сруб нового дома, приготовил стропила, пиломатериал и занял три тысячи рублей. Тогда у нас были нарты собак, телка. Сентябрь 1937 г. был пасмурным. Отца забрали в пять часов утра 8-го числа. Я проснулся, спрашиваю сестру Анна: «А папа где?» Мы с отцом каждое утро ездили перебирать сеть-ставнушку на Коноплянке. Подумал, отец уехал один, и заплакал: «Обратно меня не разбудили сетку проверять». Сестра отвечает: «Пойдёте с мамой, и всё увидишь».

Утром пошли с мамой к милиции. Идём, дождь моросит. Тогда ещё не было рыбооповских складов, а имелся военный стадион.

Там объезжали лошадей, они ходили по кругу и исполняли команды инструктора: останавливались, стояли, ложились, вставали. Такое я видел впервые. Подошли к тюрьме, она стояла за стадионом, здание было в виде буквы «Т».

В стене — небольшое отверстие, выше человеческого роста, оббитое обручным железом. Чтобы увидеть своих и пообщаться с ними, арестованному надо было подтянуться на руках. Подошли мы: женщина говорит со своим мужем, у обоих глаза в слезах. Закончили разговаривать, мужчина спросил нашу фамилию, мама назвала. Отец подтянулся, плачет, мы тоже заплакали. Долго говорить было нельзя. Люди столпились, нас потеснили. Их вывели на прогулку, человек пятьдесят, руки у всех заложены назад.

Начальником тюрьмы был Морозов, часовым — Юрьев. Морозов курил красную изогнутую трубку, на конце — чёрт с бородкой. После развода нам сказали, что завтра в восемь утра их отправят. Утром пришли на ключевской причал, а всех арестованных уже увезли ночью. Сколько было слёз! Народ стоял и ревел. Эту картину я запомнил на всю жизнь. У Морозова тоже была трагическая судьба, да и Юрьев прожил недолго.

После ареста отца началась у нас жизнь пасмурная и тяжёлая (по сведениям, изложенным в Книге памяти жертв политических репрессий Камчатской области, В. В. Брагин без предъявления обвинений Тройкой УНКВД по Дальневосточному краю 3 декабря 1937 г. приговорён к десяти годам лишения свободы. — *Ред.*).

Маме пришлось всё продать, чтобы расплатиться. Остались мы ни с чем. Помню, что она тогда сказала нам: «С голоду подышайте, а чужого не троньте!» Теперь ей нужно было устраиваться на работу, но у неё не было паспорта. Пошла в милицию, а там ей говорят: «Измени фамилию, перейди на девичью, тогда дадим паспорт». То есть посоветовали, по сути, отречься от отца. Мама спрашивает: «А если муж приедет, тогда что?» Ей отвечают: «Ваш муж никогда не приедет, так что меняйте фамилию на девичью». И полтора года не давали документа. Мама фамилию не изменила. Все мы, дети, ей за это благодарны.

А пока она ходила на заработки к людям. Уходила в пять утра, возвращалась поздно ночью, приносила до пяти рублей за день. Уйдёт, мы спим, придёт — мы спим. Не видели её неделями, жили сами по себе. Потом всё-таки дали ей паспорт. Поступила она санитаркой в родильный дом с окладом в сто шестьдесят пять рублей. Проработала там, на одном месте, пятнадцать лет. Из-за маленькой зарплаты отпусков никогда не брала — всё компенси-

ровала их, получала деньгами. За троих детей в ясли отдавала семьдесят рублей, остальные несла домой. Северных надбавок ей не давали, как местной уроженке. Так мы и росли: полураздетые, полуголодные и вместо дома — в бане.

За добросовестный труд награждали маму почётными грамотами, отмечали на районных конференциях, а вот премий не выписывали. Она говорила: «Лучше бы денег дали, чем эти грамоты. Что ими баню оклеивать?»

Идём по селу, а встречные говорят: «Здравствуйте, тётя Ира!» Я спрашиваю: «Откуда тебя все знают?» «Все они прошли через мои руки в родильном отделении».

В общем, за сорок три года своей жизни она вся выработалась.

Про отца впервые после ареста мы узнали в июне 1950 г. от Кирияка Васильевича, работавшего по связи. Он дал его адрес, но предупредил, что писать следует как можно реже. Впервые я написал, когда уже служил в армии.

В 1963 г., будучи в отпуске, впервые повидались с отцом. Встреча была очень тяжёлая. Мы долго вспоминали пережитое. Он плакал, говорил: «Я вас оставил маленькими, а приехали все взрослые и на свои деньги». Спрашиваю у него про такое событие. Плывём на бату, рыбачим чавычу. Рядом берег, бугорок, везде большие саранки растут. Он отвечает: «Неужели помнишь?» Я говорю: «Раз спрашиваю, значит помню». А было это в 1934 г. в Казачьем.

Рассказываю другой случай. Сидят они после приезда с зимней охоты втроём: отец, Ефим Светлов и Мартынов и выпивают. Висят пять лисиц, три соболя выправлены и ещё два заморожены. Отец удивляется: «Ты что, и это помнишь? Это же было в тридцать пятом году». Раньше с собой брали охотиться детей, чтобы они с малолетства привыкали летом к батам, зимой — к собакам. Я познакомился с ними в пять лет, уже тогда ходил на широких лыжах.

Спросил отец про наш дальнейший путь. «В Москву поедem, посмотрим Мавзолей». Вот что он тогда сказал: «Ни в коем случае не ходи и не смотри. На этом человеке много крови и зла». Тогда у него уже была новая семья, жена и сын.

А в 1974 г., когда мы были у него в гостях в отпуске на Кубани в последний раз, отец вечером, когда стемнело, сказал мне: «Пойдём, посмотрим, как “живёт” станица». Вся она «работала» — что-то тасила. Отец рассуждал по этому поводу, что народ ворует не к добру. И это в одной станице, а что же тогда по всей России? Он говорил: «Лет через десять наступит полных хаос и развал». Не угадал всего лишь на пять лет...

Многие нас сторонились, боялись разговаривать. Считали, что общаться, а уж тем более дружить с нами опасно. Одна фамилия — Брагины — только чего стоила!

Но 1938 г. руку дружбы нам протянул Иван Артемьевич Волков. Стоял тихий ясный день. Гляжу, какой-то дед строгаёт доски для лодки. Я подошёл, встал у забора. Он спрашивает, как меня зовут, отвечаю — Василий. «Ну, что, Василий Васильевич, давай строгать вместе». Между прочим, он всех, даже маленьких детей, называл по имени-отчеству. Потом пошли к нему в дом, пить чай с клубникой и вареньем. Так началась моя дружба с Волковыми, дедом Иваном Артемьевичем, благороднейшим человеком, и его сыновьями Александром, Василием, Николаем и Артёмом.

Теперь они не выпускали нас из поля зрения и всегда помогали — и в охоте, и в рыбаке, да и вообще в жизни. Никто так не поддержал меня и брата Николая, как эти сибиряки — совершенно чужие нам люди. Благодаря Волковым, всем без исключения, мы встали на верный путь, не стали ни курыками, ни ворунами. Они для нас были примером в жизни. Хорошо относились к нам и их дети. Волковы — сибиряки, и мы — камчадалы — всегда жили дружно. До сих пор поддерживаю связь с их потомками.

В 1939 г. познакомился с Аликом Толстихиным, 1926 г. р., сыном учителя Толстихина, тигильского камчадала, преподававшего литературу в Ключевской школе. Тогда же, в 1939 г., мы сделали первые выстрелы из ружья. Наставником в этом деле был Алик Толстихин, а учениками — Женя Буянов и я.

А в 1940 г. я просил дядю Алексея Коллегова дать мне ружьё для охоты. Он говорит: «Володя, ты маленький, тебе всего десять лет». Я ему всё рассказал, как и что буду делать. Он дал ружьё, я поехал, подстрелил несколько уток. Радости было через край! Так начал охотиться на дичь, а потом и на всё остальное.

Где-то году в сороковом к нам пришёл милиционер, посмотрел, как мы живём, сказал маме: «Напиши заявление, вернём отобранный дом». Но мама писать ничего не стала, побоялась. Да и хлопотное это было дело. Так в нашей бане я прожил до 1958 г.

Старшей среди нас, детей, была сестра Анна, 1928 г. р., следующим по возрасту шёл я, родившийся в 1930 г. Все домашние заботы легли на плечи Анны: сварить, помыть посуду, прибрать в бане. Она окончила семь классов, никаких отметок, кроме отличных, никогда не получала. За время учёбы наградили её семью почётными грамотами. Она первой пошла работать — наблюдателем-метеорологом. Как начала трудиться, ушла из нашей бани: Гидро-

метеослужба дала ей квартиру. Работала метеорологом в Ключах, Усть-Камчатске и Петропавловске. По мужу её фамилия Сокоренко. Детей у неё не было. Ушла из жизни в 1975 г.

Главная беда была с деньгами. Обуты мы были неважно, одежды не хватало. Я сделал из вилки шило, подшивал прядевом валенки. Одежду и обувь носили по очереди. Прихожу из школы, снимаю одежду, её надевает брат и идёт обратно. Питались картошкой, капустой, рыбой и тем, что давали по карточкам. Остальным снабжала природа, только не ленись. В этом отношении мы были шустрые, могли поймать петлями зайца, куропатку, лишь бы желание было. Так природа нам и помогла. До сих пор не могу смотреть на куропатку и зайца — до того в детстве их наелся, что на всю жизнь хватило.

Когда подрос, стал маме и Анне помощником во всём. На мои плечи легли огород, заготовка дровишек, доставка воды. Первые деньги заработал во время войны, когда впервые привезли американскую муку в мешках по двадцать килограммов. Взрослые мужики были в армии. Мы, подростки, выгрузили две «Камчатки» — был такой речной пароход, заходил в Ключи. Бригадирствовал над нами один парень, его отец работал машинистом электростанции.

Уже подрастали братишки, Николай и Анатолий, мне становилось легче.

В школе учился первое полугодие неважно, а во втором меня как будто подменили, и учёба наладилась. До четвёртого класса занималась с нами Ольга Николаевна Львова.

В 1945 г. я поступил в школу фабрично-заводского ученичества. Туда набирали на электриков, слесарей, бондарей, столяров-судоплотников, токарей, на те специальности, что были нужны на деревообделочном комбинате. Мне хотелось стать электриком. На меня обратил внимание Георгий Игнатьевич Попов. Я стоял перед ним в поношенной одежде, весь в заплатах. Попов поинтересовался, кем мне приходится Ирина Брагина. Я ответил, что это моя мама. Тогда он сказал: «Придёшь через два часа и всё узнаешь». Я вернулся домой, обо всём рассказал маме, а она пояснила, что недавно принимала у жены Попова роды. Так благодаря маме я попал в желанную группу электриков. Теорию электрики преподавал нам начальник электростанции Ген, практику — А. М. Костенко. Это были отличную знатоки своего дела. Они знали всю работу по ДОКу.

Начав работу, я принёс пользу и ящичному цеху, и лесозаводу в целом. Но в цеху молчали, не благодарили, чтобы избежать

ненужного шума. А 1950 г., во время руководства ДОКом Иваном Мелентьевичем Бурмакиным, мне объявили благодарность, наградили почётной грамотой.

Вот что приключилось во время одного дежурства. Часов в двенадцать ночи приходит мой ученик и помощник Вася Герасимов и докладывает, что всё в порядке. А меня словно что-то толкнуло: иди, проверь электромотор. Подошёл, открываю крышку заднего подшипника и, о, ужас! Лопнуло смазочное кольцо. Выключил рубильник, давай быстро разбирать подшипник. Ослабил ремень, отдаю шпильки, вынимаю верхнюю половинку подшипника, снимаю кольцо, вставляю запасное. Всё делаю спокойно, внимательно. Вдруг подходит Бурмакин, спрашивает, в чём дело. Показываю, в чём. Собрал, проверил шупом со всех сторон, натянул ремень. На всё это ушло где-то полчаса. Этот мотор вращал две пилорамы, бревнотаску, отходы древесины от них питали электростанцию.

На следующий день прихожу на работу: висит приказ об объявлении мне благодарности, все поздравляют. Встречает директор И. М. Бурмакин, говорит: «Ты знаешь, что ты сделал? Случись беда, остались бы без работы полторы тысячи человек, перестала бы действовать электростанция». Так он рассудил мой поступок. А ведь если бы случилась эта беда, крайним оказался бы я — электрик — и пошёл бы по стопам деда, отца и двух дядек в «места, не столь отдалённые». Такое могло быть.

Ко мне на лесозаводе все относились хорошо, начальник цеха, механик, слесаря, рабочие. Были у меня ученики: Черепков, Винокуров, Терещенков, Хаяутин. Учёба в ФЗУ пригодилась и в будущем, во время службы в армии.

В конце мая 1950 г. принесли повестку о призыве в армию. Когда провожали, мать сильно плакала: «Как я одна ещё троих детей поднимать буду?» Свой костюм оставил братьям, с собой не взял ни копейки.

Из Ключей призвали шестьдесят девять человек, а вообще с Камчатки набралось до сотни ребят, у которых родители были репрессированы. Служить они шли с желанием, все были хорошо подготовлены, особенно физически, а про стрельбу и говорить нечего. Ночь с 6 на 7 июня, перед отправкой, мы с Женей Буяновым провели в тайге, так как мы любили природу и свою родину. Потом Женя покинет её навечно, а я родным местам не изменяю.

В Усть-Камчатске нас проверили и назначили, кому и где служить. Человек семнадцать из Ключей попали в 165-ю команду. В Петропавловске в команду добавили ещё людей. Повезли во

Владивосток на военном транспорте — пароходе «Зырянин». По пути зашли на Курильские острова, взяли демобилизованных. Проходили рядом с Японией. Когда отошли от Курил, над нами кружил американский самолёт. Нас загнали с палубы в каюты.

Пришли во Владивосток, всех пофамильно проверили и отправили на Вторую речку, а оттуда всю команду — в Кочевую падь. Там одели военную форму, приняли присягу. Ночью подняли по тревоге и с вещмешками за плечами марш-броском на станцию Пограничную. Здесь тщательно проверили и посадили на поезд. Эшелон тронулся. Смотрим в окно: рядом тайга, видно, как фазаны бегают табунками.

Пересекли границу с Китаем. На первой станции из теплушек пересели в китайские пригородные вагоны. Проехали города Мудадзян, Харбин, Мукден, Чанчун, приехали в Порт-Артур. Встречали нас с духовым оркестром. Прибыли в старый город. Тишина, жара, к которой мы не привыкли. Сидим. Приезжает генерал Фетисов, Герой Советского Союза. Мы вскочили, а он говорит: «Сидите и ждите», — и давай анекдоты травить. Мы смеёмся. Рассмешил он нас, поднял боевой дух. Простился: «До завтра!» На следующий день нас выстроили — целый эшелон. Прибыл командующий армией генерал-полковник, дважды Герой Советского Союза Белобородов, с ним командиры дивизий и полков.

Мне повезло служить в дивизии, которая формировалась в Омске из сибиряков в 1941 г., в начале войны. Она отстояла Москву, попала в окружение, но не сдалась. Получила звание «19-я гвардейская Рудненско-Хинганская орденов Суворова и Боевого Красного Знамени». А в апреле 1945 г., ещё во время войны с Германией, её перебросили на Халхин-Гол. Во время войны с Японией в 1945 г. части дивизии первыми ворвались в Порт-Артур. После войны эта славная часть дислоцировалась здесь. Мы, камчадалы, её чести не уронили.

Поначалу направили меня в полковую школу. Подходит ко мне Паша Кулыга: «Ты, Володя, куда попал?» «В полковую», — отвечаю. А он говорит: «Зачем тебе полковая школа, вон, шоферов набирают. Как здоровье?» «Лучше не придумаешь». «А зрение?» «Ночью уток влёт стреляю». Так и попал я на механика-водителя. На шоферов записались двадцать два человека. Паша подтолкнул меня в середину этой группы и ждёт. Я стою в очереди «на шофёра» пятнадцатым. Прошёл всю медкомиссию без единой запинки. Спрашивают фамилию. Называю. Смотрят, а меня в списках-то нет. Начальник медсанбата говорит: «Мы уже несколько

человек не пропустили, не прошли медкомиссию, а этот прошёл без всяких замечаний».

А до этого сам начальник медсанбата приказал мне соединить указательные пальцы на разрыв и не смог разъединить их. Спрашивает: «Откуда у тебя такие мышцы?» Отвечаю, что с детских лет на лодке за вёслами да на турнике. Так я и попал, совершенно случайно, в автошколу. А комиссию мы прошли только ввосьмером, остальные не смогли. После нас осмотр из сорока выдержали только четырнадцать человек, вот как проверяли!

В автошколу сделали только один набор — двести восемь человек. Началась служба в школе, там она вся и прошла. Будучи автоинструктором выпустил более тысячи человек. Мы учились водить машины на автодроме. Тот оказался размером с Елизовский аэродром, там было всё необходимое оборудование, заодно и стрельбище. В школе имелось одиннадцать автомашин. Перед выпуском присылали ещё из частей, в которых будут служить новоиспечённые шофёра: «Студебеккеры», амфибии, бронемшины, бронетранспортёры, в общем, всё, что стояло на вооружении.

Учиться начали 1 сентября. Одновременно шла инспекторская проверка. Стрельба давалась мне легко, память была хорошая. Приехали на автодром, а на стрельбище идёт учебная стрельба. Старослужащие сержанты палят и мажут. Замполит подполковник Трегубенко матерится: «По семь лет служите, а попасть не можете...» Я свою учебную задачу на автодроме отработал, подошёл к месту стрельбы, слушаю, как замполит негодует. Потом говорю: «Товарищ подполковник! Разрешите мне стрелнуть из карабина! Он на меня посмотрел, говорит старшине: «Дай три патрона курсанту, пусть тоже за “молоком пошлёт”». Старшина дал карабин, номер РВ-544, патроны. Я лёг, приложился и тресь-тресь-тресь три раза.

Подполковник стучит меня по плечу, кричит: «Ты что делаешь?» «Стреляю, товарищ подполковник». «Не так надо!» «А как?» «Стрельнул, иди, посмотри, куда попал». Я его спрашиваю: «А как на фронте, тоже надо ходить, смотреть, куда попал?» Тот в ответ: «С тобой надо ещё и уметь разговаривать!» Пошли проверять результат: тремя патронами выбил двадцать восемь очков: две «девятки» и «десятку». Тут он спрашивает: «Ты где, сынок, так стрелять научился?» «Я, товарищ подполковник, с девяти лет охочусь». Так и попал на пристрелку оружия.

Как-то старший лейтенант Хоменко выпил бутылку пива, спрашивает: «Попадёшь, Брагин?», — и бросил вверх. Я разбил её

выстрелом вдребезги. Приехали в автошколу, замполит спрашивает, как стреляли. Хоменко рассказал, а замполит объявил мне десять суток ареста. Я вытянулся: «Слушаюсь!», но на «губе» не сидел. Хоменко был красивый офицер, пользовался большим успехом у порт-артурских женщин.

В конце октября прибыл из командировки мой помкомвзвода. На вечерней проверке объявляет: «Кто знаком с электрикой, выйти из строя!» Выхожу. Спрашивает, где работал. Я рассказал про лесозавод. «После завтрака подойдешь ко мне». Я так и сделал. Получил от него команду отремонтировать репродукторы. Все четыре перемотал, один принёс начальнику автошколы. Теперь на всех этажах можно было слушать радио.

Командир взвода преподавал электрогенераторы. Как-то раз отклонился от темы, а я его поправил. Он мне поставил «двойку». Помкомвзвода спрашивает, за что, пояснил ему, тогда поставили «пятёрку». После этого, сколько ни учились, ни разу он меня не спрашивал, а на экзамене поставил «отлично».

В октябре 1950 г., когда китайские добровольцы вступили в корейскую войну, вся наша армия на Квантунском полуострове стояла на позициях в полной боевой готовности. Китайские добровольцы, среди которых было много девушек, погнали американцев до 38-й параллели, а наша армия вернулась в места дислокации.

Как-то вечером, было ещё светло, я и Вася Буханов стояли регулировщиками на развилке дорог между старым и новым городом в Порт-Артуре. Мимо шли колонны войск. Вот это была мощь! На следующий день в десять утра войска продолжали следовать по назначению. Потом нас сняли и отправили назад в автошколу. На вечерней проверке всем объявили благодарность. После этого ни одно учение без нас не обходилось.

В автошколе я проучился с 1 сентября 1950 г. по 21 марта 1951 г. Получил права, радостно было засобирался в часть — 56-й гвардейский полк. За мной приехал старшина автороты. Взял в каптёрке вещмешок, бегу по лестнице. Мимо идёт начальник школы: «Ты куда, Брагин?» «В часть, — говорю, — старшина меня ждёт». Тут начальник школы показывает приказ командира дивизии, по которому я оставлен в школе в качестве инструктора по вождению. Доложил о том старшине. Оставили нас несколько человек, в том числе и Васю Буханова. Мы с ним так вместе и провели всю службу, сдружились.

Началась у меня новая жизнь, многому научившая. Особых трудностей не возникало благодаря хорошему здоровью, имевшимся

знаниям, умениям и трудолюбию. Всё это сильно помогло. Где-то в середине апреля вызывает меня начальник автошколы. Даёт задание: возить жёлтый песок из бухты Янгань в парк культуры и отдыха офицеров. Езжу, вижу горизонте нескончаемую шеренгу американского флота, а вдоль берега стоят наши боевые корабли, в небе висят самолёты. Насмотрелся на всё это, но паники никакой не возникло.

Время потекло незаметно. Вozил танковые двигатели на ремонтный завод. Через некоторое время начальник школы предложил заниматься с курсантами, я согласился. Стал и редактором стеной газеты «За учёбу». За полтора года выпустил тридцать девять номеров. Затем назначили командиром взвода, поставили преподавать двигатели и стали платить половину офицерского оклада. Деньги переводили в Петропавловск. После демобилизации, когда вернулся на Камчатку, получил их и привёз домой, в Ключи.

Помню такой случай. Собрал нас начальник школы. Речь шла о том, кто будет командовать сборным взводом из пятидесяти двух человек, составленных из солдат разных национальностей — кавказцев и среднеазиатов. Двое москвичей отказались. Тогда начальник школы обратился ко мне: «А что скажет Брагин?» «Если доверяете, согласен». С командованием справился. Поначалу мои подчинённые принимали меня за башкира и даже за узбека. Даже обращались ко мне на своём родном языке. Объяснил, что я — представитель малого северного народа, камчадал. На память об этом сохранил фотографию этого взвода.

После очередного выпуска начальник школы приказал за месяц изготовить три учебных стенда по двигателю: кривошипно-шатунный механизм, систему смазки и газораспределение. Все отказались, а я согласился. Получил за это три месячных оклада китайскими юанями — большие деньги.

Перед демобилизацией начальник школы предложил мне готовиться сдавать экзамены на присвоение звания младшего лейтенанта, после чего остаться при школе преподавателем. Но я ему ничего про себя и семью не рассказывал, что у меня дед осуждён по 58-й статье, отец тоже, да двое дядек. А ведь надо писать автобиографию... Ну, я и напился «в стельку».

В общем, никаких экзаменов не сдавал. Начальник школы мне кулаком погрозил: «Ну, ты у меня демобилизуешься!» А через несколько дней у нас состоялся разговор. Я ему выложил всё до мелочи, а он мне в ответ: «Я так много о тебе рассказывал командиру дивизии, какой ты есть, только хорошее, а, оказывается, у тебя

нечистая биография!» Убрал меня из автошколы до демобилизации в город Дальний, в 54-й гвардейский пехотный полк, которым командовал Герой Советского Союза полковник Амбарьян.

Когда пришло время, командир полка зачитал приказ о демобилизации, всех поблагодарил за службу, потом сказал, что особенно благодарен камчадалам, в первую очередь за стрельбу: «Таких стрелков, как вы, в нашей дивизии больше никогда не будет. Уедете, и призы, которые вы завоевали, полетят к чёртовой матери».

Во время службы меня и Лёшу Коваленко откомандировали в китайский полицейский участок в населённом пункте Шуйшин. Начальник школы проинструктировал и сказал, что из тридцатитысячной группировки войск именно нам доверили эту службу, так что не опозорьтесь. Мы подчинялись генералу из штаба армии. Через некоторое время генерал сказал, что идёт перегруппировка войск и приказал ни одной машины ни туда, ни оттуда не пропускать. «Иначе пойдёте под суд военного трибунала!»

Стоим с Лёшей в полном боевом облачении. Едет машина — чёрный лимузин. Останавливаем, выходит адмирал, спрашивает, в чём дело. Отвечаем, что проезд закрыт. Оказалось, что это командующий Порт-Артурской эскадрой. Говорит своему шофёру: езжай, не обращай внимания. Мы с Лёшей, как по команде, передёрнули затворы. Он вышел, поблудневший, спрашивает: «Вы что делаете?» «Мы выполняем приказ!» Минул месяц, мы вернулись в автошколу. На вечерней проверке зачитывают приказ, объявляют нам благодарность командующего армией генерал-полковника Белобородова.

В армии прошли лучшие годы моей молодости. Вспоминаю такие случаи. Как-то во время подготовки очередного номера стенгазеты замполит написал передовицу. Я прочитал, её смысл понял, но содержание не понравилось. Думаю, напишу по-своему. Замполит прочитал, говорит: «Сукин ты сын, откуда всё берёшь?»

Или — стоит плохая погода, у солдат — личное время. Замполит распоряжается: «Брагин, собери всех и займи делом». Начинаю разговор на разные темы. Курсанты задают вопросы, я отвечаю, рассказываю о службе, о гражданке, про учёбу.

А вот такая история. Стоял начальником караула, охраняли штаб дивизии. Вдруг вызывает часовой, стоящий у ворот штаба. Тот, кто выезжает из штаба, обязан предоставить пропуск, а выезжал полковник Лёгкий. Говорит: «Пропустите!» Я требую пропуск. Полковник в ответ: «Сходи и возьми у дежурного по штабу». «Прежде чем выехать, вы обязаны взять пропуск». Полковник,

хоть и кричал «Посажу!» и злился, но всё же был вынужден пойти и выписать пропуск. Он был начальником автотракторной службы дивизии, его все офицеры боялись. Караул завершился, приходим в школу, а вечером объявляют нам благодарность за бдительное несение службы...

Демобилизовался 8 октября, прибыл с товарищами во Владивосток. А здесь нас не хотят брать на пароход «Азия», идущий в Петропавловск. Пришлось обращаться аж к самому министру обороны, после чего нас посадили на судно в первую очередь. Прибыл в Петропавловск, пошёл в сберкасса, снял свои переводы из Порт-Артура и с этими деньгами отправился в Ключи. Первый раз в жизни летел на самолёте. А с билетом помог майор Макаров. Он тоже когда-то служил в Порт-Артуре. Там был лётчиком, а здесь — начальником Халактырского аэропорта.

Прилетел в Ключи 26 октября в три часа дня, а в девять вечера добрался до дома. Когда высадился, позвонил, чтобы маму предупредили о моём приезде. Она всё приготовила для встречи, позвала Чудновых, деда с бабкой. Встретились душевно. Только немножко опечалила наша постаревшая баня: с восточной стороны вывалились у неё четыре бревна.

Долго разговаривали о разном. Дядя Миша говорит: «Ну, теперь Володя надо жениться». Я ему отвечаю: «Пять лет жениться не буду. Я до армии ничего хорошего в жизни не видел, кроме работы и домашних дел. Все деньги отдавал маме, даже в кино не на что сходить было». (Кстати, так оно и вышло. Женился ровно через пять лет, 26 октября 1958 г.) И я обещанное выполнил, изо дня в день отдавая душу свободе.

А вот мама советовала не жениться и не заводить детей. Почему? Да чтобы их не постигла та же участь, что и нас. «Если бы я знала, что так будет, то я бы вас не рожала». А ещё говорила, что ничего рассказывать о прошлой жизни не будет, дабы мы не имели к людям никакой злобы.

Радостные встречи были с Волковым. Дядя Саша позвал меня на охоту, пробыли там две недели. На мою долю пришлось четыре соболя. Полученные за них деньги стали первыми, заработанными после службы.

С 1954 по 1958 г. зимой охотился для госпромхоза. Всю добычу сдавал туда. Для себя ничего в то время оставлять не разрешалось. Получал хорошие деньги, но при этом как камчадалу мне северные надбавки не платили. Летом шоферил в колхозе. Ухаживать за машиной помогали колхозные ребяташки. Позже некото-

рые из них стали механизаторами, благодарили «за науку». Из ключевских уроженцев, местных коренных жителей, я оказался первым водителем, остальные — приезжие. Свой ГАЗ-51 доставил из Усть-Камчатска. Стоил он тогда двадцать две тысячи рублей. Приобрести его помог хорошо мне известный И. М. Бурмакин, тогда уже председатель райисполкома.

В 1957 г. колхоз стал отделением совхоза. В начале октября мне пришлось перевозить с пирса на квартиру Конова. Он спросил мою фамилию. «Не Василия Брагина сын?» «Да». Тут он рассказал историю, как Афиноген Греченин уничтожил архивные документы Брагиных, чтобы завладеть нашим домом и надворным хозяйством. То, что узнал, никому из своих я не передавал, кроме отца в 1963 г. Рассказал ему коротко и ясно, чтобы не расстраивать, и больше мы это дело не вспоминали.

В 1958 г. встретился с Н. Г. Захаровым, директором сплавейда. Он пригласил меня на работу, заключил договор с надбавками. Через полгода получил первую надбавку и отпуск в сорок два рабочих дня. Трудился шофером и одновременно крановщиком на двенадцатитонном кране «Январец».

Идёт сплав леса. Все люди там. Подходит стотонная баржа с грузом. Рабочих нет, крановщик в отпуске. Виктор Игнатьевич Неведомский, начальник пирса, сам начал грузить и возить, я помогал выгружать, сплавщики стояли на сортировке. Так за неделю выгрузили баржу, которая ушла в Усть-Камчатск. И тут надо ремонтировать двигатель на машине, а делать это некому, все на сплаве. Начальник мастерских рассказал, как надо делать, и я давай растачивать, потом шлифовать цилиндры. Загвоздкой стала долгая расточка, на неё уходило много времени. Предложил шлифовать на сверлильном станке, собрал соответствующее приспособление. Потом токарь по моим чертежам сделал их для всего гаража. За эту рационализацию дали мне премию в четыреста пятьдесят рублей.

На сплавейде проработал с июня 1958 по август 1967 г., всегда был на хорошем счету, трудился шофером, на тракторе КТ-12, «Январце», на мотолодке, был слесарем, лебёдчиком, в общем, работал там, где требовалось.

26 октября 1958 г. женился на Фрее Васильевне Коллеговой, 1932 г. р. Какую мы с ней жизнь прожили, всем на зависть! На второй день после женитьбы говорю: «У меня в кармане всего лишь семнадцать рублей». Жена отвечает: «Ну, ты же работаешь». Остальные деньги лежали у мамы на книжке, но у меня язык не поворачивался их попросить.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

„Самое замечательное в соревновании состоит в том, что оно производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из тяжелого и тяжелого бремени, каким он считался раньше в деле чести, в дело славы, в дело доблести и геройства.“

(СТАЛИН).

Министерство рыбной промышленности Союза ССР

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

За достигнутые высокие производственные показатели в социалистическом соревновании за первый квартал 1950 года
тов. Брагин В.В.

награждается Почетной грамотой.

Дирекция, партийная и профсоюзная организации выражают уверенность в том, что Вы и впредь будете бороться за досрочное выполнение годового плана.

Директор Ключевского лесокомбината (Мавлюк)

Секретарь партбюро (Волощенко)

Председатель завкома (Дулаи)

Почётная грамота В. В. Брагина за отличную работу на Ключевском лесокомбинате, 1950 г.

А через полгода я построил бревенчатый дом, он и сейчас стоит. Когда задумал строиться, обратился к директору сплаврейда Николаю Петровичу Саранову. Он мне говорит: «Выписывай лес. Машина, трактор, мотолодка в твоём распоряжении». Главбух сплаврейда Евдокия Ивановна Яценко предложила мне ссуду на материалы. Договорился с плотниками, было их семеро, все деловые ребята. Через три недели сруб уже стоял, а на следующий год мы вошли в дом. Горчак сложил печь. Построили баню. Началась наша независимая жизнь.

Выписал лодочный мотор «Стрела», сделал бат. Всё свободное время проводили на реке. Жили спокойно, радостно. На бату ездили, как на машине. Многие завидовали. Даже друг однажды спросил, откуда у меня деньги...

А теперь расскажу про тяжёлые страницы жизни, плохое, завистливое, несправедливое отношение к нашей семье. Вот такой случай. Когда вернулся из армии, как-то зашёл в сельский клуб, а там костерят наших, Брагиных. Ну, ведь в селе все друг друга знают. Я встал и пошёл, словно оплётанный. Или: иду 7 ноября мимо школы, ребяташки вслед кричат: «Смотрите, сын кулака идёт». Вот тебе и наследство.

И на производстве недоброжелатели и завистники говорили, что Брагины такие-сякие, не надо их награждать. Хорошо, что дирекция оказалась справедливой, хорошо к нам относилась. Директор Ключевского ДОКа как-то сказал: «Спасибо Брагиным, если бы у нас все такие рабочие были, то мы бы и горя не знали».

В 1954 г. впервые пришёл в госбезопасность после того, как встретил Петра Бобрякова, колхозника. Он мне говорит: «Володя, расскажу тебе по большому секрету, только никому не разбалтывай. Меня вызывали по вашему делу и выясняли, как вы сейчас живёте. Будь острожен». Это был первый сигнал, после которого я и пошел в «органы». Всё рассказал капитану Митрофанову, о родителях, о службе за границей, о недоброжелательстве и спросил, что нам делать? Как отвечать тем людям, которые нас обзывают? Минут пять смотрели мы друг другу в глаза, потом капитан говорит: «Не беспокойтесь, никто вас трогать не будет».

Но все-таки слежка за нами велась. Сидим с братьями в бане, один выходит на улицу. Видит, стоит человек, подслушивает. Хотел поймать, но тот убежал. На следующий день смотрю на указанное братом место — а там натоптано. Подмёл метёлочкой, а через день снова следы. Кто это был, до сих пор не знаю. Вернулся домой как-то поздно, дверь в коридоре открыта, вижу, что кто-то вышел.

Спрашиваю домашних, кто приходил. «Никого не было». А я же видел, что кто-то выскользнул из двери! Об этих случаях я никому не говорил. А вот брат спросил одного комитетчика: «Нас всё время прижимают со всех сторон. Что нам делать?» Вот тогда из комитета пришёл человек и спросил, откуда знаем про слежку?

Собрались мы с женой строиться, кому-то надо было поднять такой голос: «Смотрите, молодой Брагин на ноги поднимается». Я что, должен быть нищим? Если я могу строиться, делать это своими руками, то в чём дело? Мать говорила: «Я же тебя предупреждала, не стройся, вот теперь тебя посадят» А было это уже в 1959-м.

И всё это продолжалось до середины шестидесятых, когда директор санаторно-лесной школы Шепилов написал в районной газете провокационную статью о Брагиных...

В 1963 г. первый раз в жизни поехал в отпуск, встретился с отцом. Поехали мы с женой и сестра Людмила. В Хабаровске пришёл к брату, попросил ехать со мной. Он говорит, что денег нет. Я ему: бери отпуск, билет туда и обратно куплю я, он согласился. Так мы и полетели из Хабаровска в Краснодар. Прибыли в станицу. Немного не доехали до дома отца. Прошу водителя остановиться. Вышел. Подхожу, вижу, стоит его жена. Спрашиваю: «Василий Васильевич здесь живёт?» Она на меня смотрит и говорит: «Ведь ты, Володя, копия батьки». «Где отец?» «Ушёл на море, нервы успокаивать». Спрашиваю, в чём дело. Оказывается, он только-только своего брата проводил, Мея Васильевича. Рассказала, как проехать на велосипеде. Мой брат туда и поехал, тропа-то одна. Отец смотрит: опять какой-то камчадал. А тот говорит ему: «Там, дома, ещё трое ждут». Отец едет, плачет. Тут-то мы и встретились. Сколько было слёз! Вот так я организовал нашу встречу. Была она тяжёлая. Меня и сейчас воспоминания о ней душат. Ни один из членов нашей семьи о такой встрече даже не заикался, а младший брат вообще отказался ехать, ни разу у отца не был.

В апреле 1966 г. пришла из больницы жена и говорит: «Ты не удовлетворишь мою просьбу?» Я посмотрел на неё, понял, о чём пойдёт речь, спрашиваю: «Что, усыновить хочешь?» «Да». Я дал полное согласие, чтобы поднять её дух. Как она была рада! А через пару дней приносит Серёжу. С этого дня у нас началась настоящая семейная жизнь, в счастье и достатке. На память о ней сохранилось много фотографий.

Серёжа уже хорошо говорил. Жена его выкупала, накормила, уложила спать. Лежит он на койке, заложив руки за голову, и вдруг спрашивает: «Мама, ты зачем меня той тётке отдавала?

Мы всё время голодные были». Жена его успокоила, сказала, что больше этого не повторится.

В июле поехали в отпуск к отцу в Краснодар. Тот был очень рад, что у него на Камчатке теперь есть внук. Вместе проводили много времени на берегу Азовского моря.

Приехали мы домой, прожили ещё год, по-прежнему ни в чём не нуждались. Мы с женой решили переехать в Хабаровск. Прилетели в Петропавловск. Я пошёл покупать билеты. И здесь произошло непредвиденное. Авиакасса и управление Камчатск-леса располагались рядом. Смотрю, стоят П. М. Ефремов и Романов. Романов и обратил на меня внимание. Я ему рассказал, что к чему. А он обращается в Ефремову: «Павел Михайлович, лучший рабочий сплавейда навсегда уезжает с Камчатки». Ефремов меня тоже хорошо знал. Говорит: «Никуда ты не поедешь, будешь меня возить». «А как же ваш водитель?» «Я его уволю. А о прописке ты не беспокойся. Жена же может работать в бухгалтерии или машинисткой. Вот завтра пускай и выходит в машбюро, а потом решим и остальное».

Не стал я брать билеты, пришёл к жене, всё ей рассказал, она согласилась на такое предложение. Так мы остались на Камчатке. В новом коллективе встретили нас хорошо. Мне часто приходилось бывать в Елизово. Приезжал домой, рассказывал жене. Она и говорит: «Давай купим дом в Елизово». Купили на улице Паратунской, номер 17-й. Прописались, нашли работу, сына определили в детский сад, стоявший от дома в сотне метров. Серёжа один ходил туда и обратно.

Работал в гараже автобазы Камчатсельхозстроя. До неё от дома — пять минут. Жена тоже работала рядом — секретарём в зоне, тоже ходила туда пешком. Я шоферил на старенькой машине. Меня никто не знал, жену тоже, Серёжа нашёл себе новых друзей.

Бывший хозяин дома напросился месяц пожить с женой, пока свои дела устроит. Мы согласились. Прожили они свой месяц, устроили прощальный вечер. И вот он спрашивает меня: «Откуда у тебя столько денег?» Отвечаю: «Я работаю, не пью, не курю, жена тоже трудится. Всё свободное зимнее время провожу на охоте, за добычу хорошо платят». Спрашиваю его: «А что тебя так волнует?» Говорит: «Я старый человек, всю жизнь проработал, а таких денег не имею». И тут же показывает документы: удостоверения ГАИ, рыбнадзора, лесника. Говорит, если хочешь иметь такие же, помогай милиции. Ответил ему, что никогда «стукачом» не был и не собираюсь, давай-ка этот разговор заканчивать.

Он, видимо, этот разговор передал «кому следует». Уехал, а потом началась катавасия, длившаяся полтора года. Давай меня проверять, ночью часов в одиннадцать, а то и двенадцать, один и тот же лейтенант. Он уйдёт, а я до утра уснуть не могу, а днём надо садиться за баранку и наматывать сотни километров.

Вот тогда-то я и почувствовал острую боль в сердце. Как-то слышу стук в дверь, спрашиваю: «Кто?» «Милиция. Проверка документов, открывай!» На сей раз лейтенант пришёл с красивой девкой. Я открываю дверь в одних трусах, говорю ему: «Следующий раз придёшь, я тебя пришибу, и хоть буду знать, за что сижу». В последний раз, уже в начале восьмидесятых, пришёл следователь. Я как раз приехал обедать. Спрашивает, сколько получаю. Отвечаю, что меньше шести сотен в месяц домой не приношу. Сын учиться в Хабаровском лесопромышленном техникуме, ему Камчатлес переводит по сорок рублей да мы с женой подкидываем, ему хватает. «А я получаю, — говорит следователь, — всего триста рублей, а у меня пятеро детей». Я ему в ответ: «Это ваши заботы». Вот такие разговоры были у меня с милицией.

Проработал на машине до декабря. Возвращаюсь с линии, поднимаю капот, подзываю механика, показываю: всё в масле. Он посмотрел и говорит, что надо делать капитальный ремонт, запишываю тебя на очередь через месяц. Тогда я ему говорю, что через три дня уже буду на линии.

На следующий день пришёл пораньше, слил масло, отсоединил коробку передач, снял всё с двигателя, отсоединил и его. Подошёл автопогрузчик, поднял двигатель, я его протёр на весу и отвёз в цех. Моторист спрашивает, кто разрешил, отвечаю, что никто. «А кто делать будет?» «Это моя забота». Тут же разобрал двигатель, всё протёр. На складе получил необходимые детали, взял наблочный расточный станок, выставил размер, начал растачивать. А моторист наблюдает. Расточил, давай шлифовать. Шлифую третий цилиндр, подходит моторист, проверяет первый цилиндр: «Туговато». «Не для тебя делаю, — отвечаю ему, — больше не подходи». Всё сделал, собрал двигатель, поставил на стенд и давай обкатывать. На третий день поставил на машину и завёл со стартера. Подозвал механика. Тот подошёл, послушал, пощупал поддон, проверил давление масла — четыре «очка», нормально.

Интересуюсь, по какому разряду будут платить за ремонт. «По второму», — отвечает. Я ему говорю: «Иди и посмотри трудовую книжку, там записан пятый разряд, вот и будете платить по нему». Главный инженер записал себе в книжечку, и больше забот у меня

с оплатой не было. Руководство автобазы стало относиться ко мне совсем по-другому.

Вышел из ремонта. Прораб Ерышев попросил на один день съездить в посёлок Рыбачий. Это было 22 декабря 1968 г. Я согласился. Проехали везде, хотя пропуска у меня не было. Подбираемся к перевалу. Прораб говорит, что другие шофера дальше ехать отказывались. Я отвечаю, что раз в путёвке написано «Рыбачий», значит туда и едем. Прибыли в Рыбачий, в лесничество. Ерышев выписал билет, пообедали у начальницы и поехали дальше. А тут начался ураган, дорогу перемело. Я предложил Ерышеву вернуться в Рыбачий, иначе замёрзнем. Вернулись, переночевали у моряков, приняли они нас хорошо. Утром у директора лесхоза попросили лыжи, пересекли бухту, взяли бульдозер С-100 и двинулись обратно. После этой поездки прораб Ерышев взял меня к себе. Пока не сдали первую очередь, держал при себе и не отпускал. Мы тогда строили линию электропередач, без выходных и праздников, когда сдали первую очередь, выдали мне премию.

После этого случая вызвал меня главный инженер автобазы Белецкий: «Помоги, Брагин, нашему горю». Спрашиваю, в чём дело? Да девятнадцать самосвалов стоят без двигателей, каждый день автобаза теряет по две тысячи рублей. Спрашиваю: «Новую машину дашь?» «Дам». «А как платить будете?» «Сколько получаешь?» «Не меньше шестисот». «О получке не беспокойся». На этом и сошлись. Начал заниматься ремонтом, приходил рано утром, уходил домой поздно вечером. Работу завершил чуть больше, чем за месяц. Главный инженер поблагодарил и говорит: «Вот твоя новая машина, номера у меня, никто её не тронет», — и попросил провести техосмотр по двигателям. Я согласился, и теперь всей душой отдался этому занятию.

Дома дела шли удачно, лучше и не придумаешь. Сын учился хорошо, занимался горнолыжным спортом, никогда не болел. Жена была жизнерадостная, весёлая. Она воспитала и подняла своего племянника Юрия. Юра окончил десятилетку, работал у нас в сплаве сварщиком. Жена в это время трудилась в военкомате. Приходит туда разнарядка: послать двоих в авиационное училище. Он с другом и поехал. Юра прошёл комиссию успешно, а друг не смог, вернулся обратно. Юра окончил летно-техническое училище, служил в Паневежисе, облетел всю Африку, Ближний и Средний Восток. В 1968 г. прибыл третьим бортом в Чехословакию. Он был женат на литовке, имел дочь и сына. Моя жена в 1972 г. ездила к ним во время своего отпуска. Были

и они у нас в гостях на Камчатке. Жена из Прибалтики, а Юра — камчадал, вот так сошлись вместе.

Юра, где бы ни служил, всегда поздравлял нас с праздниками и почти каждый год прилетал в гости. Моя жена очень за него переживала. Как-то я поинтересовался его службой, но он сказал, что лучше нам про неё не знать, на душе будет спокойнее. На этом разговор и закончился. А жена знала, но всё в держала в себе, не рассказывала. В 1975 г., 8 сентября, в Новосибирске ей сделали операцию на сердце. Прилетели домой, здесь она стала постепенно преодолевать боль, стала левой рукой играть с сыном в бадминтон — так её развивала. Это надо было видеть. 25 декабря к нам пришли в гости члены двух экипажей Ан-12, прибывших из Паневежиса. Мы накрыли стол. Ребята дружные, весёлые, не ожидали, что их так встретят. Они хорошо отзывались о Юрике. Дали мы им в дорогу огромную засоленную целую чавычу.

После Нового года получили от них письмо, где ребята благодарили за приём и подарок, с которым они встречали праздник. После прислали телеграмму, что будут в Петропавловске. Я пришёл на военный аэродром, говорю дежурному, что здесь должны быть лётчики из Паневежиса. Тот удивился: откуда это известно? Показываю телеграмму. Пропустил. Снова увиделся с Юриными друзьями.

В 1974 г. умерла мама, в 1975-м — сестра Анна, а потом пошла череда смертей: в 1976 г. — отец, в 1977 г. — брат Николай, в 1978 г. — брат Анатолий. А 25 декабря 1979 г. погиб Юра. При заходе на посадку в Кабуле его Ил-76 был сбит ракетой. Как было тяжело всё это пережить! Жена полетела с Геной, Юриным братом, в Паневежис на похороны. Она ведь предчувствовала эту беду! После 25 декабря стала оплакивать Юрия. Я её успокаивал: с чего ты взяла, что с ним что-то случится? А она отвечает, что он впервые не поздравил нас с Новым годом, как обычно. Ведь он делал это всегда вовремя.

Вдова Юрия стала писать, просить помощи: сын по ночам плачет, скучает по отцу. В конце апреля Фрея уехала за внуком, в мае вернулась вместе с ним. Я встретил их в аэропорту, отвёз домой. В первую же ночь приключился кошмар. Опять началась у нас новая жизнь. Теперь всё внимание уделяли внуку. Всё свободное время мы с ним проводили на природе: на рыбалке, в лесу. Так мы спасали малыша.

Наступили восьмидесятые. Как-то к нам приехал Юрин зять, всё рассказал о своей жизни. Узнали мы, что теперь у нас есть

и правнуки. 31 марта 1996 г. не стало жены, остались мы с сыном вдвоём. Был он у меня единственным утешением. На моё семи-десятилетие он почему-то не пришёл. Начал я его искать, взял фотографию и пошёл по милицейским участкам. В участке на улице Циолковского, куда я зашёл и показал фото, принесли дело. Он лежит голый, убитый. Так потерял сына и остался один...

...Опишу район Ключей, где родился я, мои деды и прадеды, скажу несколько слов о собственном осознании былого времени. Какая у нас была прекрасная природа от Мильково до Щёк! Щёки словно прикрывали долину реки Камчатки от влияния Тихого океана. До тридцатых годов здесь и люди жили по-другому, были доброжелательные и гостеприимные, хозяйственные. Оружие имелось в каждом доме, как гладкоствольное, так и нарезное — винчестеры. Детей с раннего возраста брали на рыбалку и охоту, в шесть-семь лет учили, как надо относиться к природе, как вести быт в тайге. Всё это со временем разрушили, раз и навсегда. Беда пришла от колхозов-совхозов и лесной промышленности. Председатели и директора плохо понимали природу, и это передавалось от них простому народу. Природа создала в районе Ключей богатые условия для всего живого, находившегося в лесу и воде. Возьмём самое простое — воду, реки и озёра Еульчино, Ключевское, Шестики, Азябье, Каменское, Глубокое, Заводской ключ, на всём протяжении селения Ключей, протоки, соединяющиеся между собой. Это были сплошные нерестилища лосося.

Опишу, как они исчезали. У знаменитой речки Каменушки в начале сороковых годов организовали летний выпас молодняка. Колхоз «Вперёд» огородил вершину сплошным забором. Там был кособок, и все нечистоты от скота летом скатывались в Каменушку круглые сутки. Когда лосось приходил на нерест, первым делом он идеально очищал подходящее место, а потом начинал метать икру. Сейчас же рыба была уже не в силах очищать речушку и ключи в ней.

Точно также произошло и с Ключевским озером. Похоже исчез Заводской ключ. Когда ещё не было Ключевского ДОКа и самого поселения, сюда, совсем рядом с селением, камчадалы приходили на караулку медведя. Там, где стоит почта в Ключах, были кормовые озёрки, где постоянно пребывали утки. После всё завалили для выкатки леса. Домашней протоки совсем не стало, её затащило лесом и песком. Когда-то в протоке ловили рыбу плавными сетями. Теперь от этого остались одни воспоминания. Раньше очищали речку, чтобы было больше рыбы, а теперь нет.

А где те хвойные и другие леса? Всё это исчезло за нашу короткую жизнь. В старые годы ребятишек лет с четырёх-пяти брали летом на бат, зимой — на нарту. Так делали отцы и деды, чтобы дети с ранних лет привыкали к тому, чем придётся заниматься в дальнейшей жизни, и ничего не боялись.

С отцом я ездил сетки ставить и проверять, зимой — в лес по дрова. Отец рассказывал и показывал, какие бывают следы, где проходят заячьи тропы, где глухари водятся, где зверье и птица день проводят, в общем, обо всём, что в лесу попадалось. Не даром я с ранних лет стал заниматься охотой, а уж про рыбалку и говорит нечего. Так все камчадалы делали со своими ребятишками. Учили, где разводить костёр. А сейчас юнцы в десять лет спокойно поджигают всё на своём пути, зато смотрят телевизоры, пользуются компьютерами.

Когда мы группой ходили в лес, старики-камчадалы всегда напутствовали: «Будьте внимательны с огнём, смотрите, где костёр разводить, не мусорите», что мы, ребятишки, и делали. Эти уроки мы усвоили на всю жизнь.

Вот каким необычным явлением пришлось мне стать свидетелем. Как-то «Сталинцы» — газогенераторные тракторы — провели первую раскорчёвку леса, на месте где сейчас расположен аэродром. В один из октябрьских дней дул сильный западный ветер. Группа ребятишек поздно вечером бегала по улице, а ветер нёс пыль и песок. Мы были в переулке, соединяющем улицы Колхозную и Кирова, здесь стояла сельская школа. Вдруг в небо поднялся огненно-жёлтый шар, его понесло ветром, а мы наблюдали за ним, пока тот не исчез.

Случай, свидетелями которого стали все работники ночной смены ДОКа. Осенью стояла тихая, ясная ночь. Вышли мы с Толиком Ионовым через проходную. Толя пошёл на Икрянку, где жил, а я — в сторону колхоза. Он уже зашёл за пожарную каланчу, а я добрался до пекарни. В это время небо словно расколосось с юга на север, стало светлее, чем днём. Это продолжалось несколько секунд.

А вот что видел на Смородинке на дачном участке во второй половине девяностых. Ранним весенним утром вывел на прогулку своих собачек — Буяшку и Кедрашку. Небо чистое, ясное, всё усыпано звёздами. Стою и вижу, что моя тень ритмично появляется и исчезает. Поднял голову, вижу два летящих и мигающих объекта, такого же цвета, как звёзды. Они перемещались в северном направлении. Что это такое, не знаю, но видел собственными глазами, ничего не сочиняю.

Коротко расскажу о некоторых членах семьи Брагиных.

Мей Васильевич Брагин, 1915 г. р., жена Чуркина. Жил в Козыревске, имел десятерых детей. Работал в рыбопромысловом старшиной катера, зимой охотился. Потом стал начальником заготов сырья, принимал пушнину, но и продолжал охотиться. Позже трудился сторожем, трагически погиб. У отца с дядей Меем во время их встречи в 1963 г. был серьёзный разговор. Речь шла о семейном капитале из золотых монет, которыми Мей воспользовался в одиночку. Этот разговор слышала тётя Шура, вторая жена отца, и передала его мне. А однажды в Ключах, когда ко мне приезжал дядя Николай, брат отца, я ему поведал услышанное. Николай сказал, что теперь понимает, как Мей жил с женой и десятью детьми на одну зарплату. Он видел у него тетрадь, в которой не было записей, а только одни зарисовки: огромный камень, под которым и хранился семейный золотой запас. Мей время от времени ездил в сторону Ключевского вулкана. После его смерти тетрадь исчезла.

Кирияк Васильевич Брагин, 1918 г. р., окончил десять классов. Женился на Кате Боровик, детей у них не было. Перед Отечественной войной призвали его в армию, отправили на курсы младших командиров под Комсомольском-на-Амуре. Началась война. Их перебросили под Москву, город Серпухов. Там принял первый бой, был на Курской дуге, освобождал Белоруссию, брал Варшаву, участвовал в битве за Берлин, фотографировался у Бранденбургских ворот, освобождал Прагу. Позже участвовал в уничтожении «лесных братьев» на Украине. Награждён орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Славы, Отечественной войны, несколькими медалями. После демобилизации приехал в Усть-Камчатск, до 1960 г. трудился районным инспектором связи. За строптивость сняли с работы по решению райкома партии. Он оставил партбилет в райкоме, сказав, что вступил в партию на фронте, в боевых условиях, а не протирал штаны как вы, здесь сидящие. Перебрался в Ключи, работал на сплаве. Имел двух сыновей. Был убит в Петропавловске: всадили ему нож в шею. Когда скончался, дети сказали, что будут хранить его награды, пока живы.

Александра Васильевна Брагина, 1920 г. р., окончила десять классов с отличными оценками. После окончания школы её оставили работать учительницей младших классов в Ключевской школе, ещё до войны. Но не суждено было ей долго жить. Заболела туберкулёзом, вполне возможно, что из-за того, что долго жила в нашей бане. В конце тридцатых поехала на лечение в Крым, по дороге заехала к отцу и скончалась там. Вот такая судьба.

Евдокия Васильевна Брагина, 1927 г. р., окончила десятилетку, курсы бухгалтеров, потом институт, работала финансистом. Муж — полковник госбезопасности, окончил Академию Генерального штаба, был на приёме у Сталина. Был направлен в Комсомольск-на-Амуре начальником местной госбезопасности, там военные заводы. Своих детей у них не было, а был приёмный сын. Он окончил авиационный институт, работал в гражданской авиации.

Лилия Васильевна Брагина, 1929 г. р., окончила десять классов Козыревской школы с золотой медалью. Она с бабушкой, женой деда, переехала в Козыревск к дяде Мею. Поступила в Киевский политехнический институт без экзаменов, получила стипендию. Но кто-то из Козыревска написал, что она — дочь врага народа. Стипендии её лишили, из института исключили. Но она решила, что всё равно будет учиться и институт окончит, что со временем и сделала. Окончила благодаря помощи брата Кирьяка. Потом была ведущим конструктором на Кутаисском автозаводе. Вышла за муж за грузина. Имела двоих детей. Из жизни ушла рано.

С Лидой встретились в июле 1966 г. у отца в отпуске. Мы с ней очень долго обо всём разговаривали. Она была грамотным и интересным человеком, тем более что постоянно ездила по всему Союзу в командировки. Когда я спросил её, почему не приезжает на родину, то в ответ услышал: «Больше не хочу унижений и упрёков». Вот такая была у нас единственная встреча в Камышеватской.

Николай Васильевич Брагин, 1932 г. р., жил в Козыревске, сейчас его нет в живых. В детстве его звали «Суйка» из-за того, что картавил. После окончания школы работал по связи. Остались у него двое детей, Ольга и Игорь. Ольга окончила институт, работает на телевидении. Игорь окончил школу с золотой медалью, потом институт радиоэлектроники, практику проходил на Байконуре, потом работал на «Пятой стройке» по специальности. Имеет двух дочерей. Первая пошла в школу сразу во второй класс. После восьмого класса её пригласили в школу при Академгородке, там и училась дальше. Вторая дочь тоже хорошо училась. Сейчас они уехали в Ленинградскую область...

Горжусь тем, что я — Брагин. Благодарю судьбу за то, что она сводила меня с хорошими людьми. Считаю, что жизнь прожил хоть и тяжёлую, но хорошую. Самое же лучшее моё время — это годы, проведённые в армии. Здесь я впервые почувствовал, что меня считают человеком. Армия мне дала всё: специальность, веру в людей. С пятидесятих годов всё время выписываю военные журналы. А самое страшное, что есть на свете — это зависть...